

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

2 (193)

Апрель — Май — Июнь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937

Редакционный Совет

Акад. *Б. Б. Пиотровский* (председатель), д. филол. н. *В. И. Абаев*,
акад. *В. П. Алексеев*, член-корр. АН Азерб. ССР *И. Г. Алиев*,
д.и.н. *О. Д. Берлев*, акад. *Т. В. Гамкрелидзе*, д.и.н. *И. М. Дзяконов*,
акад. АН Арм. ССР *С. Т. Еремян*, д. филол. н. *Вяч. Вс. Иванов*,
д.и.н. *Ю. К. Колосовская*, д. филол. н. *В. А. Лившиц*,
акад. АН Тадж. ССР *Б. А. Литвинский*, д.и.н. *И. Л. Маяк*,
акад. АН Груз. ССР *Г. А. Меликишвили*,
акад. АН Узб. ССР *Г. А. Пугаченкова*, д.и.н. *Е. М. Штаерман*

Редакционная коллегия

Г. М. Бонгард-Левин (главный редактор),
С. С. Аверинцев, *Ю. В. Андреев*, *Е. В. Антонова*, *Л. С. Баян*,
Ю. Г. Виноградов (ответственный секретарь), *М. Л. Гаспаров*,
Г. Г. Гиоргадзе, *В. А. Головина*, *Е. С. Голубцова* (зам. главного
редактора), *М. А. Дандамаев* (зам. главного редактора),
И. С. Клочков, *Г. А. Кошеленко*, *М. В. Крюков*, *В. И. Кузицин* (зам.
главного редактора), *Л. П. Маринович*, *А. И. Павловская*,
А. В. Подосинов, *Г. Х. Саркисян*, *В. М. Смирин*, *М. К. Трофимова*,
Э. Д. Фролов, *В. И. Уколова*

Заведующая редакцией *И. К. Малькова*

Editorial Board

G. Bongard-Levin (Editor-in-Chief),
Yu. Andreyev, *Ye. Antonova*, *S. Averintsev*, *L. Bayun*, *M. Dandamayev*,
E. Frolov, *M. Gasparov*, *G. Giorgadze*, *V. Golovina*, *Ye. Golubtsova*,
I. Klochkov, *G. Keshelenko*, *M. Kryukov*, *V. Kuzishchin*, *L. Marinovich*,
A. Pavlovskaya, *A. Podosinov*, *G. Sarkisyan*, *V. Smirin*, *M. Trofimova*,
V. Ukolova, *Yu. Vinogradov*

Consultative Council

B. Piotrovsky (Chairman), *V. Abaev*,
V. Alexeev, *I. Aliev*, *O. Berlev*, *I. Diakonoff*, *T. Gamkrelidze*,
Vyach. Vs. Ivanov, *Yu. Kolosovskaya*, *B. Litvinsky*, *V. Livshits*,
I. Mayak, *G. Melikishvili*, *G. Pugachenkova*, *Ye. Shtaerman*, *S. Yeremyan*
Head Editorial Office *I. Malkova*

РАННИЕ СВЯЗИ ГРЕКОВ С ДЕРЖАВОЙ АХЕМЕНИДОВ В СВЕТЕ ДРЕВНЕПЕРСИДСКИХ И АНТИЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Н а протяжении долгих столетий Персидское государство Ахеменидов было могущественнейшим соседом греков на Востоке, и история взаимоотношений обоих народов во многом определяла в те времена ход мировой истории. Далеко простиравшиеся завоевания первых ахеменидских правителей уже очень скоро привели к контактам с греческим миром, которые отнюдь не всегда были мирными. Персидское проникновение по всему фронту — от Египта через Малую Азию вплоть до Черного моря — должно было спровоцировать неизбежные конфликты с обитателями затронутых завоеванием областей. Точки соприкосновения с греками обнаружились в первую очередь в Малой Азии, западное побережье которой — Иония составляло страну древней греческой культуры. Греки, попавшие до того в Переднюю Азию, происходили главным образом из Ионии, которую, очевидно, с древних времен посещали ассирийцы и вавилоняне¹. Потому-то ионийское эллинство, видимо, рассматривало свое восточное соседство скорее как что-то обычное и попервоначально вовсе не проявляло к могущественным восточным соседям ни отчуждения, ни враждебности, которые позднее такотягчили их взаимоотношения². Близкое знакомство ионян с Востоком, основанное на привычке, влекло

* Научный сотрудник Института древней истории и археологии Академии наук ГДР.

¹ То, что эти отношения идут с глубокой древности, можно показать здесь на одном характерном примере: Саргон Аккадский (около 2350 г. до н. э.) предпринимал широкомасштабные завоевательные походы. В одном известном тексте о нем говорится: «Всю страну от Лагаша до моря он разрушил, свое оружие омыл он в море... Саргону, царю этой страны, Энлиль не дал ни одного врага от Верхнего моря до Нижнего моря...». Ср. *Poebel A. Historical Texts // UMBS. IV, 1. Philadelphia, 1914. P. 277; Barton G. A. The Royal Inscriptions of Sumer and Akkad. New Haven, 1929. P. 104 f.* В своих походах он достиг Сирии, Малой Азии и Кипра (*Weidner E. Der Zug Sargons nach Kleinasien // Bogh.-Studien. 6. Lpz, 1922; ср. также: Albright W. F. // JSOR. 1923. 7. P. 1 ff.; Güterbock H. G. Die historische Tradition und ihre literarische Gestaltung bei Babylonern und Hethitern // ZA. 42. NF. 8. S. 86 ff.*). Согласно этой традиции, Саргон стал *šar tam hari* — «царем битвы», центральной фигурой всего круга сказаний об этих дальних походах.

² Показательно, что греческие авторы, происходившие из малоазийского региона и хорошо осведомленные, высказывая свое отношение, стремятся либо к позитивной оценке, либо к оправданному взвешиванию фактов, т. е. стараются проводить различие. Ср. по этой проблеме: *Greco et Barbaros. Entretiens sur l'Antiquité Classique. VIII. Vandoeuvres, Geneve, 1962; Backhaus W. Der Hellenen-Barbaren-Gegensatz und die Hippokratistische Schrift Peri aeron hydaton topon // Historia. 1976. 25.2. S. 170—185; Hegyi D. Der Begriff bárbaros bei Herodotos // Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis de Rolando Eötvös Nominatae. Sectio Classica. T. V—VI. Budapest, 1977—1978. S. 53—59; Funck B. Studie zu der Bezeichnung bárbaros // Untersuchungen ausgewählter altgriechischer Typenbegriffe. Bd 4. B., 1981. S. 26—51.*

щей за собой и доверие, должно быть четко различаемо от того образа Востока, который сложился у материковых и островных греков, гораздо более чуждых переднеазиатскому миру и его обитателям. Это видно хотя бы из того, что Иония постоянно стремилась наладить отношения со своими соседями и сохранить свою относительную независимость с помощью союзов и заверений в лояльности³. В поле зрения материковых греков персы появились, собственно, лишь в тот момент, когда последние начали обращать взоры к Элладе.

Если мы хотим понять последующее развитие истории, то необходимо отдать себе отчет в этом побуждающем моменте ахеменидской внешней политики; персы перенимали наследие многих крупных территориальных древневосточных государств и при этом волей-неволей столкнулись лицом к лицу с массой различных отношений, образов жизни и обязательств. Это означало не только необходимость найти *modus operandi* для подчинения такого множества стран, но прежде всего повлекло за собой неизбежность территориальной экспансии. Мотивы к этому были разнородны: потребности в охране границ, стратегические соображения, необходимость соединения разделенных территорий, продолжение политики предшественников, стремление к укреплению власти и обогащению, не в последнюю очередь — жажда славы и великих деяний, которые служили как упрочению господства, так и удовлетворению личных амбиций влассителей.

История первых Ахеменидов дает прежде всего примеры различной мотивации персидского проникновения по всем направлениям. Если политика Кира II была определена главным образом необходимостью создания Персидского государства, начиная с подчинения мидян в 550 г. до н. э. и покорения единственного серьезного соперника — Вавилонии⁴, вплоть до укрепления границ в Египте и Малой Азии, то его преемник Камбиз продолжил отцовские начинания, однако, в отличие от него, не был вынужден следовать какому-то не зависящему от его воли диктату. Его египетский завоевательный поход, за которым должны были последовать дальнейшие акции в других регионах, был, очевидно, следствием совершенно различных соображений: с одной стороны, направленных на сохранение традиционной прочности державы, с другой явно отвечавших личным намерениям возвеличить собственную славу и собственное положение — как противовес образу выдающегося предшественника⁵. История египетско-переднеазиатских отношений вплоть до эпохи эллинизма демонстрирует в принципе одну тенденцию: стремление Египта утвердиться в Передней Азии и в большинстве случаев решительный отпор подобным попыткам.

³ Это показывает Дж. Л. Хаксли в отношении ранней Ионии и ее связей с Лидией: *Huxley G. B. The Early Ionians*. L., 1966. Ионийское восстание относится уже к другой исторической ситуации: *Boardman J. Kolonien und Handel der Griechen*. München, 1981. S. 119 ff.; автор связывает его с другими большими волнениями 80-х годов в Персидской державе.

⁴ Ср. об этом: *Prašek J. V. Kyros der Grosse // Der Alte Orient*. 1912. 13.3. S. 9 ff.; из последних: *Hinz W. Darius und die Perser. Eine Kulturgeschichte der Achämeniden*. Bd I. Baden-Baden, 1976. S. 80 ff. Для этой проблемы принципиально важны работы: *Prašek J. V. Geschichte der Meder und Perser bis zu makedonischen Eroberung*. Bd I—II. Gotha, 1906—1910; *Burns A. R. Persia and the Greeks: the Defense of the West*, c. 546—478 B. C. L., 1962.

⁵ См. *Ghirshman R. Iran from the Earliest Times to the Islamic Conquest*. Hammonds-worth, 1954. P. 136 ff. О роли Камбиза в Египте см. *Kienitz F. K. Die politische Geschichte Ägyptens vom 7. bis zum 4. Jahrhundert vor der Zeitwende*. B., 1953. S. 55 ff.

Египту изредка удавалось овладеть этим регионом на длительное время⁶. При помощи «контрнаступления» Камбиз поставил заслон такому направлению египетской внешней политики и на длительный период существования Ахеменидской державы ликвидировал этот очаг беспокойства. Камбиз использовал довод «египетской опасности», чтобы обосновать целесообразность египетского похода, казавшегося необходимым прежде всего ему самому. Тем не менее включение Египта в состав Персидской державы было шагом, чреватых многочисленными последствиями; шагом, который, видимо, был понят и Александром Великим, но в мире эллинистических государств этот «исторический урок» был предан забвению.

Мотивы агрессивной внешней политики Дария I были опять-таки иными. В хронике своих деяний — скальной надписи из Бехистуна⁷ — Дарий называет себя господином 23 стран; как это произошло, он наглядно показывает в своем повествовании. Его мотивы были нацелены на то, чтобы заново пересоздать державу, в которой из-за внутренних неурядиц дело дошло до волнений, грозивших распадом. Многократно царь перечисляет страны, которыми он «овладел и обложил данью»; на каждого читателя производит впечатление уже само множество их названий, а если задуматься еще и о том, что эта надпись представляет собой завещание потомкам, своего рода оправдание законности его власти, то целиком и полностью станут ясны побудительные мотивы Дария: наряду с действительной необходимостью заново утвердить власть Ахеменидов в державе Кира для царя дело касалось и собственного прославления, которое его предшественники как будто отодвигали на задний план. Тон его «царственной декларации» приобретает в этой связи особое значение: главари направленных против него мятежей умело противопоставлены здесь «народу», который те подстрекали и совратили. Дарий и его подданные представлены в этом тексте как единство, которому противостоят смутьяны: против народа царь не имеет никакой злобы — ведь были обнаружены единичные виновники, которые и понесли заслуженное наказание. Ту же направленность имеет и настоятельный призыв царя непременно сделать именно это изложение событий доступным «народу». Таким образом, программное содержание этой надписи сознательно различает «народ» и совращавших его вожakov. В той же надписи в качестве подданных Дария появляются и греки. Располагая для сопоставления несколькими свидетельствами из текстов Дария, предоставляющими различного рода информацию, мы имеем счастливую возможность более детально разобраться в интересующем нас вопросе.

В стб. I, § 6 аккадской версии царь упоминает среди подвластных ему стран на девятом месте *mat ja-a-ma-nu* (аккадская форма для Ионии), которую он отличает от Сард (*mat sa-par-du*) и «стран моря» (*ina mar-ra-ti*). Это отчетливое разграничение осознанно подчеркивает имеющиеся принципиальные различия и свидетельствует о применении этнического принципа в территориальном делении державы: Сарды были лидийскими, в то время как под областями, расположенными в *ina marrati* (в позднеавионское время это понятие обозначало Средиземное море), имелся в виду главным образом Кипр. Уже отсюда становится ясным, что в Персидской

⁶ К самым ранним предприятиям такого рода относится экспансионистская политика Тутмоса III (1490—1436 гг. до н. э.), которому удалось расширить свою державу до Евфрата; см. *Breasted J. H. Geschichte Ägyptens*. В., 1911. С. 248 ff.

⁷ Cp. *Weissbach F. H. Die Keilinschriften der Achämeniden* // *Vorderasiatische Bibliothek*. III. Lpz, 1911. С. 9—75; *Дандамаев М. А. Иран при первых Ахеменидах*. М., 1963 (и в новом немецком издании).

державе греки обозначались собирательным термином «ионийцы». Наше предположение подкрепляется другими эпиграфическими свидетельствами Дария: в тексте DPa (из Персеполя)⁸, который дошел до нас лишь в древнеперсидской версии, правитель говорит об «ионийцах материка и моря», в то время как большая надпись на гробнице Дария в Накш-и Рустеме (NRa)⁹, сохранившаяся в трех языковых версиях (древнеперсидской, эламской и аккадской), называет Ионию сперва в традиционном порядке перечисления вместе с Каппадокией и Сардами, а двумя строками ниже сообщает о второй Ионии, обитатели которой «носят на своих головах щиты» (§ 3). Эти различные обозначения помогают заглянуть в строгое членение Персидской державы и позволяют распознать точное соблюдение принципов систематизации, что в свою очередь требует исследования соответствующего материала.

В материковых ионийцах (здесь в нашем распоряжении только древнеперсидский источник) полагали возможным усматривать обозначения греков, населявших Балканский полуостров¹⁰. При таком понимании этот пассаж предполагал бы, однако, слишком далеко простиравшиеся потестарные притязания персов. М. А. Дандамаев объясняет это обстоятельство покорением части Греции Ксерксом во время его похода на Балканы¹¹. Это, однако, обусловило бы очень позднюю датировку персепольских надписей Дария и соответственно поставило бы вопрос о составлении их Ксерксом. И то и другое маловероятно и не дает никакого решения проблемы. Нам еще предстоит вернуться к данному вопросу в другой связи, пока же только заметим, что персы отнюдь не понимали под «материком» европейский материк. Э. Херцфельд с полным основанием указывает на то, что «huska dry» в противоположность «морю», как и в еврейском и арамейском, обозначало с иранской точки зрения малоазиатский материк, а не европейский¹².

Вопрос об «ионийцах моря» породил некоторую дискуссию, но благодаря исследованиям Р. Шмитта спор, кажется, решен в пользу локализации их в Пропонтиде, т. е. в Даскилейской сатрапии¹³. Эти районы испытывали интенсивную колонизацию ионийских и мегарских поселенцев, которые под персидским господством стали «греками моря».

Страна, обозначенная как «вторая» или «другая Иония», чьим характерным, явно бросающимся в глаза признаком служат щитовидные головные уборы, легко находит свое место благодаря столь удачному описанию. В противоположность первой, доверявшей персам Ионии малоазиатского побережья, здесь действительно речь шла о заморских областях Персидской державы; в надписях из Накш-и Рустема и Персеполя Дарий говорит о ионийцах как подданных, которые отличаются своей близостью к морю и соответственно другими внешними признаками. В обоих этих случаях он пользуется для одного и того же предмета различной терминологией. Между тем в хронике из Бехистуна используется только имя страны Ио-

⁸ Weissbach. Op. cit. S. 81—87.

⁹ Ibid. S. 87—97; в том же году в Лейпциге вышло отдельное исследование Вайсбаха: Die Keilinschriften am Grabe des Darius Hystaspis // Abh. Phil.-hist. Kl. König. Säch. Gesellschaft der Wiss. Bd 29.

¹⁰ Ср. Mayrhofer M. Altpersische Späne // Orient. 1964. 33. S. 72—87.

¹¹ Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 192.

¹² Herzfeld E. The Persian Empire // Studies in Geography and Ethnography of the Ancient Near East / Ed. G. Walser. Wiesbaden, 1968. P. 309 ff.

¹³ Schmitt R. Die achaimenidische Satrapie tayaia drayahya // Historia. 1972. S. 522—527 (с лит.).

нии без какого-либо дальнейшего уточнения. Это меняющееся словоупотребление явно отражает различные периоды правления Дария и позволяет предложить некоторые датировки. Упоминание Ионии в тексте Бехистунской надписи может рассматриваться как самое раннее по времени свидетельство. Иония, очутившаяся в руках персов в 544 г. при Кире, по праву перешла в составе державы к Дарию, который в согласии с этим упомянул ее среди своих наследственных владений. Здесь речь шла об известных местностях на юге и западе Малой Азии. Необходимость уточнения границ и соответственно более точного определения понятия «Иония» выявилась лишь в ходе дальнейших завоеваний.

Промежуточным звеном понятийной цепочки представляется свидетельство из Персеполя, судя по которому, не имелось более детальных представлений о предмете изложения, поскольку оно довольствуется, на первый взгляд, суммарным упоминанием обеих Ионий в *одной* формальной связи. Дарий начал строительство своей резиденции — Персеполя в 519 г. до н. э.¹⁴, так что надписи оттуда могут относиться к предпоследнему десятилетию VI в. Интересующая нас надпись единственная в своем роде; она провозглашает всю полноту власти строителя Персеполя, связывая это с пожеланием сохранения этой власти. Перечень покоренных стран совпадает со списком Бехистунской надписи, но за двумя исключениями: названы две Ионии («ионийцы материка» и «ионийцы моря») и отсутствуют народы, живущие «на море».

Для прояснения понятия «Иония» мы должны сопоставить информацию, предоставляемую текстами их Бехистуна и Персеполя. Бехистунской надписи известна только собственно Иония, оно на говорит о какой-то стране в Средиземноморье (*ina marrati*); из персепольского свидетельства известно о существовании материковых и морских ионийцев. Весьма существенно согласующееся словоупотребление обоих текстов в их древнеперсидской версии. Многое в Бехистунской надписи проясняет также общий географический контекст, в который помещены народы *ina marrati*, а именно между Египтом, Сардами и Ионией. Далее следует принять во внимание употребление, видимо осознанное, в персепольской надписи слова «ионийцы», а не «Иония». Составитель текста указывает на то, что он покорил не всю Ионию (т. е. по данному словоупотреблению — всю Элладу), но определенную часть ее, описываемую им подробнее. Наконец, для оценки этих свидетельств следует отметить, что речь идет целиком и полностью об официальной декларации правящего царя, а не о росказах, вышедших из-под пера какого-то охочего до побасенок эллина. С учетом таких предпосылок можно сказать следующее: Дарий обозначил как «ионян материка» всех живущих непосредственно в Малой Азии греков (т. е. также и ионийцев Бехистунской надписи), в то время как под «ионийцами моря» он имел в виду островных греков, включая эллинов Кипра, Имброса и Лемноса («живущих на Средиземном море», по Бехистунской надписи).

Как уже было указано, в Накш-и Рустеме Дарий предпринял дальнейшее уточнение понятия «Иония», назвав третью категорию подвластных и платящих ему дань ионийцев. По этому поводу следует еще раз вернуться к дискуссии относительно материка. Балканская Греция в роли интересующего нас понятия материка исключена, она никогда не находилась под персидским господством. При данном условии приравнивание Эллады к матерiku не имело с персидской точки зрения абсолютно никакого

¹⁴ Herzfeld E. *Iran in the Ancient Near East*. L., 1941. P. 224 ff.

смысла и означало в любом случае элладоцентристское восприятие. В этом и состоит, на наш взгляд, коренная ошибка подобной аргументации — ориентация прежних исследователей на Элладу. Восприятие материка персами ясно и однозначно нашло выражение в Книге Эсфирь, где значит-ся (10.1): «Потом наложил царь Ахасвер подать на землю и на острова морские». Ни в коей мере не должно удивлять, что здесь использована в принципе та же понятийная терминология, что и в исследованных персидских надписях. Речь идет, очевидно, об одном надежном зафиксированном топосе официального происхождения, который просочился в эту книгу, известную уже с конца ахеменидской эпохи или в начале эллинизма.

В пользу предложенной здесь аргументации говорит также то, что для живущих за морем греков в Персидской державе существовало полностью собственное обозначение, давшее в надписях повод для третьего понятия «Иония». Оно сделалось необходимым, когда Дарий приступил к приобретениям новых областей во Фракии и Македонии¹⁵. К их обитателям относится определение: «ионийцы, носящие на головах щиты». Как давно уже установлено, под этими столь причудливо описанными головными уборами имеются в виду *πέτασος* или, возможно, *καρσία* — плоские шлемы с широкими выгнутыми полями, которые носили для защиты от солнца. То, что словом *πέτασος* называли также фессалийскую, соответственно македонскую, шляпу, говорит в пользу отождествления с Фракией и Македонией, а также свидетельствует о достоверности сообщенных Дарием сведений. На этом фоне становится полностью понятной запись в Накш-и Рустеме о наследственном господстве над западномалоазийским эллинизмом как просто над «Ионией»: по сравнению с владениями на севере Эгеиды оно образовывало взаимосвязанное целое, а потому и было так обозначено.

Подводя итог, следует указать на основополагающее значение этнического принципа организации Ахеменидского государства, который обеспечивал благоприятные условия для контактов между персами и греками. Поэтому для персов объединяющим этниконом служило понятие «ионяне», под которым на Переднем Востоке столетиями понималось все греческое, но также и многое малоазийское¹⁶. Решающее значение для этого имела географическая близость Ионии к Персидской державе и ее предшественникам. Особая степень знакомства персов с греками коренится не в последнюю очередь в принадлежности многих малоазийских греческих городов к империи Ахеменидов; по тем же самым причинам греки нередко занимали привилегированное положение в Персидском государстве.

Многokrатно засвидетельствованные традицией перечни областей персидского влияния преимущественно на исходе VI в. проясняют один принцип: не создавая ни одного нового наименования сатрапии и не прибегая ни к каким территориальным перемещениям с целью упрощения задач управления, персы сохраняли при этом прежде всего *доставшиеся им от предшественников* этнические границы и жизненные уклады¹⁷. Списки стран скрупулезно перечисляют коренные топонимы и делают очевидным,

¹⁵ Cp. *Hinz*. Op. cit. Bd I. S. 200 ff., а также: *Unger E.* Die Dariusstele am Teiros // *Archäologischer Anzeiger*. 1915. Sp. 13—18 (с послесловием Вайсбаха). Унгер нашел коколь этой стелы в 1914 г. в турецкой Фракии.

¹⁶ Ветхий Завет постоянно употребляет для Греции географическое понятие *Iawan*, которое имеет широкое значение; см. также: *Nylander C.* Ionians in Pasargadae // *Studies in Old Persian Architecture*. Uppsala, 1970. P. 18. Not. 39.

¹⁷ *Дандамаев, Луконин*. Ук. соч. С. 208 слл.

что обладание этими странами служило исключительно цели сбора подати. Согласно Геродоту (III. 90), Иония была обложена ежегодной данью в 300 талантов серебра. Во всем остальном Ахемениды даже подчеркивали большое число подвластных им народов и их этническую пестроту, что в известной степени служило показателем неограниченности их власти. Показательны в этом отношении изображения на рельефах из Персеполя и Накш-и Рустема, которые вслед за В. Лукиным можно рассматривать целиком как «настоящий этнографический музей с изображением всех характерных особенностей одежды и черт лица различных племен и народов»¹⁸. С полным правом В. Шпайзер замечает, что того, кто был приглашен в Персеполь для аудиенции, захватывали не банальные изображения (битвы, сцены охоты, сакральные церемонии), но гигантское статуарное изображение Дария и картина бесконечной вереницы дароносцев со всех концов империи. Переданное здесь изобразительными средствами содержание имело притом специальной целью показать хорошо организованное владычество над гигантской державой и должно было создать у посетителя соответствующее неизгладимое впечатление: не подлежит сомнению культ неограниченной власти Дария и его непобедимости как полководца. Однако и здесь, кажется, четко высказана одна мысль: о сохранении этнической самостоятельности покоренных при условии «державного мира», служащего интересам Ахеменидов. Прочность их обширного государства не в последнюю очередь зависела от этих двух факторов, которые легли также в основу персо-эллинских взаимоотношений.

А как это воплощалось на практике, можно было бы извлечь из материала источников, однако с самого начала следует предупредить о его ограниченности — это материал скудных источников, по которому зачастую можно представить лишь общие контуры явлений. К наиболее интересным свидетельствам по данному вопросу относятся сведения, которые в состоянии дать нам представление о зависимых и их статусе в державе Ахеменидов. В табличках оборонительной стены Персеполя такие зависимые обозначены *kurtaš*¹⁹. Под этим обозначением в первую очередь следует понимать тех, кто был занят различными работами в дворцовом хозяйстве царя и его сановников²⁰. При подлежащих исполнению работах речь шла прежде всего о ремесленной деятельности, однако и земледельческие повинности не были при этом целиком исключены, как, например, вспашка и скотоводство. За свою работу *kurtaš* вознаграждались натуральным продуктом для пропитания, однако в более поздний период они получали в качестве платы и серебро²¹. Этнический состав этой категории зависимых отражал большое многообразие народов Персидского государства: хозяйственные таблички упоминают вавилонян, каппадокийцев, египтян, ассирийцев, бактрийцев, ионийцев и многих других²². Тем самым социальная группа *kurtaš* характеризовалась сильной этни-

¹⁸ Там же. С. 250.

¹⁹ *Hallock R. T. Persepolis Fortification Tablets*. Chicago, 1969 (далее — PF); *Cameron G. G. Persepolis Treasury Tablets*. Chicago, 1948 (далее — PTT).

²⁰ Дандамаев, Лукин. Ук. соч. С. 168.

²¹ О натуралиях ср. PF. P. 5; *Hinz W. Die elamischen Buchungstafelchen der Darius-Zeit // Orient*. 1970. 39. S. 421—440; *idem. Achämenidische Hofverwaltung // ZA*. 1971. 61. S. 260—311; об оплате серебром: PTT 1, 2, 9; *Hinz. Achämenidische Hofverwaltung*. S. 274 f.

²² Ср., например, тексты PTT 37; NTPT 2, 20, 16; PTT 39, 9, 1, 15, 22, 37, 79. См. об этом: *Goossens G. Artistes et artisans étrangers en Perse sous les Achéménides // La nouvelle Clio*. 1949. 1/2. P. 32—44; *Дьяконов И. М. История Мидии с древнейших времен до конца IV в. до н. э. М.—Л., 1956. С. 326 слл.; PTTON 163—165.*

ческой мобильностью, была по своему составу расплывчатой и непостоянной. Характерно отсутствие среди *kurtaš* персов, при этом крайне редкие исключения лишь подтверждают правило²³. Это обстоятельство с самого начала выявляет привилегированное положение представителей господствующего народа, которые потому не могли быть *kurtaš*, что положение последних в принципе было служебным, подчиненным. Поскольку круг обязанностей, положение и доходы каждого *kurtaš* в зависимости от обстоятельств могли быть в высшей степени различными, следует предполагать, что мы имеем дело со сравнительно гетерогенной социальной группой. Расчеты жалованья *kurtaš* показывают большие колебания, которым было подвержено их вознаграждение; чрезвычайно редко достигал *kurtaš* рекордного жалованья 15 сиклей в месяц, нормальный размер составлял 3,75 сикля и меньше. Счетовод получал, как правило, 5,5 сиклей ежемесячно и принадлежал при этом уже к хорошо оплачиваемым лицам²⁴.

Повинности и сфера деятельности *kurtaš* — так же и в локальном смысле, вместе взятые, позволяют видеть в них полузависимую группу населения, люди, принадлежащие к которой, могли иметь даже статус рабов. Мы знаем прежде всего из античных источников²⁵, что Ахемениды перемещали в Иран военнопленных и восставших и там, по всей вероятности, заставляли их работать как *kurtaš*. Согласно Геродоту (I. 156 и 161), Кир II обратил в рабство часть населения граничащих с Лидией областей, а также жителей Приены, возможно, и Магнесии на Меандре. Дарий I угнал жителей киренской Барки в Бактрию, где он им указал места жительства (Herod. IV. 204). Таким же образом при его правлении попали в Азию захваченные в плен пеоны, которые были поселены во Фригии (Herod. V. 15, 17, 98). Сообщение Геродота (VI.9) времен Ионийского восстания свидетельствует о персидской практике депортации в Азию довольно значительных групп людей с последующей раздачей освобождавшихся земель: «В случае поражения они будут обращены в рабство, их сыновей мы оскопим, дочерей угоним в Бактры, а их землю мы отдадим другим». Это перечисление можно было бы при желании продолжить, однако нашим главным стремлением при этом было лишь выяснение того, из какого неисчерпаемого арсенала персы могли набирать группу *kurtaš*.

Свидетельства о *kurtaš* греческого происхождения могут быть приведены с известной долей вероятности на основании немногих сохранившихся источников. Речь при этом идет о данных из округа Персеполя. Здесь находились каменоломни на подступах к Kuḥ-e Raḥmat — той горной гряде, у подножия которой был построен этот город. На некоторых скалах были обнаружены нацарапанные ионийским шрифтом надписи, сообщающие о том, за кем была закреплена соответствующая скала в качестве каменоломни. Так, мы узнаем имена греков* Пейтарха и Никона, которые подобным образом осуществляли свое право на добычу камня и, вероятно, в качестве ремесленников *kurtaš* были заняты на строительстве

²³ Schmidt E. F. Persepolis. V. 1. Structures, Reliefs, Inscriptions. Chicago, 1953. P. 161 f.; Benveniste E. Notes sur les tablettes élamites de Persépolis // JA. 1958. 246. P. 49—65.

²⁴ Cameron G. G. // JNES. 1958. P. 169.

²⁵ Dandamaev M. Foreign Slaves on the Estates of the Achaemenid Kings and the Nobles // Труды XXV Междунар. конгр. востоковедов. Т. II. М., 1963. С. 147 сл.; Grosso F. Gli Etruschi deportati in Persia // Rivista di filologia e di istruzione classica. 1958. 36. P. 350—375.

Персеполя²⁶. Надписи датируются началом V в. до н. э. Сверх того, опять же в Персеполе известно изображение двух человек, происхождение которых можно без сомнения определить как греческое; речь идет о процарапанных на камне рисунках двух голов²⁷.

Открытая в 1970 г. двуязычная надпись (на эламском и аккадском) информирует нас о строительстве дворца Дария в Сузах. Из нее можно извлечь точные указания о том, кто и каким образом участвовал в определенное время в работах. Сам царь выступает достоверным информатором: стропила из кедра сирийцы доставляли из Ливана в Вавилон, откуда карийцы и ионийцы сплавляли их в Сузы. При строительстве крупных сооружений в качестве каменотесов трудились ионийцы и лидийцы, кирпичи обжигали вавилоняне, а златокузнечными работами были заняты мидийцы и египтяне²⁸. Упоминание в этой надписи греков наводит на мысль видеть в них представителей *kurtaš*, даже если об этом здесь определенно не сказано: названные там работы часто производились этими зависимыми лицами. Сообщение об ионийцах и карийцах, исполнявших работу сплавщиков, кажется, в состоянии это подтвердить: очевидно, речь шла о лицах, живших в Вавилоне или Сузах.

Документы ахеменидской бухгалтерии из оборонительной стены, как и таблички из дворцовой сокровищницы Персеполя²⁹, упоминают в различной связи ионийцев, чей статус прямо и недвусмысленно характеризуется как *kurtaš*. Так, один документ отмечает выдачу зерна 17 ионийцам, другой сообщает о прибытии 201 сирийского, египетского и ионийского *kurtaš*, которые, очевидно, должны были исполнять каменотесные работы. Соответствующие записи сообщают также о контингенте рабочих, куда входили карийские, ликийские и фракийские *kurtaš*, число которых зачастую переваливало за сто³⁰. Из Персеполя такие свидетельства известны в незначительном количестве; они дают представление о буднях греков в роли персидских подданных.

Во времена Дария практика использования греческих и ионийских ремесленников имела уже за плечами длительную традицию: еще Кир II при сооружении своей резиденции в Пасаргадах (545—530 гг. до н. э.) не мог обойтись без строителей из Эфеса. К. Ниландер попытался проследить деятельность этой «эфесской строительной конторы» и прежде всего установил ее несомненное влияние на решение технических проблем. Опытом в строительном деле не обладали жители ни Иранского нагорья, ни Двуречья, ни областей Плодородного Полумесяца, поскольку вся Передняя Азия пользовалась необожженным сырцовым кирпичом. Так как Кир в духе своей политической программы, направленной на долговечность державы, вознамерился построить себе резиденцию из камня, он рассчитывал на помощь ремесленников, особенно каменотесов из Сард и Эфеса. Их влияние проступает несомненно в оформлении колонн в Пасаргадах или же в плане открытых портиков, образцы для которых, по Ниландеру, следует искать в анатолийском дворце и ионийской стое³¹.

Однако ранние Ахемениды пользовались услугами не только несвободных или зависимых ионийцев, но и предоставляли кров при своем дво-

²⁶ *Pugliese-Caratelli G.* Greek Inscriptions of the Middle East // EW. 1966. 16. P. 31—36.

²⁷ *Herzfeld E.* Archaeological History of Iran. L., 1935. P. 73 f.

²⁸ *Hinz.* Darius und die Perser. Bd I. S. 179 ff.; ср. *Ghirshman R.* L'Apadana de Suse // Ir. An. 1963. 3. P. 148—154.

²⁹ PTT (ср. прим. 19).

³⁰ PTT 9, 12, 15, 22, 37 79

³¹ *Nylander.* Op. cit.

ре в своей державе также и грекам, которые добровольно или в силу различных других причин последовали их приглашению. В известной степени это свидетельство следующей категории греко-персидских или персидско-греческих отношений. Промежуточную ступень мы, однако, видим в данных тех источников, которые отражают ранние политические контакты персов с Западной Малой Азией и Элладой. Среди них имеется уникальный документ, который, впрочем, дошел до нас в поздней фиксации императорского времени: письмо Дария I своему наместнику Гадату, чьей резиденцией была Магнесия. Этот документ, в подлинности которого сейчас никто не сомневается, датируется временем около 500 г. до н. э.³² Поскольку копия его содержит несколько подробно рассмотренных уже Диттенбергером ионизмов, которые перестали употребляться в Магнесии в римское время, следует предполагать первоначально ионийскую редакцию этого послания³³. Можно было бы допустить, что существовала и древнеперсидская версия, которая затем для публичного выставления и для большей понятности была переведена на ионийский диалект. Насколько можно заключить по преамбульной формуле, Дарий рассматривал это письмо как рескрипт: царь царей называет Гадата своим рабом, и поскольку тот не был достоин приветствия, он прямо переходит к изъятию своей воли (*ἄρδε λέγει*). Совершенно очевиден контраст, например, с эллинистической царской перепиской, так как там обращение *χαίρει* адресанта получателю служит неперменной составной частью формуляра. По всей вероятности, слова *ἄρδε λέγει* этого письма восходят к восточным образцам³⁴. В аккадских хозяйственных контрактах, которые в целом могут быть охарактеризованы как так называемые контракт-беседы, мы находим в преамбуле одной сделки оборот *iqbi umma* «(некто) сказал, как ниже следует». При этом некое лицо делает своему контрагенту какое-то предложение и формулирует его в форме категоричного уведомления. Эпистолярная форма коммуникации, хотя и носила на древнем Переднем Востоке преимущественно частный характер, пользовалась с давних пор популярностью и у царей, которые с помощью письменных распоряжений управляли своей державой. Очевидно, перед нами пример слияния воедино публично-государственной и частной форм эпистолярной практики. Таким образом, Дарий, используя форму письма для урегулирования дел государственного порядка, мог найти образец для этого хотя бы в написанной по-аккадски частной корреспонденции.

Из исследования вводных формул таких писем следует, однако, что в близких Дарию по времени нововавилонских письмах регулярно употребляются формулы поздравления, приветствия и пожелания благополучия. Такие формулы присутствуют даже там, где письмо помечено как «повеление царя» (*amat šarri*). Во всяком случае, царь Вальтасар (или Навуходоносор II) в своих посланиях по деловым вопросам не преминул пожелать адресату «здоровья и счастья» (*libbakunu lu tabkunušu*)³⁵. Официальные, предназначенные для публичного выставления документы переднеазиатских владык (и эта практика у ассирийцев, вавилонян и персов в принципе тождественна) отличаются совершенно иной стилисти-

³² Lochner-Hüttenbach F. Brief des Königs Darius an den Satrapen Gadatas // Brandenstein W., Mayrhofer M. Handbuch des Altpersischen. Wiesbaden, 1964. S. 91—98.

³³ Nachmanson E. Historische Griechische Inschriften bis auf Alexander den Großen. Bonn, 1913. S. 13 ff. № 10; Syll.³ 22; Guarducci M. Epigrafia greca. V. II. Roma, 1969. P. 105 sq.

³⁴ Rudberg G. // Eranos. 1911. 11. S. 170 ff.

³⁵ Cp. Ebeling E. Neubabylonische Briefe aus Uruk. Ht 1. B., 1930.

кой. Их преамбула начиналась — после упоминания имени — длинным рядом различных эпитетов, которые достигали кульминации в завершающей чеканной фразе апак — «(все это) есмь я»³⁶.

Итак, по всей вероятности, Дарий заимствовал употребленную им эпистолярную форму и у предшественников и из области частной переписки, но вместе с тем приспособил ее для своих целей, снабдив при этом новыми формулами. Некоторые книги Ветхого Завета дают нам сведения о том, что персы, в особенности Ксеркс (библейский Ахасвер), широко пользовались перепиской при управлении своей обширной державой. Так, в Книге Ездры (1.2) в цитате из эдикта Кира о возвращении евреев из вавилонского изгнания в Иерусалим мы находим соответствие обороту *tāde légei*. Исконный образец для этой формулы Дарий сам мог предложить уже в надписи на Бехистунской скале, где каждый из 76 параграфов предваряется фразой: *ma-gi-ia-muš šargu ki-a-am i-qab-bi* — «Это говорит Дарий царь». Эта формула может рассматриваться как персидское нововведение, которое должно было отразить новые правовые отношения³⁷.

Дарий назвал Гадата своим рабом — надпись дает слово *δοῦλῳ*. Здесь царь следует широко распространенной на древнем Востоке традиции, согласно которой подчиненный именовался «холопом» или «рабом» высокопоставленного лица. На этом основании все персидские подданные формально занимали по отношению к великому царю положение рабов, что впоследствии дало грекам повод видеть в персах серую массу деспотически управляемых рабов. В рассматриваемом документе привлекает внимание прежде всего то обстоятельство, что Дарий делает это именно в своем обращении. Следовало бы ожидать, что в этом месте должен стоять официальный титул, поскольку в древневосточной письменности понятие «слуга» или «раб» образует, как правило, часть самонаименования подчиненного или просителя: в общении с высокопоставленным лицом (царь в своих посвящениях богам не составляет здесь исключения) он придерживается этой формулы. Поэтому, конечно, и удивляет обратная последовательность в употреблении этого понятия, хотя и она не беспрецедентна: в уже цитированной Бехистунской надписи Дария I царь постоянно именует своих военачальников, которым было поручено подавление мятежников, своими *amelu gal-la-a*, т. е. «холопами /рабами/ слугами». Как и в случае с *tāde légei*, мы и здесь имеем дело с переводом персидского словоупотребления на греческий. Подобные заимствования или переводы были просто необходимы, поскольку Персия теперь господствовала над Ионией: они относятся к тем критериям, по которым мы должны оценивать значение обоюдных влияний.

Теперь о содержании послания, которое тоже может дать кое-что для интересующей нас здесь темы. Дарий сообщает Гадату, что до него дошли известия о неповиновении его в том, что касается пунктуального выполнения им царских предписаний (*ἐπιταγμάτων οὐ κατὰ πάντα περὶ ἀρχεῖν*). Однако Дарий хвалит его за заботу о возделывании земель царя в Малой Азии (*τὴν ἐμὴν ἐκπορεύς γῆν, τοὺς...χαρποὺς...καταφύτεύων*), а также

³⁶ Genge H. Stelen neuassyrischer Könige. Eine Dokumentation und Philologische Vorarbeit zur Würdigung einer archäologischen Denkmälergattung. Teil 1. Die Keilschriften. Diss. Freiburg in Br., 1965.

³⁷ Попутно следует заметить, что в «Откровении Иоанна» в посланиях семи общинам Малой Азии обращение вводится по ту и там авторитарными словами *tāde légei*; ср. Апокалипсис 2—3. Вероятно, речь здесь шла о *terminus technicus* языка властей этого региона, который, поскольку он появляется в контексте в полностью уместных местах, был, собственно, заимствован для целей посланий.

за его добрые намерения и помыслы и выражает ему в этой связи благодарность, которая ему причитается в царском доме, однако царь должен высказать ему упрек в его небрежении священными царскими указами (ὅτι δὲ τὴν ὑπὲρ θεῶν μου διάθεσιν ἀφανίζεις). Далее по пунктам излагаются провинности Гадата: он обложил податью священников Аполлона, по его повелению они должны были обрабатывать не посвященную богу землю. Дарий обращает внимание Гадата на то, что дело касается бога, которого почитали царские предки, поскольку он им всегда давал верные прорицания. На этом месте надпись обрывается.

С самого начала следует констатировать, что текст этого послания, составленного в известной мере как частное (речь все же шла о вопросах государственной важности) в наиболее существенном очень близок к известным официальным высказываниям царя, записанным по-древнеперсидски, по-эламски и по-аккадски. Формулировка типа: δῶσω σοι μὴ μεταβαλλομένῳ πεῖτραν ἡδικ[ημέ]νου θ[υ]μοῦ, могла бы найти место и в весьма живом повествовании Бехистунской надписи. Точно так же выражение «дом царя» представляет собой перевод персидского термина, который, к примеру, в Бехистуне нашел интересное развитие в § 14 в описании: ša bitu attunu ina ašri-šu — «наш (т. е. царский. — Б. Ф.) дом поставил я на его (т. е. ему подобающее. — Б. Ф.) место». «Дом царя» выступает как важное условие осуществления власти; из него исходят, как показывает надпись Гадата, как награждение, так и в возрастающей степени наказания. Любой ахеменидский подданный, говорящий по-гречески, без всякого сомнения понимал этот термин, хотя ὁ βασιλέως οἶκος находился в далеких Сузах или Персеполе. Введение таких распространенных понятий не смогло остаться без воздействия, оно должно было значительно расширить поле зрения затронутого им населения и ввести для него в расчет величины, которые прежде были чуждыми.

Для нашей постановки вопроса важными представляются два пункта. С одной стороны, интересно указание на существование царской земли, с другой — забота о святилище Аполлона. Гадат, таким образом, как сатрап считался ответственным за обработку этих земель, причем выражение ἐπὶ τὰ ἅνω τῆς Ἀσίας μέρη относится к округу его управления в Малой Азии. Очевидно, под его надзором находились сельскохозяйственные работы на тех наделах, которые не отдавались в лен и числились в основном земельном фонде сатрапии. Предоставление земель предполагало приложение к ним соответствующей рабочей силы; в этом регионе ею могли быть прежде всего ионяне. Это обуславливало появление еще одного уровня, на котором сталкивались и вступали в контакты персы и греки. В этой связи остается для размышлений вопрос: не охватывала ли ахеменидская царская земля в интересующем нас случае ионийские земельные владения вообще? Это означало бы для ионийцев либо принятие арендных отношений, либо, что более вероятно, обработку земли руками местного населения. М. А. Дандамаев предполагает, не говоря *expressis verbis* о Малой Азии, существование арендных отношений, которыми пользовались преимущественно крупные землевладельцы³⁸.

Дарий сурово порицал причинение Гадатом ущерба «священным садовникам Аполлона». Очевидно, за этими словами скрывается официальный запрет обложения податью святилищ Аполлона. В данном случае это касалось храмовых садов, однако трудно допустить, что остальные владения и, соответственно, храм как целое в этом отношении составляли

³⁸ Дандамаев, Луконин. Ук. соч. С. 142.

исключение. Провинность Гадата состояла именно в том, что он вообще осмелился требовать подать от какого-то храмового института. При этом он пошел против закона, который, естественно, касался не одних только *φορτοῦ τοῦ ἱεροῦ Ἀπόλλωνος*, но должен был иметь более широкое значение. Заслуживающим не меньшего упрека казался Дарию и второй проступок: «священные садовники» были принуждены возделывать непосвященную, т. е. не принадлежащую храму землю. Гадат, очевидно, недолго думая, использовал их там, где не хватало рабочей силы и тем самым обошелся с ними так, как будто он имел дело с *kurtaš*. Вероятно, имела место не только эксплуатация рабочей силы, но и задевавшее честь оскорбление, святотатство. Гадат вышел далеко за пределы своих полномочий и вел себя как «всемогущий перс», для которого все подчиненные были «слугами». Его поведение тем интереснее, что оно отражает кое-что из реальных персо-ионийских связей, которые не были свободны от напряженности и нередко были подвержены произволу персидских чиновников.

Письмо Дария I представляет собой, возможно, реакцию на письменную жалобу жрецов Аполлона и проливает тем самым определенный свет на обстоятельства времени и права Ахеменидов в общении с их ионийскими подданными. Прежде всего намечается возможность жалобы, разбора и ответа на нее, что свидетельствует о готовности и стремлении не только урегулировать отношения в гигантской державе в официальной сфере, но и содействовать созданию подобающей гражданской администрации. С другой стороны, мы должны усматривать здесь свидетельство часто упоминаемой персидской терпимости в отношении исконных прав и местных особенностей. Покровительство культу Аполлона не только делало великого царя популярным, оно гарантировало ему известное число политических сторонников среди ионийских греков. Дарий сумел привести самое действенное мифическое обоснование, доступное каждому и выставленное для чтения: Аполлон — это тот бог, предсказания которого нам, персам, принесли счастье. Если на этом фоне задуматься над строгим публичным осуждением царского уполномоченного, то станет понятной тщательно взвешенная смесь ответственности: великий царь восстанавливает справедливость, зло исходит от его слуг, которым зачастую явно не остается иного простора для действий, чем тот, какой был у Гадата в рассматриваемом случае. Манера его поведения отвечает в известной мере и на вопрос о рабочей силе на царской земле: в крайнем случае пришлось бы расплачиваться и привилегированному ионийцу.

О ранних внешнеполитических контактах греков и персов нас информирует Геродот. Персидские источники сообщают сведения прежде всего о подвластных ионийцах, но почти ничего не рассказывают об отношении к независимым грекам. Оба свидетельства Геродота отражают такие внешнеполитические связи и предоставляют тем самым важные данные для еще одного уровня персо-эллинских взаимоотношений. Они по меньшей мере указывают на то, что великая держава Персия сплошь и рядом должна была считаться с политическим фактором наличия на Западе свободных греческих городов.

Геродот (I. 141) описывает ситуацию в Ионии вскоре после покорения Лидийского царства и перед персидским завоеванием ионийских городов, т. е. положение, которое могло сложиться к началу 546 г. до н. э. Согласно писателю, ионийцы едва ли могли рассчитывать на такой исход войны между Персией и Лидией, поскольку сразу же после поражения лидийцев они отправили послов к Киру, чтобы переговорами предотвратить персид-

ский поход против их городов. С целью спасти то, что еще можно было спасти, ионийцы предложили добровольное подчинение на тех же условиях, на которых в свое время их общины сдались Крезу, ибо они казались им еще вполне сносными ³⁹.

Описанная здесь ситуация — при условии, что Геродот ее правильно уловил, — приобретает особое значение для нашей темы, так как она позволяет распознать отношение ионян к персам, граничащее почти что с беспечностью. Только ввиду неудачи лидийцев Иония срочно принялась предпринимать какие-то меры. В Малой Азии, по всей вероятности, не распознали персидскую опасность, по меньшей мере во многом недооценили ее, а потому были захвачены событиями врасплох ⁴⁰. Приписывать это лишь недостаточным знаниям ионян о персах не стоит — это вряд ли приблизит решение проблемы, скорее можно склониться к противоположному мнению. Беспечность ионийцев указывает на то, что они в достаточной мере исключали завоевание ионийских городов Киром II. Настоящие причины этого остаются от нас скрытыми, но, возможно, в Ионии твердо верили в непреодолимость лидийской власти, с которой всегда умели договориться. Не случайно и в данном случае греки ссылались на условия, которые имели силу при Крезе и, очевидно, соответствовали ионийским представлениям ⁴¹. Невозможно также предполагать, что ионийцы ничего не знали о союзе против Персии, в котором участвовали лидийцы. Таким образом, они не могли не считаться с тем, что их будущее зависит от победы одной из этих двух держав.

Отголоски этих обстоятельств сохранились у Полиена и Элиана. Оба автора рассказывают о покорении Крезом Эфеса: лидиец захватил этот город первым среди малоазийских полисов (Herod. I. 26). Согласно Полиену (VI. 50), лидийский царь заключил с эфесцами договор, гарантировавший им свободу (πρὸς τοὺς Ἐφεσίους ἐπὶ ἐλευθερίᾳ συνθήκας ἐποιήσατο). Если принять во внимание в этой связи высказывание Геродота (I. 27): ὥς δὲ ἄρα οἱ ἐν τῇ Ἀσίῃ Ἕλληνας κατεστράφατο ἐς φόρου ἀπαγωγῇ, то представляется возможным сделать по меньшей мере некоторые заключения об условиях, которые запрашивали ионийцы у Кира: греческие города хотя и были данниками, однако в остальном оставались самостоятельными и не ограниченными в своих действиях. К тем побудительным мотивам, которые, например, привязывали эфесцев к лидийцам и делали последних популярными в их городе, относится, конечно, и устранение тиранической власти Пиндара (Aelian. Var. hist. III. 26): τῷ δὲ Πινδάρῳ προστάξει τῆς πόλεως ἀπαλλάττεσθαι. В высшей степени вероятно, что ионийские послы также просили Кира о личной свободе, которая совершенно очевидно соблюдалась Крезом. В Ионии не могли не знать также о практикуемых персами насильственных переселениях и трудовой повинности в отдаленных областях державы, а именно это ущемляло личную свободу отдельного человека.

Углубление разработки данной тематики возможно путем изучения тех контактов между греками и Персидской державой, которые датиру-

³⁹ Ср. Huxley. Op. cit. P. 111.

⁴⁰ Это особо подчеркнуто в книге: Bengtson H. Griechische Geschichte. München ⁴, 1967.

⁴¹ У Геродота (I, 141, 1) Милет засвидетельствован как единственный город, с которым Кир возобновлял имеющиеся договоры и о котором сказано, что «πρὸς μούρους γὰρ τοὺς ὅρκιους Κῆρος ἐποιήσατο ἐπ' οἷσι περ ὁ Λυδός; ср. также Staatsverträge des Altertums. Bd II. Die Verträge der griechisch-römischen Welt von 700—338 v. Chr. München, 1975. S. 13 (с лит.).

ются 547 и 546 годами ⁴². Согласно показаниям трех источников, именно известные нам эллины поддерживали с персами различные связи, которые отражают частные аспекты малоазийских планов Кира. Диодор (IX. 32) рассказывает историю о Еврибате из Эфеса, которая относится, вероятно, к 547 г., т. е. непосредственно ко времени столкновений лидийцев с персами. Он был, очевидно, доверенным лицом лидийского царя, который послал его в Пелопоннес с особой миссией. При этом Крез воспользовался нерядовой политической уловкой, притворившись, будто он отправляет Еврибата в Дельфы (*προσκοιτῶμενος εἰς Δελφοῦς πέμπειν*). Причина таких «тайных махинаций» заключалась в настоящем поручении посланнику: ему было предписано завербовать в Спарте сколько можно больше наемников для набора в лидийское войско (*ὅπως ὡς πλείστοις ξενολογήσῃ τῶν Ἑλλήνων*). Для этой цели Крез щедро снабдил его средствами, а кроме того, окружил его поездку в глазах общественности аурой дельфийского оракула. Об очевидно затруднительном положении лидийца вполне можно судить по описанным обстоятельствам: от Спарты ожидали решительной помощи. Предпринятый Крезом обманный маневр был рассчитан, вероятно, на малоазийское эллинство, чью веру в лидийское могущество следовало поддерживать непоколебленной перед лицом персидского оружия, чтобы предупредить опасные волнения или стремления к отпадению.

Далее у Диодора говорится о том, что Еврибат тем не менее подался к царю персов и раскрыл ему все по порядку (*τὰ κατὰ μέρος ἐδήλωσε*). Речь шла, таким образом, не только о разоблачении эфесцем своей миссии, но еще в большей степени о ее *подоплеке* — о ненадежном положении Креза, которое вынуждало его вербовать наемников и держать в тайне настоящее состояние его дел. Превратившаяся впоследствии в поговорку измена Еврибата (Диодор употребляет слова *πωτηρία* и *μοχθηρία*) восходит поэтому к глубоко доверительным сообщениям из непосредственного окружения Креза, которые были особенно ценны для Кира. Отголосок политической напряженности, возникшей вслед за этим шагом, сохранился между прочим у Демосфена в «Речи о венке» (XVIII. 24): знаменитый оратор расшифровывает в ней понятие *Εὐριβάτου πρᾶγμα*. Под этим Демосфен понимал раздувание среди эллинов военных настроений, в то время как, с другой стороны, тайно искали мира у Филиппа. Хотя речь шла о перенесении ситуации на греко-македонский конфликт IV в., это впечатляющее объяснение оживляет смутные воспоминания о действительно случившемся в 547 г. Еврибат, обладая важными сведениями об угрожающем положении Лидийского царства, идет ко двору великого царя, чтобы как гражданин Эфеса выказать потенциальному победителю по меньшей мере первое изъятие лояльности. Если задуматься в этой связи над поспешным стремлением ионийских греческих городов заявить Киру после персидской победы о своей покорности, то такая интерпретация эпизода с Еврибатом хорошо укладывается в общую картину. Демосфен вспоминает о Еврибате в связи с угрозой греческой свободе: его предательство состояло в том, что он своим поведением открыл персу настежь ворота, вместо того чтобы привести спартанских наемников, которые обеспечили бы свободу греческих городов. Менее вероятным кажется, что Еврибат действовал на свой страх и риск: скорее он стал выразителем тех кругов, которые уже смирились с мыслью о новой гегемонии.

⁴² О них см. *Hofstetter J.* Die Griechen in Persien. Prosopographia der Griechen im Persischen Reich vor Alexander. | B., 1978. № 110, 150, 190.

альной власти Персии и уже вовсе не помышляли о все равно бесполезном сопротивлении, хотя, возможно, публично и пропагандировали еще популярные политические взгляды.

Для нашей темы отсюда следуют важные заключения: и перед падением Лидии должны были иметь место самостоятельные контакты греков с Ахеменидской державой, с другой же стороны, нельзя исключить сознательное обращение части ионийского населения к персам.

В тот же контекст укладывается следующее сообщаемое Геродотом свидетельство (I. 152 sqq.). Здесь он описывает события, происходившие до завоевания Ионии. Хотя Кир еще не занялся покорением ионийских городов, они почувствовали себя вынужденными принять свои меры. В Спарту отправили послов, которые должны были привести с собой помощь (Herod. I. 141). Геродот (I. 152 sqq.) рассказывает об участии, которая была уготована этой миссии. Спарта не была готова к оказанию помощи, и ионийцам пришлось возвратиться домой несолоно хлебавши. Однако там все же снарядили корабль, команде которого было поручено разведать τῶν τε Κύρου πρῆγμάτων καὶ Ἰωνίης. Они пристали к Фокее, чтобы оттуда отправить посольство к Киру в Сарды. Этим поручением был наделен один из почтеннейших (τὸν δοκιμώτατον) мужей — Лакрин. Он должен был передать персидскому царю предостережение, чтобы тот не нападал на ионийские города, которое он облек в следующую речь: γῆς τῆς Ἑλλάδος μηδεμίαν πόλιν σιναμωρέειν, ὥς αὐτῶν οὐ περιφομένων. Вслед за тем Кир якобы попросил греков из своей свиты (τοὺς παρόντας οἱ Ἑλλήνων) дать ему разъяснение насчет Спарты. В этом контексте мы и находим далее известное высказывание перса о том, что он не испытывает страха перед людьми, которые собираются на рыночной площади, чтобы, клянясь, обманывать друг друга.

Некоторые пункты этого свидетельства имеют значение и для нашей темы. В первую очередь это вновь бросающаяся в глаза связь со Спартой. Еврибат получил задание набрать в Спарте наемников, и выбор Креза не случайно пал на эфесца, поскольку он рассчитывал на солидарность спартанцев с городами родственных им греков, над которыми нависла угроза. И вот, согласно нашему источнику, ионийцы тоже выпрашивают у Спарты спасение. Объяснение этому мотивировано, видимо, репутацией Спарты как самой сильной в то время гегемониальной державы Греции, располагавшей боеспособным и боеготовым военным потенциалом. Лакредемоняне и их союзники неоднократно проявляли себя как власть, поддерживающая порядок, которая вмешивалась в судьбы отдельных государств других регионов, так что стремления греков Западной Малой Азии получить от них помощь вполне понятны ⁴³.

Для обоих призывов к Спарте общим является одно: они привели это греческое государство к относительно раннему установлению контактов с Ахеменидским царством, которое едва ли можно датировать временем позже 547 г. Прежде всего рассказ о миссии Лакрина выводит этого влиятельного спартанца непосредственно ко двору великого царя и создает для того и другого возможность первого двустороннего обмена информацией. Заслуживает внимания оборот Геродота: ὥς μὲν ἐμοὶ δοξέει, который свидетельствует о том, что Геродот допускал известный интерес спартанцев в κατασκόπους τῶν... πρῆγμάτων. Автор недвусмысленно вы-

⁴³ Cp. Kahrstedt U. Griechisches Staatsrecht. I: Sparta und seine Symmachie. Göttingen, 1922; Busolt G., Swoboda H. Griechische Staatskunde. Bd II. München, 1926. S. 1320 ff.

ражает свою оценку ситуации: лакедемоняне не имели намерения входить в конфликт с персами, но хотели, во всяком случае, быть в курсе положения вещей и ближе познакомиться с великим восточным соседом ионийских городов. Во взгляде на события Геродот проявил здесь достаточную меткость, поскольку и последующее хорошо укладывается в данную ситуацию.

Лакрин энергично потребовал от Кира воздержаться от любой враждебности по отношению к ионийцам и угрожал ответными мерами. С известной долей вероятности речь здесь шла о широковещательной, в высшей мере пропагандистской акции, за которой в случае войны едва ли могли последовать реальные действия. Поэтому персов лишь позабавил этот маневр, посредством которого спартанцы отдали нормальный долг их обязательству перед ионянами. На его пропагандистскую направленность указывает прежде всего распространение понятия «Эллада» — ἡ ἑλλάς τῆς Ἑλλάδος — и на западномалоазийское эллинство. Этот образ мыслей соответствует греческим представлениям об общности, которая прежде всего представлена людьми: если в Западной Малой Азии живут греки, то есть все права говорить об Элладе. Еще более важна та претензия, которую содержит эта формулировка: Лакрин в принципе обращает внимание на сферу влияния греков и проводит четкую разграничительную линию, которая уже очерчивает будущие возможные очаги конфликтов. До этой степени посольство Лакрина преследовало, вероятно, две цели: с одной стороны, разведка персидских планов и намерений, с другой — заявление определенных претензий на власть и проведение границ.

В действительности Кир, согласно Геродоту (I. 153), не сразу уделил Ионии достаточное внимание, а принялся решать свои проблемы на Востоке. Вероятно, в этом можно усматривать отзыв спартанского посольства.

Если доверять этому сообщению, то у Кира уже имелись в его ближайшем окружении эллины в роли советников по всем греческим вопросам. Это указание дает некоторые сведения о тех намерениях, которыми руководствовались персы в их экспансионистской политике: вероятно, она давно уже была направлена на Запад, и присутствие греков указывает на довольно тщательную подготовку военного похода.

Если даже вслед за Ф. Якоби приписывать этому рассказу анекдотический характер ⁴⁴, в историчности посольства Лакрина едва ли можно сомневаться. Но даже само использование отцом истории подобного слуха могло бы считаться многозначительным: он его услышал и зафиксировал, поскольку считал достаточно типичным, чтобы передавать суть вещей. Его повествование содержит мало такого, что не могло бы произойти. Известная доля сомнения, которую вносит в рассказ оборот ὥς μὲν ἐμοὶ δοχέει является здесь выражением хотя и личного, но тем не менее хорошо обоснованного мнения.

К приблизительно датируемым и укладывающимся также в эту ситуацию случаям привлечения Киrom выдающихся личностей относятся следующие. Николай Дамасский рассказывает о том, что персидский царь призвал к своему двору сивиллу Герофилу из Эфеса. Это сообщение основывается в данном месте на серьезных источниках и заслуживает известного доверия, несмотря на всю приверженность Николая к всевозможным прикрасам. Отрывок из Николая Дамасского (FGrH 90 F 68) представляет собой в действительности пересказ Геродота (I. 86—87), однако не

⁴⁴ *Jacoby F. Herodotos // RE. Supplbd II. 1913. Sp. 425.*

называет здесь имени сивиллы, которое содержится лишь во фр. 67. Там для обоснования решения пригласить Герофилу восхваляется мудрость великого царя (*φιλοσοφίας, εἰ καὶ τις ἄλλος, ἐμπειρος*). Во фр. 68 следует затем с некоторыми прикрасами история: *ὅτι ὁ Κύρος δίκαιε Κροῖσον τὸν Ἀρδῶν βασιλέα διὰ τὴν οἰκείαν ἀρετὴν*. Согласно фр. 68, 8—11, Герофила сыграла большую роль в решении вопроса о том, как следует обойтись с побежденным Крезом.

Эпизод с Герофилой стоит в одном контексте с событиями, связанными с концом Лидийского царства после битвы при Сардах. Согласно фр. 67, Кир пригласил сивиллу ни в коем случае не из-за Креза, а потому что он придавал значение заботе о греческой мудрости. Отсюда указание на образованность Кира и на его верность отеческим законам. Это приглашение несомненно было почетным и должно было способствовать укреплению власти и славы Кира. Поскольку оно едва ли могло быть предложено до битвы при Сардах, то у нас появляется *terminus post quem*, в то время как сотрудничество сивиллы дает *terminus ante quem*. Если для оценки этого приглашения принять во внимание нетерпимость Кира по отношению к ионийским полисам, то как будто бы возникает противоречие. Очевидно, персидская неприязнь обратилась против греческих государств Западной Малой Азии, хотя и за исключением отдельных личностей. Вероятно, Герофила, как уже замечено, была не единственным лицом из греческого лагеря, которое в столь раннее время стало на службу новой власти.

Указание на ее особые способности (*καλούμενην χρησμοῖδόν*) по крайней мере намекает на причину ее использования при персидском дворе. Публично высказывая ей предпочтение, Кир преследовал несколько целей: с одной стороны, он надеялся с ее помощью заручиться мудростью и силой греческих богов, а с другой — он проявлял по отношению к этим богам свое почтение и мог бы тем самым заработать известную популярность. Тем, что он предоставил возможность одной привилегированной личности тамошнего эллинства открыто высказываться, вещать волю греческих богов и тем самым влиять на решения персидского царя, Кир продолжал ту линию по отношению к покоренным народам, красноречивый пример которой составляет известный эдикт Кира после взятия Вавилона. В этой важной декларации Ахеменид предстает как орудие бога Мардука, который при его посредстве повелевает водворить порядок, разрушенный чудовищем Набонидом. При помощи древнего ритуала взятия за руку (*ša it-ta-ma-aḥ qa-tu-us-su* — стк. 12), благодаря которому соответствующему лицу оказывались в Вавилоне царские почести, Кир стал священнейшим лицом в Вавилонии.

Приглашение греческой прорицательницы должно, видимо, расцениваться как проявление той же самой градации в ахеменидском кодексе поведения. Во фр. 68, 8—11 Николая Дамасского речь идет о деятельном вмешательстве Герофилы в персидские дела. Она участвует в решении судьбы Креза. Даже если частностями и описанием хода событий мы обязаны скорее всего фантазии рассказчика, повествование содержит зерно истины. Согласно ему, сивилла высказалась против казни Креза через сожжение. Такой образ поведения прорицательницы хорошо укладывается в ситуацию, когда ионийцы, еще будучи союзниками Лидии, ублаживали себя надеждами на персидское снисхождение (ср. Herod. I. 141). Здесь важно не реальное влияние решения Герофилы (при нашем состоянии источников не поддающемся проверке), но ее сотрудничество как таковое, при котором она, очевидно, представляла распространенную сре-

ди ионян позицию: помилование Креза означало и помилование греческих городов ⁴⁵.

Из Суды известны имена еще двух греков, которые жили во времена Кира и, вероятно, поддерживали с ним контакты ⁴⁶. Под словом «Гиппонакт» значит, что этот эфесский *ἡμιβοῦρας* осел в Клазоменах, после чего он был изгнан (*ἐξελაθεῖς*) тиранами Афинагором и Комантом. Поскольку мы осведомлены о Гиппонакте лучше, чем об обоих тиранах, мы можем прежде всего установить временную привязку. Он пережил правление трех персидских царей — Кира, Камбиза и Дария (Plin. NH. 36.11; Marm. Par. 42; Procl. Chrestom. 31). Так как он первоначально проживал в Эфесе и лишь позже попал в Клазомены, следует предположить, что его изгнание произошло при Кире. Это могло бы служить также датировкой правления тиранов.

Это сообщение позволяет нам взглянуть на образ действий персов по отношению к покоренным греческим городам. Сообразно с ним водворение тиранов, кажется, предпринималось довольно рано Киrom в соответствии с ситуацией и возможностями. Очевидно, он прибегал при этом к услугам своих доверенных лиц, так как наименование «тиран» для подобных персидских коллаборационистов утвердилось не случайно. Точно так же, как измена Еврибата стала у греков поговоркой, и здесь понятие «тиран» получило свое преимущественно уничижительное значение из-за проперсидской позиции соответствующих лиц. А. Доватур и Ю. Кобет разработали вопрос о том, что речь здесь должна идти не о титуле, не о должности, гарантированной конституцией, а о насильственном использовании власти путем узурпации ⁴⁷. Эта картина «незаконного, в конечном счете основанного на насилии правления» ⁴⁸ прежде всего описывает обстоятельство, как они констатировались греками применительно к греческим отношениям. Захват власти был здесь следствием процесса политических конфликтов различных группировок правящего класса.

Покровительство же персов тираническим режимам и, соответственно, санкционирование последних должны по мере возможности быть рассматриваемы в несколько ином свете, чем тирании, возникшие вследствие борьбы за государственное устройство. Можно было бы назвать несколько особенностей этой формы осуществления власти в ионийских городах: ее образование происходило в рамках вышестоящей, всеподчиняющей державы; последняя не могла, следственно, не оказать влияния на ее развитие, результат которого едва ли мог противоречить персидским интересам. Эти предпосылки обуславливали известное управление персами процессом сложения тиранических режимов в Ионии. Выбор личности тирана происходил не без персидского содействия, причем связующую роль мог играть принцип единоличного господства. Этот принцип получал свое развитие благодаря личным связям с персидским царем, которо-

⁴⁵ Вопрос о Герофиле касается также сложной темы о судьбе Креза после персидской победы под Сардами. Если сравнивают с другим противником Кира — Набонидом, то и для Кира склонны предположить почетное обхождение вопреки данным хроник Кира и Набонида и свидетельству Евсевия, которые сообщают о его смерти (*Smith S. Historical Texts. P. 112. Col. II, 15—18*), поскольку Набонид получил «в Восточном Иране подобающее его возрасту место» (*Soden W. von. Kyros und Nabonid, Propaganda und Gegenpropaganda // Arch. Mitt. Iran. Erg. Ht. 1983. 10. S. 67*).

⁴⁶ См. о них: *Berve H. Die Tyrannis bei den Griechen. München, 1967. Bd I. S. 100; Bd II. S. 577.*

⁴⁷ *Доватур А. И. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957. С. 47* слл.; *Cobet J. König, Anführen, Herr, Monarch, Tyrann // Untersuchungen ausgewählter altgriechischer sozialer Typenbegriffe. Bd 3. B., 1982. S. 47 ff.*

⁴⁸ *Berve. Op. cit. Bd I. S. X.*

му эти тираны, как правило, были обязаны. Речь, видимо, шла скорее всего об осуществлении квазимонархической власти, которая удачно соответствовала ахеменидским структурам господства ⁴⁹.

В то время как в правлении Афинагора и Комаса над Эфесом мы имеем пример существования двойной тирании при Кире, историк Агафокл (FGrH 472, 6) в своей истории Кизика сообщает о попытке установления в это время единоличной тирании. Согласно этому, Питарх из Кизика принадлежал к «друзьям» Кира (φιλος ὄντι), т. е. по ахеменидским понятиям занимал в державе очень высокое положение. Очевидно, в знак признания определенных заслуг Питарха персидский царь принес в его пользу дар (ἐχρίσατο) и поставил его над «семью „городами“». Вероятно, воодушевленный возросшими богатствами и властью Питарх принял усилия установить тиранию в своем родном городе. Эта попытка была, однако, сорвана гражданами Кизика благодаря их совместному выступлению против Питарха (ἐξομήσαντες ἐπ' αὐτὸν ἐβοηθήσαν) ⁵⁰.

Этот рассказ содержит важную для нас информацию. Он упоминает принятие грека в высшие слои элиты Ахеменидского царства — в число «друзей» царя ⁵¹. При этом речь шла о группе доверенных лиц владыки, которые не обязательно должны были занимать какую-то должность, но могли привлекаться для выполнения определенных поручений и заданий, для занятия ограниченных сроком и бессрочных магистратур. К «друзьям» причислялись лица, которые тем или иным образом были обязаны царю, как правило, наделались земельными владениями или же, как в данном случае, получали доходы от переданных им во владение городов или местностей. Через подобных «друзей» часто устанавливался затем контакт ахеменидской центральной власти с местными инстанциями, каковую роль, вероятно, предназначали и кизикцу Питарху.

Поскольку Кир одарил его семью «городами», т. е. предоставил ему право распоряжаться доходами от их налогов, Питарх должен был уже заслужить доверие перса. Однако, возможно, поручение ему было сформулировано несколько иначе. Агафокл пишет, что он стал вследствие этого «надменным и совсем потерял рассудок» (ὁ δ' εἰς ὕβριν καὶ ἀνοίαν προσελθών) и замыслил в своем безрассудстве установить тиранию. Предположительно, персидское правительство поощряло, таким образом, начинание Питарха, который, согласно источнику, подступил к городу с войском (στρατιὰν συναγαγών). Не исключено, что в этом фрагменте Агафокла мы можем усматривать следы ахеменидской практики марионеточной игры с тиранами. Провал этого предприятия тоже бросает свет на тогдашние обстоятельства. Хотя персы делали все, чтобы содействовать тираническим режимам, однако они воздерживались от непосредственного вмешательства, т. е. от регулярного насаждения тиранов.

⁴⁹ О ионийских тиранах персидского времени ср. Huxley. Op. cit. P. 144 ff.

⁵⁰ О Питархе см. Ziegler K. // RE. XXIV. 1963. Sp. 1429 f., s. v.; Huxley. Op. cit. P. 121; Berve. Op. cit. Bd I. S. 87; Bd II. S. 570.

⁵¹ Очевидно, под этим должны пониматься лица, обозначенные как «благодетели царя», чьи имена были занесены в особые списки (Дандамаев, Луконин. Ук. соч. С. 148 сл.).

EARLY RELATIONS BETWEEN GREEKS
AND THE EMPIRE OF THE ACHAEMENIANS
IN THE LIGHT OF OLD PERSIAN AND CLASSICAL SOURCES

Bernd Funk

Using all kinds of narrative and epigraphical sources the author traces different levels of contacts between the Empire of the Achaemenians and Greeks in the late archaic period. The author underlines the fact that the Persians left without any change ethnic boundaries and former mode of life of the conquered peoples, in particular — the Ionians. The author investigates the role of dependent workers *kurtaš*; a lot of Greeks were among them. On another level of Greek—Persian relations one can see the Greek courtiers invited to the court of the Great King. The article analyses in detail well-known copy of a message that Darius I sent to Gadates from Magnesia (Syll³ 22). Using the evidence of Herodotus, Diodorus and other classical authors the author of the article analyses political relations between Persia and Greek cities in Asiy Minor; the author specially notes the role of Persians in support of tyrants in Ionia.

«СВОБОДА» И «РАБСТВО» КОЛОНОВ В ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

В научной литературе распространено представление о юридическом сближении колонов с рабами уже в IV в., хотя одни исследователи датируют этот процесс III — началом IV в.¹, а другие относят его ко второй половине IV в.² Если не касаться различия их исходных теоретических посылок, которые уже были рассмотрены³, то в источниковедческом плане тенденция сближать положение колона с рабским во многом основывается на формальном употреблении в императорских конституциях терминов «раб» и «колон» рядом друг с другом⁴. Однако, как показал Д. Айбах, такой подход принципиально неверен⁵. В IV в. колон рассматривался законодательством как свободный (*liber*) и свободнорожденный (*ingenius*)⁶. Понятия *liber* и *ingenius* прежде были связаны с независимым

¹ Schrot G. Die historische Stellung der glebae adscriptio des Kaisers Constantin von Jahre 332 u. Z. // Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst-Moritz-Arndt-Univ. Greifswald. Gesellsch. u. sprachwiss. Reihe. 1965. № 2/3. Ht 14. S. 210—212; Held W. Die soziale Annäherung der Kolonen und Sklaven im römischen Kaiserreich // Ibid. 1969. № 3/4. Ht 18. S. 368; Brockmeyer N. Antike Sklaverei. Darmstadt, 1979. S. 227.

² Saumagne Ch. Du rôle de l' «origo» et du «census» dans la formation du colonat romain // Byzantion. 1937. V. 12. P. 508—509, 536; Segre A. The Byzantine Colonate // Traditio. 1947. V. 5. P. 108; Pallasse M. Orient et Occident à propos du colonat romain au Bas-Empire. Lyon, 1950. P. 8, 17; Kaser M. Das römische Privatrecht. Bd 2. München, 1959. S. 97; Collinet P. Le colonat dans l'empire romain // Recueils de la Société Jean Bodin. Le Servage. Bruxelles, 1959. P. 89; Jones A. H. M. The Roman Colonate // Jones A. H. M. The Roman Economy / Ed. P. A. Brunt. Oxf., 1974. P. 297 f.; Goffart W. Caput and Colonate. Towards a history of Late Roman Taxation // Phoenix. Suppl. V. 11. 1974. P. 72—74; Eibach D. Untersuchungen zum spätantiken Kolonat in der kaiserlichen Gesetzgebung unter besonderer Berücksichtigung der Terminologie. Köln, 1977. S. 49—52, 243 ff.; John K.-P., Köhn J., Weber V. Die Kolonen in der Spätantike // From Late Antiquity to Early Byzantium / Ed. V. Vavřínek. Praha, 1985. S. 97.

³ Kontes A. B. Изменение статуса римских колон в IV—V вв. (По данным императорского законодательства) // ВДИ. 1989. № 4.

⁴ Saumagne. Op. cit. P. 541 f.; Pallasse. Op. cit. P. 72. Not. 85; Levy E. Weströmisches Vulgarrecht. Das Obligationrecht. Weimar, 1956. S. 67; Kaser. Op. cit. S. 292; Held W. Die Vertiefung der allgemeinen Krise im Westen des römischen Reiches. B., 1974. S. 57; John K.-P., Köhn J., Weber V. Die Kolonen in Italien und Westlichen Provinzen des Römischen Reiches. B., 1983. S. 18.

⁵ Eibach. Op. cit. S. 30.

⁶ Cl. XI. 53.1—371 г.; CTh. XIV. 18.1 = Cl. XI. 26.1—382 г.; Cl. XI. 51.1—386 г.; XI. 52.1—393 г.; XI. 50.2—396 г.; ср. CTh. XII. 1.50—362 г. (далее при ссылках на Кодексы год обозначается только цифрой). В CTh. IV. 22.1 = Cl. VIII. 5.1—326 дается как бы своеобразная «табель о рангах», в которой колонны занимают положение ниже родственников и близких землевладельца, но выше его отпущенников и рабов (*propinquus vel parens vel proximus vel amicus vel colonus vel libertus seu servus*). Рабы в контексте данной конституции определяются как *infideles*, тогда как колонны вместе с родственниками, близкими и отпущенниками (т. е. свободными) — *neglegentes*. В Cth.

статусом римского гражданина, которым обладал и колон до утраты им свободы передвижения. Но ее утрата подразумевала некоторое понижение его статуса. Поэтому отмеченные конституции, указывая, что колоны по-прежнему свободны, делают оговорку, что они приписаны к цензу, «должны считаться рабами самой земли, на которой рождены»⁷, «удерживаются господином имения»⁸. В этих конституциях налицо двойственность правового положения колона, бывшая, видимо, следствием того, что законодатели не знали, как, используя имеющиеся у них понятия, определить статус колона⁹. В конституции 396 г. указано: «Колоны, по крайней мере вписанные в ценз, свободны от тех, подати которым не делают их подвластными, однако кажется, что *каким-то подобием рабской службы* они почти отданы тем, кому подчинены ежегодными повинностями и своим положением (курсив наш. — А. К.)»¹⁰.

Традиционное для римлян социальное деление разрабатывалось по линии «свободный — раб»¹¹, тогда как социальная практика поздней античности привела к возникновению явления, отличного от того и от другого, — сословно-юридического деления. Римские же юристы пытались выразить его через традиционные понятия, следствием чего явилось ставшее одиозным в современной историографии выражение «рабы земли»¹². Однако специфика положения колонов не поддавалась полностью определению в этих категориях. Это явно осознавали авторы конституции 396 г., потратившие немало сил, чтобы обосновать «законность» лишения колонов права вчинять иск господину, но так и не сделавшие этого юридически убедительно. Это показывает, что лично-правовой статус колонов был и оставался свободным, а не рабским. Поэтому в CTh. XIV.18.1—382 строго различается статус рабов (*condicio servilis*) и колонов (*quos natalium sola libertas prosequatur*). В заключительной части конституции «Об иллирийских колонах», устанавливая наказания за укрывательство беглых колонов из числа отпущенных на свободу сельских рабов, законодатели сравнивают их с основной массой колонов, к которым обычно апеллировало законодательство. В отличие от колонов-отпущенников обычные колоны свободного лично-правового статуса названы здесь *liberi coloni* (Cl. XI.53.1—371)¹³. Очевидно, в отличие от

V. 17.1—332 обязанности, которые исполняли колоны, названы «соответствующими свободным» (*officia, quae liberis congruunt*), также и в CTh. V. 6.3—409 колонов предписывается использовать на работах, приличествующих свободным (*Opera autem eorum terrarum domini libera utantur...*).

⁷ Cl. XI. 52.1—393: ... licet condicione videantur ingenui, servi tamen terrae ipsius cui nati sunt existimentur.

⁸ Cl. XI. 51.1—386: ita domino fundi teneatur, ut sine poena suscipientis non possit abscedere.

⁹ Соответственно и среди современных исследователей одни делают акцент на *servi terrae* (*Block M. Serf de la glèbe. Histoire d'une expression toute faite // Revue historique. 1921. T. 136. P. 231. Not. 3; Ganshof F. L. Le status personnel du colon au Bas-Empire // L'antiquité classique. 1946. V. 14. P. 263, 274; Held. Die Vertiefung... S. 102*), другие — на *licet condicione videantur ingenui* (*Eibach. Op. cit. S. 55*).

¹⁰ Cl. XI. 50.2—396: Coloni censibus dumtaxat adscripti, sicuti ab his liberi sunt, quibus eos tributa subiectos non faciunt, ita his, quibus annuis functionibus et debito condicionis obnoxii sunt, paene est, ut quadam dediti servitute videantur.

¹¹ См. Non-Slave Labour in the Gracco-Roman World / Ed. P. Garnsey. Cambr., 1980. P. 34.

¹² Мы, правда, не можем точно сказать, к какому времени относится это выражение — к концу IV в. или ко времени Юстиниана.

¹³ Разумеется, эти *liberi coloni* качественно отличались от *coloni liberi* конституций V в. (Cl. XI. 48.19.; XI. 69.1). Ср. Günther R. Coloni liberi und coloni originarii. Einige Bemerkungen zum spätantiken Kolonat // Klio. 1967. Bd 49. S. 268.

отпущенников они — *ingenui* ¹⁴. Не случайно, утверждая в *Cl. XI.52.1—393*, что колонны должны все-таки считаться «рабами самой земли», Феодосий и Валентиниан делают оговорку: «пусть они даже выглядят по статусу свободнорожденными» (*licet condicione videantur ingenui*).

Тем не менее ограничение в конституции 396 г. права колонов вчинять судебный иск землевладельцу имеет явную параллель с тем, что донос раба на господина рассматривался как злоумышление (*CTh. IX.6.2—376; CTh. X.10.17—382; CTh. IX.6.3 = Cl. IX.1.20—397*). Видимо, сближение их с рабами в *CTh. VII.18.8—383* (391?) было не случайным, а явилось первым симптомом скрытого, но неуклонно развивавшегося процесса понижения статуса колонов. Поэтому вводя в 386 г. в Палестине по примеру других провинций прикрепление колонов к имениям и давая господам полное право требовать их возвращения, законодатели с известной долей риторики заявляют: «...чтобы и в Палестине также никто из колонов не кичился своим правом как будто свободнопередвигающийся и свободный» (*ut etiam per Palaestinas nullus omnino colonorum suo iure velut vagus ac liber exsultet*) (*Cl. XI. 51.1—386*). С конца IV в. колонны уже противопоставлялись свободным и не считались свободнорожденными. В *CTh. V.18.1.4—419* люди, не связанные с имением, в отличие от колонов названы *liberi homines ac sui iuris* ¹⁵. В *Nov. Val. 23.3; 4—447* *servi colonique* в отношении к наказанию отделены от *ingenui* и *plebei*. В *Nov. Val. 31 pr.—451* об оригинарии говорится, что, упорствуя в бегстве, он домогается свободы, которой не обладал по рождению (*libertatem, quam nascendo non habuit, fugae sibi adsiduitate defendens*), а в § 5 этой новеллы пришелец (*advena*) противопоставляется потомственным колонам (*salva ingenuitate licentiam non habeant discedendi*). Очевидно, с *ingenuitas* потомственных колонов уже покончено. В *Cl. I.12.5—466* *servus aut colonus vel adscripticius, familiaris sive libertus et huius modi aliqua persona domestica vel condicioni subdita* противопоставлены *ingenui* и *liberae personae* ¹⁶. Вскоре появляется понятие «свободные колонны» (*Cl. XI.48.19* — Анастасий; *Cl. XI.69.1* — Зенон), которое показывает, что без соответствующего определения термин «колон» больше не обозначал свободного ¹⁷. Поэтому для Юстиниана свобода уже «неподобающее» для колонов понятие ¹⁸.

Одновременно с утратой черт «свободы» в юридическом осмыслении статуса колона все более нагнетаются показатели «рабствования». Общеизвестна «рабская» терминология конституций 371, 386, 396 гг. (*Cl. XI.50.2; 52.1; 53.1*). Если *inserviant terris* конституции 371 г. еще остав-

¹⁴ В этой связи становится ясным вопрос об определении колона как *alieni iuris* в *CTh. V. 17.1—332* (ср. *CTh. V. 17.2—386; V. 6.3—409: non proprios colonos = alienis censibus adscriptos*). Колон *alieni iuris* — это не колон, находящийся во власти (*potestas*) какого-либо землевладельца, как раб, а колон, прикрепленный к земле не того землевладельца, у которого он обнаружен, а того, от которого бежал (*CTh. V.17.3—386? colonus alieni possessionis*). Ведь колон потерял право иметь что-либо *sui iuris* и оказался во власти наподобие *potestas* только в *Cl. XI.50.2—396* и *Cl. XI.52.1—393* (*Goffart. Op. cit. P. 72*). С другой стороны, по остроумному замечанию Ш. Сомая, колон всегда чей-либо работник и выражение *colonus sui iuris* — абсурд, так как означает: «тот, кто является держателем своей собственности». Так же как выражение *mancipia alieni iuris* (*CTh. X.12.1—368?*) не означает, что были *mancipia sui iuris* (*Saumagne. Op. cit. P. 508*).

¹⁵ Так же и во фрагменте этой конституции, помещенном в Кодексе Юстиниана (*Cl. XI.48.16—419*), *originaria* противопоставлена *liber*.

¹⁶ *Eibach. Op. cit. S. 152*.

¹⁷ *Johne, Köhn, Weber. Op. cit. S. 23*.

¹⁸ *Cl. IV.21.19—529: coloni... sibi iniquam forte libertatem vindicantes*.

ляет впечатление неформальности из-за возможного понимания «служат земле», то две другие конституции прямо говорят о подобии статуса колона рабскому (*servi tamen terrae ipsius, cui nati sunt; quadam servitute dediti videantur*)¹⁹. Однако следует учитывать, что все эти конституции дошли в Кодексе Юстиниана, и их очевидная «программность» в определении статуса колона делает вероятной их доработку в VI в., даже если указанные мысли уже содержались в этих конституциях и в конце IV в., когда акцент на двойственность статуса колона был большим. В конституциях Кодекса Феодосия «рабская терминология» появляется только в начале V в. В CTh. VIII.2.5 = CI.X.71.3—401 раб и колон как те, «кто обязан рабской службой» (*obnoxius servituti*), противопоставляются *liberi* (а в интерпретации — *ingenui*), их зависимость определяется как *servitia*. В Nov. Val.31.1—451 колон может быть принужден *iure colonario servitutum*. В Nov. Sev.2—465 статус колоннов определяется как *iugum servitutis*²⁰. И закономерно, что в интерпретации Nov. Val. 35—465 колоны осмысляются как *mancipia originaria vel coloniaria*, хотя в параллельном месте самой конституции колоны *mancipia* не названы²¹. Вполне понятно поэтому, почему в интерпретации вестготского компилятора (506 г.) к CTh. V.17.1—332 выражение конституции *in servilem conditionem ferro ligari* переосмыслено как *ipse... in servitium redigatur*²².

¹⁹ Хотя Д. Айбах и полагает, что *servi terrae* — это не более чем описательное выражение связи колонов с землей (Op. cit. S. 57), показательно отсутствие такого выражения в течение сотни лет существования этой связи. Его появление в законодательстве налагало определенный негативный отпечаток, «клеймо» на статус колона. Быть может, в этом контексте можно объяснить и перенос термина «оригинарии» с рабов (CTh. IV.12.3—320) на колонов, также зафиксированный в законодательстве со второй половины IV в. (CTh. X.20.10 = CI. XI.8.7—380).

²⁰ Выражение *iugum servitutis* (в буквальном смысле «иго рабства») обычно использовалось для обозначения рабского статуса — см. CTh. IV.12.6—366; X.10.25—408; Nov. Val. 27.2—449; Nov. Val. 33—451.

²¹ Ср. Корсунский А. Р. Сельское население Поздней Римской империи // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. I. М., 1985. С. 75.

²² Вопрос о содержании второй фразы знаменитой конституции Константина 332 г. (CTh. V.17.1) не прост: *Ipsos etiam colonos, qui fugam meditantur, in servilem conditionem ferro ligari conveniet, ut officia, quae liberis congruunt, merito servilis condemnationis compellantur implere*. В начале VI в. ее интерпретировали как *ipse vero, qui noluit esse quod natus est, in servitium redigatur*. Поэтому и в современной литературе иногда высказывается мнение, что колонов конституция предписывает за бегство обращать в рабство (Robinson O. Slaves and the Criminal Law // ZSS. RA. 1981. Bd 98. S. 251), а сами такие колоны трактуются как адскриптии (Lemerle P. The Agrarian History of Byzantium from the Origin to the Twelfth Century. Galway (Ireland). 1979. P. 47; Brockmeyer. Antike... S. 226). Однако уже давно была замечена разница между интерпретацией и конституцией, в которой колон не обращался в рабство, а лишь отдавался в оковы (Корсунский А. Р. О положении рабов, отпущенников и колонов в западных провинциях Римской империи в IV—V вв. // ВДИ. 1954. № 2. С. 72; Ganshof. Op. cit. P. 275; Goffart. Op. cit. P. 74; Eibach. Op. cit. S. 49). Как показал В. Гоффарт, достаточно сравнить этот текст с конституцией об иллирийских колонах (CI. XI.53.1—371), чтобы вопрос о рабстве колонов для IV в. отпал. Однако остается «рабская» терминология самой конституции. Означает ли она сближение колонов с рабами или, по крайней мере, уподобление отношения к колонам отношению к рабам, как это имело место позднее? Думается, что для такого заключения нет оснований. Говоря о *ferro ligari*, конституция Константина определяет это как *in servilem conditionem... conveniet* потому, что заключение в оковы было одним из наказаний беглых рабов (CI. VI.1.3). Бегство колонов от крепости месту жительства было еще новым явлением, поэтому конституция, устанавливая наказание, апеллирует к знакомым образцам. Быть может, сравнением с *servilis condicio* преследовалась еще и цель пристыдить колонов, унижающихся до присущего до сих пор лишь рабам бегства. Поэтому «рабская» терминология, используемая здесь лишь для сравнения, чтобы оттенить тот факт, что колоны выполняют *officia, quae liberis congruunt*, буквально смакуется авторами конституции. Не удовлетвовавшись сравнением с *servilis condicio*,

Однако обозначение колонов как *mancipia* отнюдь не означало, что они приобрели рабский статус. И в V в. сохранялась двойственность отношения к ним законодательства. Отношения зависимости были не личными и прямыми, а опосредованными связью с земельным участком²³. В известной конституции о скирах специально разъясняется отличие права ценза, в котором находились колоны, от рабства, в которое их запрещалось обращать (CTh. V.6.3—409). В Nov. Val.31.6—451 *nexus colonarius* противопоставляется *condicio servitutis*, так же как в CTh. XIV.18.1 = CI. XI.26.1—382 *condicio servilis* — *colonatu perpetuo*. Поэтому в седьмой новелле Майориана дети от браков беглых декурионов с колонами зачислялись в курии, а родившиеся от рабынь принимались в городские коллегии, «чтобы не бесчестили благородство сословия ничтожностью материнской крови»²⁴. Иными словами, принципиальной разницы между «свободой» декурионов и «свободой» колонов не было, их сыновья в отличие от детей рабынь не позорили *ordo* города. Поэтому, видимо, статус колонов при Юстиниане был осмыслен все же не как *servitus*, а как *deterior fortuna*²⁵.

Очевидно, рабская терминология в отношении колонов V в. не была обозначением их лично-правового статуса, а связана с попытками передать качественно новое для римского права явление — юридическую зависимость²⁶. Колон зависел от господина экономически, его положение фиксировалось правом и было наследственным. Такая утрата экономической независимости в соответствии с римскими правовыми воззрениями влекла за собой и утрату связанной с ней «свободы»²⁷. Римское право стремилось включить колонов в устоявшуюся систему деления лиц (*personae*)²⁸. Но это приводило к смешению статусов колона и раба, приобретению статусом колона рабских черт. Естественно, правовое осмысление зависимости колонов, адекватное условиям IV—VI вв., было затруднено

они еще добавляют *merito servilis condemnationis conpellantur*. То, что все это отнюдь не уподобляет колона рабу, Д. Айбах подтвердил и тем, что привел конституцию CI. VI.1.6—332, изданную на 14 дней раньше. В отличие от беглых колонов в ней предусмотрено беглых рабов подвергать пыткам (*Eibach. Op. cit. S. 50*). За четыре дня до CTh. V.17.1 была издана CTh. IV.8.8—332, в которой неплатежеспособный гражданин приговаривался к рудникам (*in metallum detrudetur*), как и колон в разбираемой нами конституции. Кроме того, еще конституция Гордиана отмечала: *Metalli supplicium tam ad personas liberas, quam etiam ad serviles pertinet condiciones* (CI. IX.47.11; ср. CI. IX.47.6—214; IX.47.17—315).

²³ *Johne, Köhn, Weber. Op. cit. S.19.*

²⁴ Nov. Maior. 7.2—458: *ne materni sanguinis vilitate splendor ordinum polluantur*. Ср. § 5 этой новеллы — оригинарий принимается в коллегию, а раб подвергается рабскому наказанию.

²⁵ См. CI. XI.48.21—530; XI.48.22.1—531; ср. CI. XI.48.23.1—531/4: *deteriore condicione*; CI. XI.48.24—534: *condicionis maculam*. Ср. *Eibach. Op. cit. S. 168f.*

²⁶ Зависимость *nexi*, с которыми техническим употреблением этого термина в императорском законодательстве сближались позднеримские колоны (как, впрочем, и курiales), имела временный характер и не была связана с особым статусным состоянием. См. CI. XI.53.1—371: *inserviant terris non tributario nexu...*; CI. XI.52.1—393: *colonis tributariae sortis nexibus*; CTh. X.20.17—427: *nexum materni adscriptionis*; Nov. Val. 31.6—451: *nexus colonarius*; CI. I.3.36—484: *adscripticiae nexibus conditionis conscripti*.

²⁷ *Штаерман Е. М.* От гражданина к подданному // Культура древнего Рима. Т. I. М., 1985. С. 27 сл.

²⁸ I. *Personae alieno iuri subiectae*: a) in potestate (1 — domini; 2 — parentis), b) in manu (1 — mariti sui; 2 — extranei), c) in mancipio; II. *personae sui iuris*: a) in tutela sunt vel in curatione, b) neutro iure tenentur (Институции Гая, текст и перевод с введением и примечаниями / Изд. Ф. Ф. Дыдынского. Варшава, 1892. С. XXXIV).

отсутствием прецедентов²⁹. Статусы рабов и колонов оказались в равной степени противопоставлены *libertas/ingenuitas*, но рабский статус (*condicio servilis*) противостоял «свободе» и «независимости», а статус колона (*hexus colonarius*) — только «независимости»³⁰.

В литературе доминирует мнение о равенстве статуса адскрипция с *condicio servilis*³¹. Однако Д. Айбах попытался обосновать их различие³². Применительно к колону, отмечает он, *libertas* противостояла его специфическому *condicio*, а не *servitus*³³. В свое время Квинтилиан различал: «Одно дело быть, рабом, другое — находиться в рабстве...»³⁴. Но тогда не было особого класса-сословия «находящихся в рабстве», отличных от собственно рабов. Гражданский коллектив свободных про-

²⁹ Такая «неясность» статуса колона на практике сильно способствовала его снижению. Особенно активно этот процесс воспринимался на уровне обыденного сознания. Например, Либаний говорит, что с теми, «кто трудится на земле для ее владельцев. ... некоторые обращаются наравне с рабами» (*Orat.* 45.5). Формально такое сравнение не только не уравнивает колонов и рабов, но как раз свидетельствует об обратном: автор его явно считает отношение к колонам как к рабам незаконным и морально не оправданным. Но само указание при сравнении именно на рабов все-таки означает, что статус и положение колонов рассматривались в обществе как худшие, близкие к рабским, хотя это и не соответствовало их юридическому статусу. Позднее Сальвиан прямо говорил, что землевладельцы считают людей посторонних или чужих, ставших их колонами, как бы своими собственными (*extraneos et alienos incipiunt habere quasi proprios*), в результате чего «заведомо свободнорожденные превращаются в рабов» (*quos esse constat ingenuos venturum in servos — Salv. De gubern. Dei V. 9.45*). Если с юридической точки зрения формулировку Сальвиана — *venturum in servos* — и следует признать риторической (Липшиц Е. Э. Проблема падения рабовладельческого строя и вопрос о начале феодализма в Византии // ВДИ. 1955. № 4. С. 67), то фактически положение рабов и колонов крупного землевладельца V в., которого имел в виду Сальвиан, видимо, совпадало. Чуть раньше он отмечал, что, став инквиллинами, разорившиеся земледельцы лишаются и собственности на имущество, и утрачивают право свободы (*ius libertatis amittant — Salv. De gubern. Dei V. 8.44*).

³⁰ Быть может, общее в статусе рабов и колонов (в равной степени — *condicio subdita* — *CI. I.12.5—466*) лучше всего выразил термин *obnoxius*, одинаково совмещаемый со свободой и несвободой (см. *CI. XI.48.12—396*). Но он имел слишком общий, социально неопределенный характер и поэтому использовался только при описании ситуаций, в которых социальный статус зависимых лиц был неясен (см., например: *CI. XI.48.8—371*; *CTh. X.20.17—427*).

³¹ См., например: *Collinet P.* La politique de Justinien à l'égard des colons // *Atti V. Congr. intern. di studi bizantini. Roma, 1939. P. 601, 605, 608; Pallasse. Op. cit. P. 64—65; Malafosse J.* Le droit agraire au Bas-Empire et dans l'empire d'Orient // *Rivista di Diritto agrario. 1955. Fasc. 1. P. 51. Not. 48; Dominicus M. de.* I coloni «adscripticii» nella legislazione di Giustiniano // *Studi in onore di Emilio Betti. V. III. Milano, 1962. P. 88—90.*

³² *Eibach. Op. cit. S. 165—177.* Ср.: «Энапографы при всем их бедственном положении считались не рабами, а юридически свободными, хотя и весьма урезанными в правах. Поэтому их нельзя было освобождать, подобно тому, как это делалось с рабами» (Липшиц Е. Э. К истории закрепощения византийского крестьянства в VI в. (Эволюция законодательства о колонате в 505—582 гг.) // *Византийские очерки. М., 1971. С. 106*).

³³ *Eibach. Op. cit. S. 170 f.*

³⁴ «Отсюда возникает вопрос, кем является кабальный? Является ли рабом кабальный должник, которому закон повелевает быть в рабстве, пока он не расплатится? Одна сторона дает такое определение — рабом является тот, кто находится в рабстве согласно с правом (*servus est, qui est iure in servitute*). Другая сторона скажет — раб тот, кто находится в рабстве на том же праве, что и раб (*qui in servitute est eo iure quo servus*). Чтобы решить, кто прав, следует выявить сходство и различие. Раб, получив свободу, становится либертином, кабальный — свободнорожденным. Раб не может получить свободу против воли господина; кабальный, если расплатится, может. Законы не учитывают рабов, но принимают во внимание кабальных. В отличие от рабов кабальные имеют три имени и вписаны в трибу» (*Quintil. De inst. orat. V.10; VII.4; Ps-Quint. Declam. III.17*; перевод цит. по кн.: Шмаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964. С. 60).

тивостоял рабам как юридически цельный. Поэтому очевидно, что об оформлении класса-сословия зависимых клонов можно говорить лишь с начала V в., хотя окончательное его отделение от прочих свободных следует отнести даже ко времени Юстиниана³⁵. Именно Юстинианом впервые был прямо поставлен вопрос о равенстве колона-адскрипция с рабом: *Quae etenim differentia inter servos et adscripticios intellegetur, cum uterque in domini sui positus sit potestate, et possit servum cum peculio manumittere et adscripticium cum terra suo dominio expellere* (CI. XI.48.21—530)? Фраза эта в литературе справедливо рассматривается как один из показателей завершения формирования статуса позднеримского колона³⁶. Лишь Д. Айбах попытался дать ей другое, более нейтральное прочтение³⁷. Однако рассмотрение этого риторического вопроса в контексте всей конституции снимает его трактовку³⁸. Рассматриваемая конституция 530 г. впервые в праве Восточной империи приравнивает брак между адскрипциями и свободными к контубернию между рабами и свободными (*quod hactenus in liberis tantum et servis observabatur*)³⁹.

³⁵ Конечно, это не аргумент в пользу «революционности» законодательства Юстиниана. Оно лишь подвело итог тем процессам, которые на практике имели многовековые корни, но стали очевидны юридически только с начала V в. Нечеткость нашего вывода — начало V в. или время Юстиниана — определяется особенностями сочетания статуса позднеримского колона с понятиями *libertas* и *civitas*. Считается, что *status ingenuitatis* со времени Диоклетиана использовался в смысле вульгарно-правового обозначения принадлежности к гражданскому коллективу (*civitas*) (*Kaser. Op. cit. S. 76. Anm. 7; Levi E. Libertas und civitas // ZSS. RA. Bd 78. S. 170*). В таком случае, судя по конституциям, утрата его колонами датируется концом IV в. Поэтому начиная с первых десятилетий V в. юридическая мысль, апеллируя к статусу колона, исходила только из противопоставления *libertas* — *servitus*. В рамках этого противопоставления она все больше, особенно со второй половины V в., склонялась к последнему, сохраняя, однако, и некоторые черты *libertas*. При кодификации Юстиниана понятия *libertas* и *civitas* были уравнены в значении (CI. VII.6.1—531), однако для зависимого колона VI в. (адскрипция) это означало не возврат некогда утраченных статусных черт, а исключение из сферы *libertas*, т. е. прямое приравнивание к рабам (см. CI. VII.24.1; XI.48.21—530).

³⁶ *Seeck O. Geschichte des Untergangs der antiken Welt. Bd 1. Stuttgart, 1901. S. 424; Saumagne. Op. cit. P. 497, 530, 540, 545; Ganshof. Op. cit. P. 263. Not. 3. P. 265. Not. 6; Pallasse. Op. cit. P. 64; Collinet. Le colonat... P. 104; Dominicus. Op. cit. P. 88—90; Held. Die Vertiefung... S. 120.*

³⁷ *Eibach. Op. cit. S. 167.*

³⁸ CI. XI.48.21—530: «Если кто будет рожден от адскрипции и раба или от адскрипции и рабыни, не следует долго сомневаться в том, какого он будет статуса и чья судьба хуже — адскрипция или раба; предписываем соблюдать то, что было предусмотрено в прежних законах относительно потомства, происходящего от женщин-адскрипций и свободных мужчин, и дети, рожденные от такой связи, будут адскрипциями. Рожденный же от раба и адскрипции или от рабыни и адскрипции, пусть наследует чреву своей матери и статусу родительницы — рабыни или адскрипции; такое до сих пор соблюдалось только в отношении свободных и рабов. Да и какую же разницу можно заметить между рабами и адскрипциями? Ведь и тот, и другой находится во власти своего господина, который может и отпустить на свободу раба с пекулием, и прогнать своей властью адскрипция с землей».

³⁹ Вопрос об эволюции брачных отношений клонов в IV—V вв. рассматривался нами в специальной статье (*Контев А. В. Римское законодательство IV—V вв. о браках рабов и клонов // ВДИ. 1985. № 4. С. 62—83*). Показательно, что сам вопрос о «брачном законодательстве» для клонов возник только со второй половины IV в. Несмотря на прогрессировавшее ухудшение статуса колона в течение V в., вплоть до конца этого века к клонам продолжали применяться брачные нормы, соответствующие свободным. Только со времени Юстиниана те нормы, которые в IV и даже в V в. применялись исключительно к рабам, стали относиться и к адскрипциям. На Западе законодатели не дошли до прямого юридического признания брака клонов тождественным рабскому контубернию. Но в юридической практике применение *Nov. Val. 35.19—452* и *Nov. Sev. 2—465* означало практически то же самое. Адскрипции стали в равной степени с рабами *nequissimi homines*, поэтому юристам Юстиниана пришлось

И как следствие (как бы в свое оправдание, те же интонации, что и в СІ. XI.50.2—396) ставится вопрос о сходстве адскрипция с рабом. Но это сходство не является указанием на их принципиальное тождество. Адскрипций сравним не со всяким рабом, а только с сельским. Тождественными здесь выступают не раб и адскрипций, а два комплекса — раб с пекулием и адскрипций с землей. Различаясь по лично-правовому статусу, раб и адскрипций занимают в составе этих комплексов равное юридическое положение ⁴⁰.

Рассмотрим в этой связи *юридический статус имущества колонов*. Имущественных прав колонов законодательство III—IV вв. касается только в двух отношениях. Подчеркивается, что используемая колонами земля не была их собственностью ⁴¹. Очевидно, пользуясь давностью своего проживания в имении и фактическим невмешательством юрисдикции во внутренние дела имений, регулируемые обычаями (*consuetudines*), колоны расширяли размеры угодий, которыми они пользовались (как в СІ. XI.63.1—319), или даже пытались продавать господскую землю (СTh. V.19.1—365; СІ. VII.38.2—387). С другой стороны, и господа, видимо, часто нарушали традицию, регулировавшую их отношения с колонами ⁴², и пытались незаконно воспользоваться средствами колонов ⁴³, в ответ на что императоры не раз объявляли, что за долги господ колоны не отвечают.

Исходя из этого, трудно объяснить обозначение имущества колонов термином «пекулий», что стало распространенным явлением с начала V в. ⁴⁴ То, что еще во второй половине IV в. имущество колона не рассматривалось как пекулий, а в течение V в. стало считаться таковым, ясно видно, если сравнить конституцию 365 г., сохраненную Кодексом Феодосия, и ее интерпретацию 506 г. СTh.V.19.1—365: «Нет сомнения, что у колонов нет права отчуждать землю, которой они подчинены, так что, если они и имеют что-либо собственное, им не следует передавать это другим лицам без совета и без ведома патронов. Интерпретация. Колоны настолько во всем находятся в зависимости от господ, что без ведома господ ничего не смеют отчуждать ни из земли, ни из своего пекулия». То, что колоны не могли отчуждать землю, которой пользовались, естественно, так как она им не принадлежала. Но что «собственное» они не могли передавать? Интерпретатор конституции решил, что это и земля, и пеку-

отменить такую специфически рабскую норму, как Клавдиев сенатусконсульт (СІ. VII.24.1). Именно при Юстиниане конституция Константина СTh. II.25.1—325, запрещавшая разрывать рабское родство при разделе имений, была переработана применительно к колонам (СІ. III.38.11—325). В СІ. XI.48.24—534 потомство адскрипции следует *maternae conditionis maculam*, тогда как еще в Nov. Major. 7.2—458 сходное выражение *maternae sanguinis vilitate* применяется только к рабам и ни в коем случае к колонам.

⁴⁰ Поэтому, хотя колоны вместе с рабами и стали *nequissimi homines* (СІ. VII.24.1), следует учитывать, что в VI в. *nequissimi homines* не были единой юридической группой, какими в I в. были рабы (*Eibach. Op. cit. S. 174 f.*).

⁴¹ СІ. VII.30.1—226; СTh. V.19.1—365; СІ. VII.38.2—387.

⁴² СІ. IV.65.10—239; IV.65.16—260; XI.50.1—325; XI.48.5—366; СTh. XIII.1.8—370; СІ. XI.48.7—371; СІ. XI.63.3—383.

⁴³ СІ. IV.10.3—286; IV.11; 12; VII.32.5; IV.65.27; ср. СІ. XI.48.5—366; СTh. XIII.1.8—370.

⁴⁴ В Кодексе Феодосия имущество колона начинает трактоваться как пекулий с 414 г.: СTh. XVI.5.54—414; V.18.1—419; V.3.1—434; Nov. Val. 27.4—449; Nov. Val. 35.6—452. *interpretatio* СTh. V.19.1—365; в Кодексе Юстиниана — с конца IV в.: СІ. XI.52.1—393; 50.2—396. Но если принять во внимание большую вероятность переработки этих конституций в VI в., то более уверенно о пекулии колонов можно говорить с 434 г.: СІ. I.3.20—434; I.2.14.1—470; XI.48.19 — Анастасий.

лий, т. е. иное имущество, кроме земли. Но из самого текста это не следует. В конституции, вероятнее, имелась в виду земля, которая была в собственности у колонов (*arva... qua prorgia habeant*), кроме арендованной (*arva, quae subigunt*). Рекомендация колонам не передавать эту землю без совета и ведома патронов нужна не потому, что последние имели на нее какие-то права, а чтобы они удостоверились, что продается не их земля, а находящаяся в собственности колонов. Поэтому колоны в этой конституции — это свободные мелкие крестьяне, арендовавшие дополнительно чужую землю. Такие колоны фигурируют в CTh. XI.1.14 = CI. XI.48.4—366, где говорится, что они связаны с государством (цензом) прямо, а не через землевладельца, как колоны, собственной земли не имевшие. Поэтому в интерпретации трактовка текста конституции 365 г. не только переинтерпретирует его по форме, но и полностью изменяет его смысл. Очевидно, это было следствием изменения содержания статуса зависимого колона. Пекулий — это имущество лица, находящегося во власти (*potestas* или *dominium*). Поэтому использование этого термина по отношению к колонам означало, что они превратились в юридически подвластных лиц (а не просто зависимых). Однако простое понижение статуса ранее свободных в лично-правовом отношении земледельцев, входивших в один гражданский коллектив с землевладельцем, не могло прямо привести их к статусу, юридически равнозначному рабскому. Видимо, «пекулий» колонов вырел как производное целого ряда изменений в фактическом и юридическом положении сельского населения, развивавшихся в течение IV в.

Вероятно, предпосылка для превращения имущества колонов в пекулий была создана прикреплением в начале IV в. к имениям и цензу потомственных колонов и сельских рабов. Колоны до прикрепления рассматривались в праве как свободные арендаторы⁴⁵. А имущество арендаторов считалось залогом, который обеспечивал выполнение колоном своих обязанностей⁴⁶. Это отношение к имуществу как к залогу было особенно характерно для сдачи земли на срок арендаторам, от которых требовались особые гарантии. Прикрепление в начале IV в. потомственных колонов к земле никак не повлияло на трактовку их имущества в праве. В этом не было нужды, так как отношения с землевладельцем у этих колонов, очевидно, бывших постоянными земледельцами в имении, развивались без вмешательства государства. Однако фактически землевладелец приобрел над их имуществом, оставшимся под видом залога в его распоряжении, власть, мало чем отличавшуюся от власти над пекулием раба⁴⁷. Это фактически сложившееся отношение проявило себя во второй половине IV в., когда усилившееся сопротивление земледельцев закрепощению вызвало к жизни всплеск законодательной активности правительства, направленной на урегулирование взаимоотношений землевладельцев и колонов. Стремясь удержать земледельцев в имениях, государство в пылу борьбы занижало их социальный статус. Это отразилось в ряде конституций, например в CI. XI.50.2—396, где говорится: «...и пусть знают (колоны.— *A. K.*), что чьи они сами, того же и все им принадлежащее (*et cuius ipsi sunt, eiusdem omnia sua esse cognoscant*).

⁴⁵ Ср. *Johne, Köhn, Weber. Op. cit.* S. 20, 184.

⁴⁶ См., например: CI. IV.65.5—223: «Вполне соответствует праву, что все то, что колоны с соизволения господ введут на арендованный участок, считается в закладе у господина имения...».

⁴⁷ *Виноградов П. Г.* Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии. СПб., 1880. С. 52.

И если весьма частыми постановлениями никому из колонов не разрешается без ведома господина имения ни продавать, ни каким-либо другим образом отчуждать ничего из своего пекулия, каким же образом можно на равных правах предъявлять иск тому, кому законы отказали в праве иметь собственность (*propria... sui iuris habere*), позволив лишь приобретать, но отнюдь не передавать, тогда как господину разрешили и приобретать, и иметь?». Несмотря на явное обозначение имущества колона как пекулия и разграничение на этой основе колона и землевладельца как лиц социально несопоставимых, текст конституции производит впечатление не вполне корректной, юридически тенденциозной конструкции. Дело в том, что постановления, запрещавшие колону без ведома господина что-либо отчуждать, на которые ссылаются авторы этой конституции, касаются лишь земли, но не другого имущества ⁴⁸. Да и из определения пекулия следует, что это не предметы первой необходимости и обихода, а то, что приносит доход (*Dig. 15.1.40*). Применительно к колонам это прежде всего земля. Она же и не была собственностью колона, поэтому законы и не могут разрешить ему ее продажу. Поэтому авторы конституции лукавят, аргументируя этим свое утверждение. Обозначение же земли как пекулия колона стало вполне обоснованным с начала IV в. С этого времени отношения господина с колоном уже не могли рассматриваться как арендные и соответственно земля — как арендуемая колоном ⁴⁹. Одновременно с прикреплением колонов к земле в начале IV в. устанавливается и связь сельских рабов с обрабатываемым имением, так что и их с этого времени запрещают отделять от земли. Поэтому отношение колона к земле с начала IV в. фактически становится тождественным отношению сельского раба к земле. Для раба же земля была пекулием ⁵⁰.

Таким образом, становится понятным установление в сознании эпохи связи между термином «пекулий» и имуществом колона ⁵¹. После прикрепления к имениям колонов и рабов и установления фактически одинакового статуса обрабатывавшейся ими земли оставалось лишь перекинуть

⁴⁸ *CI. VII.30.1—226; VII.32.5 — Диоклетиан; CTh. IV.22.1 = CI. VIII.5.1—326; CTh. V.19.1—365; CI. VII.38.2—387; ср.: CTh. II.30.2 = CI. VIII.15.8—422; CI. XI.48.17—422.*

⁴⁹ Следует учитывать запаздывание юридического оформления фактически уже сложившихся отношений. Поэтому, как отмечает Д. Айбах, юридическая практика исходила из того, что отношения землевладельца и колона продолжали оставаться арендными даже в 422 г. (*Op. cit. S. 29*), хотя фактически их содержание уже давно было иным. В праве рассматриваемой эпохи шел непростой процесс переноса акцента с юридических норм прежнего времени на складывающиеся на практике качественно новые отношения. Этот процесс, по нашему мнению, и составлял суть пресловутой «вульгаризации» римского права. Ср. *Mayer-Maly Th. Locatio-conductio. Eine Untersuchung zum klassischen römischen Recht // Wiener rechtsgeschichtliche Arbeiten. Bd 4. Wien—München, 1956. S. 93 ff.; Kaser. Op. cit. Bd 2. S. 99, 293.*

⁵⁰ Если раньше само собой разумеющимся было подчеркивать, что колоны не являются собственниками, а через них владеет господин, так как собственник земли он (*Dig. 10.3.7.11; 19.1.13.20; 19.2.25.1; 19.2.33; 19.2.35; 19.2.60.1; 39.2.9.5; 41.2.25.1; 41.2.30.5; 41.2.37; 41.2.40.1; 41.2.44.2; 41.3.45; 41.3.31.3; 43.16.1.22; 43.19.3.4; 43.26.6.2; CI. VII.30.1—226*), то в конституции 396 г. (*CI. XI.50.2*) это же по сути утверждение приобрело иной смысл: колон да же не собственник того, чем он владеет, собственником мог быть только господин.

⁵¹ Следует отметить, что в законодательстве земля никогда не называется пекулием колона, и уж тем более со времени Константина, хотя об этом неоднократно писалось в литературе. Многие обычно приводимые исследователями конституции или не относятся к земле, или связь упоминаемого ими пекулия с колонами проблематична. См.: *Clausing R. The Roman Colonate, the Theories of Its Origin // Studies in History, Economic and Public Law. Columbia Univ. V. 117. № 1(260). N. Y., 1925. P. 20; Schrot. Op. cit. S. 210; Günther. Op. cit. S. 267; Held. Die Vertiefung... S. 100. Brockmeyer. Antike Sklaverei. S. 216.*

мостик этого обозначения на прочее имущество колона. Принижение в законодательстве с конца IV в. статуса колона и утрата юридического равенства между ним и господином создавали фактическую основу для перенесения обозначения «пекулий» на все имущество колона⁵². Это было сделано в конституции 396 г. (CI. XI.50.2). Но то, что авторы этой конституции пользовались лишь аргументами, относящимися как к пекулию только к земле, показывает, что юридически их трактовка имущества колона была недостаточно корректна. Это заставляет искать некое промежуточное звено, совмещающее в себе положение колона и черты юридического статуса раба, применительно к которому трактовка имущества как пекулия была бы бесспорна. Юридически свободными лицами, имущество которых тем не менее рассматривалось *iure peculii*, были в римском праве *Latini Iuniani*⁵³. Поэтому предположение, что сельские отпущенники становились в основном латинами-юнианами, особенно актуально для IV в.⁵⁴ Прикрепление сельских рабов к обрабатываемой земле, вероятно, должно было создать стимул для их отпуска на свободу в более широких масштабах, чем до начала IV в.⁵⁵ Будучи связаны с землей, даже получая свободу, они продолжали оставаться земледельцами — теперь уже колонами. Для государства сельские отпущенники ничем не отличались от обычных колонов (CI. VI.4.2—367; VII.38.1—367; XI.53.1—371). Такие колоны из бывших рабов были подчинены землевладельцу еще и как клиенты патрону, т. е. личная зависимость их от него была более прочной, чем у обычных колонов⁵⁶. О таких отпущенниках, латинах-юнианах, говорили, что «они живут подобно свободным, но умирают как рабы» (*vivunt quasi ingenui, moriuntur ut servi*)⁵⁷, поскольку наследником их имущества был господин. Поэтому именно к ним может относиться аргументация конституции 396 г.: «...кому законы отказали в праве иметь собственность, позволив лишь приобретать, но отнюдь не переда-

⁵² На практике, конечно статус зависимого колона определялся положением различных категорий сельского населения. Лишь частью его формировали долгосрочные арендаторы и те провинциальные земледельцы, которые изначально проживали на несобственной земле, или те, которые лишились собственности на землю, но не пользования ею в результате римского завоевания, т. е. были *originales* или *indigenes*, но по нормам римского права также рассматривались как арендаторы. С конца II в. особенно вырос приток варварских переселенцев, первоначально имевших гражданский статус *peregrini*. С IV в., особенно со второй его половины, давление государственных податей и варварских набегов все больше заставляло сельское население покидать насиженные поколениями предков места. Такие переселенцы (*advenaе*), спасшись от грозившей опасности, на новом месте попадали уже в иные условия. С позиций классического права они были *inquilini*, но в праве Поздней империи приравнивались к местным (*originales*) колонам (CI. XI.48.13—400), а на практике полностью зависели от воли дававшего им приют землевладельца (CI. XI.48.8—371). Права последнего на имущество всех отмеченных категорий земледельцев не только фактически, но и юридически были вполне реальны, и их следовало как-то выразить, исходя из существовавших норм.

⁵³ Gaius Instit. III.56: ... bona eorum proinde ad manumissores pertinerent...; itaque iure quodam modo peculii bona Latinorum ad manumissores ea lege pertinent; ibid. 58: Latinorum autem bona tamquam peculia servorum etiam ad extraneos heredes pertinent. Cp. Steinwenter A. Latini Iuniani // RE. Hlbd 23. 1924. S. 910—924.

⁵⁴ Cp. Serrigny D. Droit public et administratif romain. V. 2. P., 1862. P. 386—426; Guarino A. Spartaco. Analisi di un mito. Napoli, 1979. P. 110—115; Gilierti G. Servus quasi colonus. Forme non tradizionali di organizzazione del lavoro nella società Romana. Napoli, 1981. P. 20—21.

⁵⁵ Cp. Held. Die Vertiefung... S. 59—60.

⁵⁶ А их «свобода такова, что... в одном и том же лице одновременно соперничают и свобода и рабство» (*talem esse libertatem, ex qua... in eandem personam simul et libertas et servitus concurrunt* — CI. VII.6.1 pr. — 531).

⁵⁷ Ulpian. De iure fisci. 13a; cp.: Iust. Instit. III.7.4.

вать» (...quem nec propria quidem leges sui iuris habere voluerunt, et acquirendi tantum, non etiam transferendi potestate permissa). Хотя в конституции эта аргументация относится ко всем колонам в целом, выбор в качестве ориентира статуса именно зависимых лично колонов-отпущенников указывает не только на понижение статуса колонов в целом, но и является косвенным аргументом в пользу распространения с IV в. отпущка на свободу сельских рабов и повышения удельного веса таких отпущенников в среде колонов. Последнее и могло сделать естественным перенесение обозначения «пекулий» на имущество всех зависимых колонов в целом.

Превращение имущества колона в пекулий означало, что колон не мог завещать, дарить, продать его за пределы имения⁵⁸. Но стал ли пекулий колона равнозначен рабскому? В конституции Гонория и Феодосия проконсулу Африки Юлиану предписывалось подвергать колонов, упорствовавших в приверженности донатизму, штрафу в размере трети пекулия. Причем выражением *sui parte* подчеркивалось, что ущерб наносится не господину, а самим колонам (CTh. XVI.5.54.8—414). Вполне возможно, что первоначально использование термина «пекулий» было более показателем отношения к колону, его низкого социального веса, чем реальным проявлением власти землевладельца над имуществом колона. В конституции 422 г. отрицается право кредитора привлекать землевладельца за долги раба, колона, кондуктора, прокуратора или актора имения (CTh. II.31.1; 32.1 = CI. VI.26.13—422). В конце конституции кредитору разрешается привлечь по иску *de rescilio* актора, раба, прокуратора имения, если последние будут свободны от платежей господину. Разрешение не касается колона и кондуктора, т. е. они распоряжались имуществом по своему усмотрению, иск *de rescilio* к их «пекулию» не относился. В Кодексе Феодосия издатели выделили последнюю часть конституции в специальный титул «*De rescilio*», но ни они, ни авторы интерпретации не распространили этот иск на колонов.

По-видимому, вряд ли следует сравнивать пекулий колона и пекулий классического раба. Следует учитывать, что в поздней античности в связи с разделением «свободы» и «независимости» изменилось и само право собственности господина на пекулий по сравнению с правом рабовладельца классической эпохи. В некоторых случаях, как, например, в случае с пекулием зависимых земледельцев, оно приобрело двойственный характер: землевладелец, номинально считаясь его собственником, не мог тем не менее распоряжаться им в полной мере по своему усмотрению, не мог, например, отобрать пекулий⁵⁹. И колон, и сельский раб без пекулия не могли вести хозяйство, а отделить их от земли было нельзя. Пекулий превратился в составную часть комплекса «земля — работник», в пределах которого им распоряжался колон. Юридическим же собственником был землевладелец как собственник всего комплекса. Так оформилась особая сословная собственность зависимых колонов⁶⁰. Однако, считаясь

⁵⁸ CTh.V.3.1 = CI.I.3.20—434; interpretatio CTh. V.19.1—365. Поэтому при возвращении колонов начинает предписываться и возвращение их пекулия: CTh.V.18.1—419; Nov. Val. 27.4—449; Nov. Val. 35.6—452; CI.I.12.6.5—466; XI.48.23.2—531/4. Ср. CI.I.2.14—470.

⁵⁹ Ср. Clausen. Op. cit. P. 20; Pallasse. Op. cit. P. 86.

⁶⁰ Ср. Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого способа производства // Проблемы античной истории и культуры: Доклады XIV Межд. конф. античников социалистических стран («Эйрене»). Т. I. Ереван, 1979. С. 344. Мы говорим здесь только о тех колонах, которые с начала IV в. обозначались как *coloni originales*, со второй половины IV в. — как колоны-оригинарии и инквилиты, а со второй половины V в. —

пекулием, имущество закрепощенного колона в правовых ситуациях как пекулий никогда не трактовалось. В Дигестах Юстиниана (кн. 15) определение «пекулий» на имущество колонов не распространялось. Исихор Севильский также связывал пекулий только с рабами и несовершеннолетними⁶¹. Это подтверждает наше соображение о специфике пекулия закрепощенных колонов. Пекулием их имущество стало обозначаться, чтобы показать его подчиненность господину и отличие от имущества (bona) прочих категорий свободных, в том числе и «свободных колонов». Иными словами, перед нами еще одна попытка осмыслить в категориях «рабской» терминологии качественно новое в римском праве явление юридической зависимости⁶². Превращение имущества колона в пекулий привело к повышению возможностей его эксплуатации, так как теперь землевладелец в принципе мог отчуждать у него и часть необходимого продукта. Прежде, до начала V в., это было ограничено обычаями имений (consuetudines praediorum), на страже которых стояло государство. С конца IV в. ссылки на такие обычаи исчезают из законодательства. Так была создана важная правовая предпосылка переориентации сельского хозяйства с рабского труда на рабочую силу зависимых колонов.

Подведем итог. Развитие законодательства о колонах позволяет выделить на протяжении IV—V вв. два периода эволюции зависимого колоната, рубеж между которыми приходится на конец IV — первые десятилетия V в. Прикрепление в начале IV в. coloni originales к их origo в имениях лишило их только одного права римского гражданина — права покинуть место жительства. Однако наличие в законодательстве конституций, время от времени повторявших запрет продавать колонов без земли, переводить их на другие работы, показывает, что их прикрепление к имению стало рассматриваться землевладельцами как передача в их распо-

как адскрипции = знапографы. Собственность земледельцев, становившихся с начала V в. колонами в результате 30-летнего срока давности проживания в имении и обозначавшихся со времен Зенона-Анастасия как «свободные колоны» (в противовес адскрипциям), не имела статуса пекулия (C.I.XI.48.19). Также не называется пекулием и собственность колонов императорских имений. По всей видимости, императору, занимавшему исключительное положение среди других землевладельцев империи, не было необходимо использовать подобный инструмент для подчинения своих колонов. Императорские земли иногда даже продавались колонам, что, видимо, могло превращать их в мелких собственников (C.Th.V.16.34 = C.I.XI.68.6—425). Но этим лишь менялся способ их эксплуатации со стороны их господина.

⁶¹ *Isid. Hisp. Etym.* V.25.4—5: Bona sunt honestorum seu nobilium, quae proinde bona dicuntur, ut non habeant turpem usum, sed ea homines ad res bonas utantur. Peculium proprie minorum est personarum sive servorum. Nam peculium est quod pater vel dominus filium suum vel servum pro suo tractare patitur. В одной из ранних работ Е. М. Штаерман отметила, что у Исидора понятие «собственность» связывается с людьми высших сословий, а пекулий — с рабами и маленькими людьми: «Таков был конечный итог развития собственности в рабовладельческом обществе — она стала достоянием только высшего сословия, тогда как все остальные владели только пекулием, подобно рабам» (К вопросу о крестьянстве в западных провинциях Римской империи // ВДИ. 1952. № 2. С. 119.) Такой вывод сделан Е. М. Штаерман вследствие прочтения выражения «personae minores» (несовершеннолетние) как «маленькие люди», поскольку текст Исидора о пекулии, рассматриваемый сквозь призму его рассуждения о bona, наталкивает именно на такое прочтение (ср. также *Неусыгин А. И.* Проблемы европейского феодализма. М., 1974. С. 181).

⁶² Небезынтересно соображение В. Зейфарта, считающего, что слово «пекулий» в литературном и народном языке имело значение, отличное от юридического, так же как понятие «раб» в широком смысле не всегда соответствовало точному юридическому значению. Например, колоны Бурунитанского сальтуса называли себя *vernulae* императора, хотя среди них были и римские граждане — CIL.VIII.10570.III.28 (*Seyfarth W.* Soziale Fragen der spätrömischen Kaiserzeit im Spiegel des Theodosianus. В., 1963. S. 131 f. Anm. 6).

ряжение. Возможно, в какой-то мере это было обусловлено их одинаковым положением с колонами из получивших свободу рабов, связанных с землевладельцем как с патроном личными узами. С другой стороны, неясно юридическое восприятие варваров, со времен Марка Аврелия часто расселявшихся на римских землях, в том числе и в качестве земледельцев⁶³. Конституция о скирах (C.Th. V.6.3—409) показывает, что землевладельцы рассматривали их как переданных в полное распоряжение, подобно рабам, в то время как государство видело в них свободных. На практике же столкновение подобных прямо противоположных воззрений неизбежно вело к компромиссу, а значит, признанию некоей полусвободы. Именно потому, что существовала разница между теорией и практикой, хотя формально законодательство только закрепило договор *locatio-conductio* на вечные времена, это оказалось не простым его продолжением на прежних основаниях, а видоизменением в пользу землевладельцев⁶⁴. Гражданские и сословные права колонов уменьшились, а землевладелец приобрел власть, которая не вытекала из простого договора аренды. Это выразилось и в появлении в IV в. рядом с понятием «колоны» понятия «колонат», ранее отсутствовавшего⁶⁵. Этот эволюционный процесс постепенного ухудшения статуса колона, происходивший в IV в., был ускорен прикреплением значительных масс земледельцев во второй половине IV в. Для значительной их части такая политика государства представлялась благодеянием, которое гарантировало их существование, связывая их со средствами производства. Однако прикрепление неизбежно должно было сопровождаться и понижением престижа социального статуса колона.

Но качественные изменения в праве колоната стали возможны только после введения срока давности, ставшего с 419 г. общегосударственной нормой, заменившей многочисленные юридические акты частного характера, прикреплявшие колонов и запрещавшие им покидать имения. Установление 30-летнего срока давности проживания колона в имении (*longi temporis praescriptio*) стало определенной вехой, знаменующей осмысление изменений, происшедших в статусе колонов⁶⁶. Эти изменения привели статус колонов к состоянию, сходному со статусом адскрипции, который появился в законодательстве непосредственно сразу же после отмеченного перелома в статусе колонов⁶⁷. Это позволяет предположить, что связь появления в законодательстве терминов «адскрипций» = «энапограф» с изменившимся статусом колонов не случайна. Быть может, понятие «адскрипций» было юридическим осмыслением этих накопившихся изменений в статусе зависимого колона, приведших его в качественно новое состояние, закрепленное этим термином⁶⁸. В таком слу-

⁶³ *Levi. Libertas und civitas. S. 168.*

⁶⁴ *Виноградов. Ук. соч. С. 41.*

⁶⁵ *John, Köhn, Weber. Op. cit. S. 26—27.*

⁶⁶ Очевидно, качественные перемены в юридическом статусе колонов относятся к 400—419 гг., но не раньше. Это вполне согласуется с датировками конституций из Кодекса Феодосия. Тогда данные конституций из Кодекса Юстиниана, относящихся эти перемены к концу IV в., следует считать переработкой VI в.

⁶⁷ Термин «адскрипций» = «энапограф» впервые появляется в законодательстве в *CI.I.12.6.5—466; 3.36—484; XI.69.1—Зенон, XI.48.19—Анастасий; XII.19.12—Анастасий; II.4.43—500*. Более раннее его употребление (*CI.VIII.51.1—224; III.38.11—325; XI.48.6—366*) считается интерполяцией времени Юстиниана. См. *Jones. Roman Colonnate... P. 303. Not. 53; Dominicus. Op. cit. P. 87; Eibach. Op. cit. S. 151.*

⁶⁸ По крайней мере еще в 484 г. для императоров Льва и Антемия *ius proprium* господина — это право последнего по отношению к колонам вообще, а адскрипции ничем от них не отличаются. См. *CI.I.3.36 pr.—484: ...fundorum dominis... ius proprium ad similitudinem ceterorum colonorum in suos adscripticios exercendi...*

чае появление термина «адскрипций» как бы фиксировало завершение процесса складывания сословия закрепощенных колонов, которые с этого времени стали рассматриваться как единое целое, приобретая *locum statumque proprium* (CI. I.12.6.5—466). Для обозначения земледельцев, становившихся колонами с этого времени и не входивших в оформившееся сословие, появилось обозначение «свободные колоны».

Таким образом, осознание в праве в начале V в. специфики зависимого положения колонов привело к оформлению для них особого сословно-юридического статуса. Его складывание после прикрепления колонов к месту жительства в имениях шло по линии возможно более полного подчинения землевладельцу как организатору производства, собственнику земли и ответственному перед государством за выплату податей. В этом смысле можно согласиться с утверждением, что «в законодательстве о колонах доминирующей линией является не утверждение личных прав господина, а обеспечение ведения хозяйства, сохранения доходности и платежеспособности владений»⁶⁹. Формально отношения зависимости были не личными и прямыми, но опосредованными связью с земельным участком. Земельный собственник рассматривался как господин земли — *dominus terrae*, а колоны — как ее часть — *membra terrae* (CI. XI.48.23 pr.—531/4). Не только колонам нельзя было покидать имение, но и землевладельцу при продаже земли было запрещено отделять колонов (CTh. XIII.10.3 = CI. XI.48.2—357) или удалять их из имения (CI. XI.63.3—383), а также использовать их не на сельскохозяйственных работах (CTh. V.6.3—409; ср. CI. XI.68.2—319)⁷⁰. Однако отсутствие у колонов каких-либо прав на основное средство производства — землю при их прикреплении к имениям неизбежно должно было превратить их в крепостных. Утрата ими личных прав была запрограммирована отсутствием гарантий в виде собственности. Прикрепление исключило колонов из сферы античной формы собственности, которая в прежние времена, хотя и «растянутая» до пределов империи, все же обеспечивала, пусть номинально, юридическую гарантию их личных прав. В рамках новых частнособственнических отношений зависимым колонам не нашлось места. Поэтому их имущество и оказалось «пекулием», а лично-правовой статус был понижен до рабского в соответствии с римской традицией юридического оформления социальных норм. Все это неизбежно вело к утверждению «личных прав господина». Конечно, происхождение основной массы колонов из лично свободных земледельцев Ранней империи, юридически считавшихся арендаторами, оставило отпечаток на их статусе, сохраняя в нем некоторый минимум былой «свободы». Но сохранение этого минимума свободы стимулировалось и местом колона в производстве. Мелкое самостоятельное хозяйство, которое вел колон, требовало определенных юридических гарантий своей устойчивости. В эпоху поздней античности они складывались даже для сельских рабов-квазиколонов. Но устойчивости таких гарантий для последних мешал рабский статус. Поэтому их место заняли зависимые колоны⁷¹.

⁶⁹ Лебедева Г. Е. Социальная структура ранневизантийского общества. Л., 1980. С. 92.

⁷⁰ John, Köhn, Weber. Op. cit. S. 19.

⁷¹ В современной литературе часто ставится вопрос о стирании граней между низшими категориями свободных, в частности колонами и рабами (Корсунский А. Р. *Honestiores et humiliores* в законодательных памятниках Римской империи // ВДИ. 1950. № 1. С. 88; Штаерман Е. М. Проблема падения рабовладельческого общества // ВДИ. 1953. № 2. С. 69; Westermann W. L. *The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity*. Philadelphia, 1955. P. 140. Seyfarth. *Soziale Fragen...* S. 144; Alföldy G.

THE «FREEDOM» AND «SLAVERY» OF *COLONI* IN THE LATE ROMAN EMPIRE

A. V. Koptev

The article is a continuation of the author's previous publication «The Change of Status of Roman *coloni* in the Fourth and Fifth Centuries A. D.» (VDI. 1989. N 4). It examines the treatment of the *colonus* as a freeman, the use of «slave» terminology in regard to him, and the legal status of the *colonus'* property.

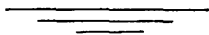
In the fourth century A. D. the *colonus* was treated in legislation as *liber* and *ingenuus*, but from the end of the fourth and beginning of the fifth centuries *coloni* began to be counterposed to freemen and ceased to be designated as freeborn. At the same time signs of «enslavement» increased in the juridical understanding of their status, right to transfer of the designation *iugum servitutis* to them (*Nov. Sev.* 2—465). Therefore, in the interpretations of the constitutions of the Theodosian Code (*Brev. Alarici* — 506), *coloni* began to be designated as *mancipia*. But that did not mean that they had acquired slave status; and in the constitutions of the fifth century, a duality of the attitude to them was preserved, and they were often differentiated from slaves. The slave terminology in regard to *coloni* was evidently not a designation of personal legal status but was an attempt to translate the new phenomenon of juridical dependence, employing the antique terminology (slave — freeman) which could no longer adequately reflect the specific character of a *colonus'* status. The status of slaves and *coloni* proved to be equally counterposed to *libertas* / *ingenuitas*, but slave status by «freedom» and «independence», and the status of a *colonus* only by «independence». Loss of independence entailed loss as well of the «freedom» associated in law with it. Roman law endeavoured to include *coloni* in the established system of *personae*, but that led to a merging of the status of *colonus* and slave, and to *colonus'* status acquiring slave features. But the similarity of the dependence of fifth-century *coloni* with slaves did not mean their identity in principle. The *adscripcticus* was comparable not with any slave, but only with the rural slave. Not slave and *adscripcticus* were identical, but two complexes, that of slave and *peculium*, and of *adscripcticus* and land.

While the personal legal status of slaves and *adscripcticii* differed, they had an equal legal position in the limits of these complexes. That inevitably led to a levelling of the status of their property. The designation of the property of *coloni* by the term *peculium* was fixed in the constitutions of the Theodosian Code from A. D. 414 and in that of the Justinian Code from A. D. 393. Its use signified that *coloni* were converted from dependents into legally subject persons. The factual basis for its application was created by the simultaneous attachment to the estates of hereditary *coloni* and rural slaves in the fourth century, which brought them closer. But that does not explain the legal legitimacy of employing this term in regard to *coloni*. That probably became possible as a consequence

Römische Sozialgeschichte. Wiesbaden, 1975. S. 169; Härtel G. Einige Probleme zum Niedergang der antiken Sklaverei im spätrömischen Recht // Antiquitas. 1978. Bd 6. S. 111). Статус колонов в этой связи логично рассматривается ни как полностью свободный, ни полностью рабский (Johne, Köhn, Weber. Op. cit. S. 20). Хотя в принципе против такого подхода трудно возражать, однако он недостаточно точно отражает характер происходивших в поздней античности социальных сдвигов. В IV—V вв. происходило не просто «стирание граней», но качественная перестройка их соотношения. Объем и качество «свободы» колонов изменились по сравнению со «свободой» римского гражданина предшествующей эпохи, но они также изменились и для декурионов, плебеев, членов различных профессиональных сообществ. Римское общество разделилось многими сословно-юридическими перегородками, приобретя переходный позднеантичный вид. По завершении этого процесса вырастает уже качественно новое общество, порывающее с античной формой собственности. Значимая в период господства последней грань между свободными и рабами перестает быть таковой в обществе, но продолжает по традиции сохраняться в праве.

of the steep rise, during the fourth century, of the relative weight of rural *liberti* among *coloni*. These *coloni-liberti* received the status of *Latini Iuniani*, whose property came under the law of *peculium*. With the increase in *coloni*'s dependence the status of their property became similar to that of *peculium*. But the «*peculium*» of a *colonus* was not equivalent to a slave's. Because of the attachment of its holders, *peculium* was converted into a component of the complex «land — worker», within which the *colonus* disposed of it, while supreme control remained with the landowner, who could not, however, take it away. So a special group property of dependent *coloni* took shape, and that became a condition for thier further exploitation and a legal premise of a reorientation of agriculture from slave labour to that of dependent *coloni*.

The changes in the status of a *colonus* during the fourth century was fixed in law by use at the turn to the fifth century of *longi temporis praescriptio* in respect of *coloni*, which became a general norm in the East probably in A. D. 419. The qualitatively new group status of *coloni* was probably the reason for the appearance in the Eastern Roman Empire of a new term *adscripticius*, which recorded, as it were, the formation of an estate of *coloni* attached to the land.

© 1990 г.

С. Н. Муравьев

TRADITIO HERACLITEA (A) СВОД ДРЕВНИХ ИСТОЧНИКОВ О ГЕРАКЛИТЕ

От редколлегии. Как известно, центральным вопросом исследования наследия тех древнегреческих философов, чьи труды не сохранились, до сих пор остается собирание, критическое издание и изучение имеющихся фрагментарных и косвенных источников. Наследие Гераклита в этом отношении отнюдь не составляет исключения, скорее даже наоборот — оно являет собой один из наиболее прискорбных примеров неспособности историко-философской филологии овладеть всей совокупностью наличного материала и извлечь из него тот запас достоверных знаний, на основе которого только и можно надеяться приблизиться к общему более или менее адекватному пониманию учения мыслителя. Покамест, и вот уже почти двести лет, Гераклитов столько же, сколько пишущих о нем исследователей.

Двадцать лет тому назад ВДИ напечатал первую (по мнению ее автора, весьма малоудачную) работу С. Н. Муравьева об эфесском философе. Вскоре после этого исследователь пришел к выводу, что все попытки понять Гераклита будут приводить лишь к иллюзорным результатам, пока не будут выполнены два фундаментальных условия: собран максимально полный свод античных и средневековых источников и разработана тщательно продуманная методика критики, анализа и использования их для воссоздания утраченных сочинения и учения *. В качестве подготовительной работы к осуществлению этих двух задач, он составил (и издал в ВДИ за 1974—1976 гг.) собрание свидетельств о жизни и книге Гераклита, которое может рассматриваться как вводная часть полного свода — *Memoria Heraclitea* **. Второй (центральной) частью свода

* О предлагаемой исследователем методике см. в его работах: *Mouraviev S. N. Comment interpréter Héraclite: vers une méthode scientifique des études héraclitéennes* // *Ionian Philosophy* / Ed. by *Boudouris K. J.* Athens: Intern. Assoc. for Greek Philosophy, 1989. P. 270—279; *idem. Comprendre Héraclite. Réflexions sur la méthode des études héraclitéennes suggérées par deux éditions françaises des fragments de l'Épichésien* // *Age de la Science*. 1990 (sous presse).

** ВДИ. 1974. № 4. С. 198—218; 1975. № 1. С. 231—244; 1976. № 2. С. 68—70 (тексты); 1974. № 4. С. 3—23; 1975. № 1. С. 27—47; 1976. № 2. С. 47—71 (статья-комментарий).

явится — после своего завершения — *Traditio Heraclitea*, полное собрание, в хронологическом порядке, вообще всех текстов, так или иначе связанных с Гераклитом, причем в наиболее полном объеме и независимо от содержания и предполагаемой ценности. Задача второй части — отразить степень осведомленности об Эфесце всех писателей и мыслителей последующих эпох (от V в. до н. э. до Возрождения), писавших о нем, выявить их мнения и представления о нем, помочь установить, какими прямыми или косвенными источниками они пользовались и какими путями распространялось то или иное ходячее мнение о философе. [Эта часть распадается на два раздела: А. *Свидетельства*, где либо философ назван, либо совершенно ясно, что они к нему относятся, и В. *Реминисценции* его учения и *литературные подражания*, отношение которых к Гераклиту установимо только на основании сличения с текстами первой группы. Именно поэтому тексты раздела В смогут быть изданы лишь по окончании свидетельств раздела А.] Первые главы *Traditio Heraclitea* (А) увидели свет в нашем журнале в 1984—1986 гг. и были посвящены свидетельствам доплатоновского времени и Платона ***.

В настоящем номере С. Н. Муравьев продолжает публикацию второй части свода и предлагает вниманию читателей основную часть главы об Аристотеле (из-за недостатка места, конец ее и следующая глава, посвященная Теофрасту, появятся отдельно).

Третья, заключительная часть свода — *Recensio Heraclitea* — должна будет состоять из критически обработанных собраний «мнений» Гераклита, фрагментов его книги (по возможности — расположенных в порядке, отражающем их первоначальное место в книге) и тех из использованных им источников, которые поддаются идентификации. Предварительную попытку издания (в русском переводе) и восстановления первоначального порядка фрагментов Гераклита С. Н. Муравьев опубликовал в приложении к последнему русскому изданию поэмы Лукреция ****.

Учитывая актуальность и значение работы С. Н. Муравьева, редколлегия намерена и далее публиковать ее новые главы и хотела бы привлечь внимание читателей к тому, что в своей совокупности они составят не имеющее аналогов собрание текстов, отражающее все «предание о Гераклите» в его историческом развитии.

*** ВДИ. 1984. № 4. С. 31—44; 1985. № 2. С. 16—28; № 3. С. 30—35; № 4. С. 35—49; 1986. № 3. С. 33—67.

**** Т. Лукреций Кар. О природе вещей. М.: Худ. лит., 1983. С. 237—268 (перевод фрагментов), 361—371 (примечания).

16. ARISTOTELES — АРИСТОТЕЛЬ (384—322)

Excerpta — Извлечения

[Summa capitis: De uita et dictis Heracliti (Т 132 — Т 133) — De libro Heracliti (Т 134) — De methodo Heracliti (Т 135 — Т 137) — De doctrina Heracliti (Т 137 — Т 186): Quod idem est et non est (Т 137 — Т 144) — Rerum fluxus et fluminis imago (Т 145 — Т 157) — Concordia discordantium (Т 158 — Т 161) — Mundi uicissitudi-

nes (T 162) — Ignis ut rerum principium (T 163 — T 175) — Ignis ut animalium causa efficiens et anima (T 176 — T 179) — Exhalatio ut principium et anima (T 180) — Exhalatio ac sol (T 181) — Exhalatio et olfactio (T 182) — Citationes de ira et uoluptate (T 183 — T 187).]

De uita et dictis Heracliti
О жизни и изречениях Гераклита

(Arist.) 1

T 132

Fr. 71^b (Rose ³) = p. 68 (Ross) ap. Apollod. *Chron.* (*FGrH* 244 F 32) ap. Diog. Laert. VIII, 52 (II, p. 417,7 Long) [← M 5^a; → Apollod.; Diog. L. 11], de Empedocle

9 'Αριστοτέλης γὰρ αὐτὸν ἐξήκοντ' ἐτῶν,
ἔτι θ' 'Ηράκλειτον, φησὶ τετελευτηκέναι
ὁ δ' <'Ἐμπεδοκλῆς ὄστ'> 'Ολυμπιάδα μίαν
12 <τε> ἡβδομηκοστὴν νενικηκώς <μὲν ἦν>
κέλητι, τοῦτου πάππος ἦν ὁμῶνυμος.

Ведь Аристотель говорит, что он * скончался,—
И Гераклит еще,— *шестьдесяти лет*.
А Эмпедокл, который одержал победу
На семьдесят и первых играх Олимпийских
В бегах, тот дедом был и тезкою сего.

Ex Olympionicis? (cf. *fr.* 71^a ap. Eratosth. [*FGrH* 241 F 7] ap. Diog. Laert. VIII, 51 ἐν τοῖς 'Ολυμπιονίκαις; Diog. Laert. V, 26): ex *De poetis* put. Rose, Ross || 9 ἐξήκοντ'] cf. Diog. Laert. IX, 3 [→ Diog. L. 12 (3)]

DK 31 (Empedocl.) A 1 (52) || 9—10 Mch *HEM* p. 604 (ii) = *E* p. 412 (II); Heraclid. Pont. fr. 86 (Wehrli, VII)

[BPF] Versus Apollodori restituerunt: Meineke & Clinton (9—10), Mouraviev (11—12), Karsten (13) 9—10 αὐτόν, ἐτι τε 'Η., ἐξήκοντα ἐτῶν Diog. || 10 τε Diog. : δ' Hübner et al. || ἡράκλειτόν B¹PF, ret. Meineke, Clinton, Kochalsky (ap. Diels *FVS* ⁴ I, XXX), Kranz, Marcovich *HEM* = *E* : ἡράκλειτος B² : ἡρακλείδης Sturz, acc Hübner, Cobet, Diels, Rose, Jacoby, Hicks, Wehrli, Ross, Long, Marcovich «H» 248 || 11—12 ὁ δὲ μίαν (πρώτην P²) καὶ ἐβδομηκοστὴν (ἐξήκοστὴν F¹) 'Ολ. νεν. Diog. || 13 πάππος Karsten : πάντως codd. [Cf. Mouraviev. *Rev. d. Et. gr.* 93 (1980) 511—5]

* Эмпедокл.

2

T 133

De part. an. A 5, 645^a17 (Langkavel; p. 18 Louis) [← M 19]

καὶ καθάπερ 'Ηρά-
κλειτος λέγεται πρὸς τοὺς ξένους εἰπεῖν τοὺς βουλομένους ἐν-
τυχεῖν αὐτῷ, οἱ ἐπειδὴ προσιόντες εἶδον αὐτὸν θρώμενον πρὸς

20 τῷ ἱπνῷ ἔστησαν (ἐκέλευε γὰρ αὐτοὺς εἰσιέναι θαρροῦντας·
 "εἶναι γὰρ καὶ ἐνταῦθα θεοῦς"), οὕτω καὶ πρὸς τὴν ζήτησιν
 περὶ ἐκάστου τῶν ζώων προσιέναι δεῖ μὴ δυσωπούμενον, ὥς ἐν
 ἅπασιν ὄντος τινὸς φυσικοῦ καὶ καλοῦ.

И подобно тому как, говорят, заявил Гераклит желающим с ним встретиться чужеземцам, которые, подойдя к нему, остановились, когда заметили, что он восседает в пужнике (он пригласил их смело входить, «*ибо и здесь есть богам*»), таким же образом надо подходить без отвращения к исследованию каждого животного, ибо во всех есть нечто от природы и от прекрасного.

Cf. Mich. Eph. *comm.* in h.l. (p. 22, 28 Hayduck) [→ Mich. Eph.] || 21 εἶναι — θεοῦς] cf. Plotin. III, 5 [50]. 6, 17 (I, p. 327 Henry—Schwyzer) *εἰσι καὶ ἐνταῦθα θεοί* : Gell. praef. 12 (editio Beroaldina) *introite: nam et hic dii sunt* [→ Gell.] || ἐνταῦθα (i.e. ἐν τῷ ἱπνῷ = κοπρῶνι) θεοῦς] cf. fort. DK 23 B 64 (Epicharm.?) εἰμὶ νεκρός· νεκρός δὲ κόπρος, γῇ δ' ἢ κόπρος ἐστίν· εἰ δ' ἢ (Bergk: : ἢ δὲ codd. : εἰ δ' Katbel) γῇ θεός ἐστ'. οὐ νεκρός, ἀλλὰ θεός

DK A 9 || 17—21 θεοῦς] Colli A¹ 136, Mull ad 60 || 20 ἐκέλευε — 21 θεοῦς] Schl p. 495

[EPIUSZAY] 17 Ἡράκλειτος ΠΠZ : ἡράκλειτον EUSZYΔ || 18—19 αὐτῷ ἐνταῦθα ΠΠ || 19 αὐτῷ S || φρω·ενον (uel Ionice φρεῦμενον) scr. (cf. Mouraviev, VDI [1975] nr. 4[131] 35—6; REG 98 [1985] 129—30), conl. Aristoph. fr. 353 H.—G. (Hesych. s. ἱπνός, Pollux V, 91) et Athen. V, 192 E (Philetas fr. 14 Powell) (Robertson, PCPhS 169—71 [1938] 10) || 20 ἱπνῷ hab. edd. uett. (Pacius), Langkavel || αὐτοῦς om. Δ || 21 καὶ om. P || 22 δυσωπούμεν E || 24 τινός om. Π

De libro Heracliti — О книге Гераклита

3

T 134

Rhet. Γ 5, 1407^b11 (p. 188—9 Roemer²; p. 154 Ross; III, p. 52 Dufour — Wartelle; p. 157—8 Kassel) [← M 33^a]

ὅπως δὲ δεῖ εὐανάγνωστον εἶναι τὸ γεγραμμένον καὶ
 εὐφραστον· ἔστιν δὲ τὸ αὐτὸ περ οὐ πολλοὶ σύνδεσμοι
 οὐκ ἔχουσιν, οὐδ' ἄ· μὴ βάλιδιον διαστίξαι, ὥσπερ τὰ Ἡρά-
 κλείτου. τὰ γὰρ Ἡρακλείτου διαστίξαι ἔργον διὰ τὸ ἄδηλον
 15 εἶναι ποτέρῳ προσκεῖται, τῷ ὕστερον ἢ τῷ πρότερον, οἷον
 ἐν τῇ ἀρχῇ αὐτοῦ τοῦ συγγράμματος· φησὶ γὰρ "τοῦ λόγου
 τοῦδ' ἔδοντος αἰεὶ ἀξύνετοι ἄνθρωποι γίγνονται". ἄδηλον γὰρ
 τὸ "αἰεὶ" πρὸς ποτέρῳ διαστίξαι.

Вообще же написанное должно быть удобочитаемым и удобопонятным. Это то самое, чего не достигают <тексты> при немногочисленности союзов-частиц и те, которые нелегко разметить, как, например, Гераклитовские. Гераклитовы тексты трудно разметить, так как неясно, к чему относится <то или иное слово> — к последующему или к предшествующему, как, например, в начале его сочинения. Ведь он говорит: «Γ λ α γ ο λ υ σ ε μ υ σ υ ψ υ ν ε ч н о н е с м ы ш л е н ы л ю δ ι β ы в а ю т» *. Право же неясно, к чему отнести слово «вечно».

Cf. Anonym. in h.l. *comm.* (p. 183, 5 Rabe) [→ Anon. in *Rh.* 1]; Demetr. *De eloc.* 192 [→ Demetr. *El.* 1] et ← M 33—37 (de Heracliti obscuritate)

DK A 4, Colli A¹ 130 || 14 τὰ γὰρ — 18 Mch 1 (*d*), Byw ad 2 || 17 τοῦ λόγου — 18 γίγνεται] DK B 1, Colli A 9, Diano 1, Kahn 1, Mfd 1, Pou 1, Mch 1, Qui A 1, Kirk p. 33, Byw 2, Schu 3, Mull 1, Lass II 263, Schl 47, Steph p. 130

[A(BCDE)F(QYZ) Co La Tu (et al.)] 11 γεγραμμένον] εἰρημένον DE || 12 τὸ αὐτό¹ intp. edd. || οὐ scripsi : οἱ codd || σύνδεσμοι <έχουσιν, οἱ δ' ὀλίγοι> (sic!) add. Diels *FVS* 2-4 H² DK || 16 αὐτοῦ] αὐτῇ ci. Richards, acc. Ross Marcovich Kassel || 17 τοῦ δ' ἐδόντος Victorius (conl. Sext. Emp. AM VII 132 [→ T (Sext.)]) : τοῦ δέοντος A uer(sio latina) Moerb(ekiana) Anon., ret. Spengel, def. Wartelle (ad loc.) cum Thillet : τοῦ ὄντος F Co La Tu Aldina || αἰεὶ Tu Kassel : αἰεὶ AF Co La Anon. || γίγνεται edd.: γίνονται codd. || 18 αἰεὶ A (teste Byw) : αἰεὶ (teste Kassel) seu αἰεὶ (testibus Ross Wartelle) codd. omnes (ex silentio) || ποτέρω Susemihl et edd. recc.: προτέρω (πρὸς omisso?) A : ὁποτέρω (non ὁποτέρως ut erratim ap. Ross) F Co La Tu Anon., ret. Mazzantini διαστίζει (sc. ἐστίν) recte codd. Mazzantini : del. Kassel : δεῖ στίζει Victorius : <δεῖ> διαστίζει Gaisford fere omnium consensu : cum quo punctuandum (διαστικτέον?) uer. Moerb.

* Перевод условный, отражающий Аристотелевское восприятие архаического слова Гераклита. *Глаголу сему суцу* (дательный самостоятельный) = *Хотя Глагол этот есть...*

De methodo Heracliti — O metode Geraклита

4

T 135

(a) *Eth. Nic.* H 5, 1146^b24 (p. 134 Bywater)

περὶ μὲν οὖν τοῦ δόξαν ἀληθεῖ ἀλλὰ μὴ ἐπιστήμην
25 εἶναι παρ' ἣν ἀκρατεύονται, οὐδὲν διαφέρει πρὸς τὸν λό-
γον· ἔνιοι γὰρ τῶν δοξαζόντων οὐ διστάζουσιν, ἀλλ' οἷονται
ἀκριβῶς εἰδέναι. εἰ οὖν διὰ τὸ ἥρέμα πιστεύειν οἱ δοξάζον-
τες μᾶλλον τῶν ἐπισταμένων παρὰ τὴν ὑπόληψιν πράξουσιν,
οὐθὲν διοίσει ἐπιστήμη δόξης· ἔνιοι γὰρ πιστεύουσιν οὐδὲν
30 ἥττον οἷς δοξάζουσιν ἢ ἕτεροι οἷς ἐπίστανται· δηλοῖ δ' Ἡρά-
κλειτος.

Для нашего рассуждения не важно, что невоздержную жизнь ведут вопреки истинному мнению, а не вопреки знанию; ведь некоторые из тех, кто полагается на мнение, <в нем> не сомневаются, а считают себя достоверно знающими. Поэтому, если даже полагающиеся на мнение, из-за слабой уверенности <в нем> скорее, нежели полагающиеся на знание, поступают вопреки <собственной> установке, <все равно> знание ни в чем не будет отличаться от мнения. В самом деле, иные ничуть не менее уверены в том, о чем имеют мнение, нежели другие в том, о чем имеют знание. Это ясно показывает Гераклит (*Пер. Н. В. Брагинской, с изменениями*)

Cf. Anonym. (p. 417, 16 Heylbut) Heliodor. (p. 139, 27 Heylbut) in h. l. *comm.* [→ Anon. in *EN*; Heliod.] || 26—27 οἷονται ἀκριβῶς εἰδέναι] cf. fort. B 17 (ap. Clem. *Strom.* II, 8. 1 [→ Clem.]) εἰς τοῖσι δὲ δοκέουσι (sc. γινώσκουσιν), sed contrapone → T 136

Wzr ad B 17

[H^aK^bL^bM^bN^bO^b]

(b) *Magna mor.* B 6, 1201^b2 (Susemihl)

πρῶτον μὲν οὖν τὴν ἐπὶ τῆς ἐπιστήμης (sc. ἀπορίαν λῦσαι ἀναγκαῖον). ἄτοπον γὰρ ἐδόκει εἶναι ἐπιστήμην ἔχοντα ταύτην ἀποβάλλειν ἢ μεταπίπτειν. ὁ δ' αὐτὸς λόγος καὶ ἐπὶ τῆς δόξης·
 5 οὐθὲν γὰρ διαφέρει δόξαν εἶναι ἢ ἐπιστήμην. εἰ γὰρ ἔσται ἡ δόξα σφοδρὰ τῷ βέβαιον εἶναι καὶ ἀμετάπειστον, οὐθὲν διοίσει τῆς ἐπιστήμης δόξας ἔχουσι τῷ πιστεύειν οὕτως ἔχειν ὡς δοξάζουσιν· οἷον Ἡράκλειτος ὁ Ἐφέσιος τοιαύτην ἔχει δόξαν ὑπὲρ ὧν αὐτῷ ἐδόκει.

Сперва (надо решить трудность) относительно знания. Ведь мы сочли нелепым, чтобы человек, обладающий знанием, лишался бы его или изменял его. То же верно и о мнении, ибо не важно, о мнении ли идет речь или о знании. Действительно, буде мнение сильно своею несомненностью и непоколебимостью, ничем оно не будет, для придерживающихся мнений, отличаться от знания, поскольку они убеждены, что обстоит именно так, как им представляется. Такого мнения придерживался, например, Гераклит Эфесский относительно того, что представлялось ему.

3 ἐδόκει] cf. 1200^b36 (Dirmleier in h. l.) || 7 οὕτως ἔχειν ὡς etc.] cf. ← T 135 (26—7 appar.)

[ZK^bM^bP^bC^cD^cP¹P² Par. 1417 Par. 1855 Par. 2024 Bar] 2 οὖν om. K^bM^bP^bP² || 3 ἀποβαλεῖν K^b Aldina || 7 δόξας pl. codd., ret. Valla, Bekker, Bussemaker, Dirmleier: δόξαν P²: δόξης Aldina, acc. Susemihl: <ῆ> δόξα <τοῖς> ci. Bekker || ἔχουσι τῷ K^bP², ret. Valla et al., Dirmleier: ἐχούσης τὸ cett. codd., ret. Susemihl || 8 ἔχει] εἶχε Spengel

5

T 137

Phys. A 2, 184^b25 (I, p. 30—1 Carteron; Ross)

τὸ μὲν
 οὖν εἰ ἐν καὶ ἀκίνητον τὸ ὄν σκοπεῖν οὐ περὶ φύσεως ἐστι σκο-
 185 πεῖν· ὥπερ γὰρ καὶ τῷ γεωμέτρῃ οὐκέτι λόγος ἔστι πρὸς τὸν ἀνελόντα τὰς ἀρχάς, ἀλλ' ἦτοι ἐτέρας ἐπιστήμης ἢ πασῶν κοινῆς, οὕτως οὐδὲ τῷ περὶ ἀρχῶν· οὐ γὰρ ἔτι ἀρχὴ ἔστιν, εἰ ἐν μόνον καὶ οὕτως ἐν ἔστιν. ἡ γὰρ ἀρχὴ τινὸς ἢ τι-
 5 νῶν. ὁμοιον δὴ τὸ σκοπεῖν εἰ οὕτως ἐν καὶ πρὸς ἄλλην θέσιν ὁποιοῦν διαλέγεσθαι τῶν λόγου ἕνεκα λεγομένων (οἷον τὴν Ἡρακλείτειον, ἢ εἴ τις φαίη ἄνθρωπον εἶναι τὸ ὄν εἶναι), ἢ λύειν λόγον ἐριστικόν, ὅπερ ἡμῶτεροι μὲν ἔχουσιν οἱ λόγοι,
 12 καὶ ὁ Κερίστου καὶ ὁ Παρμενίδου... .. ἡμῶν δ' ὑποκεί-
 οθω τὰ φύσει ἢ πάντα ἢ ἐνία κινούμενα εἶναι...

Однако рассмотрение вопроса, является ли сущее единым и неподвижным, не относится к исследованию природы: как геометр не должен возражать тому, кто отрицает его начала, — это дело другой науки или науки, общей всем наукам, — так же <не должен возражать> и тот, кто занимается исследованием начал сущего: ведь одно «единое», и притом т а к о е (*m. e. неподвижное*) «единое», еще не будет началом. Начало есть начало какой-то вещи или каких-то вещей. Рассматривать, так ли обстоит с единым (*начало ли оно чего-то*) — все равно, что вести рассуждение по поводу любого тезиса из числа тех, которые выставляются ради спора, — вроде Гераклитовского или <например> если кто скажет, что «сущее есть единый человек» — или вообще распутывать эристическое рассуждение, каковое налицо в обоих рассуждениях — как Мелисса, так и Парменида... Нами же должно быть положено, что природные существа — или все, или некоторые — подвижны (*пер. В. П. Карпова [1937], с незнач. изм.*).

Cf. Alex. (ap. Simpl. p. 51, 21 Diels) [→], Them. (p. 4, 10 Schenkl) [→], Philop. p. 29, 12 Vitelli) [→], Simpl. (p. 51, 27 Diels) [→] *comm. seu paraphr.* in h. l. || 185^a5 — 6 τὴν Ἡρακλείτειον (sc. θέσιν) fort. ad 185^b20 [→ T 144] spectat || 6 λόγου ἐνεκα] cf. *Metaph.* 1009^a20; 22 [→ T 139]; 1011^a15; ^b2; 1012^a6 etc.

[EFIJ] 26 ὃν ἐν I || 185^a1 ἔσται I || 3 τῶν I || 5 εἰ εἰ ἔστιν F || 7 ἡ ὥς εἰ (ante τις) Simpl. || φαίγ om. Alex. et Simpl. || ἄνθρωπον ἕνα codd. Alex. Philop. : ἕ. ἅ. Simpl. || εἶναι codd. : λέγει Alex. Simpl. || ἡ — 9 Παρμενίδου codd., Them. Philop. Simpl.: delenda cens. Cornford || 8 ὅπερ — 9 del. Bekker (conl. 186^a6—10) || 13 εἶναι om. Simpl.

De doctrina Heracliti — Об учении Гераклита

Quod idem est et non est — Одно и то же есть и не есть

T 138

6

(a) *Metaph.* Γ 3, 1005^b19 (Ross; Jaeger)

τὸ γὰρ αὐτὸ ἅμα ὑπάρχειν τε καὶ μὴ
20 ὑπάρχειν ἀδύνατον τῷ αὐτῷ καὶ κατὰ τὸ αὐτό (καὶ ὅσα
ἀλλὰ προσδιορισαίμεθ' ἄν, ἔστω προσδιορισμένα πρὸς τὰς
λογικὰς συσχερεῖας). αὕτη δὲ πασῶν ἐστὶ βεβαιότης τῶν
ἀρχῶν. ἔχει γὰρ τὸν εἰρημένον διορισμόν. ἀδύνατον γὰρ
ὄντινον ταῦτόν ὑπολαμβάνειν εἶναι καὶ μὴ εἶναι, καθάπερ
25 τινὲς οἴονται λέγειν Ἡρακλείτῳ. οὐκ ἔστι γὰρ ἀναγκαῖον,
ᾧ τις λέγει, ταῦτα καὶ ὑπολαμβάνειν. εἰ δὲ μὴ ἐνδέχεται
ἅμα ὑπάρχειν τῷ αὐτῷ τὰναντία (προσδιωρίσθω δ'
ἡμῖν καὶ ταύτῃ τῇ προτάσει τὰ εἰωθότα), ἐναντία δ' ἐστὶ
δόξα δόξει ἢ τῆς ἀντιφάσεως, φανερόν ὅτι ἀδύνατον ἅμα

30 ὑπολαμβάνειν τὸν αὐτὸν εἶναι καὶ μὴ εἶναι τὸ αὐτό· ἅμα
γὰρ ἂν ἔχοι τὰς ἐναντίας δόξας ὁ διεφευσμένος περὶ τού-
του. διὸ πάντες οἱ ἀποδεικνύοντες εἰς ταύτην ἀνάγουσιν
ἐσχάτην δόξαν· φύσει γὰρ ἀρχὴ καὶ τῶν ἄλλων ἀξιω-
μάτων αὕτη πάντων.

35 4 εἰσὶ δέ τινες οἷ, καθάπερ εἵπομεν, αὐτοὶ τε ἐνδέχε-
1006 σθαί φασι τὸ αὐτὸ εἶναι καὶ μὴ εἶναι, καὶ ὑπολαμβά-
νειν οὕτως. χρῶνται δὲ τῷ λόγῳ τούτῳ πολλοὶ καὶ τῶν
περὶ φύσεως. ἡμεῖς δὲ νῦν εἰλήφαμεν ὡς ἀδυνάτου ὄντος
ἅμα εἶναι καὶ μὴ εἶναι, καὶ διὰ τούτου ἐδείξαμεν ὅτι βε-
5 βαιοτάτη αὕτη τῶν ἀρχῶν πασῶν.

Невозможно, чтобы одно и то же вместе было и не было присуще одному и тому же в одном и том же отношении (и с присоединением всех прочих оговорок, какие можно присоединить во избежание логических затруднений): вот самое достоверное из начал, ибо вышеприведенное определение ему принадлежит. Невозможно ведь, чтобы кто бы то ни было принимал, что *одно и то же есть и не есть*, как, по мнению некоторых, говорит Гераклит. Ведь не обязательно принимать все это потому лишь, что кто-то это говорит. А если противоположные свойства не могут быть одновременно присущи одному и тому же (присоединим и к этому условию какие следует оговорки), а данному мнению противоположно мнение, отрицающее его, то ясно, что невозможно вместе принимать, что одно и то же и есть и не есть одно и то же, ибо тогда заблуждающийся по этому вопросу придерживался бы противоположных мнений. Вот почему все, кто что-то доказывает, возводят свои рассуждения к этому предельному положению. Ведь в сущности это начало — начало всех прочих аксиом. (4) Однако есть люди, которые, как сказано, сами заявляют, будто тем же самым можно быть и не быть и будто можно придерживаться такого мнения. Рассуждением этим пользуются и многие из писавших о природе. Мы же сейчас приняли, что невозможно вместе быть и не быть <тем же самым> и таким образом показали, что это наиболее достоверное из всех начал.

Cf. Alex. (p. 270, 3 Hayduck) [→], Syrian. (p. 65, 32 Kroll) [→] et Asclep. (p. 258, 31 Hayduck) [← M 34^c; →] in h. l. *comm.* || 23 τὸν εἰρημένον διορισμένον] cf. 1005^b10

23 ὁδύνατον — 25 Ἡράκλειτον] DK A 7, Colli A¹ 129 || 35 — ^a5 πασῶν] Mfo A 7
|| ^b35 — ^a3 φύσεως] Schl p. 439 || ^b35 — ^a2 οὕτως] Colli ad A¹ 129

[EJA^b] 19 τε A^b Alex. (cit.): om. EJ Ascl. (lem.) || 21 τὰ προδιωρισμένα A^b
|| 22 δ' ἀπασῶν EJ uer. Moerb. || 27 ὑπάρχειν τῷ αὐτῷ A^b || 27—28 προδιωρίσθω ἡμῖν
A^b || 29 ἅμα ὁδύνατον A^b || 31 διεφευσμένος A^b J (teste Jaeg.) Alex. (cit.): διαφευσάμενος
EJ (teste Ross) || 32 οἱ A^b Alex. et Ascl. (citt.): om EJ || 35 αὐτοὶ τε A^bEJ Alex.
(cit., sed non interpr.): om. uer. Moerb.

(b) Γ 5, 1009^a6

ἔστι δ' ἀπὸ τῆς αὐτῆς δόξης καὶ ὁ Πρωταγόρου λόγος,
 καὶ ἀνάγκη ὁμοίως αὐτοὺς ἴσως ἢ εἶναι ἢ μὴ εἶναι. εἴτε
 γὰρ τὰ δοκοῦντα πάντα ἐστὶν ἀληθῆ καὶ τὰ φαινόμενα,
 ἀνάγκη εἶναι πάντα ἅμα ἀληθῆ καὶ ψευδῆ. πολλοὶ γὰρ
 10 τάναντία υπολαμβάνουσιν ἀλλήλοισι, καὶ τοὺς μὴ ταύτῃ
 δοξάζοντας ἑαυτοῖς διεφυσσάμε νομίζουσιν. ὥστ' ἀνάγκη τὸ
 αὐτὸ εἶναι τε καὶ μὴ εἶναι. καὶ εἰ τοῦτ' ἔστιν, ἀνάγκη τὰ
 δοκοῦντα εἶναι πάντ' ἀληθῆ. τὰ ἀντικείμενα γὰρ δοξάζουσιν
 ἀλλήλοισι οἱ διεφυσσμένοι καὶ <οἱ> ἀληθεύοντες· εἰ οὖν ἔχει τὰ
 15 ὄντα οὕτως, ἀληθεύουσιν πάντες. ὅτι μὲν οὖν ἀπὸ τῆς αὐτῆς
 εἴσε διανοίας ἡμετέροισι οἱ λόγοι, ὅηλον. ἔστι δ' οὐκ ὁ
 αὐτὸς τρόπος πρὸς ἅπαντας τῆς ἐντεύξεως· οἱ μὲν γὰρ πει-
 θοῦς δέονται οἱ δὲ βίαις. ὅσοι μὲν γὰρ ἐκ τοῦ ἀπορῆσαι
 ἐπέλαβον οὕτως, τούτων εὐέλαιος ἡ ἄγνοια· οὐ γὰρ πρὸς τὸν
 20 λόγον ἀλλὰ πρὸς τὴν διάνοιαν ἡ ἀπάντησις αὐτῶν. ὅσοι
 δὲ λόγου χάριν λέγουσι, τούτων δ' ἑλεγχος ἔστις τοῦ ἐν τῇ
 φωνῇ λόγου καὶ τοῦ ἐν τοῖς ὀνόμασιν. ἐλήλυθε δὲ τοῖς ὁμι-
 ἀποροῦσιν αὕτη ἡ δόξα ἐκ τῶν αἰσθητῶν, ἡ μὲν τοῦ ἅμα
 τὰς ἀντιφάσεις καὶ τάναντία ὑπάρχειν ὁρῶσιν ἐκ ταύτου
 25 γιγνόμενα τάναντία· εἰ οὖν μὴ ἐνδέχεται γίγνεσθαι τὸ [μὴ]
 ὄν, προὔπηρχεν ὁμοίως τὸ πρᾶγμα ἅμφω ὄν...

Из того же самого мнения [будто одно и то же вместе есть и не есть] <берет начало> и тезис Протагора, причем оба они неизбежно или суть [= соответствуют действительности], или не суть [= ей не соответствуют]. Ведь ежели всякое мнение истинно, и всякое представление <тоже, как утверждает Протагор>, то все мнения неизбежно и истинны, и ложны в одно и то же время: многие люди придерживаются ведь взаимно противоположных мнений, считая при этом, что не согласные <с ними> заблуждаются, так что неизбежно <заключение>, что одна и та же вещь и есть, и не есть <такая-то>. И <наоборот>, ежели так [= если всякая вещь и есть, и не есть такая-то], то всякое мнение неизбежно истинно, ибо как заблуждающиеся, так и правые придерживаются взаимно противоположных мнений, и если с вещами <действительно> обстоит так, <как говорят сторонники первого мнения>, то все, что люди говорят, будет истинно [= тезис Протагора]. — Итак, ясно, что оба эти тезиса имеют единую основу. Но обращаться с их сторонниками единообразно нельзя: к одним надо приме-

пять убеждение, к другим — принуждение. Тех, кто так считает из-за <реальных> трудностей <вопроса>, исцелить от невежества легко: бороться надо не с их рассуждениями, а с их образом мысли. А чтобы исцелить тех, кто спорит спора ради, нужно опровергнуть слово и букву их рассуждений. — Появилось же это мнение у тех, кто его принял по причине <реальных> затруднений, из-за чувственных вещей: они привяли, что противоположные высказывания и <самí> противоположности совместимы, видя, что противоположности возникают из одного и того же; а поскольку то, что есть, не может возникнуть <из ничего>, то вещь прежде была в равной степени и такой, и не такой...

Cf. Alex. et Asclep. comm. in h. l. || 6 δόξης] sc. τὸ αὐτὸ ἅμα εἶναι καὶ μὴ εἶναι || 12 τοῦτ' et 15 οὕτως ad 11—12 τὸ αὐτὸ εἶναι τε καὶ μὴ εἶναι spectant || 21 λόγου χάριν] cf. 1011^a15; ^b2; 1012^a6; Phys. 185^a6 [←T 137]

[EJA^b] 6 ἐστὶ] ἐτι Christ || 7 ἤρω αὐτοὺς EJ || 9 εἶναι πάντα ... ψευδῇ A Alex.: πάντα...ψευδῇ εἶναι EJ uer. Moerb. Ascl. || 14 < > add. Jaeger || 15 ἀληθείου-σ EJ uer. Moerb. Ascl. || 15—16 ἀπὸ τῆς αὐτῆς εἴης Ascl. (lem.): εἰσὶν ἀπὸ τῆς αὐτῆς A^b || 16 ἀμφοτέροι οἱ] οἱ τοιοῦτοι A^b || 17 ἅπαντας EJ Ascl. (cit.): πάντας A^b || 21 τοῦ] τοῦ τ' EJ: «an γ' corrigendum?» Jaeger conl. Alex. (paraphr.) μέχρι γὰρ φων. || 24 ὑπάρξει EJ || 25 γίνεσθαι A^b Alex. (paraphr.): γενέσθαι EJ Ascl. (cit.) || μὴ de leui || 26 post ἄφω ὃν add. Τοῦτέστιν ὃν καὶ μὴ ὃν («interpretamentum... e margine intrusum» Jaeger) A^b

T 140

(c) Γ 7, 1012^a24

ἔοικε δ' ὁ μὲν Ἡρακλείτου

25 λόγος, λέγων πάντα εἶναι καὶ μὴ εἶναι, ἅπαντα ἀληθῆ ποιεῖν, ὁ δ' Ἀναξαγόρου, εἶναί τι μεταξὺ τῆς ἀντιφάσεως, πάντα ψευδῆ (ὅταν γὰρ μιχθῇ. οὔτε ἀγαθὸν οὔτε οὐκ ἀγαθὸν τὸ μῖγμα, ὥστ' οὐδὲν εἰπεῖν ἀληθές).

8 διορισμένων δὲ τούτων φανερόν ἐτι καὶ τὰ μοναχῶς
30 λεγόμενα καὶ <τὰ> κατὰ πάντων δόξματων ὑπάρχειν ὥπερ τινὲς λέγουσιν, οἱ μὲν οὐθὲν φάσκοντες ἀληθές εἶναι (οὐθὲν γὰρ κωλύειν φασὶν οὕτως ἅπαντα εἶναι ὥπερ τὸ τὴν διάμετρον σύμμετρον εἶναι), οἱ δὲ πάντ' ἀληθῆ. οὐχ ἐδὼν γὰρ οὗτοι οἱ λόγοι οἱ αὐτοὶ τῷ Ἡρακλείτου· ὁ γὰρ λέγων
35 ἐτι πάντ' ἀληθῆ, καὶ πάντα ψευδῆ καὶ χωρὶς λέγει τῶν 1012^b λόγων ἐκύτερον τούτων, ὥστ' εἴπερ δόξματα ἐκεῖνα, καὶ ταῦτα δόξματα εἶναι.

Похоже, что утверждение Гераклита, по которому *все есть и не есть*, делает все истинным, а утверждение Анаксагора, по которому существует нечто промежуточное между взаимоотрицающимися суждениями, — все ложным (ибо когда все смешается, смесь <эта будет> ни чем-то хорошим, ни чем-то нехорошим, так что нельзя <будет о ней> ничего сказать истинного). (8) Различивши все это, мы ясно видим, что высказываемое как раздельно, так и совокупно не может быть таким, как говорят некоторые, одни из которых утверждают, что ничто не истинно (ведь ничто не запрещает, говорят они, чтобы со всяким утверждением обстояло так же, как с <утверждением> о соизмеримости диагонали), а другие — что все истинно. Эти тезисы — почти тождественны Гераклитовскому, ибо утверждающий, что *все истинно*, утверждает и то, что все ложно, и каждое из этих суждений по отдельности, так что если **невозможно** это, то не может быть и того.

Cf. Alex. (p. 336,13 Hayduck) [→] = Asclep. (p. 298,28 Hayduck) [→] *comm. in h. l.* || 32—33 τὴν διάμετρον etc.] cf. 983^a19, 1047^b6.

24—26 ποιεῖν] Mfo A 7 || 26 ὁ δ' — 28] Anaxag. A 61 (Lanza)

[EJA^b] 27 πάντα] ὥστε πάντα EJ uer. Moerb. Ascl. || 29 τὰ del. Diès. ap. Tricot || 30 καὶ τὰ κατὰ codd. rec. (teste Ross), Alex. comm. (teste Jaeger), ret. Jaeger: καὶ κατὰ EJA^b Ross || 32 κωλύει EJ uer. Moerb. Alex. (cit.): κωλύει A^b Ascl. (cit.) || 34 οὗτοι A^b Ascl. (cit.): αὐτοῖς EJ uer. Moerb. || τοῖς τοῦ A^b Alex. (com.) || Ἡρακλείδου A^b || post ὁ γὰρ ἤ, non post φευδῇ (ut edd.) punctuandum puto (cf. 1009^a 13—15 [← T 139], 1012^a24—26 [↑], 1063^a36—^b1 [→ T 141]).

7

T 141

(a) *Metaph.* K 5, 1061^b34—1062^b41 (Ross; Jaeger)

ἔστι δέ τις ἐν τοῖς οὖσιν ἀρχὴ περὶ ἣν οὐκ ἔστι διεφεῦ-
 35 σθαι, τοῦναντίον δὲ ἀναγκαῖον δεῖ ποιεῖν, λέγω δὲ ἀληθεύειν,
 οἷον ὅτι οὐκ ἐνδέχεται τὸ αὐτὸ καθ' ἓνα καὶ τὸν αὐτὸν χρό-
 1062 νον εἶναι καὶ μὴ εἶναι, καὶ τὰλλα τὰ τοῦτον αὐτοῖς ἀντι-
 κείμενα τὸν τρόπον. καὶ περὶ τῶν τοιούτων ἀπλῶς μὲν οὐκ
 ἔστιν ἀποδείξις, πρὸς τόνδε δὲ ἔστιν· οὐ γὰρ ἔστιν ἐκ πιστο-
 τέρας ἀρχῆς αὐτοῦ τούτου ποιήσασθαι συλλογισμόν, δεῖ δέ γ'
 5 εἴπερ ἔσται τὸ ἀπλῶς ἀποδεοεῖσθαι. πρὸς δὲ τὸν λέγοντα
 τὰς ἀντικείμενας φάσεις τῷ δεικνύντι διότι φευδος ληπτέον
 τι τοιοῦτον ὃ ταῦτ' οὐ μὲν ἔσται τῷ μὴ ἐνδέχεσθαι ταῦτ' εἶναι
 καὶ μὴ εἶναι καθ' ἓνα καὶ τὸν αὐτὸν χρόνον, μὴ δόξει δ'
 εἶναι ταῦτ'· οὕτω γὰρ μόνως ἂν ἀποδειχθεῖη πρὸς τὸν
 10 φάσκοντα ἐνδέχεσθαι τὰς ἀντικείμενας φάσεις ἀληθεύεσθαι
 κατὰ τοῦ αὐτοῦ. τοὺς δὲ μέλλοντας ἀλλήλοις λόγου κοινω-
 νήσειν δεῖ τι συνιέναι αὐτῶν· μὴ γιγνομένου γὰρ τούτου πῶς
 ἔσται κοινωνία τούτοις πρὸς ἀλλήλους λόγου; δεῖ τοίνυν τῶν
 ὀνομάτων ἕκαστον εἶναι γινώριμον καὶ δηλοῦν τι, καὶ μὴ

15 πολλά, μόνον δὲ ἔν· ἂν δὲ πλείονα σημαίνει, φανερόν ποιεῖν
 ἐφ' ὃ φέρει τοῦνομα τούτων. ὃ δὲ λέγων εἶναι τοῦτο καὶ μὴ
 εἶναι, τοῦτο ὃ φησιν οὐ φησιν, ὥσθ' ὃ σημαίνει τοῦνομα τοῦτ'
 οὐ φησι σημαίνειν· τοῦτο δ' ἀδύνατον. ὥστ' εἴπερ σημαίνει τι
 τὸ εἶναι τόδε, τὴν ἀντίφασιν ἀδύνατον ἀληθεύειν κατὰ τοῦ
 20 αὐτοῦ. ἔτι δ' εἴ τι σημαίνει τοῦνομα καὶ τοῦτ' ἀληθεύεται, δεῖ
 τοῦτ' ἐξ ἀνάγκης εἶναι· τὸ δ' ἐξ ἀνάγκης ὅν οὐκ ἐνδέχεται
 ποτε μὴ εἶναι· τὰς ἀντικειμένας ἄρα οὐκ ἐνδέχεται φάσεις
 ἀληθεύειν κατὰ τοῦ αὐτοῦ. ἔτι δ' εἰ μὴδὲν μᾶλλον ἢ
 φύσις ἢ ἡ ἀπόφασις ἀληθεύεται, ὃ λέγων ἄνθρωπον ἢ
 25 οὐκ ἄνθρωπον οὐθὲν μᾶλλον ἀληθεύσει· δόξειε δὲ καὶ οὐχ
 ἔππον εἶναι φάσκων τὸν ἄνθρωπον ἢ μᾶλλον ἢ οὐχ ἦττον
 ἀληθεύειν ἢ οὐκ ἄνθρωπον, ὥστε καὶ ἔππον φάσκων εἶναι
 τὸν αὐτὸν ἀληθεύσει (τὰς γὰρ ἀντικειμένας ὁμοίως ἦν ἀλη-
 θεύειν)· συμβαίνει τοίνυν τὸν αὐτὸν ἄνθρωπον εἶναι καὶ ἔππον
 30 ἢ τῶν ἄλλων τι ζώων.—ἀπόδειξις μὲν οὖν οὐδεμία τούτων ἐστὶν
 ἀπλῶς, πρὸς μέντοι τὸν ταῦτα τιθέμενον ἀπόδειξις. ταχέως
 δ' ἂν τις καὶ αὐτὸν τὸν Ἑράκλειτον τοῦτον ἐρωτῶν τὸν
 τρόπον ἠνάγκασεν ὁμολογεῖν μηδέποτε τὰς ἀντικειμένας
 φάσεις δυνατόν εἶναι κατὰ τῶν αὐτῶν ἀληθεύεσθαι· νῦν δ'
 35 οὐ συνειδὶς ἑαυτοῦ τί ποτε λέγει, ταύτην ἔλαβε τὴν δόξαν.
 ὅπως δ' εἰ τὸ λεγόμενον ὑπ' αὐτοῦ ἐστὶν ἀληθές, οὐδ' ἂν αὐτὸ
 1062^b τοῦτο εἴη ἀληθές, λέγω δὲ τὸ ἐνδέχεσθαι τὸ αὐτὸ καθ' ἕνα
 καὶ τὸν αὐτὸν χρόνον εἶναί τε καὶ μὴ εἶναι· καθάπερ γὰρ
 καὶ διηρημένων αὐτῶν οὐδὲν μᾶλλον ἢ κατάφασις ἢ ἡ ἀπο-
 φασις ἀληθεύεται, τὸν αὐτὸν τρόπον καὶ τοῦ συναμφοτέρου
 5 καὶ τοῦ συμπεπλεγμένου καθάπερ μιᾶς τινὸς καταφάσεως
 οὔσης οὐθὲν μᾶλλον ἢ ἀπόφασις ἢ τὸ ὅλον ὡς ἐν καταφάσει
 τιθέμενον ἀληθεύεται. ἔτι δ' εἰ μὴδὲν ἔστιν ἀληθὲς κατα-
 φῆσαι, καὶ αὐτὸ τοῦτο ψεύδος εἴη τὸ φάναι μηδεμίαν
 ἀληθῆ κατὰφασιν ὑπάρχειν. εἰ δ' ἔστι τι, λύοιτ' ἂν τὸ
 10 λεγόμενον ὑπὸ τῶν τὰ τοιαῦτα ἐνισταμένων καὶ παντελῶς
 ἀναιρούντων τὸ διαλέγεσθαι.

Однако есть в отношении всего сущего такое начало, имея дело с которым невозможно ошибиться, так как оно всегда неизбежно приводит к обратному (т. е.,— к истине). А именно: не может то же самое в одно и то же вре-

мя быть и не быть и <сочетать в себе> все прочие подобным образом взаимно противоположные <свойства>. Такие утверждения нельзя доказать в общем виде, но такому-то <конкретному лицу> — можно. Действительно, построить умозаключение на начале, более заслуживающем доверия, чем это, невозможно, хотя именно это и требуется для доказательства в общем виде. Обращаясь же к <конкретному лицу>, высказывающему противоположные утверждения, и желая показать ему, почему это — ложь, надобно взять что-нибудь такое, что было бы тождественно утверждению «то же самое не может быть и не быть <таким-то> в одно и то же время», но тождественным бы не казалось: только так можно опровергнуть говорящего, будто противоположные утверждения могут быть истинными об одном и том же. Люди, собирающиеся между собой общаться, должны же хоть каплю понимать друг друга! Если этого не происходит, как же будет протекать их разговор? Стало быть, нужно, чтобы каждое имя было им знакомо и что-то обозначало, но не множество вещей, а только одну; а если оно обозначает несколько предметов, надо объяснить, к какому из них относится имя. Итак, кто утверждает, что то-то и есть, и не есть <такое-то>, тот отрицает то, что говорит, тем самым отрицая, что имя значит то, что оно значит, а это невозможно. Так что ежели «быть тем-то» что-то значит, противоположное утверждение о том же не может быть истинным. Далее, если имя <вещи> значит то-то и это <значение> соответствует истине, то она по необходимости есть <такая-то>; а то, что по необходимости есть <такое-то>, то никак не может <им> не быть. Итак, противоположные высказывания о том же не могут соответствовать истине. Далее, если утверждение ничуть не более соответствует истине, чем отрицание, говорящий <о ком-то, что он> человек, ничуть не ближе будет к истине, чем говорящий <, что он> не человек; причем, говорящий, что <этот> человек — не лошадь, как будто ближе будет к истине, или не дальше от нее, чем <говорящий, что он> не человек, так что и тот, кто утверждает, что он же есть лошадь, не будет ошибаться (поскольку противоположные <высказывания> были <признаны> одинаково истинными). Стало быть получается, что человек — то же, что лошадь или любое другое животное. — Итак в общем виде доказательства этих <положений> не существует, но против того, кто устанавливает такие <противоречащие им тезисы, это> — доказательство. Быстро бы удалось заставить признать и самого Гераклита, задавая ему такие вопросы, что противоположные высказывания об одних и тех же вещах никогда не могут быть истинными; ныне же, не уяснив себе смысла собственных своих слов, он принял такое вот мнение. Вообще, если то, что он говорит, истинно, то оно же будет и неистинно (я имею в виду <утверждение, будто> *то же самое может в одно и то же время и быть, и не быть*), ибо подобно тому, как, если взять эти утверждения по отдельности, отрицание не более соответствует истине, чем утверждение, таким же образом, если взять их вместе и сопрячь в некое единое утверждение, отрицание <его> ничуть не более будет соответствовать истине, чем <само это> целое, полагаемое в виде утверждения. Далее, если вообще нельзя что-либо истинно утверждать, то будет ложным и само это <утверждение>, будто нет ни единого истинного утверждения. А коли есть, тогда бы рассыпалось в прах и то, что заявляют выдвигающие такие <возражения> и препятствующие всякому диалогу.

Cf. Alex. *comm.* in h. l. (p. 651,2 Hayduck) [→] || 1061^b34—1062^a2 || cf. 1005^b8—34 [partim ← T 138] || 1062^a2—5 || cf. 1006^a5—18 || 5—19 || cf. 1006^a18—1007^a20 || 19—23 || cf. 1006^b28—34 || 23—30 || cf. 1007^b18—1008^a2 || 31—35 || cf. 1005^b23—26 [← T 138] || 36—^b7 || cf. 1008^a4—7 || ^b7—9 || cf. 1012^b13—18.

[EJA^b] 1061^b34 ἔστι₂ EJ uer. Moerb. Alex.: ἔσται A^b || 1062^a1 αὐτοῖς Brandic: αὐτοῖς EJA^b uer. Moerb. || 4 συλλογισμὸν A^b Alex. (cit.): τὸν συλλ. EJ || 5 ἔστι J || 8 δόξει EJ Alex. (cit.): δόξει A^b: δόξει E (γρ.) || 9 ὁ νόμος A^b || 12 αὐτῶν Alex. (paraphr.) Bonitz: αὐτῶν EJA^b uer. Moerb. || 13 ἔσται codd. recc. Alex. (paraphr., ut uid.): ἔστι EJA^b uer. Moerb. || 15 πλεῖω A^b || 16 ταῦτο Apelt (fort. recte) || 17 τοῦτο om. Alex. (cit.) || ὁ A^b Alex. (ut uid.): ὁ ἔλως εἶναι EJ uer. Moerb. || 17—18 τοῦτου φησὶν J || 18 τοῦτου J || 19 ἰδύνατον ἀληθεύειν A^b Alex. (paraphr., ut uid.): ἀλ. ἀδ. EJ || κατὰ τοῦ αὐτοῦ EJ Alex. (paraphr.): om. A^b; cf. 34 || 20 δεῖ A^b Alex. (ut uid.): δεῖ καὶ EJ uer. Moerb. || 22 ποτε A^b: τότε EJ: om. Alex. (paraphr.) || post ἐνδέχεται] τότε (sic) — ἐνδέχεται iteravit E [εἰσείεις] καὶ ἀποδείξεις add. EJ, ret. Ross: om. A^b, Jaeger; cf. 33—34 || 26 ἴ₁ A^b Alex. (cit.) E²: καὶ J uer. Moerb. || 27 ἴ om. E¹, add. E² || 32 ἐρωτῶν A^b Alex.: ἐρωτήσας EJ || 35 συνεις A^b E (γρ.) Alex. (cit.): συνεις EJ || αὐτοῦ EJ Alex. (cit.): αὐτοῦ A^b || ^b₁ εἴη ἀληθές A^b Alex. (lem.): ἀληθές εἴη EJ uer. Moerb. || 3 ἡ ἡ || J || 5 τινός μιᾶς A^b || 6 οὐθὲν μᾶλλον <ἡ> ἢ ἀπ. [ἡ] scr. et οὐθὲν ἦττον ἢ ἀπ. ἡ ci. Ross || 7 ἀληθεύεται A^b: -έεται Alex. (cit. et lem.): ἀληθές ἔσται EJ uer. Moerb.: ἀληθεῖς ἔσονται Alex. (paraphr.) || ἀληθῶς] ἀληθές Alex. (cit.).

T 142

(b) K 6, 1063^b24

οὔτε δὴ καθ' Ἡράκλειτον

25 ἐνδέχεται λέγοντας ἀληθεύειν, οὔτε κατ' Ἀναξαγόραν· εἰ
δὲ μή, συμβήσεται τάναντία τοῦ αὐτοῦ κατηγορεῖν· δταν
γὰρ ἐν παντὶ φησι παντὸς εἶναι μοῖραν, οὐδὲν μᾶλλον εἶναι
φησι γλυκὺ ἢ πικρὸν ἢ τῶν λοιπῶν ὁποιοῦν ἐναντιώσεων,
εἴπερ ἐν ᾧ παντὶ πᾶν ὑπάρχει μὴ δυνάμει μόνον ἀλλ' ἐνε-
30 γείαι καὶ ἀποκεκριμένον. ὁμοίως δὲ οὐδὲ πάσας ψευδεῖς οὐδ'
ἀληθεῖς τὰς φάσεις δυνατόν εἶναι, δι' ἄλλα τε πολλὰ τῶν
συναχθέντων ἂν δυσχερῶν διὰ ταύτην τὴν θέσιν, καὶ διότι
ψευδῶν μὲν οὐσῶν πασῶν οὐδ' αὐτὸ τοῦτό τις φάσκων ἀλη-
θεύσει, ἀληθῶν δὲ ψευδεῖς εἶναι πάσας λέγων οὐ ψεύσεται.

Стало быть, нельзя выразить истину, ни высказываясь по Гераклиту, ни <высказываясь> по Анаксатору, иначе получится, что о том же самом утверждается противоположное. Ибо когда последний говорит, что во всем есть часть всего, он ничуть не более утверждает, что <данная вещь> — сладкая, чем то, что она горькая, или обладает любым из прочих противоположных <качеств>, — если только всё во всем не только потенциально, но и актуально и раздельно. Точно так же, высказывания не могут быть ни ложными все, ни — истинными, помимо целого ряда трудностей, вытекающих из этого тезиса, между прочим и потому, что, будь они все ложными, само это утверждение не было бы истинным, а будь <они все> истинными, то не было бы ложным и утверждение, что они <все> ложны.

Cf. 1012^a24—^b48 [partim ← T 140]; Alex. *comm.* in h. l. (p. 658,7 Hayduck)

24—26 κατηγορεῖν] Mfo A 7, Schl p. 440 || 24—30 ἀποκρινόμενον] Anaxag. A 61 (Lanza)

[EJA^b] 29 πᾶν E : om. J uer. Moerb. : πάντα A^b Alex. (ut uid.) || 33 τις τοῦτο A^b

(a) *Top.* Θ 5, 159^b27 (p. 175 Ross)

ἀν

δ' ἐτέρου δόξαν διαφυλάττει ὁ ἀποκρινόμενος, ὁῦλον δτι πρὸς
τὴν ἐκείνου διάνοιαν ἀποβλέποντα θετέον ἕκαστα καὶ ἀρνητέον.
30 διὸ καὶ οἱ κομίζοντες ἀλλοτριᾶς δόξας, οἷον ἀγαθὸν καὶ
κακὸν εἶναι ταῦτόν, καθάπερ Ἡράκλειτός φησιν, οὐ διδῶσι
μὴ παρεῖναι ἅμα τῷ αὐτῷ τάναντία, οὐχ ὥς οὐ δοκοῦν αὐ-
τοῖς τοῦτο, ἀλλ' ὅτι καθ' Ἡράκλειτον οὕτω λεκτέον.

Если отвечающий <на диспуте> придерживается мнения, принадлежащего другому, каждый <его тезис> надо, очевидно, принимать и отвергать, обращая внимание на образ мыслей последнего. Вот почему те, кто приводит чужие мнения вроде «хорошее и дурное — одно и то же», как говорит Гераклит, не соглашаются <с утверждением>, что противоположности не существуют в одном и том же, причем — не потому, что они считают иначе, а потому что так следует говорить согласно Гераклиту.

Cf. Alex. *comm.* in h. l. (p. 552,22 Wallies) || 30—31 ἀγαθὸν καὶ κακὸν εἶναι ταῦτόν] cf. → T 144 et Hippol. *Ref.* IX, 10, 3 [→], etiam Arist. (*Metaph.* Γ 7, 1012^a27 [← T 140]; K 6, 1062^b15 τοῦτου δὲ γιγνομένου (sc. ὡς φησι Πρωταγόρας) τὸ αὐτὸ συμβαίνει καὶ εἶναι καὶ μὴ εἶναι, καὶ κακὸν καὶ ἀγαθὸν εἶναι, καὶ τᾶλλα τὰ κατὰ τὰς ἀντικειμένας λεγόμενα ἁπλῆς... (et Alex. in *Metaph.* p. 652,2 H.)

30—33 Wzr ad B 58, Byw ad 57 || 30 οἷον — 31 φησιν] Schl p. 440 || 30 ἀγαθὸν — 31 ταῦτόν] Byw 57, cf. DK B 58

[ABCDu] 30 οἷον τὸ ἀγ. καὶ τὸ Alex. (cit.) || 32 οὐ om. u || 33 δεκτέον C

T 144

(b) *Phys.* A 2, 185^b7; 16 (I, p. 32 Carteron; Ross),

λεγεται δ'

ἐν ἣ τὸ συνεχές ἢ τὸ ἀδιαίρετον ἢ ὧν ὁ λόγος ὁ αὐτός καὶ
εἷς ὁ τοῦ τί ἦν εἶναι, ὥσπερ μέθυ καὶ οἶνος. εἰ μὲν τοίνυν
10 συνεχές, πολλὰ τὸ ἐν· εἷς ἄπειρον γὰρ διαιρετὸν τὸ συνεχές.
16 ...ἀλλὰ μὴν εἰ ὡς ἀδιαίρετον, οὐθὲν ἔσται ποσὸν οὐδέ
ποιόν, οὐδέ ὅῃ ἄπειρον τὸ ὄν, ὥσπερ μέλισσός φησιν, οὐδέ
πεπερασμένον, ὥσπερ Παρμενίδης· τὸ γὰρ πέρας ἀδιαίρε-
τον, οὐ τὸ πεπερασμένον. ἀλλὰ μὴν εἰ τῷ λόγῳ ἐν τὰ

20 ὄντα πάντα ὡς λῶπιον καὶ ἱμάτιον, τὸν Ἡρακλείτου λόγον
 συμβαίνει λέγειν αὐτοῖς· ταύτων γὰρ ἔσται ἀγαθῶι καὶ κακῶι
 εἶναι, καὶ ἀγαθῶι καὶ μὴ ἀγαθῶι εἶναι — ὥστε ταύτων ἔσται
 ἀγαθὸν καὶ οὐκ ἀγαθόν, καὶ ἄνθρωπος καὶ ἵππος, καὶ οὐ περὶ
 τοῦ ἐν εἶναι τὰ ὄντα ὁ λόγος ἔσται ἀλλὰ περὶ τοῦ
 25 μᾶλλον — καὶ τὸ τοιωδὲ εἶναι καὶ τοσωδὲ ταύτων.

Единым называется либо сплошное, либо неделимое, либо то, у чего одно и то же понятие сути, как, например, хмельное и вино. Так вот если <единым называется> сплошное, то единое есть многое, ибо сплошное делимо до бесконечности [...] А если <единое понимать>, как неделимое, то у него не будет ни количества, ни качества, да и сущее не будет ни бесконечным, как говорит Мелисс, ни ограниченным, как говорит Парменид, ибо неделима граница, а не ограниченное ею. А если все сущее <считать> единым по понятию, как накидка и плащ, то получается, что они повторяют слова Гераклита, ибо одним и тем же будет «быть хорошим» и «быть дурным», «быть хорошим» и «быть нехорошим», стало быть одним и тем же будет хорошее и нехорошее, человек и лошадь, и речь будет идти не о единстве сущего, а ни о чем; и «быть таким-то» и «быть стольким-то» <будет> тем же.

Cf. Philop. *comm.* in h. l. (p. 41, 12; 49,3 Vitelli) || 20 λῶπιον καὶ ἱμάτιον] cf. *Metaph.* Γ 4, 1006^b22 εἰ δὲ μὴ σημαίνει ἕτερον τὸ ἄνθρωπος καὶ τὸ μὴ ἄνθρωπος, δῆλον ὅτι καὶ τὸ μὴ εἶναι ἀνθρώπῳ τοῦ εἶναι ἀνθρώπῳ, ὥστ' ἔσται τὸ ἀνθρώπῳ εἶναι μὴ ἀνθρώπῳ εἶναι· ἐν γὰρ ἔσται. τοῦτο γὰρ σημαίνει τὸ εἶναι ἐν, τὸ ὡς λῶπιον καὶ ἱμάτιον, εἰ ὁ λόγος εἷς· εἰ δὲ ἔσται ἐν, ἐν σημαίνει τὸ ἀνθρώπῳ εἶναι καὶ μὴ ἀνθρώπῳ (et *Top.* A 7, 103^a10; 27; Z 11, 149^a4; I 6, 168^a30; *Phys.* Γ 3, 202^b13) || 23 καὶ ἄνθρωπος καὶ ἵππος] cf. *Metaph.* K 5, 1062^a25—29 [← T 141]

19 ἀλλὰ — 25 Wzr ad B 58 || 19 ἀλλὰ — 25 μᾶλλον Byw ad 57 || 19 ἀλλὰ — 22 ἀγαθῶι εἶναι] Schl. p. 440 || 21 ταύτων — 22 εἶναι] cf. Byw 57 || 23 καὶ οὐ περὶ — 25 Schl. p. 443

[EFIJ] 8 ἐν EF Philop.: om. IJ || 9 ἔν om. E¹ || τοῖνον: οὖν F || 10 ἐν] ὄν F Philop.: ὄν ex ἐν fecit E || 16 οὐθέν] οὐκ Philop. || ἔστι FP || οὐδὲ] οὐδὲν F || 18—19 ἀδιαίρετον πέρας I || 19—20 πάντα τὰ ὄντα I || 20 ἱμάτιον ἐν, τὸν J || 21 ἔστι J || 22 εἶναι om. FJ Philop. || ἀγαθῶι — εἶναι] μὴ ἀγαθῶι εἶναι (εἶναι om. I, Carteron) καὶ ἀγαθῶι FIJ Carteron : μήτε ἀγαθῶι μήτε κακῶι Philop. || ταύτων] τὸ αὐτὸ FI || ἔσται] ἔσται καὶ I || 24 ἀλλὰ FIJ Philop.: αὐτοῖς ἀλλὰ E, uersio Arabo-latina, ret. Carteron || 25 καὶ₂] καὶ τὸ I Philop.

Rerum fluxus et fluminis imago
Всёобщее течение и образ реки

(Cf. etiam → T 175, T 178)

9

T 145

(a) *Top.* A 11, 104^b19 (Ross)

θεσις δὲ ἐστὶν ὑπόληψις παράδοξος τῶν
 20 γνωρίμων τινὸς κατὰ φιλοσοφίαν, οἷον ὅτι οὐκ ἔστιν ἀντι-
 λέγειν, καθάπερ ἐφη Ἀντισθένης, ἡ ὅτι πάντα κινεῖται, καθ'
 Ἡράκλειτον, ἡ ὅτι ἐν τὸ ὄν, καθάπερ Μῆλίσσος φησιν...

Тезис есть точка зрения сведуемого в философии человека, отличная от общепринятой, например — что невозможно противоречить, как утверждал Антисфен, или что все движется, согласно Гераклиту, или что сущее едино, как говорит Мелисс...

Cf. Alex. *comm.* in h. l. (p. 78,25 Wallies), Ammon. *in De int.* p. 9,10 (Busse); Philop. *in Phys.* p. 29,12 (Vitelli); Elias *in Cat.* prooem. p. 108,24 (Busse); Eustrat. *in Eth.* p. 37,28 (Heylbut); Steph. *in De int.* p. 2,17 (Hayduck) [→ Alex., Ammon., Philop., El., Eustr. Steph.]

21 ἡ ὅτι — 'Hράκλειτον] Mch 40 (b²) p. 197 = 140; Mfo A 6, p. 83; Colli A¹ 133

[ABCuD] 22 ὅν] πᾶν C¹

T 146

(b) *De caelo* Γ 1, 298^b14; 24 (Allan; p. 104 Moraux) [→ T 164]

οἱ μὲν γὰρ αὐτῶν (sc. τῶν πρότερον φιλοσοφούντων)
 15 ὁλως ἀνεῖλον γένεσιν καὶ φθοράν... 24 ἕτεροι δὲ τινες ὥπερ
 25 ἐπίτηδες τὴν ἐναντίαν τοῦτοις ἔσχον δόξαν. εἰσὶ γὰρ τινες οἱ
 φασιν οὐθὲν ἀγένητον εἶναι τῶν πραγμάτων, ἀλλὰ πάντα
 γίνεσθαι, γενόμενα δὲ τὰ μὲν ἄφθαρτα διαμένειν, τὰ δὲ
 πάλιν φθεῖρεσθαι, μάλιστα μὲν οἱ περὶ 'Ησίοδον, εἴτα καὶ
 τῶν ἄλλων οἱ πρῶτοι φυσιολογήσαντες. οἱ δὲ τὰ μὲν ἄλλα
 30 πάντα γίνεσθαί φασι καὶ ρεῖν, εἶναι δὲ παγίως οὐθὲν, ἐν
 δέ τι μόνον ὑπομένειν, ἐξ οὗ ταῦτα πάντα μετασχηματί-
 ζεσθαι πέφυκεν· ὅπερ ἑοίκασι βούλεσθαι λέγειν ἄλλοι τε
 πολλοὶ καὶ 'Ηράκλειτος ὁ 'Εφέσιος. εἰσὶ δὲ τινες καὶ οἱ
 πᾶν σῶμα γενητὸν ποιοῦσιν, συντιθέντες καὶ διαλύοντες εἰς
 299 ἐπιπεδα καὶ ἐξ ἐπιπέδων.

Одни (1) из них [философствовавших прежде] полностью отрицали возникновение и уничтожение... Другие (2), как будто нарочно, держались прямо противоположного взгляда. Ибо есть такие (а), кто полагает, что нет вообще невозникших вещей, но что все возникает, а возникнув — одно остается неуничтожимым, а другое снова уничтожается: таковы прежде всего люди круга Гесиода, а затем помимо них первые натурфилософы. Другие (b) полагают, что *все возникает и течет, и ничто не неизменно*, а лишь одна-единственная вещь сохраняется — то, из чего все возникает путем естественного переоформления; это, по-видимому, то, что хотел сказать среди многих прочих и Гераклит Эфесский. И наконец, есть такие (с), кто всякое тело считает возникшим, слагая его из плоскостей и разлагая на плоскости (*пер. А. В. Лебедева, с незн. изм.*)

Cf. Them. (p. 148,14 Landauer) [→] et Simpl. (p. 556,9 Heiberg) [→] in h. l. *comm.*

29 οἱ δὲ — 33 'Εφέσιος] Schl p. 447 = 88—9; Mch 40 (b²) p. 198 = 140; Mfo A 6, p. 82—3; Colli A¹ 132 (abbreviatum)

[EJHFLM] 15 ὁλως ἀνεῖλον E¹ (ut uid.) L Themist. Simpl. lemma (AF) uers. Moerb. : ἀνεῖλον ὁλως JHE² (in ras.) M Simpl. lemma (DE) : ἀνεῖλον F || 24 τινες om.

JF || 28 περι] περι τόν JE² Simpl. paraphr. || 30 γενέσθαι E || φασι EL uers. Moerb. : τέ φασι JFHM || 31 πάντα ταῦτα HM || 32 post πέφυκεν add. ὑπερβούλεται ἢ ἐν τῷ. T₁ αἰῶι παραγείνα E¹, exp. E² || βούλεσθαι λέγειν] λέγειν βούλεσθαι F : λέγειν L || 33 καὶ οἱ JHM : οἱ καὶ FL uers. Moerb. : οἱ E

T 147

(c)**De anima* A 2, 405^a28 (Ross [1961]) [→ T 180]

ἐν κινήσει δ' εἶναι τὰ ὄντα κακείνους (sc. Ἡράκλειτος) ὡς
καὶ οἱ πολλοί.

А что сущее находится в движении, и он [Гераклит] так считал, и большинство <философов>.

App. uide ad → T 180

10

T 148—149

(a) *Metaph.* A 6, 987^a32; (b) M 4, 1078^b12. — Vide ← T 90 [T 22, T 39, T 74] et T 93 [T 23] (*VDI*. 1986. № 3 [178]. P. 34—35).

T 150

(c) Γ 5, 1010^a1—15 (Ross. Jaeger) [← T 20, T 77] (*VDI*, 1985, № 4 [175], p. 33)

αἴτιον δὲ τῆς δόξης τούτοις ὅτι περὶ τῶν
ὄντων μὲν τὴν ἀλήθειαν ἐσκόπουν, τὰ δ' ὄντα ὑπέλαβον
εἶναι τὰ αἰσθητὰ μόνον· ἐν δὲ τούτοις πολλὴ ἡ τοῦ ἀορίστου
φύσις ἐνυπάρχει καὶ ἡ τοῦ ὄντος οὕτως ὥσπερ εἴπομεν·
5 διὸ εἰκότως μὲν λέγουσιν, οὐκ ἀληθῆ δὲ λέγουσιν (οὕτω γὰρ
ἁρμόττει μᾶλλον εἰπεῖν ἢ ὥσπερ Ἐπίχαρμος εἰς Ξενοφά-
νην). sequenta uide ← T 77

Причина же такого их [некоторых философов] мнения [будто ощущение есть разумение] — в том, что они высматривали истину относительно сущего, но в качестве сущего признавали лишь чувственные вещи, а в них есть много от природы неопределенного, природа же сущего такова, как мы говорили [актуально-потенциальна]. Поэтому говорят они правдоподобно, но не истинно (лучше сказать так, чем так, как сказал Эпихарм о Ксенофане). *Продолжение см.* ← T 77

Cf. Alexandri [→ Alex.; ← T 78], Asclepii [→ Ascl.; ← T 79], Syriani [→ Syr.; ← T 80, T 81] *comm.* in h. l.; etiam Ammonii [→ Ammon.; ← T 82] et Philoponis [→ Philop.; ← T 84] in *Arist. Cat.* p. 2,17 et 2,7 (Busse); Davidis *Proleg. philos.* p. 3,32

Busse [→ David; ← T 83]; Georg. Pachym. *De Mich. Paleol.* I, p. 340,6 (Bekker) cum Paraphr. anonym. *Schol.* (I, p. 656 Bekk.) [→ Pachym.; ← T 85—86] || 1 τῆς δόξης τούτοις] sc. ἐνίοις (1009^{a1}) ἔτι φρόνησις ἢ αἰσθησις (^{a13}) || 4 εἰπομεν] cf. 1009^{a32}—36

4 διὸ — 6 Ξενοφάνην] DK 21 A 15

[EJA^b] 4 ὥσπερ εἶπομεν] ὡς προείπομεν Alex. citatio

Γ 151

(d) Γ 8, 1012^{b22}

φανερὸν δ' ὅτι οὐδ'

οἱ πάντα ἡρεμεῖν λέγοντες ἀληθῆ λέγουσιν οὐδ' οἱ πάντα
κινεῖσθαι. εἰ μὲν γὰρ ἡρεμεῖ πάντα, ἀεὶ ταῦτά ἀληθῆ καὶ
25 ψευδῆ ἔσται, φαίνεται δὲ τοῦτο μεταβάλλον (ὃ γὰρ λέγων
ποτὲ αὐτὸς οὐκ ἦν καὶ πάλιν οὐκ ἔσται). εἰ δὲ πάντα κινεῖ-
ται, οὐθὲν ἔσται ἀληθές. πάντα ἄρα ψευδῆ. ἀλλὰ δέ-
δεικται ὅτι ἀδύνατον. ἔτι ἀνάγκη τὸ ὄν μεταβάλλειν. ἔκ-
τινος γὰρ εἷς τι ἡ μεταβολή. ἀλλὰ μὴν οὐδὲ πάντα ἡρε-
30 μεῖ ἢ κινεῖται ποτέ, ἀεὶ δ' οὐθὲν. ἔστι γὰρ τι ὃ ἀεὶ κινεῖ τὰ
κινούμενα, καὶ τὸ πρῶτον κινουὺν ἀκίνητον αὐτό.

Ясно, что грешат против истины и те, кто утверждает, будто все покоится, и те — будто *все движется*. Если все покоится, <одни и> те же суждения будут всегда истинными или всегда ложными, однако все это явно подвержено изменению (ведь и самого говорящего это когда-то не было и снова не будет); а если *все движется*, ничто не будет истинно, все, стало быть, <будет> ложно, но уже было показано, что это невозможно. К тому же, для изменения необходимо сущее: изменение ведь есть изменение чего-то во что-то. Однако неверно и то, что все покоится или движется какое-то время, но отнюдь не вечно: ибо есть нечто, что вечно движет движущимися вещами, а первый двигатель сам неподвижен.

Cf. Alex. et Asclep. [→] *comm. in h. l.* (p. 301,4 [Hayduck]) || 27 οὐθὲν ἔσται ἀληθές] cf. Plat. *Crat.* 439 B₁—440 D [← T 108], Arist. *Metaph.* 1063^{b24} [← T 142] et contrapone Plat. *Theaet.* 183 A 4 [← T 119], Arist. *Metaph.* 1012^{a24} [← T 140]

26 εἰ δὲ ἢ — 27 ἀληθές] Mch 40 (b²) p. 198 = 141

[EJA^b] 22—31 elleima ad 1010^{a35}—37 (καίτοι γε συμβαίνει τοῖς ἄρα φάσκουσιν εἶναι καὶ μὴ εἶναι ἡραμεῖν μᾶλλον φάναι πάντα ἢ κινεῖσθαι· οὐ γὰρ ἔστιν εἰς ὃ τι μεταβαλεῖ) pertinens, ab Aristotele uel potius ab editore antiquissimo adjectum, cens. Jaeger: in nonnullis libris deesse dicit Alex. || 24 πάντα] π. καὶ ἀεὶ A^b || ταῦτα J uers. Moerb. || 28 ἄν. τὸ ὄν] τὸ ὄν ἄν. A^b uers. Moerb. || 29 εἷς τι EJ uers. Moerb. Ascl. cit. et (ut uid.) Alex.: ἔστιν A^b || 30 ποτέ J uers. Moerb. Alex. paraphr. Asclep. cit.: ποτὲ δὲ A^b E || τι ὃ EJ uers. Moerb.; Alex. cit. Asclep.: τιν' ἢ A^b || 30—31 κινεῖ τὰ] κινεῖται A^b || 31 πρῶτως E^{yp} || αὐτό] αὐτὸ ἀρχὴ λέγεται A^b (ἀρχὴ λέγεται initium sequentis libri est ap. EJ uers. Moerb., Ascl. cit.)

(e) K 6, 1063^a10; 17; 28; ^b6

10

ὅλως δὲ

ἄτοπον ἐκ τοῦ φαίνεσθαι τὰ δεῦρο μεταβάλλοντα καὶ μηδέποτε διαμένοντα ἐν τοῖς αὐτοῖς, ἐκ τούτου περὶ τῆς ἀληθείας τὴν κρίσιν ποιεῖσθαι· δεῖ γὰρ ἐκ τῶν δεῖ κατὰ ταῦτὸ ἐχόντων καὶ μηδεμίαν μεταβολὴν ποιουμένων τάληθές θη-
 15 ρεύειν...

17 ἔτι δ' εἰ κίνησις

ἔστι, καὶ κινούμενόν τι, κινεῖται ἐξ παν ἑκ τινος καὶ εἰς τι· δεῖ ἄρα τὸ κινούμενον εἶναι ἐν ἐκείνῳ ἐξ οὗ κινήσεται καὶ
 20 οὐκ εἶναι ἐν αὐτῷ, καὶ εἰς τοῦ κινεῖσθαι καὶ γίνεσθαι ἐν τούτῳ, τὰ δὲ κατὰ τὴν ἀντίφασιν μὴ συναληθεύεσθαι κατ' αὐτούς. καὶ εἰ κατὰ τὸ ποσὸν συνεχῶς τὰ δεῦρο ρεῖ καὶ κινεῖται, καὶ τις τοῦτο θεῖη καίπερ οὐκ ἔληθές ὄν, διὰ τί κατὰ τὸ ποιοῦν οὐ μενεῖ;

28 ἔτι διὰ τί προσ-

τάττοντος τοῦ ἱατροῦ τοῦ δὲ σιτίου προσενέγκασθαι προσ-
 30 φέρονται; τί γὰρ μᾶλλον τοῦτο ἄρτος ἐστὶν ἢ οὐκ ἐστὶν; ὥστ' οὐθὲν ἂν διέχοι φαγεῖν ἢ μὴ φαγεῖν· νῦν δ' ὥς ἀληθεύοντες περὶ αὐτὸ καὶ ὄντος τοῦ προσταχθέντος σιτίου τούτου προσφέρονται τοῦτο· καίτοι γ' οὐκ ἔδει μὴ διαμενούσης παγίως μηδεμιᾶς φύσεως ἐν τοῖς αἰσθητοῖς ἀλλ' ἀεὶ πασῶν κινου-
 35 μένων καὶ ρεουσῶν. ἔτι δ' εἰ μὲν ἀλλοιοῦμεθα ἀεὶ καὶ μηδέποτε διαμένομεν οἱ αὐτοί, τί καὶ θαυμαστὸν εἰ μηδέποθ' ἡμῶν ταῦτὰ φαίνεται καθάπερ τοῖς κάμνουσιν...

1063^a

6 εἰ δὲ μὴ μεταβάλλομεν

ἀλλ' οἱ αὐτοὶ διατελοῦμεν ὄντες, εἴη ἂν τι μένον.

Вообще же нелепо, исходя из того, что здешние вещи явно изменяются и никогда не остаются в одних и тех же состояниях, — нелепо исходя из этого судить об истине: ибо преследовать истину надо, исходя из вещей, которые все время сохраняют одно и то же состояние и никакого не испытывают изменения... Далее, если есть движение, то есть и движущееся, а движется все от чего-нибудь к чему-нибудь; следовательно, надо, чтобы движущееся было в том <месте>, откуда оно будет двигаться, не было в нем, двигалось в другое место, в нем оказалось; но эти противоположные суждения истинны не одновременно, как считают они. И если все здешние вещи постоянно текут и движутся в отношении количества, и кто-то так считает, хотя это неверно, почему бы им не сохраняться в отношении качества?... Далее, почему, когда врач предписывает принять такую-то пищу, они ее приемлют? Действительно, почему это скорее хлеб, чем нехлеб? Так что вроде бы нет никакой разницы, съесть его или не съесть.

А они вот, как бы зная о нем истину и как бы соглашаясь, что предписанная пища — настоящая, принимают ее. Между тем, этого не следовало бы <делать>, коль скоро в чувственных вещах не остается никакой незыблемой природы, а все они все время текут и движутся. Далее, если мы все время изменяемся и никогда не остаемся одними и теми же, стоит ли удивляться тому, что нам никогда не представляется одно и то же, как это бывает с большими...? А если мы не изменяемся, а продолжаем быть теми же, значит что-то-таки остается <неизменным>!

Cf. Alex. *comm.* in h. l. || ^a10—15] cf. 1010^a25—32 || 17—21] cf. 1010^a35—^b1 || 22—24] cf. 1010^a22—25 || 28—35] cf. 1008^b12—27 || ^a35—37, ^b6—7] cf. 1009^b12—33

[EJA^b] ^a13 τὰ τὸ Jaeger (conl. 1009^a34) : τὰ τὰ codd. || 14 ἐχόντων EJ uers. Moerb. Alex. paraphr. : ὄντων A^b || 19 ἐν A^b Alex. cit. et (ut uid.) paraphr. : ἐτι ἐν EJ uers. Moerb. || καὶ οὐκ — 20 αὐτοῖ del. Christ || 19 οὐκ] μὴ A^b Alex. paraphr. || 20 τῶς A^b || 21 τὰ Bonitz (conl. 24 et 1062^b17) : τὸ codd., Alex. cit. || συναλγηθεύεσθαι A^b Alex. paraphr.; ἀλγηθεύεσθαι EJ uers. Moerb. Alex. cit. || 24 μενεῖ (ut uid.) Alex. paraphr., Richards, Ross : μένει codd., Jaeger || 30 τοῦτο om. EJ uers. Moerb. || 31 διέχου A^b Alex. cit. : τι ἐχοι EJ uers. Moerb. || ἀλγηθεύοντος A^b || 33 γ' om. A^b Alex. cit. || 35 αἰ om. A^b || 36 διαμένωμεν E || καὶ om. A^b || ^b7 τι ἐν EJ

11

T 153

(a) Phys. Θ 3, 253^b9 (II, p. 108 Carteron; Ross)

καὶ φασί

10 τινες κινεῖσθαι τῶν ὄντων οὐ τὰ μὲν τὰ δ' οὐ, ἀλλὰ πάντα καὶ αἰεὶ, ἀλλὰ λανθάνειν τοῦτο τὴν ἡμετέραν εἰσθησιν. πρὸς οὗς, καίπερ οὐ διορίζοντις ποίαν κίνησιν λέγουσιν ἢ πάσας, οὐ χαλεπὸν ἀπαντῆσαι. οὔτε γὰρ ἀβέβαιον οὔτε φθίνειν οἶδόν τε συνεχῶς, ἀλλ' ἔστι καὶ τὸ μέσον...

Некоторые и говорят: дело происходит не так, чтобы одни из существующих предметов двигались, другие нет, но *все и всегда движутся*, только это скрыто от наших чувств. Хотя они и не указывают, о каком именно движении или же о всех идет речь, возразить им нетрудно, так как ни расти, ни убывать нельзя непрерывно, но всегда имеется среднее состояние... (*пер. В. П. Карпова* [² 1937]).

Cf. Simplic. *comm.* in h. l. (II, p. 1196,8 Diels) [→] || 12 ποίαν κίνησιν etc.] cf. *infra* ad T 154 (^a5)

9—11 αἰσθησιν] Mch 40 (^b2) p. 198 = 141; cf. Schl p. 362 = 33

[EFHIJK] 9 καὶ φασί] φασί E: φασί δὲ (aut μὲν) δὴ Themist. || 11 λανθάνει E² || 12 γ' <εἰ> Thoresby Jones || πᾶσαν I || 13 ἀπαντῶν J¹ || 14 ἔστι (ἔστι δὲ Simpl.) x. τὸ μ. om. E

T 154

(b) Θ 8, 265^a2 (II, p. 136)

ὁ ἥλον

οἷν ἐκ τούτων διτι οὐδ' οἱ φυσιολόγοι καλῶς λέγουσιν οἱ πάντα τὰ αἰσθητὰ κινεῖσθαι φάσκοντες αἰεὶ. κινεῖσθαι γὰρ ἀνάγκη

5 τούτων τινὰ τῶν κινήσεων. καὶ μάλιστα <κινεῖσθαι> κατ'ἐκεί-
 νους ἐστὶν ἀλλοιοῦσθαι· βεῖν γάρ φασιν αἰεὶ <καὶ αὐξάνεσθαι>
 καὶ φθίνειν· ἔτι δὲ καὶ τὴν|γένεσιν καὶ τὴν φθορὰν ἀλλοίωσιν
 λέγουσιν.

Отсюда ясно, что неправильно говорят философы природы, утверждающие, что все чувственные вещи всегда движутся; необходимо ведь двигаться каким-нибудь из указанных движений. Более того, <движение>, по их мнению, есть изменение: ведь они говорят, что *все течет*, <растет> и убывает; да и возникновение и уничтожение они тоже называют изменением (пер. В. П. Карпова [2 1937] с изм.).

Cf. Simplific. comm. in h. l. (II, p. 1313,8 Diels) [→] || 5 τούτων τινὰ τῶν κινήσεων] cf. 264^b30—34 (etiam 226^a23—^b1) et Plat. Theaet. 181 C 3 — 184 A 2 [←T 118, T 119]

Mch 40 (b²) 198—9 = 141

[EFHIJK] 5 τινὰ τούτων FHJ || post κινήσεων interpuncti et κινεῖσθαι addidi ἐστὶν del. Ross || 6 αἰεὶ φασι FHI || καὶ αὐξάνεσθαι addidi || 7 ἀλλοίωσιν δὲ λέγουσιν E¹

12

T 155

(a) Phys. E 4, 228^a6 (II, p. 21—2 Carteron; Ross)

ἔχει

δ' ἀπορίαν ταύτην παραπλησίαν καὶ πότερον μία ἢ ὑγίεια
 καὶ ὅπως αἱ ἔξεις καὶ τὰ πάθη τῇ οὐσίᾳ εἰσὶν ἐν τοῖς σώ-
 μασιν· κινούμενα γὰρ φαίνεται τὰ ἔχοντα καὶ ρέοντα.

Вот затруднение, подобное вышеприведенному: едино ли здоровье? И вообще: едины ли по сущности состояния и свойства в телах? Ведь их обладатели явно *движутся и текут*.

Cf. Simplific. comm. in h. l. (II, p. 887,1 Diels) [→] || 7 ταύτην] cf. 228^a3—6

7 πότερον — 9] Mch 40 (b²) p. 199 = 141

[EFHIJ] 7 μία] μία ὑγίεια F

(b) Meteor. B 3, 357^b26 (I, p. 63 Louis)

T 156

καὶ δὴ καὶ περὶ οὗ ἀπορῆσαι πρότε-
 ρον ἀναγκαῖον, πότερον καὶ ἡ θάλαττα αἰεὶ διαμένει τῶν
 αὐτῶν οὔσα μορίων ἀριθμῶι ἢ τῶι εἶδει καὶ τῶι ποσῶι μετα-
 βαλλόντων αἰεὶ τῶν μερῶν, καθάπερ ἀῆρ καὶ τὸ πότιμον
 30 ὕδωρ καὶ πῦρ. αἰεὶ γὰρ ἄλλο καὶ ἄλλο γίγνεται τούτων ἑκα-
 στον, τὸ δ' εἶδος τοῦ πλήθους ἐκάστου τούτων μένει, καθάπερ
 τὸ τῶν ρέοντων ὑδάτων καὶ τὸ τῆς φλογὸς ρεῦμα.

Но, необходимо, конечно, сперва рассмотреть такое затруднение: сохраняется ли всегда и море по числу, состоя из одних и тех же частей, или же только по виду и количеству, в то время как части его постоянно сме-

няются, как <это происходит> в воздухе, в пресной воде и в огне? Ибо каждый из этих элементов становится все другим и другим, вид же его массы сохраняется, как, например, в потоке вод текущих или пламени горящего.

[A^eB³EFHJL^eM^eNW^e(cS)] 26 οὗ] τούτων N²||προαπορῆσαι EW^e|| 27 πότερον ex πρότερον corr. E || 27—28 τὸν αὐτὸν N¹|| 29 μερῶν] μορίων JFHNA^eL^eM^e|| ἀτρ] ἂν F¹M^e|| τὸ sup. scrips. F || 30 ἐεῖ — 32 ῥεῖμα interclusionem distinx. Bonitz, Fobes

T 157

(c) *Politica* Γ 3, 1276^a34 (p. 272 Susemihl; Ross)

ἀλλὰ τῶν αὐτῶν κατοικούντων τὸν αὐτὸν τόπον,
35 πότερον ἕως ἄν ᾗ τὸ γένος ταύτὸ τῶν κατοικούντων, τὴν
αὐτὴν εἶναι φατέον πόλιν, καίπερ αἰεὶ τῶν μὲν φθειρομέ-
νων τῶν δὲ γινομένων, ὥσπερ καὶ ποταμοὺς εἰώθαμεν λέγειν
τοὺς αὐτοὺς καὶ κρήνας τὰς αὐτάς, καίπερ αἰεὶ τοῦ μὲν ἐπι-
γινομένου νάματος τοῦ δ' ὑπεξιόντος, ἢ τοὺς μὲν ἀνθρώπους
40 φατέον εἶναι τοὺς αὐτοὺς διὰ τὴν τοιαύτην αἰτίαν, τὴν δὲ
b₁ πόλιν ἑτέραν;

Но допустим, что одна и та же территория заселена одними и теми же обитателями; спрашивается: до тех пор пока обитатели ее будут одного и того же происхождения, следует ли их государство считать одним и тем же, несмотря на то что постоянно одни умирают, другие нарождаются? Не происходит ли здесь то же, что бывает с реками и источниками? Мы обыкновенно называем и реки и источники одними и теми же именами, хотя непрерывно одна масса воды прибывает, другая убывает. Или ввиду такого рода обстоятельств следует считать только обитателей одними и теми же, а государство признавать иным? (*пер. С. А. Жебелева* [²1984]).

37 ὥσπερ τοὺς ποταμοὺς — 39 ὑπεξιόντος] uide → R (Arist.)

[M^sP¹P²P³(H^a)] 36 ἐεῖ Bekker || 38—39 ἐπιγινομένου P²P³

Concordia discordantium
Согласие разногласных

13

[Comparationis gratia omnia citantur quae ad Aristotelis pertinent ἀπορίας περὶ φιλίας.
Sigla: A = thesis Οφ (τὰ ὅμοια φίλα) seu Επ (τὰ ἐναντία πολέμια) B = thesis
Οπ (τὰ ὅμοια πολέμια) seu Εφ (τὰ ἐναντία φίλα); I = poetarum epicorum dicta ac pro-
uerbia anonyma; II = philosophorum Euripidisque placita et dicta.]

T 158

(—) Plat. *Lys.* 213 E 4—214 B 6; 215 C 4—216 A 1 (Burnet; p. 143, 145—6 Croiset)

A [Οφ] (I) ...δοκεῖ μοι χρῆναι εἶναι, σκοποῦντα [τά] κατὰ
 214 τοὺς ποιητάς· οὗτοι γὰρ ἡμῖν ὥσπερ πατέρες τῆς σοφίας
 εἰσὶν καὶ ἡγεμόνες. λέγουσι δὲ δήπου οὐ φαύλως ἀποφαινό-
 μενοι περὶ τῶν φίλων, οἱ τυγχάνουσιν ὄντες· ἀλλὰ τὸν θεὸν
 αὐτὸν φασιν ποιεῖν φίλους αὐτοῦς, ἄγοντα παρ' ἀλλήλους.
 5 λέγουσι δὲ πως ταῦτα, ὡς ἐγώ μαι, ὡδί·

αἰεὶ τοι τὸν ὁμοῖον ἄγει θεὸς ὡς τὸν ὁμοῖον

B καὶ ποιεῖ γνῶριμον...

(II) οὐκοῦν καὶ τοὺς σοφωτάτων συγγράμ-
 μασιν ἐντετύχηκας ταῦτα ταῦτα λέγουσιν, ὅτι τὸ ὁμοιον τῷ
 ὁμοίῳ ἀνάγκη αἰεὶ φίλον εἶναι; εἰσὶν δὲ που οὗτοι οἱ περὶ
 5 φύσεώς τε καὶ τοῦ θλου διαλεγόμενοι καὶ γράφοντες...

215 B [Οπ/Εφ] (I) ...ἤδη ποτὲ τοῦ ἤκουσα
 C 5 λέγοντος, καὶ ἔρτι ἀναμνησέσθαι, ὅτι τὸ μὲν ὁμοιον τῷ
 ὁμοίῳ καὶ οἱ ἀγαθοὶ τοὺς ἀγαθοὺς πολεμιώτατοι εἶεν· καὶ δὴ
 καὶ τὸν Ἡσίοδον ἐπήγετο μάρτυρα, λέγων ὡς ἄρα

καὶ κεραμεὺς κεραμεὺς κοτέει καὶ αἰοιδὸς αἰοιδῷ
 καὶ πτωχὸς πτωχῷ,

D καὶ τὰλλα δὴ πάντα οὕτως ἔφη ἀναγκαῖον εἶναι μάλιστα τὰ
 ὁμοιότατα <πρὸς> ἀλλήλα φθόνου τε καὶ φιλονεικίας καὶ
 ἔχθρας ἐμπέμπασθαι, τὰ δ' ἀνομοιότατα φιλίας· τὸν γὰρ
 5 πένητα τῷ πλουσίῳ ἀναγκάζεσθαι φίλον εἶναι καὶ τὸν ἀσθενῆ
 τῷ ἰσχυρῷ τῆς ἐπικουρίας ἕνεκα καὶ τὸν κάμνοντα τῷ ἱατρῷ
 καὶ πάντα δὴ τὸν μὴ εἰδότα ἀγαπᾶν τὸν εἰδότα καὶ φιλεῖν.

E (II) καὶ δὴ καὶ ἔτι ἐπεξήκει τῷ λόγῳ μεγαλοπρεπέστερον,
 λέγων ὡς ἄρα παντὸς δέοι τὸ ὁμοιον τῷ ὁμοίῳ φίλον εἶναι,
 ἀλλ' αὐτὸ τὸ ἐναντίον εἴη τούτου· τὸ γὰρ ἐναντιώτατον τῷ
 ἐναντιωτάτῳ εἶναι μάλιστα φίλον. ἐπιθυμεῖν γὰρ τοῦ
 5 τοιούτου ἕκαστον, ἀλλ' οὐ τοῦ ὁμοίου· τὸ μὲν γὰρ ξηρὸν
 ὕγρου, τὸ δὲ ψυχρὸν θερμοῦ, τὸ δὲ πικρὸν γλυκέος, τὸ δὲ
 δεξιὸν ἀμβλέος, τὸ δὲ κενὸν πληρώσεως, καὶ τὸ πλήρες δὲ
 κενώσεως, καὶ τὰλλα οὕτω κατὰ τὸν αὐτὸν λόγον. τροφήν
 γὰρ εἶναι τὸ ἐναντίον τῷ ἐναντίῳ· τὸ γὰρ ὁμοιον τοῦ ὁμοίου
 216 οὐδὲν ἂν ἀπολαῦσαι.

...и

...и

...Нам следует идти далее, взяв в руководители поэтов; они ведь для нас как бы отцы мудрости и вожатые, и, разумеется, они говорят недурно, когда высказывают свое мнение о том, что такое дружба; а утверждают они, будто сам бог делает друзей друзьями, приводя их друг к другу. Говорят же они это, если не ошибаюсь, так:

Вечно поэтому бог подобного сводит с подобным и знакомит их... Ну а не попадались ли тебе сочинения великих мудрецов, в которых говорится то же самое, а именно, что подобное непременно всегда в дружбе с подобным? Это те, кто рассуждает и пишет о природе и о всей вселенной... Я уже однажды слышал от одного человека, и сейчас припоминаю об этом, будто подобное с подобным и хорошие с хорошими находятся в самой сильной вражде; он и Гесиода приводит в свидетели, утверждая, что конечно «Вот и горшечник горшечнику враг, аэд же — аэду, Также и нищему нищий», да и все прочее, по его словам, что наиболее подобно одно другому, непременно точно так же исполняется взаимною

злостью, ревностью и враждою. а что наименее подобно — дружбой. А именно, бедный вынужден быть другом богатого, слабый — ради помощи — другом сильного, больной другом врача, а всякий невежда, понятно, ценит и любит человека знающего. А дальше его речь стала величественнее, когда он сказал, что не только подобное совсем не может дружить с подобным, но что должно быть как раз обратное этому, именно самое противоположное всего более дружит с самым противоположным, потому что всякая вещь требует противоположного себе, а не подобного: сухое — влажного, холодное — горячего, горькое — сладкого, острое — тупого, пустое — полноты, полное — пустоты, и все прочее, по его словам, точно так же, потому что противоположное — пища противоположному, а подобное ничего не получает от подобного (*пер. М. С. Соловьева, с незн. изм.*)

214 A 6 Hom. Od. XVII, 218 (cf. → T 159, ^a7; T 160, ^a34; T 161, ^b10) || 215 C 4—5 του ἤκουσα λέγοντας] cf. ad E 1 || C 8 cf. Hes. Erga 25—26 καὶ κεραμεὺς κεραμεῖ κοτέει καὶ τέκτωνι τέκτων, / καὶ πτωχὸς πτωχῷ φθονέει καὶ τοιδὸς ἀοιδῷ (sed testes varie im-mutant) || E 1 τῷ λόγῳ μεγαλοπρεπέστερον an ad Heracliti grandem stilum alludit? (cf. Croiset in 216 A 2)

214 B 2—5 Empedocl. fr. 145 Bollack

[BTW] 213 E 5 τὰ del Heindorf || 214 B 3 ταῦτά Heindorf : αὐτὰ codd. || 215 D 3 πρὸς add. corrector. ap. cod. Coisl.

T 159

(a) *Eth. Eud.* H 1, 1235^a4 (p. 69—70 Sussehl)

ἀπορεῖται δὲ πολλὰ περὶ τῆς φιλίας.

A [Oφ]

5 (I) πρῶτον μὲν ὡς οἱ ἔξωθεν περιλαμβάνοντες καὶ ἐπὶ πλέ-
ον λέγοντες· δοκεῖ γὰρ <αὐ>τοῖς | μὲν τὸ ὁμοιον τῷ ὁμοίῳ
εἶναι φίλον, ὅθεν εἴρηται |

ὡς αἰεὶ τὸν ὁμοιον ἄγει θεὸς ὡς τὸν ὁμοιον·

καὶ γὰρ "κολοιὸς παρὰ κολοιόν"· καὶ |

ἔγνω δὲ ψῶρ τε ψῶρα, καὶ λύκος λύκον. |

10 (II) οἱ δὲ φυσιολόγοι καὶ τὴν ὅλην φύσιν διακοσμοῦσιν,
ἀρχὴν λαβόντες τὸ τὸ ὁμοιον εἶναι πρὸς τὸ ὁμοιον, διὸ
'Ἐμπεδοκλῆς καὶ τὴν κύν' | ἔφη καθεῖσθαι ἐπὶ τῆς κεραμίδος διὰ
τὸ ἔχειν πλεῖστον ὁμοιον. | οἱ μὲν οὖν οὕτω τὸ φίλον λέγουσιν.

B [Eφ/On]

(II) οἱ δὲ τὸ ἐναντίον τῷ ἐναντίῳ | φασὶν εἶναι φίλον, τὸ
15 μὲν γὰρ ἐρώμενον καὶ ἐπιθυμητὸν παρὰ | σιν εἶναι φίλον, ἐπιθυμεῖ
δὲ οὐ τὸ ξηρόν τοῦ ξηροῦ, ἀλλ' ὑγροῦ, | ὅθεν εἴρηται

ἔρῃ μὲν ὁμβροῦ γὰρ

καὶ τὸ

μεταβολὴ πάντων γλυκύ,|

ἡ δὲ μεταβολὴ εἰς τούναντίον.

(I) τὸ δ' ὅμοιον ἐχθρόν τῳ ὁμοίῳ· καὶ γὰρ|

κεραμεὺς κεραμεὺς κοτέει,|

(II?) καὶ τὰ ἀπὸ τῶν αὐτῶν τρεφόμενα πολέμια ἀλλήλοις ζῶια
20 | αὐταὶ μὲν οὖν αἱ ὑπολήψεις τοσοῦτον διεστῶσιν.

A [Οφ/Επ]

(II) αἱ μὲν γὰρ|τὸ ὅμοιον φίλον, τὸ δ' ἐναντίον πολέμιον,|

τῳ κλέονι δ' αἰεὶ πολέμιον καθίσταται|
τοῦλασσον, ἐχθρὰς δ' ἡμέρας κατάρχεται,|

ἔτι δὲ καὶ οἱ τόποι κεχωρισμένοι τῶν ἐναντίων, ἡ δὲ φιλία|
25 | δοκεῖ συνάγειν.

B [Εφ/Οπ]

(II) οἱ δὲ τὰ ἐναντία φίλα, καὶ Ἡράκλειτος | ἐπιτιμᾷ τῳ
ποιήσαντι |

ὥς ἔρις ἔκ τε θεῶν καὶ ἀνθρώπων ἀπόλοιτο,|

οὐ γὰρ ἂν εἶναι ἁρμονίαν μὴ ὄντος ὀξέος καὶ βαρέος, οὐδὲ τὰ|
ζῶια ἄνευ θήλεως καὶ ἄρρενος, ἐναντίων ὄντων.

Вопрос о дружбе создает много трудностей. — Во-первых, потому что <о нем высказываются> люди, подходящие к нему извне и слишком о нем толкующие. Ибо кажется им, что подобное дружит с подобным, вследствие чего говорится: «Вечно поэтому бог подобного сводит с подобным» и «ворон ведь к ворону», и «Узнаёт вора вор, а также волка волк». — А философы природы и ее всю упорядочивают, принимая в качестве начала, что «подобное стремится к подобному». Вот почему Эмпедокл и о собаке сказал, что она сидит на черепице из-за того, что она ей в высшей степени подобна. Итак, одни вот так определяют дружбу. — Другие же говорят, что противоположное дружит с противоположным, ибо все дружат с любимым и желанным, вследствие чего говорится «И жаждет ливня почва» и «Как перемена всем сладка» (перемена в противоположное). — А подобное враждебно подобному, ведь «И горшечник горшечнику враг», а живые существа,

питающиеся одним и тем же, воюют между собой. Вот насколько расходятся эти представления.

По одним, дружит подобное, а противоположное воюет, «И против большего всегда войной идет Меньшее, и ненависти день готовит». К тому же, противоположности занимают отдельные места, а дружба, как считают, сводит вместе. — По другим же, дружит противоположное и Гераклит *попрекает поэта, сказавшего: «Рознь из среды и богов и людей да исчезнет!» Ибо не было бы гармонии, не будь высокого и низкого, ни живых существ без женского и мужского, а это противоположности.*

Cf ← T 158, → T 160, T 161 || 7 Hom. *Od.* XVII, 218 (sed *αἰεὶ τοῖς...*), cf. ← T 158 (214 A 6), → T 160 (^a34 cum. app. I), T 161 (^b10) || 8 *κολοῖός — κολοῖόν*] *ignoti auctoris*, cf. → T 160 (^a35—35 cum app. I), T 161 (^b9—10) || 9 *ἔγνω — λόκον*] *ignoti auctoris*, cf. *Rhet.* 1371^b16 *ἔγνω δὲ θῆρ θῆρα* || 16 *ἔρᾱι — γαῖα*] Eurip. *fr.* 898,7 Nauck², cf. T 160 (^b2—4 cum app. I), T 161 (^b16—17) || *μεταβολή — γλυκύ*] Eurip. *Orest.* 234, cf. *Eth. Nic.* 1154^b28, *Rhet.* 1371^a28 || 18 Hesiod. *Erga* 25, cf. ← T 158 (C 7—8), → T 160 (^a35), Plut. *Mor.* 92 A || 19 cf. *Hist. anim.* 608^b19 || 22—23 Eurip. *Phoen.* 539—540 || 24 *οἱ τόποι — ἐναντίων*] fort. in Empedocl. DK 31 A 20a (← ^a11—12, → T 161, ^b11—14) *spectat* || 27 Hom. *Il.* XVIII, 107

11 *Ἑμπεδοκλῆς — 12 ὁμοίων*] DK 31 A 20a = fr. 147 Bollack (cf. → T 161, ^b11 — 14) || 25 *οἱ δὲ — 29*] Mch 28 (c²) /HEM/ = (b²) /E/ || 25 Hp. — 27 *ἀπόλοιτο*] Mfd 12 || 25 (καὶ) [Hp. — 29] DK A 22; Colli A¹ 127; Kahn 81A; Kirk p. 168, 243; Wzr B 9^a = A 22; Byw 43; Mull ad 46; Lass I p. 118; Schl p. 434 = 80—1

[M^bP^bC^v (et al.?) ed. Ald.] 5 περιλ- codd.: παραλ-Spengel || αὐτοῖς scripsi: τοῖς codd. || 8 *παρά*] *ποτὶ* ed. Paciana (1593) cum T 160 || 11 *τὸ τὸ M^bP^bC^v*: τὸ Ald. || 13 *τὸ φ. P^b*: τὸν φ. M^b Ald. || 15 *ἐπιθυμεῖν* ci. Fritzsche || *ἀλλ'*] *ἀλλὰ τοῦ M^b* || 17 *ἔχει ἐχθρόν M^bC^v* || 20 *αἱ*] *οἱ* ci. Fritzsche: ἡ Spengel || 23 *ἐχθρὰς* codd.: *ἐχθρὰς* cum Eurip. codd. Fritzsche || *ἡν ἔρας P^b* Eurip.: *ἡμέρα M^b* Ald. transl. lat. || 25 *οἱ*] *αἱ*? Sylburg: ἡ Spengel || *τὰ om. M^bP^bC^v* || 27 *καὶ*] *ἐκ τ'* (concl. Hom.) ci. Fritzsche: καὶ Rackham

T 160

b) *Eth. Nic.* Θ 2, 1155^a32 (p. 156 Bywater)

διαμφοισθητεῖται δὲ περὶ αὐτῆς οὐκ ὀλίγα.

I

A [Of] οἱ μὲν γὰρ | ὁμοιότητά τινα τιθέασιν αὐτὴν καὶ τοὺς ὁμοίους φίλους, | ὅθεν "τὸν ὁμοῖόν" φασιν "ὡς τὸν ὁμοῖον",
35 καὶ "κολοῖόν ποτὶ | κολοῖόν", καὶ τὰ τοιαῦτα.

^b1 B [Op] οἱ δ' ἐξ ἐναντίας "κεραμεῖς" πάντας | τοὺς τοιούτους ἀλλήλους φασὶν εἶναι.

II

B [Ef] καὶ περὶ αὐτῶν τούτων | ἀνώτερον ἐπιζητοῦσι καὶ ψυσιχώτερον, εὐριπίδης μὲν φάσκειν | "ἔρᾱν μὲν δμβρου γαῖαν ξηρανθεῖσαν, ἔρᾱν δὲ σεμνὸν οὐρανὸν | πληρούμενον δμβρου πε-

5 σεῖν ἐς γαῖαν", καὶ Ἡράκλειτος "τὸ | ἀντίξουν συμφέρον καὶ ἐκ τῶν διαφερόντων καλλίστην ἀρ|μονίαν καὶ πάντα κατ' ἔριν γίνεσθαι".

Α [Οφ] ἐξ ἐναντίας δὲ τοῦτοις | ἄλλοι τε καὶ Ἐμπεδοκλῆς· τὸ γὰρ ὁμοίον τοῦ ὁμοίου ἐφίεσθαι.

Споров из-за нее (дружбы) немало. Одни полагают ее в некоем подобии и говорят, что подобные дружны, откуда выражения «подобный с подобным», и «ворон к ворону», и прочее. А другие, напротив, утверждают, что все похожие относятся друг к другу как горшечники. Глубже и сообразнее с природой рассматривают эти вопросы: Эврипид, говорящий, что «иссохшая почва жаждет ливня» и что «святоточимое небо, дождем налившись, на землю жаждет пасть», и Гераклит, согласно которому «*τ ο ν ρ α ζ ο υ ε τ , τ ο σ ο ε δ ι ν η ε τ , ι ζ ρ α ζ ε δ ι ν η ю ц ι υ χ — γ α ρ μ ο ν ι α π ρ ε κ ρ α σ η ῖ σ α я , ι ε σ ε π ο ρ ο ζ δ α ε τ σ я Ρ ο ζ η ῖ ю*». А в противоположность им другие, в том числе и Эмпедокл, считают, что подобное стремится к подобному.

Cf. ← T 158, T 159, → T 161; in h. l. *Aspas. comm.* (p. 160,19 Heylbut) [→] et *Heliod. paraphr.* (p. 164,24 Heylbut) [→] || ^a32 αὐτῆς sc. φιλίας || 34 τὸν — ὁμοίον] *Hom. Od.* XVII, 218, cf. ← T 158 (214 A 6), T 159 (^a7), → T 161 (^b10), etiam *Democrit.* DK 68 A 128 (= *Luria* nr. 11, 316); *Plat. Gorg.* 510 B 3; [*Xenoph.*] *Ath. pol.* 3, 10; *Theophr. Char.* 29, 7 || 34—35 κολοῖον — κολοῖόν] *ignoti auctoris*, cf. ← T 159 (^a8), → T 161 (^b9—10), etiam *Democrit.* DK 68 A 128 (et B 164 = *Luria* nr. 11, 316), *Arist. Rhet.* 1371^b17 || 35 κεραμεῖς] *Hesiod. Erga* 25, cf. ← T 158 (C 7—8 cum app. I), T 159 (^a18) || ^b2 Εὐριπιδῆς — 4 γαῖαν] *Fr.* 898,7—10 *Nauck*², cf. ← T 159 (^a16), → T 161 (^b16—17), etiam *Magn. mor.* 1210^a15 || 7—8 Ἐμπεδοκλῆς etc.] cf. DK 31 B 22,4—5; B 62,6; B 90; B 10 (= *fr.* 231,4—5; 510,6; 543; 522 *Bollack* = 25,4—5; 53,6; 75; 77 *Wright*), etiam ← T 159 (^a11—12, 24), ← T 161 (^b11—14)

^b1 καὶ περὶ — 6 γίνεσθαι] *Byw* 46 || καὶ περὶ — 9] *Wzr* ad B 8 et *Empedocl. fr.* 146 *Bollack* || 2 Εὐριπιδῆς — 9] *Kirk* p. 220 || 4 (καὶ) Ἡράκλειτος — 6 γίνεσθαι] DK B 8, *Kahn* B 8, *Mch* 27 (*d*¹) = 28 (*c*¹) /*HEM*/ = (*b*¹) /*E*/, *Qui* F 12, *Mull* 37, *Lass* I p. 90, *Schl* 33 (p. 410 = 65) || 4 τὸ — 6 ἀρμονίαν] *Conche* 126, *Mfd* 46 || τὸ — 6 γίνεσθαι] *Colli* A 5, *Whe* 98 || 5 ἀντίξουν (sic) συμφέρον] *Schu* 78

[H^aK^bL^bM^bN^bO^b] ^a35 τὰ K^bL^b : ὁσα M^b uers. *Moerb.* || ^b2 καὶ om. K^b

T 161

(-) *Magn. mor.* B 10, 1208^b7 (*Susemihl*)

πρῶτον μὲν οὖν [ὥς] ἀπορεῖται καὶ ζητεῖται βέλτιον διελεῖσθαι.

Α [Οφ]
I πότερον γὰρ ἐστὶν ἡ φιλία ἐν τοῖς ὁμοίοις ὥσπερ δοκεῖ καὶ λέγεται; καὶ γὰρ "κολοιδες" φασὶ "παρὰ κολοιδὸν ἰζάνει"; καὶ |

II φασὶ δὲ καὶ κυνὸς ποτε αἰεὶ καθευδοῦσης ἐπὶ τῆς αὐτῆς κε|ραμῖδος, ἐρωτηθέντα τὸν Ἐμπεδοκλέα διὰ τί ποτε ἡ κύων | ἐπὶ τῆς αὐτῆς κεραμῖδος καθεύδει, εἶπεῖν ὅτι ἔχει τι τῇ κε|ραμῖδι ὁμοῖον ἢ κύων, ὡς διὰ τὸ ὁμοῖον τὴν κύνα φοιτῶσαν.

B [Εφ]

- 15 II πάλιν δ' αὖ δοκεῖ ἄλλοις τισὶν ἐν τοῖς ἐναντίοις μάλ-
λον | ἐγγίνεσθαι ἡ φιλία. "ἐρᾷ μὲν" γάρ φασιν "ὄμβρου γὰρ, |
ὅταν ξηρὸν πέδον". τὸ δὲ ἐναντίον, φασίν, τῷ ἐναντίῳ βού-
λε|σθαι φίλον εἶναι. ἐν μὲν γάρ τοῖς ὁμοίοις οὐδ' ἐνδέχεται |
γίνεσθαι. τὸ γάρ ὁμοῖον, φασίν, τοῦ ὁμοίου οὐδὲν προσδεῖται,
20 | καὶ τὰ τοιαῦτα δῆ.

Начать, пожалуй, лучше с трудного и нерешенного. — Действительно ли дружба устанавливается между подобными друг другу, как это думают и утверждают? Говорят ведь и «ворон к ворону садится» и «Вечно поэтому бог подобного сводит с подобным». — Говорят, будто какая-то собака все время спала на одной и той же черепице и что, когда у Эмпедокла спросили, почему она спит на одной и той же черепице, тот сказал, что у собаки есть некоторое подобие с черепицей, так что собака движима подобным. — Напротив, по мнению других, дружба зарождается между противоположными, ибо, как говорят, «жаждет ливня почва, когда в поле сухо». Противоположность же стремится к дружбе с противоположностью, ибо дружба не может рождаться от подобных, ведь подобное, как говорят, ни в чем не нуждается от себе подобного, и прочее в том же роде.

Cf. ← T 158 — T 160 || 9 κολοῖός — [ζάνει] ignoti auctoris, cf. ← T 159 (^a8), T 160 (^a34—35 cum app. I) || 10 Hom. Od. XVII, 218, cf. ← T 158 (214 A 6), T 159 (^a7), T 160 (^a34 cum app. I) || 16 ἐρᾷ — 17 πέδον] Eurip. fr. 898,7 Nauck², cf. ← T 159 (^a16), T 160 (^b2 cum app. I)

8—16 φιλ[α (abbrev.)] Empedocl. fr. 148 Bollack || 11—14 Empedocl. DK 31 A 20a (cf. ← T 159, 11—12).

[K^bM^bP^bC^cD^cP¹P² (et al.)] 7 α] ὁ M^bP^b || 9 ὁ κολοῖός K^bP^b || 10 τοὶ τι pr. K^b esed ipse corr.): om. M^b || 13 τι τῇ τι Ald.: τῇ K^b || 16, 17, 19 φασίν Bonitz: φησὶν t φησί codd. || 18 ἐνδέχεται K^b Ald.

(Продолжение следует)

TRADITIO HERACLITEA (A) CORPVS FONTIVM VETERVM DE HERACLITO

S. N. Mouraviev

This sixth section comprises the biggest part of Chapter 16 containing all of Aristotle's testimonia on Heraclitus (excluded are only doubtful reminiscences). Previous chapters were published in the following issues of VDI: 1984,4 (from Epicharmus to Scythinus); 1985,2—4 (Cratylus and the Derveni Papyrus); 1986,3 (Plato, Antiphanes, Heraclides Ponticus). The end of Chapter 16 and Chapter 17 (Theophrastus) will appear in one of the next issues of VDI.

© 1990 г.

Е. С. Богословский

СТАТУЭТКА ДВОРЦОВОГО СЛУЖИТЕЛЯ ВРЕМЕНИ ТУТАНХАМУНА (Stat. Louvre I 852)

Фотографии замечательной скульптуры, одного из шедевров египетской малой пластики, были предоставлены мне для издания в 1971 г. Жаком Вандье, главным хранителем богатейшего отдела египетских древностей Лувра.

Впервые статуэтка была мимоходом упомянута в 1921 г. Ш. Борё в качестве иконографической аналогии двум другим издаваемым им памятникам. Ш. Борё датировал эти памятники временем правления XIX династии¹. Еще более бегло, в двух словах, она упомянута в книге Ж. Вандье².

В 1979 г., обследуя иконографию так называемых «послушных призыву», я издал воспроизведение левой стороны статуэтки и снимка надписи на подножии сверху. К сожалению, на табличках надписи не видны³. Тексты остались не только невоспроизведенными, но и непереведенными. Вообще никогда не были опубликованы снимки правой, лицевой сторон и сзади. Между тем надписи огибают подножие со всех сторон, а не только покрывают сверху; на самой фигуре они помещены на опоясании спереди, на опорной основе статуэтки сзади и слева. Все надписи, таким образом, публикуются впервые в моих копиях (см. рис. 1, 2); также впервые публикуются фотографии статуэтки с правой стороны, лицевой стороны и сзади (см. рис. 3, 4).

Описание. Скульптура изображает одетого в складчатое опоясание ниже колен и мелко завитой парик (парик в Египте был частью одежды) босого египтянина.

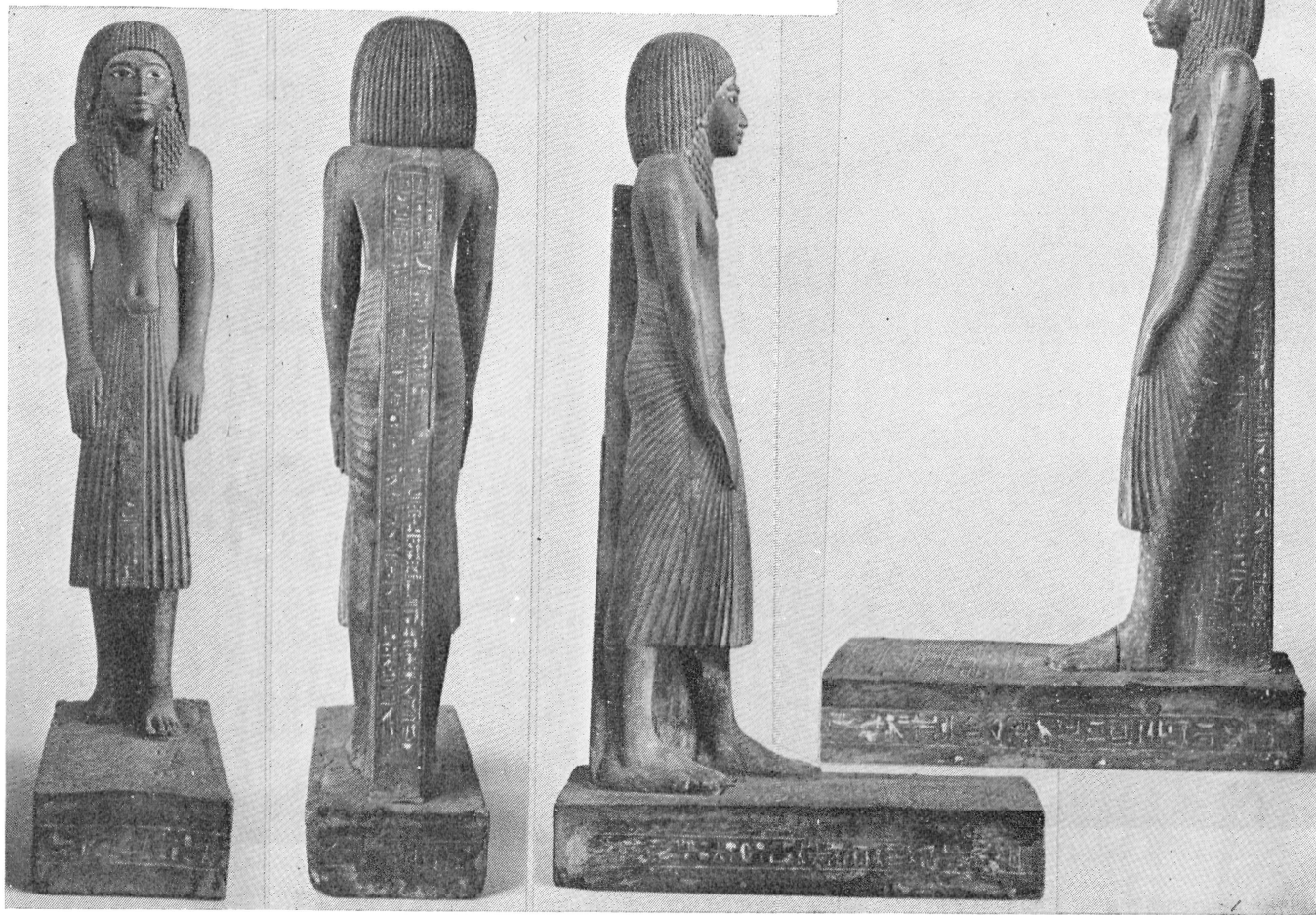
Статуэтка (выс. 43 см) тщательно вырезана из двух плоских прямоугольных кусков древесины акации. Это наложило отпечаток на уплощенность профиля. Собственно фигура с опорной основой сзади (по образцу каменных статуй, прислоненных спиной к стене или подножию колонны) вырезана из одного куска, подножие с частью левой ступни — из другого. В подножии врезано углубление, в которое и вставлена собственно фигура. Части очень тщательно подогнаны одна к другой. Только трехтыся-

¹ Boreux Ch. On two statuettes in the Louvre Museum // JEA. 1921. V. 7. P. 119. № 1.

² Vandier J. Manuel d'archéologie égyptienne. T. III: Les grandes époques. La statuaire. P., 1958. P. 435, 673.

³ Богословский Е. С. «Слуги» фараонов, богов и частных лиц (К социальной истории Египта XVI—XIV вв. до н. э.). М., 1979. С. 90, 164, 202. Рис. 2—3.

Рис. 3. Древнеегипетская статуэтка из Лувра (анфас, вид сзади, справа, слева)

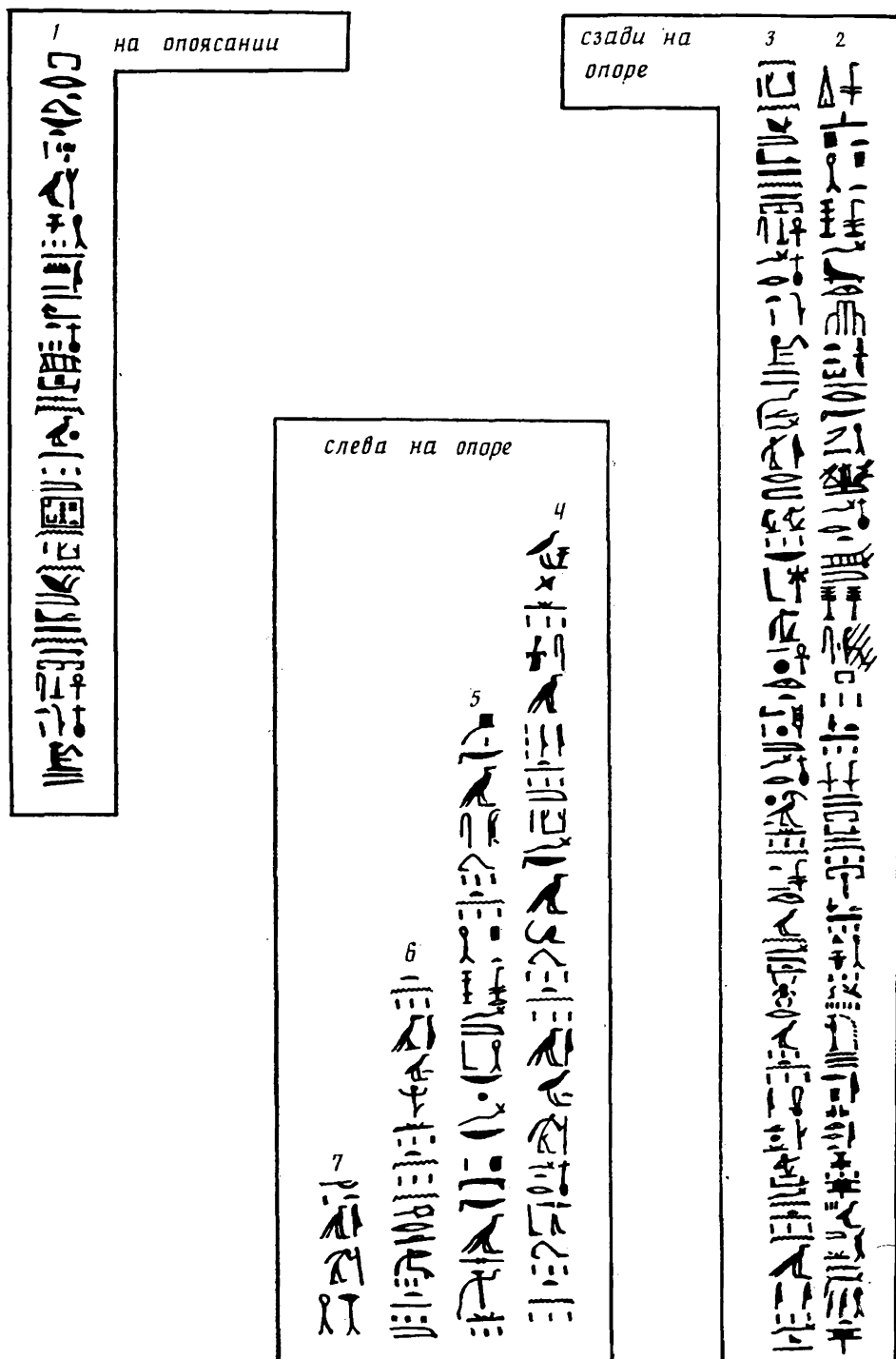
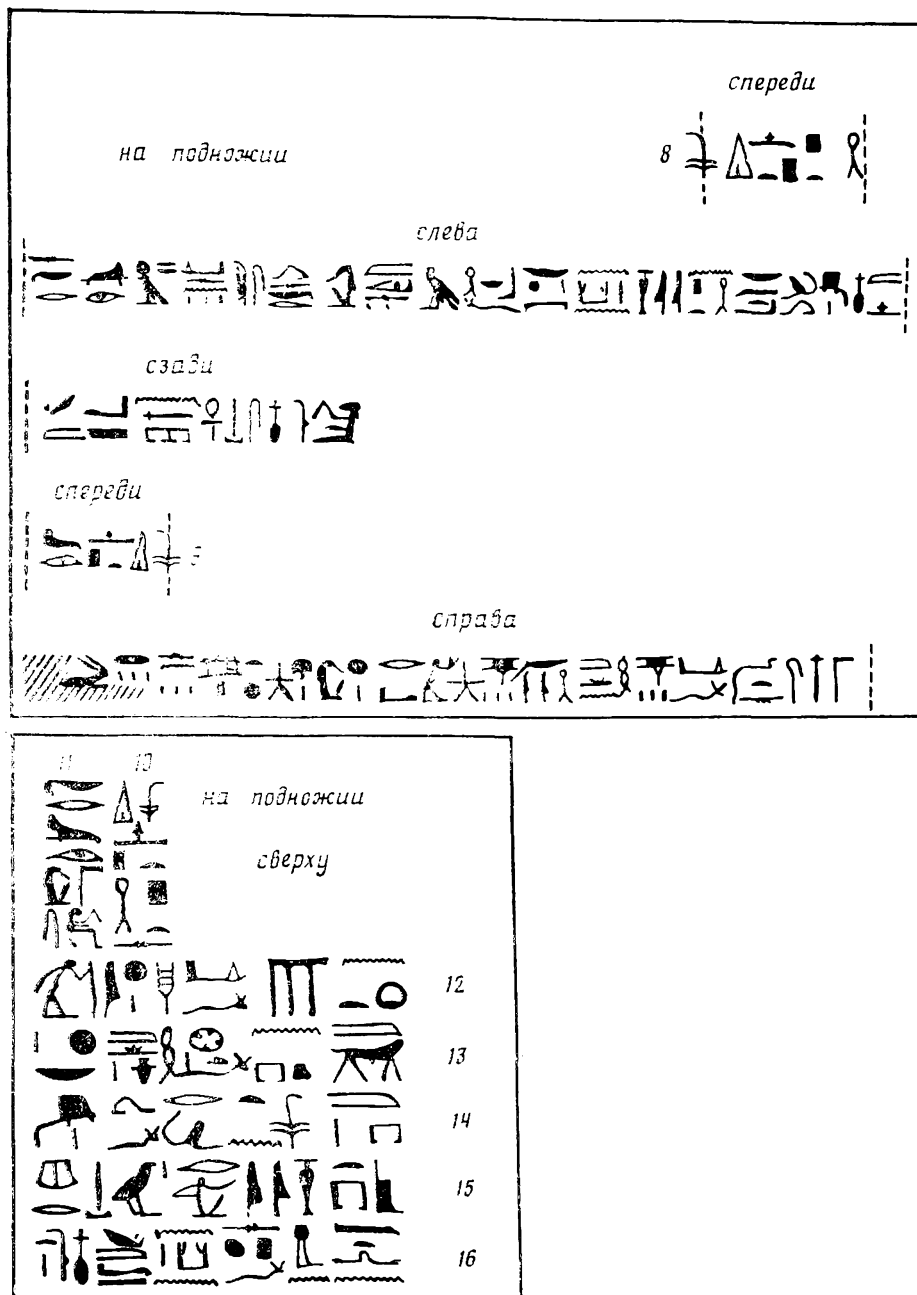

Рис. 1. Автографни надписей (копия автора)

[Рис. 2. Автографии надписей (копия автора)]

четелнее усыхание дерева сделало видимыми места соединения кусков дерева и привело к появлению мелких трещин на поверхности. Вообще же для памятника возрастом в тридцать четыре века статуэтка сохранилась просто идеально. Надпись слегка повреждена только в конце строки 9, да и то понятна до конца.

Рис. 4. Древнеегипетская статуэтка из Лувра (подно-
жие)

Огромные, полуприкрытые крупными верхними веками глаза инкрустированы из кварцита и какого-то черного камня. Они сразу напоминают портреты царей середины правления XVIII — начала XIX династии, начиная с Аменхотпа III и кончая Сетойем I. Очертания губ, бесспорно, напоминают очертания губ прежде всего Тутанхамуна (верхняя губа шире, чем у Аменхотпа III; уголки губ опущены вниз, а не поднимаются вверх, как у Аменхотпа III), а сам портретный тип — лейденские портреты одного из его ближайших сановников, управителя общегипет-

ских сокровищниц Майа из совр. Саккара, района некрополя Мемфе ⁴: тот же овал припухших щек; тот же маленький, но более твердый, чем у Аменхотпа III, подбородок; тот же курносый профиль ⁵, но, как и у Тутанхамуна, нос острее, чем у Аменхотпа III. За исключением перечисленных частностей Тутанхамун, конечно, был поразительно похож на Аменхотпа III — больше всех других фараонов; из-за этого его даже часто путают с прадедом.

Тело моделировано в той мягкой, «тающей» манере, которая так характерна для царствования Тутанхамуна (см. Stat. CM JE 60686, 60714), но встречается в памятниках вплоть до правления Сетоя I. И все это прекрасно согласовано с условным положением уплотненных рук и обобщенной моделировкой ступней ног.

Перевод

«¹Выход всякий на жертвенный столик (т. е. выкладывание жертв) для Амуна, наилучшего красота́ми. Получение выпечки во „Дворе двойника Птаха“ ¹ — для двойника послушного призыву фараона ж. н. з. ², Нефромпе, правого голосом ³.

²Жертва, которую дал царь, домам ⁴ Птаха, (находящегося) к югу от стены его ⁵, Усире, предстоящего Западным ⁶, Скрӯ ⁷ ладьи-*hnj*, Нефтэ-ма ⁸, Тата Честного ⁹, дому *t⁷-t¹nn<t>* ¹⁰. Пусть дадут они (т. е. перечисленные боги) возглашения ¹¹: хлебы, пиво, скот, птица, возлияние вином (и) молоком, дуновение сладостное северного ветра — ³двойнику послушного призыву фараона, ж. н. з., Нефромпе, правому голосом. Говорит он: „О, люди всякие, радующиеся ¹² жизни, проводящие ¹² жизненный век как молодые, угодные ¹² царю, для которого сотворена истина; поступайте как я! Пусть даст он (т. е. царь) изобилие! Насыщайтесь пищей его ¹³! Говорю: достигайте должностей новых! Идите к ⁵обеспеченной старости! Говорю: следуйте Птаху, (находящемуся) к югу от стены его, во время праздника его всякого неба ¹⁴! Говорю: передайте „должности ваши детям вашим после того, как установится старость ¹⁵!“.

⁸Жертва, которую дал царь Птаху, Скрӯ, Усире, Ра-Хар-Ахту. Пусть дадут они сопровождение Скрӯ в ладье в праздник его всякий неба — двойнику жалуемого Птахом, владыкой истины, достигающего обеспечения, молодого в мире, послушного призыву фараона, ж. н. з., Нефромпе.

⁹Жертва, которую дал царь, Усире-богу великому (т. е. старому), владыке вечности, дуновением сладостным северного ветра, восхвалением Солнца рано утром; пусть получают они выпечку (и) [все, что] существует.

¹⁰Жертва, которую дал царь, Птаху, С₁₁крӯ, Усире — богу честному ¹²Девятки богов. Пусть дают они жизненный век (до благополучной) старости ¹³внутри ¹⁶города его, веселие ежедневное ¹⁴в доме царя, чтобы достиг он обеспеченным ¹³места пожалования, причем уста мои ¹⁷ — ¹⁶правдивы полностью, — двойнику послушного призыву Нефромпе».

⁴ См. сведения об их происхождении и многочисленных изданиях: *Schneider H. D.* Maya, l'amateur des statues. A propos de trois statues fameuses du Musée de Leyde et d'une sépulture oubliée à Saqqarah // BSFE. Mars 1974. № 69. P. 20—48.

⁵ Иконография Тутанхамуна рассматривалась многократно, но без обоснованно выделенных критериев. См. *Картер Г.* Гробница Тутанхамуна. М., 1959. С. 158, 167—168; *Desroches-Noblecourt Ch.* La cueillette du raisin à la fin de l'époque amarnienne // JEA. 1968. V. 54. P. 82—88; *idem.* Vie et mort d'un pharaon. Toutankhamon. [б.м.] 1963. P. 88—89, 167—168, 204, 236; *idem.* Toutankhamon et son temps. Petit Palais. P., 1967. P. 86, 190, 194; Tutanchamun. Berlin. Ägyptisches Museum der Staatlichen Museen Preussischer Kulturbesitz. 16. Februar — 26. Mai 1980. Mainz, 1980. S. 162, и мн. др.

¹ Главный храм Птаха в Мемфе. Во времена Нового царства название «Двор двойника Птаха» употреблялось в более широком смысле — как обозначение города Мемфе вообще. См., например, Ste. BM 149; Urk. IV 2118, 9; Wb. III 5, 20.

² Благопожелательное дополнение к слову «фараон» — «Да будет он жив, невредим и здоров!», по-видимому, либо уже совсем не произносилось во времена Нового царства, либо как-то «пробалтывалось». Это отразилось и на письме (особенно в скорописи), где такое дополнение нередко писали тремя косыми черточками, как бы намеками на начальные буквы, только напоминающими о словах.

³ Заранее оправданного на посмертном судилище.

⁴ Подразумеваются храмы и часовни неопределенного размера. Слово «дом» во множественном числе стоит после имен богов, выдвинутых вперед из почтения. Примечательный перечень святилищ, связанных с культами Птаха и его окружения в Усире, показывает полное и детальное восстановление многобожия в столице Египта в конце правления XVIII династии.

⁵ Букв. «Птах-южный-стеною-его» — постоянный эпитет Птаха в Мемфе, но и на Юге, в Уисе, существовал храм именно Птаха из Мемфе с таким же эпитетом. См. *Monnet P. Géographie de l'Égypte ancienne*. Т. 2. Р., 1961. Р. 58—59; *Otto E. Topographie des thebanischen Gaues*. В., 1952. S. 34.

⁶ Председателю суда на Западе, в царстве мертвых.

⁷ Ошибочно написано *srk* вместо *skr*, но описка понятна, потому что, во-первых, слова *srk* в египетском языке нет, во-вторых, бог оказывается связанным с ладьей-*hnj*, а так называлась ладья Скрѹ. На носу ладьи изображена голова антилопы-орикс, а в самой ладье — сокол на шесте. Сам бог Скрѹ со времен Нового царства отождествляется с Усире. См. LÄ. 1984. Bd V. S. 1055—1074 (о ладье *hnw/hnj* — S. 1066—1067); *Gaballa G. A., Kitchen K. A. The festival of Sokar* // *Orientalia*. 1969. V. 38. P. 1—76.

⁸ В Мемфе Нефтѣм выступает как сын Птаха в триаде Птах-Сахм-Нефтѣм. См. LÄ. 1982. Bd IV. S. 379; *Sandman-Holmberg M. The God Ptah*. Lund, 1946. P. 193—194.

⁹ *dd šps* — эпитет Птаха в Мемфе. Очевидно, «Тат Честной» мог выступать как самостоятельная ипостась Птаха (*Sandman-Holmberg. The God Ptah*. P. 154—166).

¹⁰ Святилище бога Мемфе как персонификации страны. См. LÄ. 1985. Bd VI. S. 238. Сам бог *t'-tpp* отождествлялся и с Птахом, и с Усире, и с Хором. В «Книге мертвых» такое святилище названо «гробницей Усире» (Wb. V 382, 4). Очевидно, вся смесь ипостасей Птаха и Усире подчеркивает заупокойное назначение статуэтки.

¹¹ Т. е. пусть боги дадут возможность провозглашенным названным жертвам волшебным образом стать реальными. Во времена Нового царства часто ограничивались возгласаниями, не принося настоящих жертв.

¹² Все три причастия (*ʔbjw, jrjw, ʔhjw*) грамматически не согласованы со словом *gmṯ*, к которому они относятся. Первое причастие никак не согласовано, второе неверно согласовано в роде (нужно было написать окончание мужского рода, а написано женского), третье согласовано в числе, но не согласовано, как и предыдущее, в роде. Это не ошибки, а отражение процесса замены флективной морфологии префиксальной.

¹³ *s'j.w tn m k'f* — букв. «насыщайтесь двойником его!». Ср. «насыщаться должностями его», «насыщаться сопровождением его» — Wb. IV 15, 13—14. О царе как источнике пищи для египтян см. *Богословский Е. С. Фактор государства в структурообразовании египетского общества второй половины II тыс. до н. э.* // *Государство и социальные структуры на древнем Востоке*. М., 1989. С. 111—114. Подобные мотивы были особенно распространены в амарнский период.

¹⁴ *hb(w).f nb nw pt* — см. Wb. I 491, 5—6. Показатель множ. числа у слова *hb* «праздник» не выписан, но поскольку «праздник всякий», то множ. число подразумевается, поэтому слова *hb(w)* и *pt* соединены показателем генитива во множ. числе. То же сделано и в строке 8, где словосочетание повторяется.

¹⁵ Именно не после смерти, а еще при жизни; когда человек состарится, то он должен стремиться передать должность приемнику.

¹⁶ *m ʔnw* можно понять и как сложный предлог (*m-ʔnw*) «внутри» и, поскольку речь идет о столичном городе и о служащем местопребывания царя, «в резиденции»; оба словосочетания пишутся совершенно одинаково.

¹⁷ Переход от третьего лица к первому и наоборот, без всякой пометки в тексте, обычен для семитских языков. В египетском языке он тоже не редкость.

Локализация следует из надписи: статуэтка сделана в Мемфе для установки в главном столичном храме в те годы, когда в Мемфе находился царский двор.

Смысл должностного звания мною уже был объяснен ⁶. Среди «послушных призыву фараона» встречаются телохранители, спальники, слуги, отвечавшие за порядок в разных помещениях дворца и прислуживавшие царю, когда он сидел на престоле, но не вельможи. В числе царской дворни встречаются лица обоего пола и разного возраста, в том числе и дети.

Датировка. Р. Энгельбах установил, что в 3-м году царствования фараон еще носил солнцепоклонническое имя Тутанхйот («Живой образ солнца»), а уже в 4-м году именовался Тутанхамуном ⁷. Судя по многобожским надписям, обращению к Амуну, отсутствию каких-либо следов солнцепоклонничества, статуэтка сделана после переименования царя в Тутанхамуна, т. е. после 4-го года царствования.

В надписях, найденных в гробнице Тутанхамуна, отмечены 4-й, 5-й, 9-й и 10-й годы его царствования ⁸. В 1940 г. Р. Энгельбах удивлялся перерыву в датированных надписях между 5-м и 9-м годами ⁹. Ему была неизвестна надпись 6-го года на ткани из находок в Долине царей 1908 г. Т. М. Дэвиса, изданная Х. Уинлоком в следующем, 1941 г. ¹⁰.

Недавно издана еще одна надпись 8-го года Тутанхамуна (Ste. Univ. Liverpool E. 593) с упоминанием царского писца, управителя сокровищницы Майа ¹¹. Это дает нам, во-первых, основание надеяться, что в скором времени будут изданы и тексты других лет царствования, а во-вторых, закрепляет правомерность сопоставления портретов Майа из Мемфе и Тутанхамуна, с одной стороны, и луврской статуэтки — с другой (как известно, в годы правления XVIII династии тип частного портрета определялся портретом правящего государя; индивидуальные портреты частных лиц были редкостью).

Факт переноса при Тутанхамуне столицы из Ахйота в Мемфе давно упоминается в научной литературе ¹²; неясно было только — на чем основано это заключение ¹³.

Между тем в Мемфе существовал царский гарем, управителями которого в ранге царских писцов были Хармин (Stat. Berlin 7305; Ste. Berlin 7274 ¹⁴) и Птахмосе ¹⁵. Особенно содержательным источником, упоми-

⁶ Богословский. «Слуги»... С. 87—100, 122.

⁷ Engelbach R. Material for a revision of the history of the heresy period of the XVIIIth dynasty // ASAE. 1940. T. 40. P. 160—163.

⁸ Cerný J. Three regnal dates of the Eighteenth Dynasty // JEA. 1964. V. 50. P. 38—39.

⁹ Engelbach. Op. cit. P. 163—164.

¹⁰ Winlock H. E. Materials used at the embalming of King Tut-Ankh-Amun. N.Y., 1941. Внимание на надпись обращено в рец.: Capart J. // CdE. 1947. № 44. P. 286 (прочтано «8 год»).

¹¹ Amer A. A. M. A. Tutankhamun's decree for the chief treasurer Maya // RdE. 1985. T. 36. P. 17—20. Pl. 1.

¹² Helck W. Geschichte des Alten Ägypten. Leiden — Köln, 1968. S. 214—215; Schneider. Op. cit. P. 22.

¹³ В топографической библиографии собраны не все сведения, см. Topographical Bibliography of ancient Egyptian hieroglyphic texts, reliefs, and paintings. V. III: Memphis. Pt. 1. Oxf., 1974. P. 41—42. См. также Van Dijk J., Eaton-Krauss M. Tutankhamun at Memphis // MDIAK. 1986. Bd 42. P. 35—41. Pl. 4. Fig. 1—3; Van Dijk J. The development of the Memphite Necropolis in the Post-Amarna Period // Memphis et ses nécropoles au Nouvel Empire. Nouvelles données, nouvelles questions / Ed. par A.-P. Zivie. P., 1988. P. 37—46.

¹⁴ Zakkar L. V. A Study of the Ba concept in ancient Egyptian texts. Chicago, 1968. Pl. 4.

¹⁵ Mercer S. A. B. The Gorringer Collection of Egyptian Antiquities // RT. 1914. T. 36. P. 176—178. Pl. IX.

нающим писца царского гарема иноземца b'-n-¹⁶, является Ste. BM 149, на которой изображены еще и «начальник прачечников владыки обеих земель» Хой и его сын, «писец места писем (т. е. канцелярии) фараона» Нахи¹⁶. Там же был построен первый поминальный храм Тутанхамуна, писцом сокровищницы которого начинал свою блистательную карьеру лукавый царедворец Майа; а ведь первоначально он скромно молил у богини Сахме возможности быть погребенным на западе Мемфе (Urk. IV 2079, 5—7)! Однако от 4-го до 8-го года царствования Тутанхамуна он не только вознесся до одной из высших должностей в государстве — должности управителя общеегипетской сокровищницы (Ste. Liverpool E. 583), но и стал управителем работ по сооружению первоначальной гробницы Тутанхамуна в Мемфе (Urk. IV 2166, 6—12 = LD III 242 b)¹⁷; последнюю должность обычно занимал визир. Первая собственная гробница Майа, как и гробница главнокомандующего египетскими войсками Харемха, тоже найдена в Мемфе¹⁸.

Майа сделал свой вклад и в южную гробницу Тутанхамуна (в Ёисе) — шавабти царя и его деревянное изображение на ложе¹⁹, когда в самом конце царствования молодого фараона столицей вновь стала Ёисе, где и были сооружены последние (дошедшая до нас) усыпальница царя и его новый поминальный храм.

Туда же, в Ёисе, были переведены центральные государственные учреждения и двор; там, в Ёисе, Майа вручал наместнику египетской Эфиопии Хойу знак его служебного достоинства; туда Хой приезжал ко двору царя²⁰.

Следовательно, статуэтка Нефромпе сделана в те годы, когда двор Тутанхамуна находился в Мемфе, до переезда в Ёисе, т. е. от 4-го года до 6/11-го года царствования Тутанхамуна²¹.

Аналогии можно было бы приводить до бесконечности, но одна совершенно поразительна — Stat. Louvre E 11555, поставленная для «послушного (призыву)»/var. «начальника послушных (призыву) владыки обеих земель t'j»²². Статуэтки вставлены в подножие в обоих случаях совершенно тождественно: изображенный делает шаг вперед. Пропорции подножий совпадают полностью. Надпись на каждом расположена совершенно одинаково: начинают надпись два вертикальных столбца (направление справа налево), расположенных справа; затем идут пять строк горизонтальной надписи; начало надписи обращено к Птаху и включает три с половиной квадрата. При этом надписи разные! Если учесть, что обе

¹⁶ Hieroglyphic texts from egyptian stelae, etc., in the British Museum. Pt. 9 / Ed. by T. G. H. James. L., 1970. Pl. XXIII.

¹⁷ Ср. *Schneider*. Op. cit. P. 41—42; *Богословский*. Ук. соч. С. 119, 171. Прим. 165.

¹⁸ Urk IV 2084—2103, 2163—2166 и мн. др., а также *Martin G. T.* Excavations at the Memphite Tomb of Horemheb. Preliminary Report // JEA. 1976—1979. V. 62—65; *idem*. Le tombeau d'Horemheb à Saqqaràh // BSFE. 1976—1977. Nos. 77—78. P. 11—25.

¹⁹ *Рептер*. Ук. соч. С. 212—213; *Desroches-Noblecourt*. Vie et mort. P. 88, 219. Fig. LIV; Tutankhamon et son temps. P. 158—161; Urk. IV. 2167. 4—18.

²⁰ *de Garis Davies N., Gardiner A. H.* The tomb of Huy, viceroy of Nubia in the reign of Tutankhamun (№ 40). L., 1926. Pl. 5—6, 29, 31.

²¹ Высшей датой царствования Тутанхамуна Я. Черны считал 10-й год — см. *Cerný J.* Hieratic inscriptions from the tomb of Tutankhamun. Oxf., 1965. P. 4, 24. Pl. V. № 24; *idem*. Three regnal dates... P. 39. На основе анализа одной, к сожалению, ненадежно изданной надписи Ю. Я. Перепелкин допускает, что высшая дата может подняться до 14-го года царствования (*Перепелкин Ю. Я.* Кэ́йе и Семнех-ке-рэ. К исходу солнцепоклоннического переворота в Египте. М., 1979. С. 229—230).

²² *Berlandini J.* Petite statue memphite au Musée du Louvre: la dyade de Sementaouy et la statuette de Tchay // RdE. 1986. V. 37. P. 9—11. Pl. 2.

статуэтки происходят из одного и того же места (Ж. Берландини датирует Stat. Louvre E 11555 тоже временем правления Тутанхамуна), то не остается места сомнению в том, что обе статуэтки вышли из одних рук.

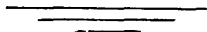
Почерк надписей на Stat. Louvre I 852 и Stat. Louvre E 11555 почти тождествен, но на первой статуэтке пастовое заполнение иероглифов сохранилось только сбоку и на стойке статуэтки, а на второй — повсюду. Это пастовое заполнение искажает почерк резчика надписей и затрудняет их сопоставление.

STATUETTE OF A COURT ATTENDANT
OF THE TIME OF TUTANKHAMUN
(Stat. Louvre I 852)

Ye. S. Bogoslovsky

This is a first publication of the inscriptions on the remarkable statuette of an obedi-entary of Nfr-rnpt (*obéissant a l'appel Nfr-rnpt*) preserved in the Louvre (I 852) which is, according to the photographs presented by J. Vandier, and the description of the sculpture itself, a masterpiece of ancient Egyptian wood carving (Height — 43 cm).

Judging from the content of the inscriptions, which are translated in full into Russian and commented on, the statuette comes from Memphis, where the court premises were then situated and the Pharaoh lived. It falls into range of memorials described by J. Berlandini and J. van Dijk, and from its stylistic features should be dated to the time of Tutankhamun. A very close analogue, perhaps even from the hand of the same master craftsman, is another wooden statuette in the Louvre belonging to another priest of the royal palace in Memphis of the time of Tutankhamun's reign (*stat. Louvre E 11555*).

О ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКАХ ХЕРСОНЕСА
В НАЧАЛЕ III в. до н.э.
(к IOSPE. I². 403)*

В предисловии к сборнику греческих надписей Г. Пфоль еще раз подчеркнул значение греческой эпиграфики как основополагающей дисциплины и неисчерпаемого благодаря ежегодным новым находкам источника¹. Это высказывание вполне применимо и к тем случаям, когда из земли извлекают фрагменты, складывающиеся с надписью, найденной ранее, заставляя вновь вернуться к старому документу и лучше понять его смысл и значение. О такой надписи и пойдет речь в этой статье. Сразу укажем на две особенности памятника: обилие в нем цифрового материала и множество личных имен, весьма ценных в статистическом и просопографическом аспектах.

Акт о продаже земли из Херсонеса Таврического давно привлекает внимание исследователей. Он вырезан на обеих сторонах мраморной плиты, фрагменты которой опубликованы В. В. Латышевым в MAP. 9 и 17; IOSPE. IV.80 и в IOSPE. I².403. Камень был найден в 1890 г. К. К. Косцюшко-Валюжиничем на площади около строившегося Владимирского собора (раскоп 1)² и с тех пор хранится в Херсонесском музее (инв. 3595). Небольшой фрагмент *b*, справедливо отнесенный В. В. Латышевым к той же надписи, был им скопирован еще в 1883 г. в музее Одесского общества. Со слов В. Юргевича Латышев сообщает, что его нашли на берегу моря в 1879 г. До октября 1965 г. этот фрагмент находился в Одесском археологическом музее, а затем, с целью соединить в одном месте *membra disiecta*, был передан в Херсонесский музей (инв. 4/36596). До IOSPE. I². 403 В. В. Латышев опубликовал фрагмент *b* в IOSPE. I¹. 226 и IOSPE. IV.P.57. Фрагмент *b* помещен в IOSPE. I². 403 отдельно, после фрагмента *a*, так как он был оббит со всех сторон и не мог быть воссоединен с последним по изломам или текстуально.

В 1983 г. С. Г. Рыжов продолжал раскопки в Северном районе Херсонеса. В квартале IX, помещении 10, в каменном завале стены средневекового дома он нашел два небольших обломка мраморных плит с остатками греческих надписей (инв. 212/37068)³. Уже при беглом осмотре новых обломков бросается в глаза их большое сходство с надписью IOSPE.

* В основу статьи положен доклад, прочитанный авторами на X Всесоюзной авторско-читательской конференции ВДИ (4 июня 1987 г.).

¹ Inschriften den Griechen. Grab-, Weih- und Ehreninschriften / Ed. G. Pfohl. Darmstadt, 1972. S. 1.

² Архив ГХИАЗ. Д. 19. № 31.

³ Архив ГХИАЗ. Д. 2402. Л. 20; Д. 2403. Рис. 52. Приносим глубокую благодарность С. Г. Рыжову, который предоставил нам находки для публикации.

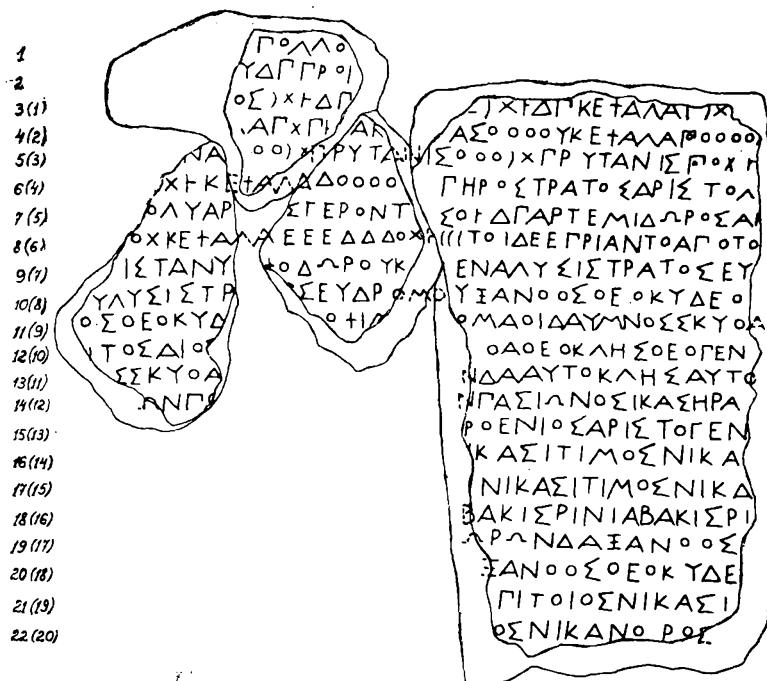

Рис. 3. Прорись. Сторона А

1².403, кстати, найденной в том же районе города. При более тщательном изучении породы камня и его обработки, шрифта надписи, размера и пропорций букв и расстояний между строками удалось убедиться, что фрагменты принадлежат той же плите (назовем их для продолжения нумерации Латышева *c* и *d*). Третий фрагмент, найденный в помещении 16, в засыпи подвала ⁴ и, несомненно, близкий к остальным по шрифту и содержанию, должен быть по характеру камня и толщине плиты отнесен к другому памятнику (о нем см. Приложение 2).

Фрагмент *c*, оббитый со всех сторон, плотно и точно примкнул по изгибам слома на лицевой стороне с сткк. 4—9 IOSPE. 1².403. В процессе дальнейшей работы выяснилось, что фрагмент *b*, изданный Латышевым, примыкает в контакте к верхней части фрагмента *c*, а фрагмент *d* смыкается по своему правому краю с *b* и *c*. В. В. Латышев полагал, что сторона А фрагмента *b* является лицевой, а сторона В — оборотной. Однако этот фрагмент примкнул к лицевой стороне большой плиты своей тыльной стороной. Все указанные контакты фрагментов можно проследить и на оборотной стороне, кроме фрагмента *d*, у которого она полностью сбита (рис. 1, 2).

В результате добавления новых фрагментов ширина плиты увеличилась почти вдвое (судя по сткк. 6 и 10—12, ее первоначальная ширина была около 35 см). Сверху добавились остатки еще двух строк; поэтому пришлось изменить общую нумерацию строк, но для удобства сопоставления с IOSPE и другими переизданиями сохранить в скобках старую нумерацию.

⁴ Архив ГХИАЗ. Там же.

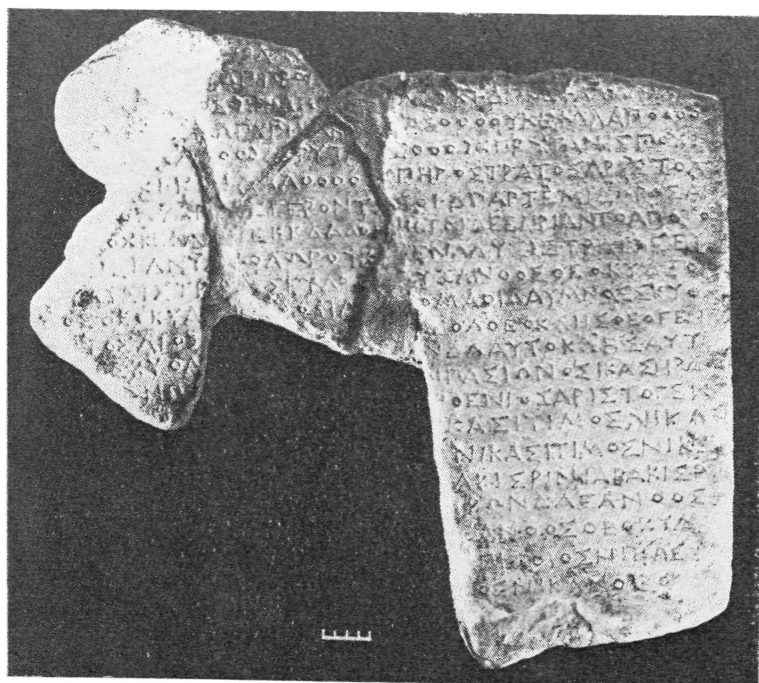

Рис. 1. Надпись из Херсонеса. Сторона А

Рис. 2. Надпись из Херсонеса. Сторона В

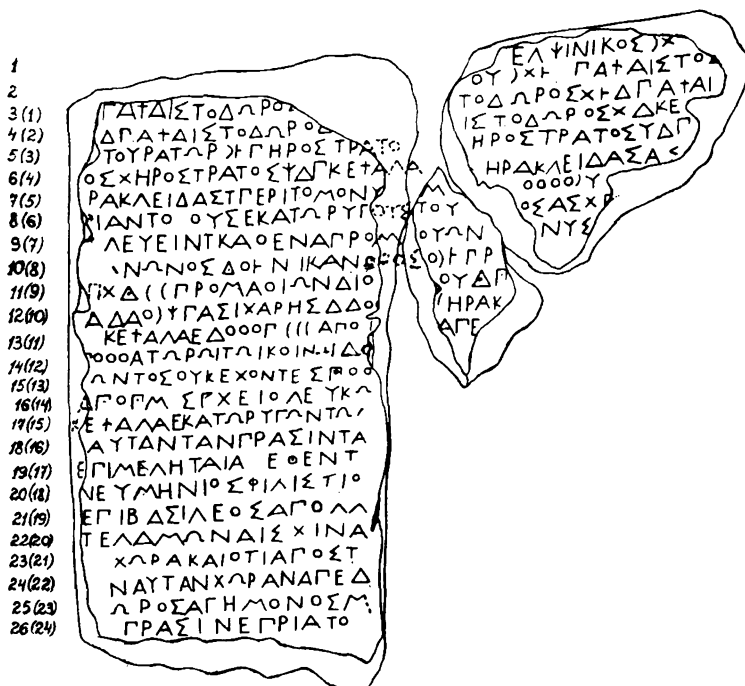

Рис. 4. Прорись. Сторона В

В. В. Латышев отмечал плохую сохранность надписи из-за стертости поверхности и каждый раз при переиздании вновь сравнивал эстампаж с камнем и вносил ряд исправлений. Однако и сейчас, тщательно рассматривая каждую букву в строке и перенося текст с камня на кальку, мы внесли много новых уточнений и дополнений. Прежде всего это относится к обозначению цифр, которые было труднее распознать; например, поставлено Γ вместо Т, Λ или Α вместо Δ и др. Чтобы не загромождать текст их перечислением, мы отсылаем читателя к прорисовке всей надписи (рис. 3, 4). По поводу датировки памятника В. В. Латышев писал, что по начертанию букв его надо отнести к III в. до н. э., едва ли позже, но по упоминанию в ней Гимна, сына Скифа, известного из каталога дельфийских проксенов 195/4 г. до н. э. (а в пользу их идентификации свидетельствуют редкие имена), надпись следует датировать концом III или первым десятилетием II в. до н. э.⁵ Эту датировку повторяют все исследователи. Опираясь на ряд работ по палеографии греческих надписей, учитывающих новые находки, и сравнивая эту надпись с другими эпиграфическими памятниками Херсонеса, мы приходим к выводу, что по шрифту надпись должна быть отнесена к первой половине III в. до н. э.⁶, так как в ней не наблюдаются черты, характерные для второй половины III в., а тем более

⁵ IOSPE. I². P. 363. Дельфийский каталог издан в Syll. ³ 585; ВДИ. 1939. № 3. С. 249 сл. (публикация, перевод и комментарий Б. Н. Гракова, который присоединился к мнению В. В. Латышева, что Гимн, сын Скифа, в этих надписях, вероятно, одно и то же лицо).

⁶ Ср. Kirchner I. Imagines inscriptionum Atticarum. В., 1935. Taf. 34. № 82 (267/6 г. до н. э.); IGBR. I², № 307 (281—277 гг. до н. э.); КБН 1137 (фото см.: Белова Н. С. // ВДИ. 1984. № 2. Рис. 3); Соломоник Э. И. Фрагмент надписи из Херсонеса о политических изгнанниках // ВДИ. 1984. № 3. С. 72.

начала II в. до н. э., с иными формами и особенно пропорциями букв и украшениями в виде размашистых штрихов и апексов⁷. Особо отметим редкую форму буквы Ф, похожую на изображение якоря, которая встречается в этой надписи наряду с ее обычными начертаниями. Подобное *phi* зафиксировано в надписи конца IV — первой четверти III в. до н. э.⁸

Следует ли в результате предложенной датировки надписи целиком отказать от сопоставления Гимна, сына Скифа, в двух указанных надписях? Для ответа на этот вопрос необходимо привлечь с целью аналогии кроме дельфийской надписи лапидарные памятники Херсонеса, монеты и особенно амфорные клейма (где полностью повторяется имя Гимна, сына Скифа), а также проанализировать весь список имен рассматриваемого памятника. Но прежде всего приведем текст надписи (см. с. 82 сл.).

Понимая большое значение надписи для выяснения земельных отношений в Херсонесе, В. В. Латышев все же оставил ее без перевода. По его собственным словам, многое в ней оставалось для него темным, потому что начало надписи погибло, а строки уцелевших фрагментов дошли до нас поврежденными. Он писал, что в этом государственном акте, судя по термину *πράσις*, речь идет о продаже или сдаче земли в аренду (*de*

Страница А

- 1 [-----'Α] πολλὸ δῶρος? -----]
- 2 [-----] ΥΔΠ. Προμ[αθών? -----]
- 3 (1) [-----] ος) ΧτΔΠ [-----]) ΧτΔΠ. Κεφαλὰ [Ϟ] Χ [-----]
- 4 (2) [-----] λὰ [Ϟ] ΧΠ. 'Η[ρ]αχ[λειδ]ας οοοοΥ. Κεφαλὰ [Ϟ] οοοο).
- 5 (3) [-----] να [..] οο)Χ. [Π]ρύτα[ν]υς οοο)Χ. Πρύτανυς [Ϟ]οΧτ
- 6 (4) [Πρύτανυς ..] Χτ. Κεφαλ[λ]ὰ Δ οοοο [...]Π. 'Ηρόστρατος 'Αριστολ[ό]-
- 7 (5) [χου ---- Π]ολύαρ[χο]ς Γέροντ[ο]ς οτΔΠ. 'Αρτεμίδωρος 'Αρ-
- 8 (6) [τεμυδῶρου? .]οΧ. Κεφαλ[λ]ὰ ΕΕΕΔΔΔΟΧ[.](. (((. Τοῦδε ἐπρίαντο ἀπὸ το[υ]
- 9 (7) [-----] ιστα Νυ[μ]φοδῶρου κ[αθ'] ἔνα: Λυσίστρατος Εὐ-
- 10 (8) [δρόμο]υ, Λυσίστ[ρα]τος Εὐδρό[μο]υ, Ξάνθος Θεοκύδεο[ς],
- 11 (9) [Ξάνθ]ος Θεοκύδ[εος], 'Ηρ[ό]φιλλ[ος] Πρ[ο]μαθίδα, "Υμνος Σκύθ[α],
- 12 (10) [Σώκρ]υτος Διοσ[κουρίδα], "Υμνος Σκύθ[α], Θεοκλῆς Θεογέν[ε]-
- 13 (11) [ος, "Υμνος] Σκύθ[α], [----- Δωρῶ?]υδα, Αὐτοκλῆς Αὐτο-
- 14 (12) [κλέος?, ---]ων Πρ[ο] [-----ω]ν Πασώνος, "Ικας 'Ηρα-
- 15 (13) [κλειδα, ----- Πα]ρθένιος 'Αριστογέν[ε]-
- 16 (14) [ος, ----- Ν]ικασίτιμος Νικα-
- 17 (15) [σιτίμου, Νικασίτιμος Νικασιτίμου,] Νικασίτιμος Νικα-
- 18 (16) [σιτίμου, Βάκис 'Ρυνία], Βάκис 'Ρυνία, Βάκис 'Ρυ-
- 19 (17) [νία, ----- Δ]ωρώνδα, Ξάνθος
- 20 (18) [Θεοκύδεος, Ξάνθος Θεοκύδεος,] Ξάνθος Θεοκύδε-
- 21 (19) [ος, Πίτθλος Νικασιτίμου,] Πίτθλος Νικασι-
- 22 (20) [τίμου, -----]ος Νικάνορος

⁷ Ср. Guarducci M. Epigrafia greca. V. 1. Roma, 1967. P. 373; IOSPE. I².344.

⁸ Larfeld W. Griechische Epigraphik. München, 1914. S. 273.

- 1 [-----] 'Ελ(π)ύνικος)Χ[-----]
- 2 [-----]ου)Χτ [Δ]Π 'Αφαισινόδ[ωρος ---.]
- 3 (1) [Δ]Π. 'Αφαισινόδωρος [... 'Αφαισ]ινόδωρος ΧτΔΠ 'Αφαι[σινόδωρος.]
- 4 (2) .. ΔΠ. 'Αφαισινόδωρος [... 'Αφαι]σινόδωρος ΧΔ. Κε[φαλά ----]
- 5 (3) [Αύ]το(κ)ράτωρ)Π. 'Ηρόστρατ[ος] 'Ηρόστρατος ΥΔΠ. [----]
- 6 (4) οςΧ 'Ηρόστρατος ΨΔΠ. Κεφα[λά ----] 'Ηρακλείδας 'Ασ[----]
- 7 (5) ['Η]ρακλείδας τ περίτομον υ[----]μ[----] οοοο)Υ[----] Τοῦδε ἐπ[----]
- 8 (6) ρῶντο: [τ]οὺς ἐκατῶρυ[ους ----] του[ς ----]οσας ΧΠ[-----]
- 9 (7) [ξυ?]λεύειν τ καθ' ἑνα· Προμ[α]θ(ύ)ων [Διο]νυσ[ίου, ὁ δεῦνα]
- 10 (8) [Ν]ύμφωνος ΔΟτ. Νυκάνω[ρ----])τ. Πρ[ομαθίων Διονυσίου?]
- 11 (9) ΠΧΑСС. Προμαθίων Διο[νυσίου?]ου ΔΠ[-----] Καλλι[?]-
- 12 (10) ἀδα ΟΨ. Πασιχάρης ΔΔορ[οο]ς. 'Ηρακ[λείδας -----]
- 13 (11) <Υ>. Κεφαλά ΕΔοοοΠССС. 'Από τρ[υ ----] απε[-----]
- 14 (12) Ποο ΑΤΩΡΩΙΤΩΙΚΟΙΝΩΙΩ ----
- 15 (13) ωντος οὐκ ἔχοντες Ποο -----
- 16 (14) Δ Πο Π Μ[Υ]ΣΠΧΕΙΟ Λεύκω[ν -----]
- 17 (15) [Κ]εφαλά ἐκατῶρυγων τῶ[μ πεπραμένων κατ']
- 18 (16) αὐτὰν τὰν πρᾶσιν τὰ[ν ἐποίησαν κατὰ τὸ φάφισμα?]
- 19 (17) [ἐ]πιμεληταὶ α[ύρ]εθέντ[ες ὁ δεῦνα τοῦ δεῦνος],
- 20 (18) Νευμήνιος Φιλιστίου, ὁ δεῦνα τοῦ δεῦνος]
- 21 (19) ἐπὶ βασιλέος 'Απολλ[ωνίου? -----]
- 22 (20) Τελαμών Αἰσχίνα [-----]
- 23 (21) <ἀ> χώρα καὶ ὅτι (vel ὅ τι) ἀποστ[----- ἐπὶ]
- 24 (22) [τὰ]ν αὐτὰν χώραν ἀπέδ[οσαν -----] 'Απολλό[?]-
- 25 (23) <δ>ωρος 'Αγήμενος μ[-----]
- 26 (24) [τὰν] πρᾶσιν ἐπρίατο [-----]

venditione aut locatione). Поскольку термин *πρᾶσις* может иметь оба значения, издатель оставил вопрос открытым, вынеся оба термина даже в заголовок. Недоумение В. В. Латышева вызвал еще ряд обстоятельств: почему в одних случаях после имен арендаторов (он все же отдавал предпочтение аренде) указана цена (участка), а в сткк. 7—20 написаны только имена, а цены опущены; почему некоторые лица поименованы дважды и почему в одних случаях добавлен патронимик, а в других — нет. Наконец, главное и наиболее трудное для данной надписи: расшифровка цифровых знаков была сделана Латышевым на основе привлечения одной калхедонской надписи⁹; поскольку Калхедон и Гераклея Понтийская основаны Мегарами, следовательно, в Калхедоне и Херсонесе могли пользоваться сходными знаками. Но издатель здесь же оговаривает, что в херсонесской надписи встречаются знаки, которых нет в калхедонской и которые поэтому не могут быть точно объяснены, а некоторые знаки по их

⁹ См. последнее издание этой надписи: Die Inschriften von Kalchedon. Bonn, 1980. № 10; Латышев В. В. Эпиграфические этюды // ЖМНП. 1885, июнь. С. 297—324.

Рис. 5. Фрагмент надписи. Херсонес. 1983 г. Сторона А

Рис. 6. Фрагмент надписи. Сторона В

положению имеют явно другое значение. В конце комментария В. В. Латышев также отметил, что предложенной им цифровой системе, кажется, противоречит то, что в надписи появляются непомерно большие суммы.

Все указанные обстоятельства не позволяли исследователям использовать эту надпись как полноценный исторический источник. В. Д. Блаватский, впервые дав русский перевод надписи по тексту В. В. Латышева, отмечает спорность истолкования чисел, но везде говорит о продаже, а не об аренде. Того же мнения придерживался затем С. Ф. Стржелецкий¹⁰.

Прежде чем дать новый перевод, соответственно толкование, необходимо в первую очередь пересмотреть цифровую систему и проанализировать характер и построение всего текста.

Системы Херсонеса и Калхедона в интерпретации В. В. Латышева выглядят следующим образом:

Херсонес

Калхедон

Δ	○	- 100 000	драхм или 10 талантов		
□		- 50 000	"-	5	"-
○		- 10 000	"-	1	"-
⋈		- 5000	"-	1/2	"-
χ		- 1000	"-		М - 10 000 драхм
⋈		- 100	"-		□ - 5000 "-
ψ		- 50	"-		χ - 1000 "-
Δ		- 10	"-		Н - 100 "-
□		- 5	"-		
С		- 1	"-		ψ - 10 "-
					□ - 5 "-
					С - 1 "-
					Т - 1/2 "-
					- 1 обол

Из этой интерпретации видно, что калхедонская система была традиционной акрофонической. Единственным оригинальным знаком в ней является обозначение десяти. По аналогии с калхедонской системой и основываясь на традиционном принципе акрофонической системы, В. В. Латышев вывел значение цифр в херсонесской надписи, но полученные им числа обозначали неправдоподобно большие суммы, якобы уплаченные за землю в Херсонесе; поэтому, как сказано выше, он не считал их окончательными и предполагал продолжить работу над надписью. В самом деле, в акрофонической системе символы для обозначения 100 000 и 50 000 драхм вообще не известны, а символы, обозначавшие, по мнению Латышева, в этой надписи 10 000 и 5000 драхм, в таком значении не встречались. Продолжить эту работу В. В. Латышев, к сожалению, не успел.

Еще в 1911—1912 гг. была опубликована статья М. Н. Тода о греческих цифровых системах, в которой он дал иную интерпретацию цифровых знаков херсонесской надписи, основываясь на большом количестве

¹⁰ Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953. С. 32—34; Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса. Таврического // ХС. 1961. VI. С. 53 сл.

аналогий¹¹. М. Н. Тод высказал предположение, что в Херсонесе знак σ мог обозначать золотой статер, как и в некоторых других греческих центрах. Но и в его интерпретации, во-первых, получались очень большие суммы, уплаченные за землю, а во-вторых, употребление золотого статера в Херсонесе не засвидетельствовано источниками.

В. В. Латышев при переиздании IOSPE в 1916 г. повторил без изменений предложенную им ранее интерпретацию цифровых знаков и почему-то не сослался на работу Тода. Исследователи, обращавшиеся к этой надписи, принимали предварительную интерпретацию Латышева за окончательную и на этом основании делали ответственные выводы о чрезвычайно высокой стоимости земли в Херсонесе и социально-экономическом положении его граждан¹².

К настоящему времени накоплен значительный эпиграфический материал, позволяющий вновь вернуться к реконструкции цифровой системы эллинистического Херсонеса. В ее основу положен анализ цифрового материала из фондового собрания Херсонеса¹³. Большое количество аналогий этому материалу содержится в работах М. Н. Тода, И. И. Толстого, а также в исследовании М. Лэнг, которая, пожалуй, впервые тщательно изучила и интерпретировала символы акрофонической системы на керамике из Афин¹⁴. Ее объяснения были приняты другими учеными, хотя некоторые из них спорны. Ценную информацию можно также почерпнуть из работ И. Д. Головки (который привел описание цифровых граффити из раскопок Ольвии и Березани)¹⁵ и В. П. Яйленко¹⁶.

Особое значение для понимания надписи имеет $\eta\alpha\rho\alpha\chi\ \lambda\epsilon\gamma\omicron\mu\epsilon\tau\omicron\upsilon\sigma\iota\sigma$ $\epsilon\chi\alpha\tau\omicron\rho\iota\upsilon\sigma\iota$ ¹⁷. По мнению Ф. Ф. Соколова, это, вероятно, мера площади, содержавшая 10 000 квадратных локтей, а, по мнению Б. Кайля и поддерживавшего его В. В. Латышева, один гекаторюг обозначал площадь, равную 100 квадратным оргиям¹⁸. В. П. Лисин считал гекаторюг единицей, лежавшей в основе измерения земельных площадей на Гераклеяском полуострове. По его вычислениям, в метрической системе мер гекаторюг равнялся 40 000 м², т. е. квадрату со стороной 200 м¹⁹. В. Д. Блаватский, приняв за основу объяснение Б. Кайля и В. В. Латышева, взял для расчетов квадратную аттическую оргию (1,85 м²), увеличил результат в 100 раз и получил гекаторюг, площадь которого равна

¹¹ *Tod M. N.* The Greek Numeral Notation // *Annual of British School of Athens*. 1911—1912. V. XVIII. P. 123 f.

¹² *Блаватский*. Ук. соч. С. 29 сл., 34; *Стржеleckий*. Ук. соч. С. 53.

¹³ Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978; *Пиколаенко Г. М.* Метки на античных пифосах // *Херсонес Таврический. Ремесло и культура*. Киев, 1974. С. 26—29; *оча же*. О гераклеяском пифосе из «старого» Херсонеса // *КСИА*. 1978. Вып. 156. С. 78—80.

¹⁴ *Lang M.* Numerical Notation on Greek Vases // *Hesperia*. 1956. XXV. № 1. P. 1—24.

¹⁵ *Голдовка И. Д.* Эпиграфические находки // *МАСП*. 1966. Вып. 5. С. 45—69.

¹⁶ *Яйленко В. П.* Граффити Левки, Березани и Ольвии // *ВДИ*. 1980. № 2. С. 72; № 3. С. 75.

¹⁷ Ср. термин «гекатостии», обозначавший военные единицы (по 100 воинов), существовавшие, по сообщению Энея Тактика, в Мегарах и Гераклее. См. *Burstein S. M.* Outpost of Hellenism: The Emergens of Heraclea on the Black Sea. Berkeley — Los Angeles, London, 1976. P. 20—21.

¹⁸ *Латышев В. В.* Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России // *МАР*. 1892. № 9. С. 21 сл.; IOSPE. I². P. 363.

¹⁹ *Лисин В. П.* Античные хозяйства в районе Камышовой бухты в I—IV вв. // *Архив ГХИАЭ*. Д. 541. Л. 65—66 и 104. Расчеты автора остались неизвестными большинству исследователей, так как работа не была опубликована, а сам В. П. Лисин погиб во время Великой Отечественной войны.

342,25 м² ²⁰. С. Ф. Стржелецкий считал, что гекаторюг основан не на аттической, а на херсонесской (ионической) оргии, длина которой — 1,77 м, и, следовательно, он равен 313,29 м² ²¹.

Земельные наделы Херсонеса были значительны по своим размерам и занимали огромную территорию. Только на Гераклеяском полуострове размежеванная территория составила более 10 000 га. Естественно, что в основе размежевания больших площадей должна была лежать величина, гораздо большая, чем оргия или фут, но кратная им, например плетр, равный 100 футам. Резкое увеличение источниковой базы (в настоящее время мы располагаем результатами обмеров более 200 наделов) позволяет точнее определить единицу площади, лежавшую в основе размежевания полей, а вместе с ней и величину гекаторюга.

У Страбона (VII. 3. 19) имеется упоминание о применении в Северном Причерноморье меры площади — плетра, но без указания его величины. Измерение наделов херсонесской хоры привело к выводу, что там действительно использовался плетр, причем равный 100 египетским футам в квадрате (в метрической системе эта величина соответствует 1225 м²) ²². С помощью выявленной величины плетра как меры площади попытаемся определить, чему равен гекаторюг. Как уже отмечалось, большинство исследователей считает, что гекаторюг обозначал величину, равную 100 квадратным оргиям. Такой расчет методически неверен. Для пояснения обратимся к методике образования единицы площади — плетра. Известно, что один квадратный плетр равен площади квадрата со стороной в 1 плетр длины. Последняя величина равнялась 100 футам. Следовательно, гекаторюг как мера площади должен равняться площади квадрата, сторона которого — 100 оргий, т. е. он равен не 100 квадратным оргиям, а 100 оргиям в квадрате, что и положено нами в основу всех последующих расчетов.

По проведенным измерениям херсонесская землемерная оргия равна 2,1 м² ²³. Отсюда гекаторюг равен 44 100 м², что в свою очередь соответствует 36 херсонесским плетрам. Измерения показали, что наделы херсонесской хоры состояли из двух, четырех, шести и т. д. полей площадью в 1 гекаторюг каждое. Поля в свою очередь были разделены на участки, площадь которых в большинстве случаев равна 1/2, 1/4, 1/8, 1/16 гекаторюга, т. е. соответственно 18 и 9 плетрам, 4,5 и 2,25 плетра. Величины, составляющие площади этих полей (длина и ширина), можно выразить целым или кратным числом плетров, локтей, футов. Самое маленькое поле, составляющее 1,5 × 1,5 плетра, или 1/16 гекаторюга, зафиксировано на подавляющем большинстве наделов. Итак, новые измерения и расчеты подтверждают, что гекаторюг был мерой площади, а плетр являлся единицей площади; основой же для его образования служил фут, а для гекаторюга — оргия, равная 6 футам.

На основе сравнительного анализа цифрового материала и размеров полей на херсонесской хоре можно предложить следующую интерпретацию цифр в надписи.

²⁰ Блаватский. Ук. соч. С. 44.

²¹ Стржелецкий. Ук. соч. С. 56 сл. Прим. 1 на с. 56.

²² Николаенко Г. М. Метрология Херсонеса Таврического в эллинистический период: Автореф. дис... канд. ист. наук. Киев, 1983. С. 14. Там же (с. 14—17) изложены приводимые далее выводы автора о гекаторюге.

²³ Ср. Щеглов А. Н. Земельный надел у мыса Ойрат // История и культура античного мира. М., 1977. С. 211.

В гекаторюгах:

Ε	-	100
Δ	-	10
Ρ	-	5
Ο	-	1
Ϛ	-	1/2
Χ	-	1/4
Υ	-	1/8
Τ	-	1/16

В плетрах:

ΔΠ	-	15
Π	-	5
С	-	1

Таким образом, получается, что цифры обозначали не цены за участки земли, как считали все исследователи начиная с В. В. Латышева, а площади участков, отведенных под продажу или аренду; участок же состоял из нескольких полей различной площади.

Прежде чем перейти к комментариям, приведем несколько построчных замечаний по тексту надписи.

Сторона А

Стк. 8(6). Выражение *Τοῖδε ἐπρίχοντο ἀπὸ τοῦ Β. Д.* Блаватский перевел: «Такие-то купили у такого-то» (далее идут имя и патронимик в родительном падеже), следовательно у частного лица (выражение *ἀπὸ τοῦ* повторяется в В. 13). Однако при обозначении — у кого что-либо куплено или взято в аренду (земля, дом и др.) — не употребляется предлог *ἀπὸ* и не нужен артикль *τοῦ*, а принята форма: *πρίχμαι παρὰ τινος*²⁴. Предлог же *ἀπὸ* с *gen.* (часто *ἀπὸ τοῦ*), как указывают словари и руководства по синтаксису, употребляется при обозначении пространства (от, из), времени (после чего-либо), при указании на средство или образ действия (например, *ἀπὸ τοῦ ἵσου* — равным образом, одинаково) и др. Здесь, вероятно, в смысле: от места участка такого-то.

Стк. 9(7). Окончание *-ιστας* может указывать на дорийскую форму имени в родительном падеже, за которым следует его патронимик. Кроме *Μερίστας* обратный словарь дает имена: *Ἀρίστας*, *Φιλίστας*, *Θεμιστάς* и др.²⁵.

Сторона В

Стк. 5(3). В соответствии с камнем следует читать не *[Ἀρι|ς]οκράτης*, а весьма редкое имя *[Ἀδ]|το(ς)ράτωρ*. В римское время это слово стали употреблять как титул римских императоров (самодержец), но в предшествующий период словарь *Pape-Benseler* отмечает в Греции личные имена *Ἀδοκράτης* и *Ἀδοκράτωρ*, видимо, в значении: самостоятельный, независимый и др. (в городах Причерноморья доримского времени они не встречались).

Стк. 7(5). Неясно значение слова *περίτομον*. В. Д. Блаватский переводит: нарезанное (поле). Может быть, здесь в отличие от полноценных,

²⁴ Cp. *Liddell-Scott*. S.v. *πρίχς* II: of legal documents — contract for farming of taxis, sale etc.

²⁵ *Dornseiff F., Hansen B.* Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen. В., 1957. S. 143.

стандартных участков земли говорится об урезанных участках ²⁶, например расположенных у моря. Ср. также в словаре Liddell-Scott *περίτομος* — steep (гористый); *περίτομα* — steep places (гористые места) со ссылкой на надпись из Приены.

Стк. 9(7). В. В. Латышев дополняет *ξο]λεύειν*. Эту редкую форму словарь Liddell-Scott переводит как cut wood (рубить лес) со ссылкой на Syll³. 685 (Крит, II в. до н.э.) и IOSPE. I². 403. Возможны и другие дополнения например *πο]λεύειν* (пахать), *μεταλ]λεύειν* (копать, выкапывать из земли), *σμιβ]λεύειν* (собирать мед), *δοϋ]λεύειν* (быть рабом, наемным рабочим) и пр. ²⁷ Ведь длина слова нам неизвестна, так как оно могло иметь начало в конце другой строки.

Стк. 14(12) сильно повреждена, но по сохранившимся буквам выявляется какое-то предложение в дативной конструкции, а в конце читается: *τῷ κοινῷ* Δ— ——. Вне контекста трудно дать однозначный перевод этого слова, имевшего много значений: общество, община, государство, средства и др.

Стк. 23(21) — сохранившееся начало слова ΑΠΟΣΤ, вероятно, слова с приставкой *ἀπο-*, можно дополнять от глаголов *ἀποστέλλω* (отправлять, изгонять) или *ἀποστερέω* (лишать, отнимать).

Стк. 24(22). В. В. Латышев читал начало последнего слова как ΑΠΕΛ, однако на камне можно рассмотреть в конце букву Δ, а не Λ, и на основе этого восстановить в контексте выражение: *τὰ]ν αὐτὰν γῶραν ἀπέδ[οσαν* (эту самую землю отдали или возвратили).

Стк. 26(24). *τὰν] πρᾶσιν ἐπρίχτο* (дословно: купил продажу), возможно, нарах *legomenon*, не встречающийся в литературных текстах; здесь, видимо, в смысле: контракт, акт (соглашение) об указанных далее условиях купли-продажи или аренды земли ²⁸.

Судя по содержанию, надпись имела продолжение на оборотной стороне, и поэтому памятник должен рассматриваться как двусторонний (*διπλοῦς*), без интервала во времени. Об этом свидетельствуют и шрифт надписи (хотя на оборотной стороне буквы несколько мельче и более потерты), и заключительные строки, где подводится общий итог и названы должностные лица (комиссия эпимелетов и царь-эпоним), при которых был составлен этот юридический акт.

В итоге предлагаем следующий перевод надписи (для удобства размеры площадей даны в гектарах)

Лицевая сторона (A)

1. [----- Α]полло[дор(?) -----]
2. [---] 2,38 га. Пром[атий(?) -----]
- 3(1). [---] 5,42 га. [---] 5,42 га. Сумма 25,3 га. [---]
- 4(2). [---] 23,76 га. Гера[клид] 18,19 га. Сумма 41,89 га.
- 5(3). [---] на [---] 11 га [. . .]Притан 16,53 га, Притан 27,83 га ...

²⁶ Ср. термин *ἀπότομα* от того же глагола *τέμνω*, но с другой приставкой, в локридской надписи 525—500 гг. в связи с разделом земли. В. П. Яйленко (Греческая колонизация VII—III вв. до н.э. М., 1982. С. 83, 87 сл.) приводит различные толкования этого неясного термина и полагает, что, скорее всего, здесь идет речь об индивидуальных участках, «отрезанных» из общественного фонда.

²⁷ Kretschmer P., Locker E. Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Sprache. Göttingen, 1963. S. 669.

²⁸ Ср. Dareste R., Haussoullier B., Reinach Th. Recueil des inscriptions juridiques grecques. V. I. P., 1891. P. 66, 72 et suiv.

- 6(4). [Притан] . . 1,37 га. Сумма 65,74 га. Герострат, сын Аристол[о]-
 7(5). [ха - - . П]олиарх, сын Геронта 6,52 га. Артемидор, сын Ар-
 8(6). [темидора(?) ...] 5,51 га. *Общая* сумма 1461,18 га. Следующие лица
 купили (или: арендовали)
 9(7). [- - - - -] Нимфодора по одному *целому участку* (?): Ли-
 систрат, сын Ев-
 10(8) [дрома], Лисистр[ат,] сын Евдрома, Ксанф, сын Теокида,
 11(9). [Ксанф], сын Теокид[а, Гер]офи[л, сын Пр]оматида, Гимн, сын
 Скифа,
 12(10). [Сокр]ит, сын Диос[курида, Гимн, сын Ски]фа, Теокл, сын Тео-
 гена,
 13(11). [Гимн], сын Скифа, [такой-то, сын Доро]нда(?), Автокл, сын Авто-
 14(12). [кла(?) - - -]он, сын По[-, - -]н, сын Пасиона, Икас, сын Гера-
 15(13). [клида(?) - - -, Па]рфений, сын Аристогена.
 16(14). [- - - - - Н]икаситим, сын Иика-
 17(15). [ситима, Никаситим, сын Никаситима], Никаситим, сын Ника-
 18(16). [ситима, Бакис, сын Риния], Бакис, сын Риния, Бакис, сын Ри-
 19(17). [иния, - - - - - такой-то, сын], Доронда, Ксанф, сын
 20(18). [Теокида, Ксанф, сын Теокида, Ксанф, сын Теокида,
 21(19). [Питтий, сын Никаситима], Питтий, сын Никаси-
 22(20). [тима, такой-то, сын такого-то, такой-то], сын Никанора.

Оборотная сторона (B)

1. [- - - - -]Элпиник 3,3 га [- - - - -]
 2. [- - такой-то, сын такого-то] 7,62 га. Гефестод [ор - -]
 3(1). [. . .] 1,83 га, Гефестодор [- -, Гефес]тодор 3,24 га, Гефе[-стодор - -]
 4(2). [. . .] 1,83 га Гефестодор [- - - Гефе]стодор 2,38 га. Су[м- ма- -]
 5(3). [Ав]тократор 3,09 га, Герострат [- - -,] Герострат 2,38 га[-]
 6(4). [. . .] 1 га, Герострат 2,38 га. Сум[ма - - -,] Гераклид Ас[-]
 7(5). Гераклид. Урезанный (участок?) [- - -] 20,39 га. [Следующие лица]
 8(6). купили (или: арендовали) гекаторюг[ов столько-то - -] 1,71 га [- - -]
 9(7). [ру]бить лес(?) [- -] по одному *участку*: Проматий, сын [Дио]ни[сия?
 - - -, такой-то, сын]
 10(8). Нанона 48,78 га, Никанор, [сын - - -] 48 га, Пр[оматион, сын Дио-
 нисия?]
 11(9). 24,62 га. Проматион, сын Дио[нисия] 66,5(?) га, [такой-то сын
 Калли(?)]- -
 12(10). ада 7,16 га, Пасихар 10[5,9] 6 га, Герак[лид - - - - -]
 13(11). *Общая* сумма 499,31 га [- - - - -]
 14(12). 35,28 га (?) [- - - - -] общине (или: государству?)
 15(13). [- - - - -] не имеющие, 30,87 га. [- - -]
 16(14). 71,17 га [- - - - -] Левко [н- - - - -].
 17(15). Сумма гекаторюгов (т. е. общая площадь), [приобретенная]
 18(16). в эту продажу, [которую произвели по постановлению?, такая-то].
 19(17). Избранные эпимелеты [такой-то, сын такого-то],
 20(18). Невмений, сын Филистия, [такой-то, сын такого-то],
 21(19). при царе Аполл[онии(?)] - - - - -
 22(20). Теламон, сын Эсхина[- - - - -]
 23(21). Земли и что (или: кто что-нибудь) [- - - - -]
 24(22). эту самую землю отд[али (или: возвратили)] - - - - Аполло(?)-
 25(23). дор, сын Гагемона [- - - - -]
 26(24). составили акт о купле-продаже (или аренде) [- - - - -]

Рассматриваемая надпись значительно пополнила ономастикон Херсонеса эллинистического времени, дав ценный материал для составления общей просопографии города. Многие из имен встречаются среди граффити на чернолаковых сосудах²⁹, на надгробных стелах, монетах и амфорных ручках Херсонеса той же эпохи (см. ниже сравнительную таблицу имен). При пользовании таблицей следует учесть, что в отличие от лапидарных надписей, клейм и монет большинство граффити дают аббревиации имен, позволяющие предполагать несколько вариантов. Поэтому аналогии носят лишь условный характер, хотя этот недостаток частично искупается их многочисленностью. В надписи много составных имен, где совпадение первого элемента еще не говорит о полном совпадении имени с тем или иным граффито. Так, например, в списке три разных имени на Θεο-, которые мы соответственно сравниваем с граффито ΘΕΟ.

Датировка ряда клейм уточнена в работах Б. Ю. Михлина³⁰ и В. И. Каца³¹.

Все имена — греческие или встречающиеся в греческой антропонимии, некоторые — редкие, как, например, Ἰκάς, Βάκις³² Πιθίος и др. Много теофорных имен, преимущественно связанных с основными культами херсонесских богов и героев: Артемиды, Девы, Аполлона и Геракла. В соответствии с языком всей надписи и в именах прослеживаются черты дорийского диалекта. Так как многие имена встречаются среди граффити на дорожных чернолаковых сосудах, на монетах и амфорных клеймах, а также в списках послов в Дельфы, можно заключить, что в список вошла группа состоятельных граждан, принимавших активное участие в экономической и политической жизни Херсонеса.

В антропонимии греческих городов Северного Причерноморья Л. Згуста выделяет группу имен, происходящих от разных этниконов: алан, гетов, саев, сарматов, синдов и др.³³ Среди них он называет и имя Σκόδας, известное в надписях Херсонеса и Боспора преимущественно III в. до н.э. В комментарии Згуста приводит примеры широкого распространения этого имени в греко-римском мире и полагает, что в Причерноморье оно проникло из Греции³⁴. Недавно В. И. Кадеев вновь вернулся к этому вопросу³⁵ и пришел к выводу, что имя Скиф попало в Херсонес и Каллатию непосредственно из их метрополии — Гераклеи Понтийской, поскольку там оно известно на амфорных клеймах еще в IV в. до н.э. Конечно, такая возможность не исключена, но о ней следует говорить лишь в предположительной форме, ибо в силу раннего знакомства греков со скифами этот этникон получил повсеместное распространение в греческой антропонимии, и установить пути его проникновения в тот или

²⁹ Некоторые из них редкие и могут служить основанием для правильного раскрытия аббревиаций в надписях на сосудах.

³⁰ Михлин Б. Ю. К изучению херсонесских керамических клейм // ВДИ. 1979. № 2.

³¹ Кац В. И. Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм // ВДИ. 1985. № 1.

³² Ср. близкое ему имя Βάκις на стеле IV в. до н.э.: НЭПХ. II. № 138. По мнению Г. Вутнова, оно семитского происхождения (Wuthnov H. Die semitischen Menschennamen in griechischen Inschriften und Papyri des Vorderen Orients. Lpz, 1930. S. 32).

³³ Zgusta L. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955. S. 332—337.

³⁴ Ibid. S. 770.

³⁵ Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981. С. 91—96.

иной центр не представляется возможным. Другое дело, когда речь идет о редких именах, известных в Гераклее и ее колониях — Херсонесе и Каллатии, как, например, *Μαλαχός* и *Μᾶτρις*.

Из 20 имен нашей надписи, встречающихся также на херсонесских амфорных клеймах, 9 относятся ко II хронологической группе, выделенной Б. Ю. Михлиным и датируемой им рубежом IV—III — серединой III в. до н. э.³⁶, что совпадает с нашей датировкой надписи на основе ее палеографии. Мало того, в надписи назван некий Невмений, сын Филития, эпимелет (табл., № 36), имя и патронимик которого полностью повторяются в указанной группе клейм (В. И. Кац сужает дату этого клейма до 70—60-х годов III в. до н. э. — группа 2, подгруппа А), позволяя с большой долей уверенности видеть в них одно и то же лицо и уточнить датировку всей надписи.

Теперь вернемся к Гимну, сыну Скифа (табл., № 12), на основе идентификации которого с послем из дельфийской надписи 195/4 г. В. В. Латышев передвинул рассматриваемую нами надпись на конец III — начало II в. до н. э. Проанализировав таблицу, мы обнаружили, что эти сравнительно редкие имя и патронимик (как отмечал В. В. Латышев) встречаются в Херсонесе на различных памятниках, а в том же сочетании кроме дельфийской надписи — еще на одном клейме. Однако эти памятники разделяются на две хронологические группы: граффити и лапидарные надписи (последних — всего две) относятся к концу IV—III в. до н. э., а клейма и монеты — к концу III в. до н. э.³⁷ Этот хронологический разрыв позволяет предполагать, что в указанных памятниках названы разные лица, но, видимо, принадлежавшие к одной семье. Если Гимна, сына Скифа, на клейме конца III в. до н. э. (а возможно, и монетного магистрата Гимна) вполне закономерно отождествить с херсонеситом, посланным в 195/4 г. в Дельфы, то одноименного гражданина из нашей надписи логично принять за его предка, вероятно деда. По мнению В. И. Каца³⁸, можно выделить по амфорным клеймам еще несколько членов этой семьи, в частности Сополия, сына Гимна, и Сополия, сына Сополия, — магистратов первой половины II в. до н. э.

Херсонесская присяга и другие надписи, а также раскопки на Гераклейском полуострове и в Северо-Западном Крыму (где около Керкинитиды и Калос-Лимена обнаружены участки хоры) убедительно свидетельствуют о важной роли земледелия в экономике Херсонесского государства, причем его продукция, особенно хлеб, шла не только для удовлетворения внутренних потребностей, но и на экспорт. Подтверждает это и акт о продаже земли. Поэтому трудно согласиться с мнением Д. Николова³⁹, что сельское хозяйство никогда «не играло особой роли в экономике Херсонеса» и клеры были лишь вспомогательным средством в жизни горожан.

По общему мнению, единовременную продажу или сдачу в аренду земли, отраженную в акте, произвело государство. Поэтому в конце

³⁶ По классификации В. И. Каца, они приходятся в основном на группы 1 и 2А, датируемые концом IV — 70—60-ми годами III в. до н. э.

³⁷ О херсонесских монетах с именем Гимна см. также Гилевич А. М. Клад монет из раскопок Ольвии 1973 года // ВДИ. 1984. № 3. С. 86. Автор датирует их концом III — первой четвертью II в. до н. э.

³⁸ Кац. Ук. соч. С. 106. Рис. 5.

³⁹ Николов Д. Рец. на кн: Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981 // Археология. 1983. № 3. С. 84.

документа были упомянуты эпимелеты, скрепившие этот юридический документ своими подписями (текст сильно поврежден) ⁴⁰.

По нашему чтению в надписи указаны лишь площади продаваемых участков, без обозначения их цены. Поскольку речь, видимо, шла о единовременном акте, установленная государственная цена могла быть указана в верхней, несохранившейся части документа (при этом не исключено, что цены менялись в зависимости от качества участков) ⁴¹.

Возникает вопрос, где находились рассматриваемые участки — в ближайшей округе Херсонеса на Гераклеяском полуострове или в Северо-Западном Крыму (и этот момент мог быть обозначен в начале акта). Тот же вопрос ставился и по-разному решался в отношении других надписей Херсонеса, в которых упоминались хора и равнина ⁴². Открытие в последние годы земельных наделов в Северо-Западном Крыму делает более реальным давнее предположение С. А. Жебелева, что в акте и других надписях речь шла именно об этом районе, однако не дает окончательного ответа на интересующий нас вопрос.

Поскольку греки не выработали еще точных юридических определений (это сделали римляне в связи с созданием определенных правовых норм и законов), толкование отдельных терминов всегда вызывает большие затруднения. Для примера вспомним слово *φρενός* (воспитанник, вскормленник), которое может относиться и к свободному, и к рабу и потому вызвало целую дискуссию, связанную с сообщением декрета в честь Диофанта о восстании под руководством Савмака. Как сказано выше, термин *πράσις* может также иметь двойной смысл, указывая на куплю-продажу или аренду земли. Однако если мы обратимся к близким по времени аналогиям, то увидим, что аренду в отличие от продажи обычно обозначали в это время термином *μισθωσις* и соответствующими глаголами. Так, в речи Лисия (VII.4, 9—10), где говорится о купле и аренде земли в IV в. до н.э., последняя выражена глаголом *μισθώω*, а в VII.4 сказано, что Антиклес, купив (*πράξας*) участок земли, отдал его в аренду (*ἐξμισθώσεν*). Ср. Dem. LIII, 21 о рабах, которые подражались снать урожай в хозяйствах чужих господ (*μισθούντο*). В большой делосской надписи 300—290 гг. до н.э., специально посвященной условиям и срокам аренды храмовых земель, сдача в аренду определена словом *μισθωσάμενος*, а в сткк. 10, 25—27 употреблен глагол *ἀποδόσθαι* в смысле: отдать участок или долг ⁴³. Наконец, в сборнике греческих юридических надписей, где приводится много документов об условиях покупки дома и земельного участка, как правило, употреблен глагол *πράσσει* ⁴⁴.

⁴⁰ Ср. указание в упомянутой выше локридской надписи о разделе земли (прим. 26) на то, что продавать землю следует только в присутствии магистрата (Яйленко. Ук. соч. С. 92). О роли эпимелетов в Аттике при контроле за землями, а иногда и продаже см.: IG. II². 1165 (III в. до н.э.); Андреев В. Н. Аттическое общественное землевладение V—III вв. до н.э. // ВДИ. 1967. № 2. С. 61, 65; Попов А. И. Власть Агафокла Сиракузского // Проблемы политической истории античного общества. Л., 1985. С. 78—80.

⁴¹ Изучая вопрос о ценах земли в Аттике в IV в. до н.э., В. Н. Андреев приходит к выводу, что земля продавалась по твердой цене, установленной государством (Цена земли в Аттике IV в. до н.э. // ВДИ. 1960. № 2. С. 54).

⁴² См. Соломоник Э. И. Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 1984. С. 8 сл.

⁴³ См. Лопухова О. Б. Некоторые вопросы аренды храмовых земель на Делосе // ВДИ. 1985. № 1. С. 150 сл.

⁴⁴ Daresté, Haussoullier. Op. cit. P. 66, 72. Ср. Jameson M. H. Agriculture and Greek Inscriptions // VIII Int. Congr. Communications. Athens, 1982. P. 76, где подчеркивается особая важная роль надписей для изучения сельского хозяйства, в частности списков аренды из Аттики, а также списков о владении и аренде земли из Фарсала (Фессалия) и Северной Италии.

Приведенные аналогии в сочетании с другими данными склоняют нас к мысли, что в акте скорее говорилось о продаже земельных участков, хотя полностью отбросить гипотезу об аренде пока нельзя. Решению этого вопроса могли бы помочь сведения о ценах на участки, но они в надписи отсутствуют, как и сведения об обязательном налоге за аренду.

Судя по надписи, один и тот же гражданин приобретал землю, состоящую из нескольких участков, расположенных в разных местах⁴⁵. Поэтому повторяется несколько раз одно и то же имя и называются площади отдельных участков, а затем суммируется их общая площадь. Этим, видимо, объясняется и перечень имен без патронимиков. Здесь могли быть перечислены лица, получившие нестандартные участки (но с соблюдением стандарта от исходной меры — гекаторюга). Затем названа группа лиц с патронимиками. Возможно, это представители наиболее знатной и зажиточной части граждан, которые приобрели не разрозненные земли, а стандартные участки в одном месте. С другой стороны, обращает на себя внимание изменение надписей на херсонесских амфорах. Если клейма первой группы (датируемой в ук. соч. В. И. Каца концом IV — первой четвертью III в. до н. э.) содержат только имена астиномов, то во второй группе (т. е. начиная с 275 г. до н. э.) появляются уже имена с патронимиками. Поскольку наша надпись приходится на переходный период херсонесского клеймения, в ней могло найти отражение чередование двух форм написания имен: с патронимиками и без них. Анализируя тексты об аренде и продаже земли в Аттике IV в. до н. э., Л. М. Глускина отмечает, что в VII речи Лисия все покупатели и арендаторы названы только по именам, без отчеств, что не позволяет определить их социальный состав⁴⁶.

О размерах земельных наделов херсонеситов, огражденных с четырех сторон транспортными дорогами, мы можем судить по раскопкам на Гераклейском полуострове и в Северо-Западном Крыму; они колеблются в пределах от 8,8 до 26,4 га. Отдельные наделы имели площадь более 30 га. Применяв метод статистического подсчета, В. Н. Андреев пришел к выводу, что в Аттике IV в. до н. э. преобладали средние участки земли, примерно от 2 до 12 га (крупные землевладения были свыше 30 га)⁴⁷. Сопоставим эти данные с размерами участков, купленных или арендованных херсонеситами в III в. до н. э., которые составляли от 25 до 66 га, т. е. были близки крупным землевладениям в Аттике.

Продажу государством большого количества участков земли нельзя отнести к обычному и повседневному явлению. Она должна была быть связана с общим положением Херсонесского государства в начале III в. до н. э., его политикой и экономикой. Такую массовую распродажу земли мы наблюдаем в Аттике IV в. до н. э., когда государство переживало серьезный общий кризис. Главную причину продовольственных кризисов в античных городах Причерноморья А. Штефан⁴⁸ вслед за другими исследователями видит в разрушении земледельческой базы понтийских полисов, а также в морском пиратстве и перечисляет декреты Ольвии.

⁴⁵ Ср. разбросанность земельных владений афинян в разных частях Аттики: Глускина Л. М. Аренда земли в Аттике IV в. до н. э. // ВДИ. 1968. № 2. С. 51.

⁴⁶ Там же. С. 46.

⁴⁷ Андреев В. Н. Размеры земельных участков в Аттике в IV в. до н. э. // ВДИ. 1959. № 2. С. 145.

⁴⁸ Stefan A. Die Getreidekrisen in den Städten an den westlichen und nördlichen Küsten des Pontos Euxeinos in der hellenistischen Zeit // Hellenische Poleis. Bd II. B., 1974. S. 649 ff., 654.

Сравнительная таблица имен
(по материалам Херсонеса эллинистического времени)

№	IOSPE. I ² . 403	Граффити	Лапидарные надписи	Керамические клейма	Монеты	Разное
1	Ἀπολλίδ[ωρος?]	ΓΑΧ, 295, 296 — ΑΠΟΛΛΟΔΩ- ΡΟ	IOSPE. I ² . 351, 402	Кац, гр. 1А	ср. Ан. 99	
2	Προμ[αθίων?]	ΓΑΧ, 1415 сл. — ΠΡΟΜ; 1417—1422 — ΠΡΟ	IOSPE. I ² . 463	Кац, 2В	Ан. 174	
3	Ἡ[ρ]ακ[λειδ]ας	ΓΑΧ, 808—819 — ΗΡΑΚ; 820—870 — ΗΡ; Хора, 49 — ΗΡΑΚΛΕΙΔΑ; 38, 236 — ΗΡΑΚ	saepo		ср. Ан. 92, 105	
4	Πρύτανις	ΓΑΧ, 1423—1426 — ΠΡΥ; Хора, 456 — ΠΡΥ	IOSPE. I ² . 351	Кац, гр. 2А	Ан. 100, 113	
5	Ἡρόστρατος Ἀριστολ[όχου]	ΓΑΧ, 897 — ΗΡΟΣΤΡ. ΓΑΧ, 298 — ΑΡΙΣΤ; 299—301 — ΑΡΙΣ				
6	Πολύαρ[χο]ς Γέροντος	ΓΑΧ, 1404 сл. — ΠΟΛΥ	IOSPE. I ² . 467			
7	Ἀρτεμίδωρος Ἀρ[τεμίδωρου]	ΓΑΧ, 309—311 — ΑΡΤ; 312—342 — ΑΡ	IOSPE. I ² . 504; НЭПХ, 161	Кац, гр. 2Б	Ан. 131	
8	Νυμφόδωρος	ΓΑΧ, 1301 — ΝΥ	IOSPE. I ² . 414 НЭПХ, 29		Ан. 85	
9	Λυσίστρατος Εὐδρόμου	ΓΑΧ, 1118—1128 — ΛΥ; 1129 — ΛΥΣ ΓΑΧ — ΕΥ (saepo)				
10	Ξάνθος	Хора, 122 — ΕΥΔ ΓΑΧ, 1311 сл. — ΞΑΝ; 1313 — ΞΑ; Хора, 438 — ΞΑ ΓΑΧ, 929 — ΘΕΟ		Кац, гр. 1Б	Ан. 121, 125	
11	Θεοκύδεος Ἡρόφιλος		НЭПХ, 154, 169			
12	[Πρ]ομαθίδα Ὑμνος Σκύθα	Ср. № 2 ΓΑΧ, 1579 — ΥΜ ΓΑΧ, 1512 — ΣΚ; 1513, 1527 — ΣΚΥ	IOSPE. I ² . 494 IOSPE. I ² . 581	Кац, гр. 3А	Ан. 123, 133, 138	ВДИ. 1939. № 3. С. 249 — дельфий- ская надпись: Ὑμνος Σκύθα

Приложение 1 (продолжение)

№	IOSPE. I ² . 403	Граффити	Лapidарные надписи	Керамические клейма	Монеты	Разное
13	[Σώκρ]ιτος	ΓΑΧ, 1534—1538 — ΣΩ; Χορα, 261, 467 — ΣΩ		Кац, гр. 1А		ВДИ. 1939. № 3. С. 247 — дельфий- ская надпись.
14	Διο[χουρίδα] θεοκλῆς	ΓΑΧ, 619 сл. — ΔΙΟΣ См. № 10		Кац, гр. 1В		
15	θεογέν[εος] [Δωρῶ?]νδα	См. № 10		Кац, гр. 1Б		
16	Αὐτοκλῆς Αὐτ[οκλεος?]	Χορα, 5 — ΔΩΡ				
17	[-ω]ν Πασιώνος		IOSPE. I ² . 341, 473, 487	Кац, гр. 1Б		
18	Ἰκας	ΓΑΧ, 962 — ΙΚΑ; Χορα, 336 — ΙΚ				
19	Ἡρα[κλειδα] Παρθένιος	См. № 3 ΓΑΧ, 1375—1378 — ΠΑΡ; Χορα, 169, 260 и др. — ΠΑΡ	НЭПХ, 181			
20	Ἀριστογέν[εος] Νικασίτιμος	См. № 5 ΓΑΧ, 1272 сл. — ΝΙΚΑ; 1274—1290 — ΝΙ;	IOSPE. I ² . 416	Кац, гр. 3В		
21	Νικα[σιτίμου] Βάκις	Χορα, 165 — ΝΙΚ ΓΑΧ, 422—435 — ΒΑ; Χοра, 23, 108 — ΒΑ	Ср. НЭПХ, 138			
	Ῥινία	ΓΑΧ, 1462—1466 — ΡΙ; Χοра, 357 — ΡΙ				
22	[Δ]ωρῶνδα	См. № 15				
23	Πίτιος	ΓΑΧ, 1385—1388 — ΠΙ				
24	Νικασι[τίμου] -ος Νικάνορος	См. № 20		Кац, гр. 3А		
25	Ἐπίνικος	См. № 20 ΓΑΧ, 677 сл. — ΕΛ; Χοра, 196 — Ελ				
26	Ἀφαιστῶδωρος	Ср. ΓΑΧ, 383 — ΑΦΑΙΣΤΙΟ				
27	[Αὐ]το(κ)ράτης					
28	Ἡρόστρατος	См. № 5				
29	Ἡρακλειδας	См. № 3				
30	Προμαθίων Διο[νυσί?]ου	См. № 2 ΓΑΧ, 626—631 — ΔΙΟ; Χοра, 192 сл. — ΔΙΟ	saepo	Кац, гр. 2Б		

Приложение 1 (окончание)

№	IOSPE. I ² . 403	Граффити	Лapidарные надписи	Керамические клейма	Монеты	Разное
31	[ὁ δεῖνα]	См. № 8	Ср. НЭПХ, 168; 175	Кац, гр. 1А	Ан. 93	
32	[N]άνωνος	ГАХ, 1261 сл. — ΝΑ				
33	Νικάνωρ [Καλλι?]άδα	См. № 24 ГАХ, 1036 сл. — ΚΑΛ; 1038 — ΚΑΛΛΙ	Ср. НЭПХ, 143	Кац, гр. 2Б		
34	Πασιχάρης	Ср. ГАХ, 1049 — ΠΑΣΙΧΟ				
35	Λεύκων	Хора, 128 — ΛΕΥ	IOSPE. I ² . 470	Кац, гр. 2А Νευρήνιος Φιλιστίου	Ан. 70	
36	Νευμήνιος	ГАХ, 1540 — ΝΕΥΜΗΝΙΟΥ				
	Φιλιστίου	ГАХ, 1607 — ΦΙΛΙ; 1608 — ΦΙΛ;	saere	Кац, гр. 1Б	Ан. 104	
37	Ἀπολλ[ώνιος?]	Хора, 14 — ΦΙΛΙ? ГАХ, 243—250 — ΑΠΟΛ; Хора, 454 — ΑΠΟΛ				
38	Τελαμών Αἰσχίνα	ГАХ, 1551 — ΤΕΛΑ ГАХ, 189 — ΑΙΣΧΙ; 190—192 — ΑΙΣ; Хора, 183 — ΑΙΣ	IOSPE. I ² . 495 НЭПХ, 161	Кац, гр. 2Б Кац, гр. 1А	Ан. 68, 90	
39	[Ἀπολλό]δωρος Ἀγήμενος	См. № 1 ГАХ, 149—151 — ΑΓΗ				

Список сокращений к таблице: ГАХ — Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978; Хора — Соломоник Э. И. Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 1984; НЭПХ — Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964, 1973; Кац — Кац В. И. Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм // ВДИ. 1985. № 1; Ан. — Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977.

Истрии, Каллатии, Месембрии об организации ситонии и принятии других мер борьбы с голодом.

Херсонес в конце IV — начале III в. до н. э. также переживал важный период своей истории. На основе Присяги, группы остраконов и фрагмента надписи о политических изгнанниках можно установить, что в этот период там происходила ожесточенная политическая борьба, которая завершилась временным захватом власти антидемократическими элементами (олигархами, тираном) и изгнанием их противников. Затем произошло восстановление демократии, зафиксированное Присягой, и возвращение изгнанников ⁴⁹.

Акт, совпадающий по времени с этими документами и близкий почетному декрету в честь Агасикла (первая половина III в. до н. э.), видимо, был связан с общей ситуацией, сложившейся после нового укрепления демократического строя в Херсонесе, и в частности стремлением упорядочить земельные отношения, а также пополнить опустевшую казну. Возможно, существенную роль сыграло также усиление в этот период Скифского государства, которое вскоре захватило часть херсонесских земель в Северо-Западном Крыму. Дополнение строк 23 и 24 позволяет предполагать, что там речь шла о лицах, ранее изгнанных и лишенных земли, и указании вернуть им эту землю. Это непосредственно перекликается и с постановлением о возвращении изгнанников, по которому им должны вернуть отнятое ранее имущество — дома и земельные участки.

У В. В. Латышева при издании этой непростой надписи возник целый ряд недоуменных вопросов: о ее датировке, содержании (аренда или продажа), цифровой системе, повторяемости имен. Спустя почти 70 лет на основе новых археологических исследований хоры Херсонеса, находок новых надписей и дополнительных фрагментов акта, достижений лапидарной и керамической эпиграфики и нумизматики мы попытались ответить на некоторые из них.

Приложение 2

Из трех фрагментов надписей, найденных С. Г. Рыжовым в 1983 г. в северном районе Херсонеса, два сложились в контакте с плитой IOSPE. 1². 403; третий фрагмент должен быть рассмотрен отдельно, хотя в тесной связи с предыдущими (рис. 5—7).

Рис. 7. Прорись. Сторона А и В

⁴⁹ Соломоник. Фрагмент надписи из Херсонеса о политических изгнанниках. Шрифт этой надписи, очень близкий Присяге, позволяет датировать ее тем же временем или несколько позже, в пределах первой четверти III в. до н. э. (с. 72). Попутно отметим, что в книгу С. Ю. Сапрыкина (Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 158), ссылающегося на эту статью, вошла грубая ошибка: он пишет, что, по мнению Э. И. Соломоник, демократы, бежавшие из Херсонеса, могли найти поддержку и убежище у тиранов Гераклеи. В действительности в статье говорится не о демократах, а наоборот, о врагах демократии (с. 80).

Как указано в начале статьи, он найден при раскопках помещения 16, в засыпи подвала⁵⁰. По шрифту, использованию для надписи обеих сторон плиты (*οπισθογραφος*) и общему содержанию (перечень имен и числовых обозначений) этот небольшой фрагмент близок IOSPE, I². 403. Однако по иному характеру камня (сероватый мрамор), толщине плиты и более глубокой резбе букв он, несомненно, является частью другого эпиграфического памятника, который еще, быть может, скрывается в недрах херсонесской земли.

Фрагмент имеет следующие размеры: высота — 75, ширина — 53 и толщина 58 мм.

Сторона А

1. [— — — — —] ((, Εἰ[νος Θεοκύδεος? — — —]
[Ἡρόφιλος? Пром]αθίδα [°] | — — — — —]
[— — — — —]νος [°] Δ. Ὑμ[νος Σκύθα — — —]
4. [— — — — —]ς Διογ[ήτου — — — — —]

Перевод: 1. [— — —] 0,25 га. Кса[нф, сын Теокида? — — —]
[Герофил?, сын Пром]атида 22,3 га [— — — — —]
[— — — — —] 23,22 га. Гим[н, сын Скифа? — — —]
4. [такой-то, сын] Диогн[ета — — — — —]

Сторона В

1. [— — — — —] πρᾶσιν ὙΙ[— — — — —]
[— — — — —] ἐν τῷ ἐνι[αυτῷ — — — — —]
[Πολύαρχος? Γερ]οντο[ς — — — — —]
[— — — — —] Θ[ερίτ]ης? — — — — —
5. [— — — — —] δεσ [— — — — —]

Перевод: 1. [— — — — —] продажу (или: аренду) [— — — — —]
[— — — — —] в течение г[ода — — — — —]
[Полиарх?, сын Гер]онта [— — — — —]
4. [— — — — —] Т[ерит? — — — — —]

Имя «Ксанф», патронимик «Проматид», имя «Гимн», патронимик «Геронт» встречаются в надписи IOSPE. I². 403 (см. таблицу), что позволяет предполагать, что здесь упоминаются те же лица, и сделать соответствующие дополнения их имен или патронимиков.

В стк. 4 (сторона А) мы дополняем теофорное составное имя Διόγενης (= Διογένης), обозначающее «рожденный Зевсом». В такой форме это имя встречается в Херсонесе впервые. Ср. сходное образование теофорного имени Θεόγγυτος — «рожденный богом» на тарелке III—II вв. до н. э. (ГАХ, 926). Однако в форме Διογένης оно засвидетельствовано там неоднократно, но только в надписях первых веков н. э. Имя Θερίτης дополнено условно, так как обратный словарь Dognseiff — Hansen'a дает еще 12 имен на -ερίτης, но ни одно из них не известно в Херсонесе.

Цифровые обозначения вычислены по предложенной выше системе: — — — CC = = 2 плетра = 0,25 га (начало этого числа не сохранилось), [°] | — = 5^{1/16} гекаторюга = = 22,3 га, [°] Δ = 5 гекаторюгов и 10 плетров = 23,22 га.

Перечень имен и площадей и дополненное слово πρᾶσιν позволяют предполагать, что на этой плите также шла речь о продаже или аренде участков земли. Особое внимание привлекает выражение ἐν τῷ ἐνιαυτῷ (в течение года), которое, пожалуй, скорее может относиться к аренде, чем к продаже земли, например, к сроку работы или взноса арендной платы⁵¹. А это в свою очередь наводит на мысль, что на одной плите мог быть список лиц, которым продали участки земли, а на другой — список лиц, которым участки земли сдали в аренду.

⁵⁰ Архив ГХИАЗ. Д. 2402. Л. 20; Д. 2403. Рис. 52, инв. № 213/37068.

⁵¹ Ср. *Luc.* VII.10, где говорится, что Деметрий работал год (ἐνιαυτόν) на арендованной земле.

THE LAND PLOTS OF CHERSONESOS
IN THE EARLY THIRD CENTURY B. C.
(ad IOSPE. I². 403)

E. I. Solomonik, G. M. Nikolaenko

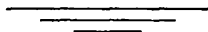
In 1983 two fragments of a opistograph Greek inscription were found during excavations in the northern district of Chersonesos which fitted with two fragments of a document found there a century ago. V. V. Latyshev determined it as an act on the sale or lease of land and dated it to the end of the third or early second century B. C. (IOSPE. I². 403). The document is distinguished by a wealth of numerical material important for studying the metrology of Chersonesos, and a host of personal names quite rich in their onomastics. Study of the palaeographic features of the document, and comparison with lapidary memorials of Chersonesos, graffiti, amphora stamps, and coins, make it possible to redate this document to the 270s and 260s B. C.

Analysis of the numerical material, the results of measurements of strips on the Heraklea Peninsula, and reference to the works of M. N. Tod, M. Lang, I. I. Tolstoy, and others, helped reconstruct the number system of Chersonesos and to conclude that the document refers not to the prices of plots (as previously supposed) but to their sizes; as for the term *hekatorygos*, met only in this document, it has been determined as a unit of measurement of area equal to 36 Chersonesians *pletha* (= 4.4 hectares).

In the late fourth and early third centuries B. C. there was a fierce political struggle in Chersonesos that ended in a temporary seizure of power by a group of oligarchs, and possibly by a tyrant. Democracy was restored later, and several measures were adopted to consolidate the political system and economy of the state. All this found reflection in the text of the Oath, in the decree on the return political exiles, and also in the act on the sale or renting of plots of land.

The article has two appendices:

1. A comparative table of names (according to the date of Chersonesos in Hellenistic times);
2. The text and translation of a third fragment from the finds of 1983, which is close in lettering and content to the document considered here, but comes from another monument.

© 1990 г.

С. Ю. Внуков, С. А. Коваленко, М. Ю. Трейстер

ГИПСОВЫЕ СЛЕПКИ ИЗ КАРА-ТОБЕ

В 1985 г. на греко-скифском городище Кара-Тобе у г. Саки Крымской обл. в заполнении двух обычных зерновых ям (1 и 3) были обнаружены фрагменты гипсовых позитивных слепков с рельефных сосудов¹. В яме 1 найдено восемь фрагментов, принадлежащих трем различным слепкам, в яме 3 — один фрагмент. Таким образом, обнаружены фрагменты от четырех слепков.

Слепок 1 сохранился целиком (рис. 1, 2). Он снят с половины (по диаметру) канфаровидного кубка (полевой № КТ—85—1115). Диаметр венчика кубка около 12 см, высота емкости — 8,5 см. Толщина гипса оттиска около 1,5 см. Рельеф орнамента низкий, высотой 1—3 мм. Орнамент состоит из ленты, опоясывающей кубок под венчиком, концы которой завязаны узлом в середине оттиска и спускаются вниз. Еще один узел виден у левого края оттиска. Под лентой помещены побеги плюща с плодами (справа) и цветущего винограда (слева, рис. 1). Изображения очень реалистичны. Обратная сторона слепка очень неаккуратная. Сохранность гипса в целом хорошая.

Слепок 2 фрагментирован. Он снят с крупной чаши типа патеры (рис. 3, 4). Сохранились часть венчика и значительная часть стенки. До полного профиля недостает придонной части. Склеен из трех фрагментов, разбитых в древности (полевой № КТ—85—1116—1118). Размеры чаши: диаметр венчика около 26 см, сохранившаяся высота — 11,5 см. Толщина гипса оттиска 1—1,5 см. Обратная сторона слепка грубая, со следами размазывания гипса пальцами. Сохранность всех фрагментов удовлетворительная.

Орнамент чаши состоит из двух зон. Под неорнаментированным венчиком проходит фриз, заполненный побегами цветущего винограда. Внизу всю поверхность занимают спирально закрученные листья аканфа (рис. 3, 4) Фриз, как побеги, так и гроздьи цветов, выполнен в высоком рельефе (высотой до 1,1 см), некоторые детали — горельефно. Изображение натуралистично: на веточках отмечены даже мелкие прожилки. На гроздьях видны следы проработки деталей шпателем, сделанной, видимо, еще на мягких (восковых ?) формах. Листья аканфа выполнены в низком рельефе высотой 1—2 мм.

Слепок 3 сделан с какого-то плоского предмета круглой формы (крышки пиксиды ? — рис. 5, 6). Он состоит из четырех фрагментов, разбитых в древности (полевой № КТ—85/1119—1122). Диаметр круглого подлинника слепка около 10 см, толщина гипса 1—1,5 см. Сохранность оттиска

¹ См. Внуков С. Ю. Раскопки на городище Кара-Тобе под г. Саки // АО 1985 г. М., 1987. С. 318. В настоящей работе слепками называются позитивные оттиски, формами — негативные оттиски с изделий.

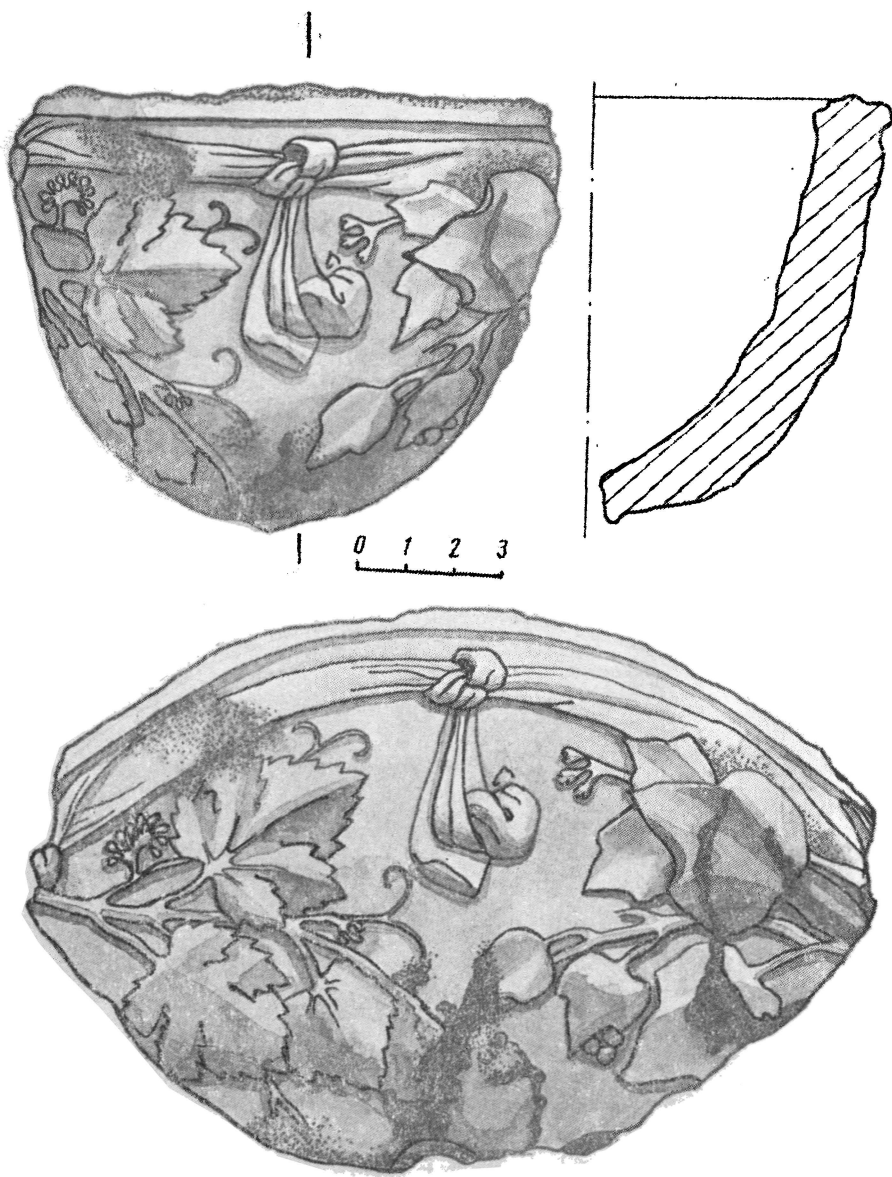

Рис. 1. Слепок 1. Прорисовка

плохая. Во многих местах гипс вспучился, разорвал изображение. Кроме того, на отдельных участках заметно, что гипс оттиска наносился в два приема, как будто с помощью второго слоя неудачно пытались собрать уже разбитый слепок. При этом выпачкали сколы, что сделало сборку невозможной. По этой причине один из фрагментов при реставрации вклеить на место не удалось. Обратная сторона оттиска не обработана, не имеет следов пальцев, и уплощена, как если бы гипс застыл на ровной поверхности.

Вклейка к ст. Вукова С. Ю., Трейстера М. Ю.

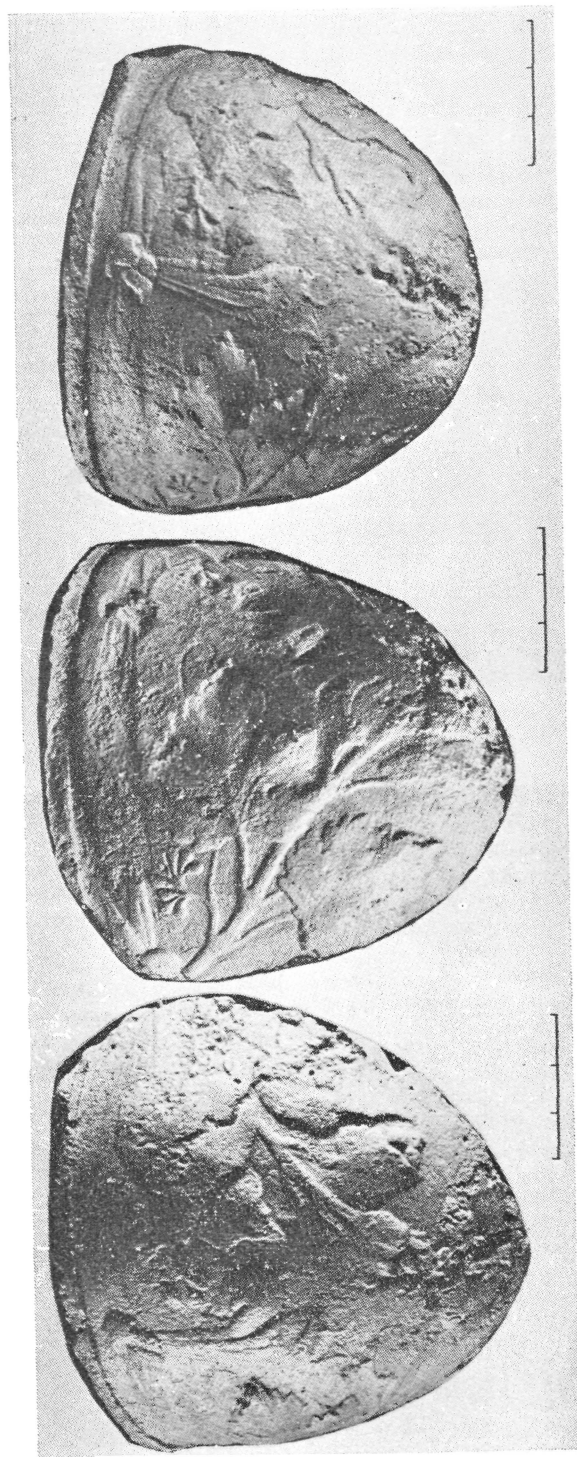

Рис. 2. Слепок 1. Фотография

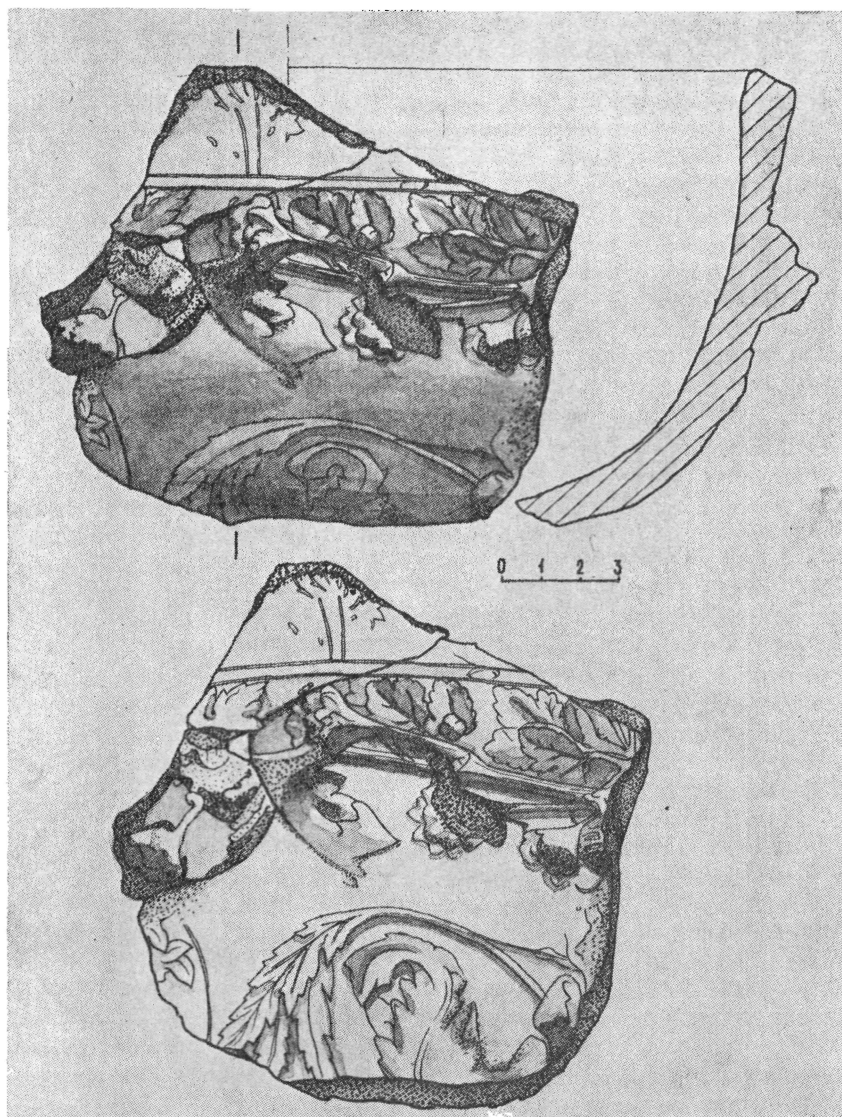

Рис. 3. Слепок 2. Прорисовка

В центре слепка (крышки?) в среднем рельефе (высотой до 0,5 см) изображен виноградный лист (рис. 5, 6). На нем находилось еще какое-то изображение, выполненное скульптурно или горельефно (ручка крышки?). От него сохранился только удлиненный кусок гипса высотой 1,6 см, длиной 3,8 см, шириной 1,5 см. Он вытянут по поперечной оси листа. На нем имеются следы неоднократного наложения гипса. Вокруг центрального листа располагалось от четырех до шести мелких зооморфных изображений. Из них только одно можно определить как изображение водоплавающей птицы (?) (рис. 5).

Все эти слепки найдены в заполнении ямы 1. Гипс их довольно хорошего качества, тонкого помола, без индивидуальных отличий.

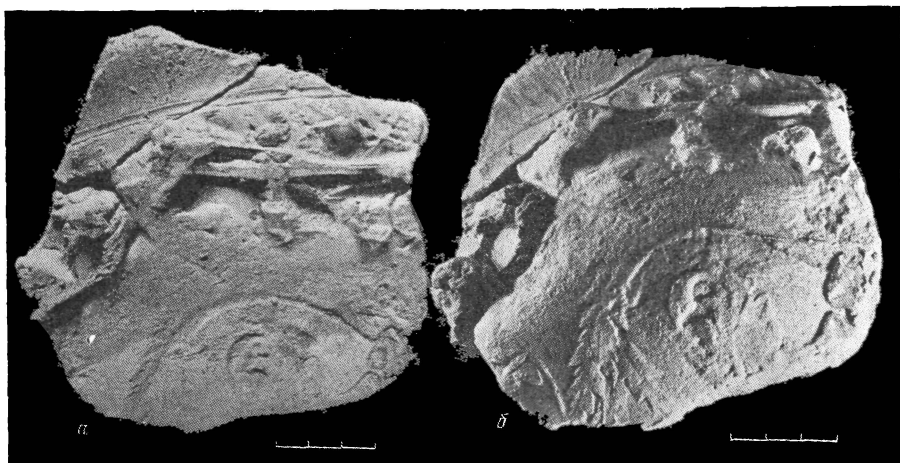

Рис. 4 а,б. Слпок 2. Фотография

Слпок 4 найден в яме 3, расположенной в 7 м к востоку от ямы 1. Он снят с небольшой чаши (полевой № КТ—85/999, рис. 7). Оттиск очень плохой сохранности. Рельеф, видимо, низкий, не сохранился из-за сильного шелушения поверхности. Четко заметен только отпечаток края венчика и, возможно, завиток растительного орнамента. Диаметр венчика чаши 10—11 см, высота фрагмента 6,5 см. Толщина гипса около 1,5 см. Внутренняя поверхность оттиска ровная. Гипс этого слпка выделяется худшим качеством, неравномерностью помола, сероватым оттенком.

Городище Кара-Тобе, на котором обнаружены описанные слпки, находится в 7 км к западу от г. Саки и в 13 км к востоку от Евпатории и расположено на высоком останце коренного берега озера Сасык, в юго-восточном основании пересыпи этого озера. Оно было основано греками в IV в. до н. э. Во II в. до н. э. его наряду с другими поселениями Северо-Западного Крыма захватывают скифы. Скифский слой разделяется как минимум на четыре строительных периода. Жизнь на городище прекращается в первой половине II в. н. э.

Поселение Кара-Тобе в I в. до н. э. — I в. н. э. состояло из двух частей. Центральная, видимо, укрепленная его часть имела подквадратную форму с размерами до 110 × 120 м. На западе и юге оно ограничивалось крутыми склонами высотой до 10 м, на севере — неглубокой балкой. С востока естественной границы нет. Следов каких-либо укреплений обнаружить пока не удалось. Учитывая бедность этого района камнем и следы многократных выборок его из разрушенных скифских построек в позднее время вплоть до средневековья, можно предположить, что оборонительные стены были полностью уничтожены. С севера, за балкой, к городищу примыкало неукрепленное селище. Общие размеры скифского поселения около 200 × 130 м, площадь — до 2,5 га². После гибели

² П. Н. Шульц приводит размеры только «площадки» (укрепленной части) городища. На публикуемом им плане неверно указан масштаб (см. Шульц П. Н. Евпаторийский район // Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.— Л., 1941. С. 272, 273. Рис. 72).

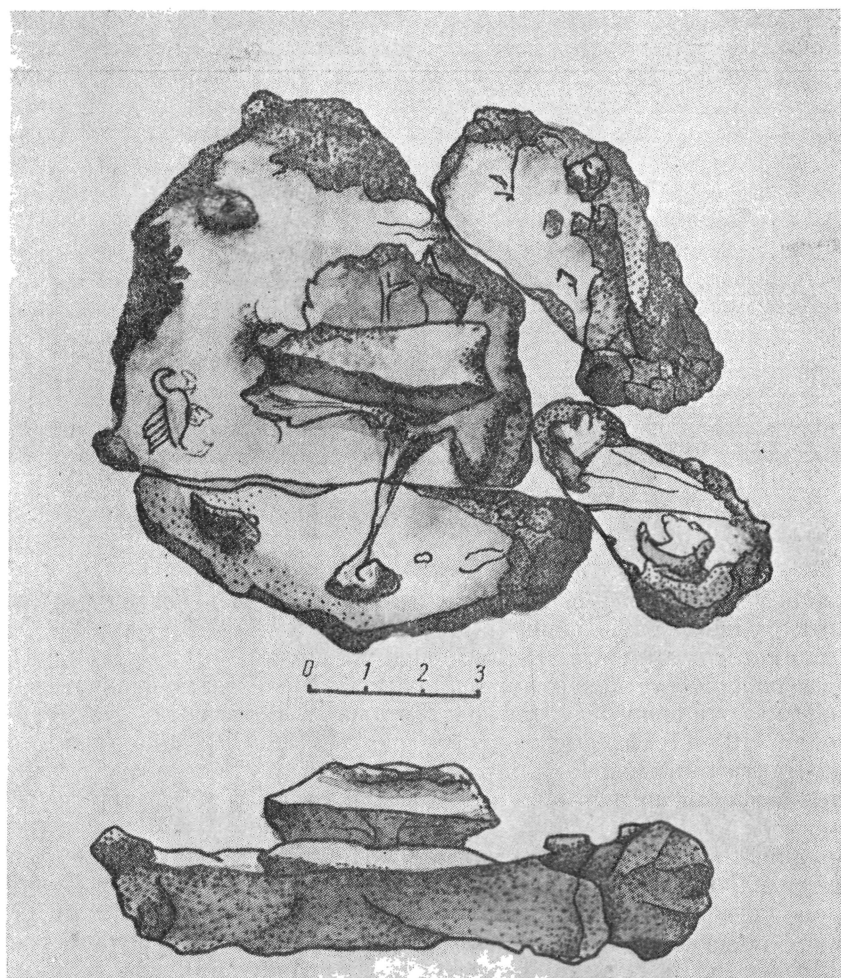

Рис. 5. Слепок 3. Прорисовка

Керкинитиды³ оно становится одним из крупнейших по площади поселений Северо-Западного Крыма, уступая, возможно, лишь скифскому городищу на месте Калос Лимена. Это свидетельствует о заметной роли, которую играло Кара-Тобе на рубеже эр.

Следует также отметить, что городище Кара-Тобе имело выгодное стратегическое положение. Оно находилось на развилке двух важных дорог, проложенных еще в IV—III вв. до н. э. и существовавших позже. Одна из них связывала кратчайшим путем Неаполь Скифский с Керкинитидой и поселениями Северо-Западного Крыма. Скорее всего эта дорога шла по трассе современного Евпаторийского шоссе (рядом с которым находится городище), проходящего по пересыпи озера Сасык. Вторая дорога, видимо, была кратчайшим сухопутным путем из Северо-Запад-

³ Кутайсов В. А. Античный город Керкинитиды VI—II вв. до н. э. (градостроительство, фортификация, жилая застройка) / Автореф. дис... канд. ист. наук. Киев, 1987. С. 8.

ного Крыма вдоль побережья на современную северную сторону Севастополя и далее в Херсонес⁴. До Кара-Тобе эта дорога также должна была проходить по пересыпи оз. Сасык и у поселения сворачивать на юг, проходя по пересыпи Сакского озера. Таким образом, городище Кара-Тобе контролировало обе эти пересыпи. Миновать его можно было, только сделав крюк по степи примерно в 35 км, что не всегда было безопасно⁵.

По результатам работ последних лет (вскрыто около 400 м² площади) можно установить, что основными занятиями жителей Кара-Тобе в скифский период были земледелие, а также скотоводство и рыболовство. Были развиты и некоторые ремесла, в первую очередь металлургические. Об этом свидетельствуют находки кусков железного шлака в слое городища, а также лепного горшка, заполненного железным шлаком, обнаруженного в одной из ям. На это же указывает и находка в слое второй четверти — середины I в. н. э. двух прямоугольных слитков свинца, отлитых, видимо, в земляных формах. Их вес 1100 (около 40 римских унций?) и 998 г. На боковой грани меньшего слитка имеются следы многочисленных отрубков металла. Возможно, что именно в виде таких слитков свинец поступал из центров его выплавки. С металлообработкой, вероятно, следует связывать частые находки на городище точил и обломков точильных плит со следами сработанности, а также кусков пемзы, в том числе и со стертыми гранями или проточками⁶.

О значении городища говорит и наиболее интересная находка, сделанная на нем в 1987 г. Это обломок известняковой плиты с фрагментом греческой надписи. По мнению Ю. Г. Виноградова, это победный трофей войск Диофанта, воздвигнутый в этом месте⁷. Кроме того, район городища Кара-Тобе имел и культовое значение. Как показали работы последних лет, в 1,5 км к югу от городища на пересыпи Сакского озера находилось святилище, функционировавшее в I—III вв. н. э.⁸ В свете всего сказанного приобретает новый интерес гипотеза Д. С. Раевского о лока-

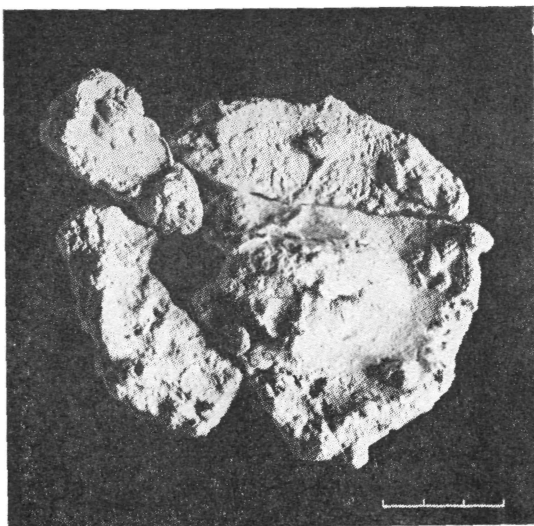

Рис. 6. Слесток 3. Фотография

⁴ Шульц П. Н. О работах Евпаторийской экспедиции // СА. 1937. III. С. 252; он же. Евпаторийский район. С. 272.

⁵ О пересыпях этих соленых озера см. Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 20.

⁶ См., например: Трейстер М. Ю. Бронзолитейное ремесло Боспора IV в. до н. э. // КСИА. 1987. Вып. 191. С. 9—10.

⁷ См. Виноградов Ю. Г., Внуков С. Ю. Греческая надпись со скифского городища Кара-Тобе // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. Запорожье, 1989. С. 28. сл.

⁸ Кутайсов В. А., Ланцов С. Б. Работы Западно-Крымской экспедиции // АО 1986 г. М., 1988. С. 302.

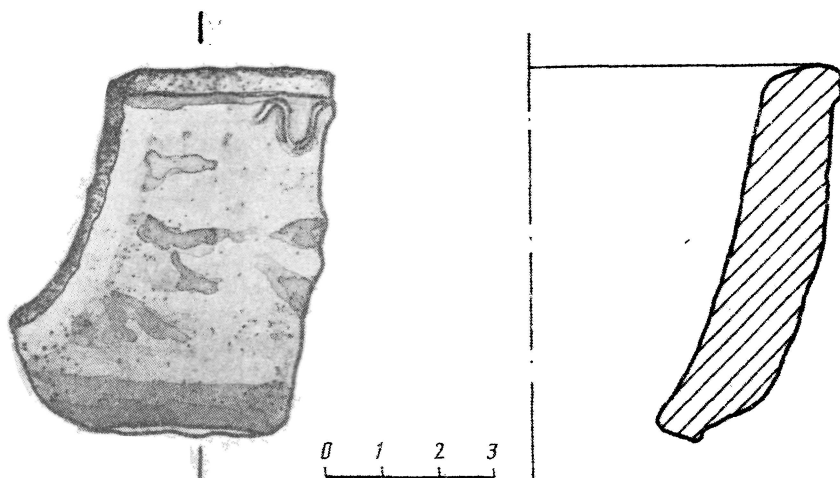
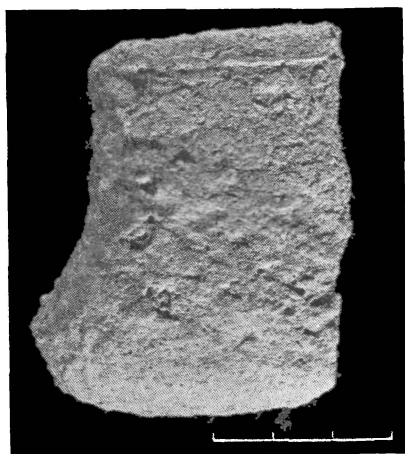

Рис. 7. Слелок 4. Фотография и прорисовка

лизации на Кара-Тобе древнего Евпатория, упоминаемого Страбоном и Птолемеом⁹, однако это тема специальной работы.

Ямы, в которых обнаружены публикуемые гипсовые слепки, стратиграфически соответствуют второму и третьему скифским строительным периодам, которые в целом датируются первой половиной — серединой I в. н. э. Находки, сделанные в ямах 1 и 3 вместе с гипсовыми слепками, дают возможность несколько уточнить эту дату. Характер материала из обеих ям очень близок, что позволяет дать его суммарное описание.

Заметную долю среди керамического материала в них составляют светлоглиняные амфоры, в первую очередь с двустольными ручками. Все они относятся к позднему варианту этого типа (С16, рис. 8, № КТ-85/1096), который датируется I в. н. э. и, возможно, заходит во II в. н. э.¹⁰

⁹ Раевский Д. С. О местоположении древнего Евпатория // ВДИ. 1968. № 3.

¹⁰ Внуков С. Ю. Широкогорлые светлоглиняные амфоры Северо-Западного Крыма // СА. 1988. № 3. С. 200—202.

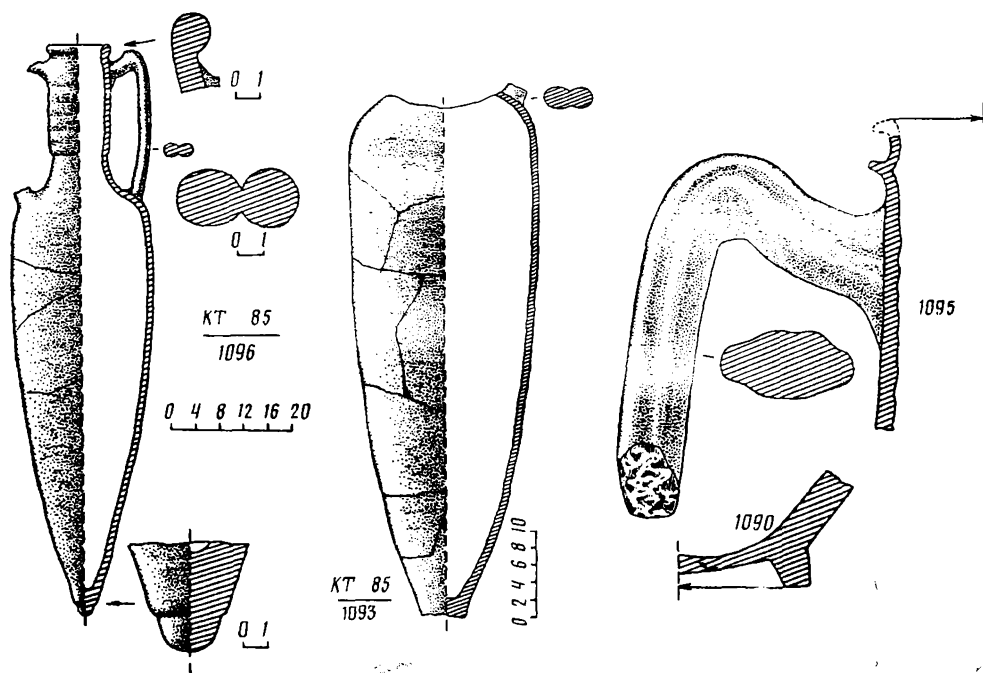

Рис. 8. Керамика из ям 1, 3

В небольшом количестве среди светлоглиняных амфор встречаются фрагменты узкогорлых сосудов с профилированными ручками (ранний вариант типа С А)¹¹. Отличительной деталью их является широкий и низкий поддон с четкой подрезкой (рис. 8, № КТ—85/1090). Они датируются второй — третьей четвертями I в. н. э. Фрагментов светлоглиняных амфор более поздних типов (С А2, С В и т. п.)¹² не обнаружено.

Интерес представляют и найденные в ямах фрагменты синопских амфор необычных типов. Во-первых, это тулова двух синопских сосудов с двустольными ручками (рис. 8, № КТ—85/1093). Фрагменты подобных амфор встречаются на памятниках Северного Причерноморья в слоях I в. н. э. Так, в Золотой Балке найдено горло с плечиком такого сосуда¹³. Синопские амфоры другого типа выделяются впервые. Это узкогорлые плоскодонные сосуды с профилированными ручками. Они несколько напоминают ранние узкогорлые светлоглиняные амфоры. В наших двух комплексах найдены фрагменты горла (рис. 8, № КТ—85/1095) и поддона этих амфор. Немногочисленные фрагменты таких сосудов, часто принимаемые за обломки кувшинов, встречаются на других памятниках Северного Причерноморья вместе с материалами середины I — начала II в. н. э.¹⁴ Из амфор других типов можно выделить фрагменты псев-

¹¹ Шелов Д. Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 17 сл.; Внуков. Широкогорлые светлоглиняные амфоры... С. 204 сл.

¹² Шелов. Ук. соч. С. 18; Внуков. Широкогорлые светлоглиняные амфоры... С. 205.

¹³ Полевой № 3Б — 57/182, хранится в ИА АН УССР. Синопское происхождение этого фрагмента подтверждают петрографические исследования, результаты которых публикуются отдельно (Внуков С. Ю. Сравнительный петрографический анализ античных амфор. К вопросу о центре производства светлоглиняной тары [в печати]).

¹⁴ Каменецкий И. С. Опыт изучения массового керамического материала из Танаиса // МИА. 1969. № 154. С. 171. Табл. VI, 8, 20; неопубликованное горло такой же амфоры из кургана 2 Танаиса хранится в музее-заповеднике «Танаис».

докоских сосудов, которые довольно часто встречаются в слоях I в. до н. э. — I в. н. э., а также двух красноглиняных амфор с воронковидным венчиком.

Простая гончарная керамика в описываемых комплексах немногочисленна и невыразительна. Лаковая посуда, к сожалению, не имеет достаточно точной хронологии. В обеих ямах найдены фрагменты обычных краснолаковых мисок, кувшинов (реставрировано тулово с тамгообразным (?) орнаментом белой краской, характерным для I в. н. э.)¹⁵, — ситулы и тонкостенного кубка с орнаментом «барботин», а также донца двух краснолаковых канфаровидных кубков с вертикальными ручками. В целом эти фрагменты находят аналогии в материале I в. н. э. Значительную часть описываемых керамических комплексов составляют фрагменты лепных сосудов обычных позднескифских типов. Они не имеют точных датировок. В яме 3 найдено также донце небольшого закрытого сосуда типа бальзамария синего стекла. Следов понтия на слегка вогнутом дне нет. Это дает основание датировать его временем с середины I по начало II в. н. э.¹⁶

Таким образом, сопоставляя датировки основных разрядов находок, можно установить, что комплекс материала из ям 1 и 3 относится ко второй — третьей четвертям I в. н. э., скорее всего ближе к середине столетия.

К настоящему времени находки гипсовых слепков с позитивными рельефными изображениями известны в нескольких местах. Крупный комплекс таких находок, поступивший из Египта, хранится в музее Хильдесхайма. По словам продавцов этих вещей, происходят они из района, где находились торговые кварталы древнего Мемфиса. К сожалению, ничего определенного нельзя сказать об археологических слоях, в которых сделаны эти находки. Мемфисский комплекс насчитывает 78 предметов, изготовленных из однородного гипса грубого помола, и впервые был изучен и опубликован О. Рубензоном¹⁷. В 1937—1940 гг. еще один комплекс гипсовых слепков был обнаружен в Беграме (Афганистан). По характеру изображений, технологии изготовления беграмские находки близки мемфисским гипсовым рельефам. Характеристике этих и других находок из Беграма посвящена работа О. Курца¹⁸. Единичные находки подобного рода изделий были сделаны также в Сала (Марокко), Пелле (Македония), Помпеях, Сиракузах, Риме, Остии (Италия), Ай-Хануме (Афганистан), Таксиле (Индия)¹⁹.

Основные вопросы, возникающие в ходе исследования такого материала, сводятся к следующим: 1) техника изготовления гипсовых слепков и форм, 2) датировка, 3) цели их производства и в связи с этим значение для изучения античного ремесла и в данном случае — торевтики.

Происходящие из Мемфиса и Беграма гипсовые слепки были сняты с разнообразной металлической утвари — рельефных полусферических

¹⁵ Соломоник Э. И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959. С. 162.

¹⁶ Шапова Ю. Л. Очерки истории древнего стеклоделия. М., 1983. С. 123, 135, 137; Кунина Н. З., Сорокина Н. П. Стекланные бальзамарии Боспора // ТГЭ. 1972. Вып. XIII.

¹⁷ Rubensohn O. Hellenistisches Silbergerät in antiken Gypsabgüssen. B., 1911.

¹⁸ Kurz O. Nouvelles recherches archéologiques à Begram. P., 1954.

¹⁹ Picard Ch. «Oscilla» de plâtre alexandrins au trésor de Begram // RA. 1960. № 1. P. 120 suiv.; Bernard P. Aux confins de l'orient barbare. Ai-Khanoum. Ville coloniale grecque // Les dossiers de l'archéologie. 1974. V. 5. P. 113; Boube J. Modèles antiques en plâtre près de Sala, Maroc // RA. 1986. № 2. P. 301—326.

чаш, рамок зеркал, оружия, украшений на щитах ²⁰. Они всегда снимались с деталей предметов, снабженных рельефными украшениями. По мнению О. Рубенсона, первоначально, видимо, на металлический оригинал наносилась формовочная масса из глины или воска, в которой отпечатывались рельефные украшения. В полученную таким образом довольно непрочную форму после недолгой просушки заливался гипс ²¹. Кроме позитивных гипсовых слепков, полученных описанным способом, в мемфисское собрание входили и 13 гипсовых форм. Выводы О. Рубенсона о технике изготовления гипсовых слепков были дополнены впоследствии замечаниями и наблюдениями А. Иппеля и Ф. Буркхальтер. А. Иппелем, в частности, было отмечено, что некоторые гипсовые слепки были сняты с незаконченных изделий с помощью промежуточных восковых форм ²². Ф. Буркхальтер, развивая эту мысль, разделила гипсовые слепки мемфисского комплекса на две четко различающиеся категории: сделанные в процессе изготовления произведения торевтики и снятые с готового металлического изделия ²³. Слепки первой категории сняты с восковой формы и точно передают все ее несовершенства, фиксируя вместе с тем промежуточную стадию в процессе производства металлического изделия. Кроме того, оказалось возможным слепки второй категории также разделить на две разновидности в зависимости от подхода к воспроизведению формы копируемого сосуда. Одни слепки воспроизводят лишь часть рельефной стенки скифоса или чаши. Их форма, трапецевидная или прямоугольная, определяется высотой сосуда и степенью кривизны его внешней и внутренней поверхностей. Необходимо было изготовить целую серию таких слепков, чтобы получить копию всей поверхности чаши. Слепки второго типа представляли собой воспроизведения половины верхней части сосудов. Для изготовления полной копии необходимо было соединить две такие половинки ²⁴.

На основании единого места находки, техники изготовления и используемого для производства слепков и форм гипса одного помолу О. Рубензон сделал в свое время вывод об одновременности этих изделий. Опираясь на имеющийся в мемфисском комплексе гипсовый слепок с портретом Птолемея Эвергета, а также стилистические особенности некоторых других изображений, О. Рубензон датировал весь комплекс концом правления Птолемея Эвергета, т. е. примерно началом последней четверти III в. до н. э. ²⁵ Большинство металлических оригиналов, с которых были сняты эти гипсовые слепки, относились, по его мнению, к IV—III вв. до н. э. и происходили из Южной Италии, Малой Азии, материковой Греции ²⁶.

О. Курц, опубликовавший беграмские находки, датировал их I в. н. э. ²⁷ На обширном материале он показал, что многие из мотивов беграмских гипсов встречаются на различных изделиях римского периода — геммах, металлических сосудах, керамике, светильниках и т. п. Позднее исследователями были предложены и другие даты — II в. н. э., первая

²⁰ *Rubensohn. Op. cit. S. 5.*

²¹ *Ibid. S. 6.*

²² *Ippel A. Guss und Treibarbeit. B.—Lpz, 1937.*

²³ *Burkhalter F. Moulages en plâtre antiques et toreutique alexandrine // Alessandria e il mondo ellenistico-romano (Studi e Materiali del Istituto di Archeologia Università di Palermo, 5). V. 2. Roma, 1984. P. 335—336.*

²⁴ *Ibid. P. 338—340.*

²⁵ *Rubensohn. Op. cit. S. 87.*

²⁶ *Ibid. S. 88.*

²⁷ *Richter G. Ancient Plaster Casts of Greek Metalware // AJA. 1958. V. 62. № 4. P. 370.*

половина III в. н. э.²⁸ А. Адриани предлагал датировать беграмский комплекс I в. до н. э., считая, что некоторые изделия могли быть изготовлены в Александрии — крупнейшем центре эллинистической торевтики²⁹.

Г. Рихтер справедливо указала на противоречия в аргументации, приведенной О. Рубензоном в обоснование датировки мемфисского комплекса, заметив, что несколько слепков из Мемфиса воспроизводят вещи, которые сам же О. Рубензон называет римскими³⁰, например, декоративная рамка круглого зеркала хорошо известного римского типа. В отличие от О. Рубензона Г. Рихтер считает, что все опубликованные им гипсовые слепки были оттиснуты в римский период, нередко с образцов греческой металлической утвари, которые еще сохранились к тому времени. Это доказывается и беграмскими находками, обнаружившими многочисленные параллели среди изделий римского времени.

К. Райнсберг, подготовившая полное издание гипсовых форм из Мемфиса, хранящихся в Каирском музее и музее Хильдесхайма, в том числе не включенных в публикации О. Рубензона и А. Иппеля, отказалась от датировки, предложенной Г. Рихтер, и вернулась к более ранней датировке О. Рубензона³¹. Коллекция слепков из Мемфиса, по ее мнению, принадлежала существовавшей там мастерской торевта. Гипсовые слепки, изготовленные с помощью промежуточных восковых форм, хранившихся короткое время, были одновременны им и производившимся с их же помощью металлическим сосудам. Поскольку датировка последних укладывается в промежуток с конца IV в. до н. э. до конца эллинистической эпохи это свидетельствует, по мнению К. Райнсберг, о том, что мастерская в Мемфисе функционировала без перерыва на протяжении всего этого периода. В римскую эпоху мастерская переориентировала направление своей деятельности: от изготовления изделий из драгоценных металлов она перешла к производству бронзовых статуэток и больших сосудов.

Выводы К. Райнсберг были подвергнуты критике Ф. Буркхальтер. Гипотеза о существовании мастерской торевта, непрерывно функционировавшей на протяжении столь длительного отрезка времени, вызывает сомнения. Мало вероятно, что греческие наемники и купцы, поселявшиеся в Мемфисе до завоевания Египта Александром Македонским, могли найти клиентуру, которая обеспечила бы функционирование здесь мастерской торевта с греческой традицией³². Кроме того, К. Райнсберг не принимает во внимание специфический характер исследуемого ею материала, приравнивая коллекцию гипсовых слепков к коллекции металлических изделий, с которых сделаны эти слепки. По мнению Ф. Буркхальтер, нет данных, позволяющих доказать, что эллинистические гипсы из Мемфиса не могли использоваться и в римское время, и что мастерская не функционировала, возможно, также и в доримскую эпоху, как мастерская торевта и бронзолитейщика одновременно.

²⁸ Ibid.; Bernard. Op. cit. P. 113.

²⁹ Adriani A. Divagazioni intorno ad una coppa paesistica del Museo di Alessandria / Documenti e ricerche d'arte Alessandria, III—IV. Roma, 1959. P. 19.

³⁰ Richter. Op. cit. P. 370; Richter G., Breckenridge J. The Relation of Early Imperial Rome to Greek Art // ANRW. 1982. Teil II. Bd. 12.1. P. 14—16.

³¹ Reinsberg C. Studien zur hellenistischen Toreutik. Die antiken Gipsabgüsse aus Memphis / Hildesheimer ägyptologische Beiträge, 9. Hildesheim, 1980.

³² Burkhalter F. Rez.: C. Reinsberg. Studien zur hellenistischen Toreutik // Gnomon. 1981. Bd. 53. S. 691—693.

Практическое назначение гипсовых слепков, таким образом, тесно связано с процессом копирования ценной металлической утвари, получившим особое распространение в римскую эпоху. Как известно, после завоевания Римом Греции римская знать начала активно коллекционировать среди прочих вещей и греческие драгоценные металлические сосуды, спрос на которые вскоре превысил предложение³³. Возникла необходимость в изготовлении копий работ известных греческих, а затем и римских мастеров, чтобы снабдить ими всех желающих, удовлетворить интересы знатных покупателей. В области торевтики, как и в области скульптуры, началась «эра копирования оригиналов»³⁴. Гипсовые слепки в этих условиях исполняли роль заменителя оригиналов, которых было немного, модели или эскиза, по которому художник изготавливал аналогичную образцу матрицу для производства металлических копий. Гипсовые слепки, снятые с готовых работ известных мастеров, служили образцами во многих мастерских торевтов, поскольку сами оригиналы, естественно, зачастую были малодоступны мастерам-копиистам³⁵. По замечанию К. Райнсберг, эти слепки являлись средством передачи серии иконографических тем и сюжетов, которые мастер копировал и комбинировал спустя долгое время в соответствии со вкусами клиентов³⁶. Так, например, ваза из Ингольштадта и гипсовая форма из Александрии, которая ей соответствует, указывают на то, что торевт раннеимператорского времени мог выполнить вазу в точности по модели, снятой с оригинала позднеклассической эпохи. Ф. Буркхальтер считает, что все гипсовые слепки можно рассматривать как инструментарий торевтов, служивший для воспроизведения форм, иконографических схем и сюжетов. Имеет место значительное различие в качестве их исполнения, но их главная функция всегда оставалась одной и той же³⁷.

Необходимо отметить, что некоторые гипсовые слепки как из Беграма, так и из Мемфиса имеют специальные отверстия или каналы для подвешивания, что также подтверждает их использование в качестве образца или модели. На одном из мемфисских слепков черными чернилами в древности было написано, что это работа Эпимаха, вероятно знаменитого торевта, с которой, по всей видимости, и был снят этот слепок. Надпись скорее всего была сделана мемфисским мастером, использовавшим этот гипсовый рельеф в работе³⁸.

Не исключено, что гипсовые слепки, висевшие, вероятно, на стенах мастерской торевта, одновременно давали зашедшему в мастерскую заказчику представление об ассортименте изготавливавшихся здесь изделий и позволяли легко сделать заказ. Находки подобных слепков могут, та-

³³ Waurick G. Kunstraub der Römer: Untersuchungen zu seinen Anfängen anhand der Inschriften // JRGZM. 1975. Jg. 22. Tl. 2. S. 1—46; Bol P. C. Die Skulpturen des Schiffsfundes von Antikythera (AM Beiheft, 2). B., 1972; Ridgway B. S. Roman Copies of Greek Sculpture. Ann Arbor, 1984. P. 5—29; Richter, Breckenridge. Op. cit. P. 5—7.

³⁴ Richter. Op. cit. P. 369. Richter, Breckenridge. Op. cit. P. 8—10. Примером мастерской копииста может служить находка в Байях свыше 400 фрагментов гипсовых форм и отливок от 25—35 фигур, которые представляли собой копии греческих статуй 490—100 гг. до н. э. Эта мастерская возникла самое позднее в начале I в. н. э. и просуществовала по крайней мере 150 лет (Hees-Landwehr C. von. Griechische Meisterwerke in römischen Abgüssen: Der Fund von Baia. Frankfurt, 1982. S. 13; eadem. Die antiken Gipsabgüsse aus Baiae (Archäologische Forschungen, 14. B., 1985. S. 187 f; Ridgway. Op. cit.).

³⁵ Richter. Op. cit. P. 376; Rubensohn. Op. cit. S. 8.

³⁶ Burkhalter. Rez.: C. Reinsberg.

³⁷ Burkhalter. Moulages en plâtre... P. 344—347. См. также: Boube. Op. cit. P. 321.

³⁸ Rubensohn. Op. cit. S. 18. Taf. III.

ким образом, расширить наши довольно скудные представления об оборудовании мастерских античных торевтов. Существует также мнение о том, что гипсовые слепки с рельефных изображений изготавливались специально для любителей искусства и хранились в их коллекциях, заменяя драгоценные оригиналы ³⁹.

Тот факт, что одни изображения на гипсовых слепках повторяются в разных вариантах на мраморных римских рельефах, другие — на римских геммах, третьи — на шлемах, а также на рельефных сосудах, светильниках и т. д., позволяет предположить, что рассматриваемые здесь гипсовые слепки могли использоваться как модели не только при производстве римской металлической утвари, но и при изготовлении самых различных предметов ⁴⁰.

Ставился вопрос и об использовании гипсовых слепков непосредственно в самом технологическом процессе получения копий ⁴¹. Хотя теоретически это не исключено, вряд ли такое их использование осуществлялось на практике. Хрупкость гипса не позволяет использовать гипсовый рельеф в качестве матрицы при чеканке, зачастую довольно неаккуратная обработка его внешней поверхности, многочисленные вздутия, пустоты, образовавшиеся при удалении воздуха и отмеченные О. Рубенсоном, на египетских слепках ⁴² делают маловероятным их использование при изготовлении негативных форм. Надо учесть также, что соприкосновение гипса с влажной глиной при попытке получения глиняной формы очень быстро привело бы к порче рельефного изображения гипсового слепка. Кроме того, горельефное изображение исключает возможность такого дублирования. Таким образом, гипсовые позитивные слепки были, видимо, частью инвентаря мастерской торевта. Они служили моделями при изготовлении металлических сосудов и, возможно, использовались как образцы продукции при работе на заказ.

Слепки, обнаруженные на городище Кара-Тобе, были, видимо, сняты с готовых металлических изделий и относились ко второму выделенному Ф. Буркхальтер классу (см. выше). Об этом в первую очередь свидетельствуют высокое качество исполнения и законченность орнамента слепков 1—2. Слепок 1 воспроизводит как раз половину металлического сосуда, в данном случае, видимо, канфара (рис. 1—2), а слепок 2 — лишь какую-то часть поверхности большой чаши или паты (рис. 3—4). Примечательна также передача отдельных элементов декора этого слепка (веточек винограда и соцветий, см. выше) в горельефе, что отражает стремление мастера придать изделию законченный вид, и вряд ли имело бы смысл в случае промежуточного характера этого слепка, когда он снимался в процессе изготовления сосуда. Кроме того, как отмечалось выше, слепок 3 (рис. 5—6) был в древности разбит и тогда же неудачно собран. Этот факт указывает на отсутствие у мастера под рукой предмета, с которого был сделан слепок 3 (ведь гораздо проще и логичнее было бы в таком случае сделать с этого предмета дубль разбитого слепка такого же качества, а не собирать его заново), и тем самым косвенно свидетельствует о том, что слепок 3 воспроизводил уже готовое изделие, в тот момент недоступное для мастера. К сожалению, крайне плохая степень сохранности этого слепка не дает возможности объективно оценить качество украшавшего

³⁹ Picard. Op. cit. P. 120 suiv.; Bernard. Op. cit. P. 113.

⁴⁰ Richter. Op. cit. P. 377.

⁴¹ Rubensohn. Op. cit. S. 8.

⁴² Ibid. S. 9.

Рис. 9. Серебряный канфар из Алезии

его орнамента, как в случае со слепками 1—2, и лишний раз таким образом подтвердить все сказанное.

Для датировки публикуемых слепков необходимо также рассмотреть аналогии формам и орнаментам их металлических прототипов. Слепок 1 с Кара-Тобе был снят с канфара, форма которого типична для сосудов из позднеэллинистических кладов и находок первой половины I в. н. э. Канфары подобной формы известны среди столового серебра из Боскореале⁴³, Хильдесхайма⁴⁴, Каса дель Менандро (Арджентария) в Помпеях⁴⁵, Алезии⁴⁶ (рис. 9), Бертувилля⁴⁷, клада I в. до н. э. из Ливана⁴⁸ и Хаиши (Грузия)⁴⁹.

Близкие аналогии среди парадных серебряных сосудов из указанных выше комплексов и других находок можно найти и для элементов декора, украшавшего сосуд, с которого был снят гипсовый слепок, — побегов плюща с плодами, листьев винограда, лент, опоясывающих сосуд под вен-

⁴³ *Villefosse H. de. Le trésor de Boscoreale // Mon. Piot. 1899. Т. 5. P. 68 f., 85 f. Pl. 9, 10—18; Oliver A. Silver for the Gods. Toledo, 1977. P. 158.*

⁴⁴ *Gehrig U. Hildesheimer Silberfund / Bilderhefte der Staatlichen Museen Berlin, 4. B., 1967. Farbtaf. II.*

⁴⁵ *Maiuri A. La casa del Menandro e il suo tesoro di argenteria. Roma, 1932. P. 321 f. Tav. 31—36; Ori e argenti dell' Italia antica. Roma, 1962. Tav. 52b.*

⁴⁶ *Strong D. E. Greek and Roman Gold and Silver Plate. L., 1966. P. 115. Pl. 33B; Lejeune M. Le canthare d'Alise. Nouvelles discussions sur les avatars et sur l'origine du vase // Mon. Piot. 1983. Т. 66. P. 19—53.*

⁴⁷ *Grift J. van der. Tears and Revel. The Allegory of the Berthouville Centaur Scyphi // AJA. 1984. V. 88. № 4. P. 378 f.*

⁴⁸ *Frommer M. Griechische Originale und Kopien unter römischem Tafelsilber // The J. Paul Getty Museum Journal. 1983. V. 11. S. 139—141. Abb. 7.*

⁴⁹ *Мачабели К. Г. Позднеантичная торевтика Грузии. Тбилиси, 1976. С. 26.*

чиком, концы которых завязаны узлом и спускаются вниз⁵⁰ (рис. 9). Аналогичные формы и мотивы украшения — виноградные листья и листья плюща — встречаются в глазурированной керамике эпохи Августа — Тиберия, вышедшей из мастерских Тарса и Пергама⁵¹, и в арретинской керамике⁵², подобные же элементы орнамента известны на щитках светильников середины I в. н. э.⁵³, в росписи виллы Публия Фанния Синистора в Боскореале⁵⁴.

Форма гипсового слепка 2 и его орнамент, состоящий из побегов винограда и листьев аканфа, также находят аналогии в изделиях торевтики, в том числе среди находок из Боскореале и Хильдесхайма⁵⁵. Найти аналогии форме и орнаментации слепков 3 и 4 не представляется возможным из-за плохой сохранности.

Как видим, и по форме, и по стилю орнаментации сосуды, послужившие прототипами кара-тобинским слепкам 1 и 2, обнаруживают наибольшую близость к предметам столового серебра из комплексов находок в Боскореале, Помпеях, Хильдесхайме. Канфары из Каса дель Арджентария относят ко времени Клавдия⁵⁶. Х. Кютман датировал чаши из Боскореале последней четвертью I в. до н. э., однако, возможно, более справедливой будет предлагаемая многими исследователями более широкая датировка эпохой Августа-Тиберия⁵⁷. Во всяком случае, при раскопках виллы в Боскореале в 1894 г. были найдены монеты, относящиеся к периоду от Августа до Веспасиана, и самая поздняя из них чеканена в 76 г. н. э.⁵⁸ К эпохе конца правления Августа, или к середине — третьей четверти I в. н. э., относят клад из Хильдесхайма⁵⁹. Приблизительно серединой I в. н. э. датируют чашу из Мероэ, близкую по форме кара-тобинскому слепку 1⁶⁰. Таким образом, датировки рассматриваемых комплексов укладываются в рамки правлений Августа — Клавдия, т. е. не выходят за пределы последней четверти I в. до н. э. — первой половины I в. н. э.⁶¹ К этому времени следует отнести и сосуды, с которых были сделаны изу-

⁵⁰ Там же. С. 26; *Прудик Е. М.* Новые кавказские клады // МАР. 1914. Вып. 34, Табл. I; *Villefosse*. Op. cit. Pl. 18; *Strong*. Op. cit. Pl. 33B; *Gehrig*. Op. cit. Abb. 19—20. 48. Farbtaf. II; Ori e argenti... Tav. 53.

⁵¹ *Gabelmann H.* Zur hellenistisch-römischen Bleiglasurkeramik in Kleinasien // JdI. 1974. Bd 89. S. 275. № 40. Abb. 6; S. 298 f. № 104; S. 301 f. № 106. Abb. 32—33; Römisches im Antikemuseum Preussischer Kulturbesitz. B., 1978. S. 144, 147. Abb. 152. 155—157.

⁵² *Roth-Rubi K.* Der hildesheimer Silberschatz und Terra Sigillata. Eine Gegenüberstellung // Arch. Korr. 1984. Jg. 14. Ht 2. S. 180 f. Abb. 2, 4; 9, 2.

⁵³ *Heres G.* Die römischen Bildlampen der Berliner Antiken-Sammlung / Schriften zur Geschichte und Kultur der Antike. B., 1972. № 19, 29.

⁵⁴ *Anderson M. L.* Pompeian Frescoes in the Metropolitan Museum of Art // The Metropolitan Museum of Art Bulletin. Winter 1987/1988. V. XLV. № 3. P. 19. Fig. 24.

⁵⁵ *Прудик*. Ук. соч. Табл. I; *Villefosse*. Op. cit. Pl. XXI, 3; *Gehrig*. Op. cit. Abb. 17—20, 32; *Nuber H.-U.* Kanne und Griffschale // Ber. RGK. 1972. Bd. 53. Abb. 21a—b.

⁵⁶ *Simon E.* Augustus. Kunst und Leben in Rom um die Zeitenwende. München, 1986. S. 145.

⁵⁷ *Dunbabin K. M. D.* Sic erimus Cuncti ... The Skeleton in Graeco-Roman Art // JdI. 1985. Bd. 101. S. 231 f.

⁵⁸ Römisches im Antikemuseum... S. 113.

⁵⁹ *Nierhaus R.* Der Silberschatz von Hildesheim. Seine Zusammensetzung und der Zeitpunkt seiner Vergrabung // Die Kunde. 1969. Jg. 20. S. 52 f.; *Nuber H.-U.* Zum Vergrabungszeitpunkt der Silberfunde von Hildesheim und Bertouville // Bulletin des Musées Royaux d'art et d'histoire. 1974. 46. S. 23—30; *Roth-Rubi*. Op. cit. S. 188; *Simon*. Op. cit. S. 149—150.

⁶⁰ *Burkhalter F., Arce J.* Le coupe de Méroé: Une nouvelle étude iconographique et histoire // BCH. 1984. T. 108. P. 419.

⁶¹ *Vermeule C.* Augustan and Julio-Claudian Court Silver // Antike Kunst. 1963. Jg. 6. Ht 1. P. 33—40.

чаемые гипсовые слепки 1 и 2. Важно, что датировка, основанная на стилистическом анализе аналогий, чрезвычайно близка археологической дате сопутствующего материала — около середины I в. н. э., т. е. слепки были в употреблении крайне непродолжительное время. Этот факт, на наш взгляд, служит еще одним доказательством в пользу гипотезы о производственном назначении слепков.

До недавнего времени, решая вопрос о центрах производства дорогой серебряной посуды позднеэллинистического-раннеимператорского времени, большинство исследователей склонялось к точке зрения, что таким центром была Александрия Египетская⁶². К. Вермейль, признавая, что некоторые изделия круга рассматриваемых нами вышли из мастерских итальянских торевтов в Риме или Неаполе (например, сосуды из Боскореале и Бертувилля), полагает, что парадное серебро выпускали в значительном объеме торевты Малой Азии (комплекс из Хильдесхайма) или Александрии (канфары из Мероэ, Хоби)⁶³. Однако в последнее время главным образом на основании анализа сюжетов изображений многие изделия атрибутируются как продукция мастерских римских торевтов⁶⁴. Так, Ф. Буркхальтер и Ж. Арче считают канфар из Мероэ изготовленным в итальянской мастерской⁶⁵. Что же касается клада из Хильдесхайма, то сейчас общепринята точка зрения, что сосуды, найденные там, были изготовлены в различных мастерских, как в итальянских, так и малоазийско-levantийского круга, причем канфар, близкий слепку 1 с Кара-Тобе, происходит, по мнению К. Рот-Руби, из итальянской мастерской⁶⁶. К точке зрения об итальянском производстве уже упоминавшегося нами в качестве одной из ближайших аналогий канфара из Алезии пришел недавно М. Лежен, локализуя мастерскую в Мессении⁶⁷. Период правления императоров Августа, Тиберия и Клавдия считается эпохой расцвета римской торевтики⁶⁸.

Для интерпретации кара-тобинских находок чрезвычайно важен вопрос о назначении парадных серебряных сосудов. Заметим, что кроме находок, сделанных при раскопках Помпей и их окружи, основная масса такой посуды происходит с территории периферии античного мира: из Ливана, Египта, Дании, Германии, Франции. Поэтому вполне резонен вопрос: попали ли они туда в качестве предметов торговли, объектов грабежа или дипломатических даров?

Э. Кюнцль отмечает, что сосуды из Хильдесхайма могли быть кладом торговца (?)⁶⁹. Канфар, найденный в Алезии, по мнению М. Лежена, по-

⁶² *Schreiber T.* Die alexandrinische Toreutik. Lpz, 1894; *Adriani.* Op. cit., *Picard Ch.* Propos et documents concernant la toreutique alexandrine // RA. 1961. № 1. P. 113—151.

⁶³ *Vermeule.* Op. cit. P. 33—40.

⁶⁴ *Künzl E.* Der augusteische Silbercalathus im Rheinischen Landesmuseum Bonn // *Bonner Jahrbuch.* 1969. Bd. 169. S. 321—392; *Burkhalter, Arce.* Op. cit. P. 420.

⁶⁵ *Ibid.* P. 420.

⁶⁶ *Roth-Rubi.* Op. cit. S. 188, 193. Anm. 26.

⁶⁷ *Lejeune.* Op. cit. P. 42—46. Относительно датировки канфара из Алезии в последние 30 лет были высказаны различные точки зрения: полярными являются датировки Х. Кюгмана (первая половина I в. до н. э.) и Л. Бюванка (конец правления Тиберия — начало правления Клавдия). *Ibid.* P. 28.

⁶⁸ *Künzl E.* Eine Silberkanne mit Kentauremachie aus Pompeji // *JRGZM.* 1975. Jg. 22. Tl. 2. S. 72; *Simon.* Op. cit. S. 140.

⁶⁹ *Künzl E.* Quod sine te factum est hoc magis archetypum est? // *Arch. Korrr.* 1978. Jg. 8. Ht 4. S. 312. Впрочем, существуют мнения и о том, что клад из Хильдесхайма представлял собой подношение в своего рода фависсу или был спрятан в целях безопасности в какой-то исключительной ситуации (см. *Roth-Rubi.* Op. cit. S. 192. Anm. 10 с библиографией). См. также *Nierhaus.* Op. cit. S. 60—61; *Nuber.* Op. cit. S. 24.

пал к местному коллекционеру через Нарбонскую Галлию в результате торговых связей с Южной Италией ⁷⁰. Как отмечал М. Маусс, основываясь на изучении архаического мышления, предмет, предложенный в качестве подарка, устанавливал отношения долга и вызывал этическое обязательство стороны, принимающей подарок ⁷¹. Анализируя канфар из Мероэ, исследователи полагают, что это был, как и в случае с некоторыми аналогичными предметами, дипломатический дар ⁷². Это подтверждает и известный пассаж Тацита (Ger. 5) о том, что римляне преподносили наиболее могущественным вождям германских племен дорогие вазы из серебра. Начиная с эпохи Юлия Цезаря римляне использовали подкуп вождей варварских племен. Впоследствии эта практика была расширена ⁷³. В пользу интерпретации некоторых находок как дипломатических даров свидетельствует и общепринятая трактовка двух серебряных канфаров из Хоби в Дании ⁷⁴. В качестве дипломатических даров от римской администрации и царей Боспора рассматриваются также находки серебряных и высокохудожественных бронзовых сосудов в сарматских погребениях Прикубанья, Подонья и Поволжья, что, впрочем, не исключает интерпретацию некоторых комплексов как военной добычи ⁷⁵.

Территориально более близким нам примером служит находка при раскопках Неаполя Скифского серебряной тарелки боспорской царицы Гипеппии; датировка тарелки весьма близка времени изготовления слепков из Кара-Тобе. Д. С. Раевский объясняет находку связями с представителями боспорского царствующего дома, имея в виду сохранение в этот период зависимости скифов от Боспора ⁷⁶. Более убедительным представляется нам иное объяснение: это был подарок царицы во время ее переговоров со скифами ⁷⁷.

Представляется, что возможны две модели интерпретации публикуемых находок.

1. То, что гипсовые слепки с городища Кара-Тобе не могли быть инструментарием скифского мастера, сомнений не вызывает. Можно ли предположить, что здесь существовала металлообрабатывающая мастерская, в которой наряду со скифскими мастерами мог работать каким-то образом попавший сюда римский тореут, оставшийся на постоянное жительство и передавший скифским коллегам секреты своего ремесла? Предположение маловероятное, но и оно нуждается в проверке. Во всяком случае археологически прослеживается существование металлообработки

⁷⁰ Lejeune. Op. cit. P. 44—47.

⁷¹ Mauss M. The Gift. Forms and Functions of Exchange in Archaic Societies. L., 1969. P. 40—43, 47. О роли подарков и обмена ими в античном мире см. также: Morris I. Gift and Commodity in Archaic Greece // Man. 1986. V. 21. № 1. P. 1—17.

⁷² Burkhalter, Arce. Op. cit. P. 422—423.

⁷³ Caes. De Bell. Gall. I. 43; II. 21; VIII.49; Raev B. A. Roman Imports in the Lower Don Basin / BAR Intern. ser., 278. Oxf., 1986. P. 65; Nierhaus. Op. cit. S. 61. Anm. 15.

⁷⁴ Новейшую библиографию см.: Künzl. Quod sine te factum... S. 317. Anm. 24; Simon. Op. cit. S. 234, № 3. В. П. Шилов (К проблеме взаимоотношений кочевых племен и античных городов Северного Причерноморья в сарматскую эпоху // КСИА. 1973. Вып. 138. С. 64) ошибочно помещает место находки в Южной Германии. Как менее вероятную рассматривает К. Вермейль возможность того, что сосуды из Хоби были предметом грабежа (Op. cit. P. 37).

⁷⁵ Raev. Op. cit. P. 65—66.

⁷⁶ Раевский Д. С. К истории греко-скифских отношений (II в. до н. э. — II в. н. э.) // ВДИ. 1973. № 2. С. 115.

⁷⁷ Яценко И. В. Тарелка царицы Гипеппии из Неаполя Скифского // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 113; Высотская Т. Н. Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев, 1979. С. 139 сл.

на городище. Однако нам известен лишь один случай совместной работы римского и варварского мастеров: бронзовая статуя одного из римских императоров конца III в. н. э. из Йемена имеет два граффити: греческого скульптора Фоки (на греческом) и местного литейщика Лахая (на южно-арабском). К. Вайдеман отмечает, что данный пример уникален для античного искусства⁷⁸; отметим попутно, что он относится к иной эпохе.

2. Хорошо известно, что греческие и римские мастера, в том числе металлурги, в поисках заказов переезжали из города в город⁷⁹. Правда, в данном случае речь идет не об античном городе, а об одном из позднескифских поселений. Несомненно, что античные мастера работали и в инокультурной среде. Существуют достаточно убедительные гипотезы о присутствии греческих мастеров на позднегальштатских городищах Хойнебург и Мон-Лассуа⁸⁰. Да и в столице скифского государства в Крыму в позднеэллинистический период работали греческие бронзолитейщики — в Неаполе найдены постаменты статуй, в том числе конной, с углублениями для ног. Подобные постаменты изготавливались специально для бронзовой скульптуры, которая обычно отливалась вблизи от места установок⁸¹. Однако производство сервиза столового серебра римским торевтом на скифском городище требует специального объяснения. В качестве возможного варианта можно предложить следующее. Гипсовые слепки, найденные на городище Кара-Тобе, служили для изготовления здесь сервиза столового серебра типа изделий римских торевтов первой половины I в. н. э. Вероятное назначение подобных изделий — дипломатический дар. Время изготовления — около середины I в. н. э.

Датировка контекста находки гипсовых слепков на городище Кара-Тобе совпадает по времени с периодом активизации скифов. Полагают, что после римско-боспорской войны 45 г. н. э. скифы начали военные действия против Ольвии и Херсонеса, в результате которых захватили в 53—54 гг. Ольвию, а вскоре подвергли осаде и Херсонес⁸². Так или иначе, эпоха середины I в. н. э. характеризовалась неустойчивостью пришедшего в движение племенного мира и бурными этническими процессами, охватившими не только Северное Причерноморье, но и Центральную Европу⁸³.

⁷⁸ Weidemann K. Könige aus dem Yemen: zwei spätantike Bronzestatuen. Mainz, 1983. S. 18—19.

⁷⁹ Burford A. Craftsmen in Greek and Roman Society. Ithaca, 1974. P. 64.

⁸⁰ Wells P. C. Culture Contact and Culture Change. Early Iron Age Central Europe and the Mediterranean World. Cambr., 1980. P. 90.

⁸¹ Treister M. Ju. Bronze Statuary in the Antique Towns of North Pontic Area // Akten der 9. Tagung über antike Bronzen. Wien, 1986. Wien, 1988. S. 152—157.

⁸² Кадеес В. И. Херсонес, Боспор и Рим в I в. до н. э. — III в. н. э. // ВДИ. 1979. № 2. С. 61; *он же*. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981. С. 20. Впрочем, вероятнее всего, Фарзоя, чеканившего монеты в Ольвии, следует связывать не с крымскими скифами, а со степными племенами Северо-Западного Причерноморья (Шукин М. В. Царство Фарзоя. Эпизод из истории Северного Причерноморья // СГЭ. 1982. Вып. 47. С. 35—37; Карышковский П. О. Монеты Ольвии. Киев, 1988. С. 115), а характер взаимоотношений Фарзоя с городом не был простым захватом (Карышковский П. О. Ольвия и Рим в I в. н. э. // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1982. С. 23). Недавняя находка на Нижнем Днестре погребения с тамгами Инисмея на серии предметов и предпринятый А. В. Симоненко в этой связи анализ также свидетельствуют в пользу точки зрения о «захвате» Ольвии Фарзоем, высказанной П. О. Карышковским и М. В. Шукиным (Симоненко А. В. Из истории взаимоотношений Ольвии и сарматов в I в. н. э. // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье — Приазовье. Тез. докл. Новочеркасск, 1987. С. 54—56).

⁸³ См. Шукин. Ук. соч.; *он же*. Умбон цита из кургана «Садовый» (К вопросу о сармато-германских контактах) // Античная цивилизация и варварский мир... С. 49—51.

Из письменных источников I в. н. э. наиболее интересные сведения, касающиеся Западного Крыма, содержит эпитафия легата Мезии Т. Плавтия Сильвана (CIL. XIV.3608). В ней сообщается, что, наведя порядок на Дунае и подавив восстание сарматов, Т. Плавтий Сильван совершил экспедицию, в результате которой царь скифов снял осаду с Херсонеса. Точная дата этой акции неизвестна. Исследователи датируют ее по-разному в рамках 58—66 гг. н. э.⁸⁴ Так же не совсем ясен и характер экспедиции⁸⁵. Ряд ученых считает, что осада с Херсонеса была снята в результате военного вмешательства римских войск⁸⁶. Более обоснованной нам кажется другая гипотеза, согласно которой поход Т. Плавтия Сильвана был своего рода военной демонстрацией, сопровождавшейся дипломатическими переговорами⁸⁷. Действительно, в элогии не упоминаются какие-либо военные столкновения со скифами, да и характер предшествующей деятельности легата Мезии указывает на широкое использование им дипломатических методов.

Некоторые исследователи связывают с обстоятельствами похода Т. Плавтия Сильвана фрагментированную херсонесскую надпись I в. н. э. (IOSPE. I². 369)⁸⁸. При реконструкции событий они прямо указывают на переговоры римлян со скифами (скифским царем)⁸⁹, которые могли состояться где-то к северу от Херсонеса еще до вступления римского полководца в город. В. Н. Дьяков предположительно реконструирует место высадки войск Т. Плавтия Сильвана на северной стороне Севастопольской бухты⁹⁰. Однако природные условия этого побережья мало пригодны для стоянки флота и высадки войск, да и десант в безлюдной местности не имел бы большого военного значения. Для этих целей более удобно северное побережье Каламитского залива от Сакского озера до совр. Евпаторийского маяка⁹¹. Возможно, что первоначально римские войска высадились в этом стратегически важном районе, лежащем на их пути из Мезии. Имеется и прямое свидетельство пребывания римлян в районе Кара-Тобе в I в. н. э., когда римские войска находились в Хер-

⁸⁴ См., например: *Дьяков В. Н.* Оккупация Таврики Римом в I в. н. э. // ВДИ. 1941. № 1. С. 92; *он же.* Таврика в эпоху римской оккупации // Уч. зап. МГПИ. 1942. Т. 28. С. 48; *Кадеев.* Херсонес, Боспор и Рим. С. 62; *он же.* Херсонес Таврический... С. 20; *Блаватский В. Д.* О римских войсках на Таврическом полуострове в I в. н. э. / Античная археология и история. М., 1985. С. 231; *Шелов Д. Б.* Римляне в Северном Причерноморье во II в. н. э. // ВДИ. 1981. № 4. С. 53 сл.; *Карышковский П. О., Клейман И. Б.* Древний город Тира. Киев, 1985. С. 91, *Зубар В. М.* Про похід Плавтія Сильвана в Крим // Археологія. 1988. Вип. 63; *Pippidi D. M.* Contribuți la istoria veche a României. București², 1967. P. 325; *Sarnowski T.* Wojsko rzymskie w Mezji Dolnej i na północnym wybrzeżu Morza Czarnego. Warszawa, 1988 (Diss. Univ. Varsoviensis: Novaesia, 3). S. 137—138.

⁸⁵ См. новейший обзор библиографии по этому вопросу: *Sarnowski.* Op. cit. S. 37. Not. 100; S. 137, 154—155. Not. 24.

⁸⁶ *Блаватский.* Ук. соч. С. 231; *Кадеев.* Херсонес, Боспор и Рим... С. 62—64; *он же.* Херсонес Таврический... С. 20—22; *Соломоник Э. И.* Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983. С. 17; *Зубар.* Ук. соч.

⁸⁷ *Halkin L.* Tiberius Plautius Aelianus, legat de Mésie sous Neron // L'antiquité classique. 1934. V. III. Fasc. 1. P. 145; *Дьяков.* Оккупация... С. 92; *он же.* Таврика... С. 48—49; *Гриневич К. Э.* Херсонес и Рим // ВДИ. 1947. № 2. С. 232. Несомненно, это был не первый контакт Рима со Скифией. Светоний (Aug. 21.3) упоминает скифскую делегацию, посетившую Рим в период правления Августа.

⁸⁸ *Дьяков.* Оккупация... С. 92; *он же.* Таврика... С. 48—49; *Соломоник Э. И.* Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 1984. С. 10; *Зубар.* Ук. соч. С. 21.

⁸⁹ *Дьяков.* Оккупация... С. 92; *он же.* Таврика... С. 48; *Соломоник.* Граффити... С. 10.

⁹⁰ *Дьяков.* Оккупация... С. 92; *он же.* Таврика... С. 48.

⁹¹ Кстати, именно в этом районе высадились союзные войска во время Крымской войны в 1854 г.

сонесе. Это клад денариев, обнаруженный в 1956 г. в 1,5 км от городища на пересыпи Сакского озера⁹². Младшая монета в нем принадлежит чеканке императора Тита. Скорее всего клад принадлежал римскому воину⁹³. В. М. Зубарь, рассматривая другие источники, также приходит к выводу о присутствии войск Т. Плавтия Сильвана в Северо-Западном Крыму⁹⁴.

У нас нет сведений о конкретных обстоятельствах появления римлян на стратегически важном городище Кара-Тобе, но можно предположить, что вместе с римскими войсками на городище прибыл и мастер-торевт со своим инструментарием. Здесь на месте после начала переговоров со скифами по привезенным слепкам им был изготовлен набор серебряной посуды для подношения в качестве дипломатического дара.

Таким образом, публикуемые находки с городища Кара-Тобе не только дополняют список редкого инструментария античных торевтов, что само по себе ставит их в один ряд с уникальными находками из Мемфиса и Беграма; они также, на наш взгляд, вписываются в историческую ситуацию, сложившуюся в Северо-Западном Крыму около середины I в. н. э. Наконец, публикуемые слепки дают редкую возможность попытаться реконструировать «механизм» изготовления дипломатических даров и их подношения. Безусловно, может показаться, что на основании нескольких фрагментарных находок невозможно делать такие выводы. Однако анализ назначения гипсовых слепков в сравнении с аналогичными находками, стилистическое сопоставление с изделиями античной торевтики и рассмотрение возможных моделей интерпретации позволяют нам считать высказанную гипотезу вероятной.

PLASTER CASTS FROM KARA-TOBE

S. Yu. Vnukov, S. A. Kovalenko, M. Yu. Treisier

The paper is devoted to a study of four positive plaster casts discovered in the Kara-Tobe, late Scythian site in the north-west of the Crimea. They were made from the reliefs of silver vessels (a kantharos-goblet, a large patera, the lid of a lekana(?), and a small bowl (?). The casts are dated from the complex to the second and third they were taken from finished vessels by means of an intermediate wax form. The main purpose of such casts was to serve as models for torentes when copying inaccessible expensive originals. Most such casts (from Memphis, Begram, etc.) can be dated to the first century B. C. and first century A. D.— the period of the flourishing of copying in Rome. The originals from which the published casts were taken have analogies in form and ornament among the works of Roman found in Pompeia, Alesia, Hildesheim, etc. Such vessels were often used by the Romans as diplomatic gifts. It can therefore be thought that the casts studied here reached the strategical important Kara-Tobe site during the expedition of Plautius Silvanus in the Crimea. It is possible that, during negotiations with the Scythians, a Roman artisan made silver vessels here, as gifts, from plaster models they had brought with them.

⁹² Гилевич А. М. Прибрежный клад римских монет // НЭ. 1965. V. С. 103—106; Кропоткин В. В. Клады римских монет на территории СССР // САИ. Вып. Г4-4. М., 1961. С. 65. № 617.

⁹³ Гилевич. Ук. соч. С. 106; Щеглов. Ук. соч. С. 135; Кадеев. Херсонес Таврический... С. 21; Зубар. Ук. соч. С. 24; Sarnowski. Op. cit. S. 138. Впрочем, по мнению М. Л. Альфельди, категорический вывод преждевременно до анализа полной картины денежного обращения в данном районе (Sarnowski. Op. cit. S. 155. Not. 39).

⁹⁴ Зубар. Ук. соч. С. 19—27.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Возникновение античного государства

© 1990 г.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВА ТРЕБУЕТ УТОЧНЕНИЯ

Статья Е. М. Штаерман¹ направлена в первую очередь на то, чтобы привлечь внимание к тем противоречиям, которые накопились в наших представлениях о возникновении государства. Обращение к этой ключевой для исторической науки проблеме на качественно новом уровне необходимо.

Е. М. Штаерман утверждает, что патриции и плебеи классами не являются, а раз так, государства в доимператорском Риме нет. Признавая справедливым исходное положение, не могу согласиться с выводом. Патриции и плебеи — это сословия, и на основании отношений только между ними о характере общества судить нельзя. Если существует имущественная дифференциация таких масштабов, как в Риме, это может означать только одно — часть населения присваивает труд другой части. Ведь если один человек владеет участком земли большим, чем может обработать он сам и его семейство, он явно эксплуатирует кого-то, и, следовательно, имеются классы, вполне соответствующие их марксистскому определению. Думается, что в основе своей это определение изменений не требует — нужно лишь выявлять специфику существования классов в разных обществах, в том числе и соотношение их с сословиями. Термин же «класс-сословие» изначально соединяет качественно разнородные элементы.

Таким образом, классы есть и эксплуатация есть; формы этой эксплуатации — совершенно иная проблема. И здесь статья Е. М. Штаерман заставляет задуматься о важнейшем и интереснейшем вопросе соотношения объективной и субъективной сторон дела. Часто аксиомой считается, что эксплуатируемый обязательно должен осознавать свое положение как ненормальное. На уровне раннего государства в сознании сохраняется масса архаических черт, пришедших из первобытности и позднее более или менее полно изжитых. Так, может существовать представление о собственности не как о чем-то отделенном от человека, а как о составной части его индивидуальности (это прекрасно засвидетельствовано древнеегипетскими памятниками, говорящими о собственности как об относящейся к плоти своего владельца). Разумеется, имущественное неравенство в такой ситуации расценивается как норма, как закон не просто общества, но природы. Значит, объективно антагонистические отношения внутри раннего государства субъективно могли восприниматься как вполне гармоничные и быть достаточно мирными. Не поэтому ли мы не имеем от ранних этапов государственности никаких свидетельств открытой классовой борьбы — дело здесь не только в специфике источников, но еще и в том, что для этой борьбы необходим качественно более высокий уровень развития общества и, соответственно, сознания.

В таких условиях классовое общество может (и довольно долго) существовать без специализированного аппарата управления и насилия. Можно ли такое классовое общество называть государством? Это главным образом вопрос дефиниций. Классики

¹ Штаерман Е. М. К проблеме возникновения государства в Риме // ВДИ. 1989. № 2.

марксизма видели в нем прежде всего орган насилия и поэтому особенно подчеркивали его отделенность от общества. Сейчас стало понятнее, что другая функция государства — организация и управление — ничуть не менее важна. На ранних этапах, когда эксплуатация носит еще достаточно патриархальный характер, функция управления вообще может быть главной. Здесь особой необходимости в специализированном аппарате нет, и в управлении может участвовать каждый полноправный член общества. Поэтому мне представляется возможным отказаться от того, чтобы считать специализированный аппарат непременным признаком государства. На это можно возразить, что в данном случае расплывчатой становится грань между государством и догосударственными институтами, но ведь она и на самом деле была именно расплывчатой, и говорить о каком-то резком переломе просто невозможно (это, конечно, не означает, что не нужно разрабатывать критерии государственности как совершенно самостоятельного феномена).

А. О. Большаков

© 1990 г.

БОРЬБА ПАТРИЦИЕВ И ПЛЕБЕЕВ И РИМСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Появление статьи Е. М. Штаерман «К проблеме возникновения государства в Риме» (ВДИ, 1989, № 2) представляется нам важным и своевременным событием в развитии нашего антиковедения. Проблемы, поставленные в статье, очень принципиальны. В последнее время исследователям все чаще приходится ставить вопрос о соотношении между многими понятиями, выработанными исторической наукой нового и новейшего времени, и их аналогами в более ранние исторические эпохи, в том числе и в античный период. Речь идет о таких основополагающих понятиях, как «собственность», «классы», «государство», «бюрократия», «демократия», «город», «партия» и т. п. Некоторые из них, как, например, «город», уже стали предметом дискуссии и получили детальную разработку¹, другие еще ждут подробного анализа. Именно поэтому попытка Е. М. Штаерман рассмотреть понятия «классы» и «государство» и проанализировать их на примере Рима заслуживает внимания.

Статья Е. М. Штаерман посвящена не только проблемам типологии, но и ряду конкретных сюжетов — борьба патрициев и плебеев в Риме и ее итоги, гражданские войны и становление империи, критерии образования государства и типы античной государственной организации. Многие тезисы статьи, на наш взгляд, могут быть безусловно приняты, другие вызывают альтернативные мнения, однако в целом работа стала исходной точкой в дискуссии, которая, видимо, обещает плодотворные результаты.

Можно согласиться с указанием автора на наличие достаточно длительного и универсального для любого общества переходного периода от доклассового общества к классовому, когда сохраняются многие элементы общинного строя и появляются новые атрибуты классового общества. Вслед за рядом западных исследователей Е. М. Штаерман именует эту стадию «вождеством» (chiefdom). Хотелось бы присоединиться к мнению автора об отличии римской и, видимо, греческой политической струк-

¹ Подробно о теме полиса и города см.: Кошеленко Г. А. Древнегреческий полис // Античная Греция. Т. I. М. 1983. С. 9—36; Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 47—54; Андреев Ю. В. Ранние формы урбанизации // ВДИ. 1987. № 1. С. 9—18. Во всех трех работах приводится значительная советская и зарубежная историография.

туры от пути развития общества в Азии, Африке, Центральной Америке и других областях мировой цивилизации. Если в неевропейских обществах община продолжает оставаться основой как города, так и государства, то в условиях Рима множественность постепенно превращается в единый римский народ квиритов.

Весьма интересны замечания Е. М. Штаерман о критериях образования государства. Автор отвергает непосредственную зависимость между образованием государства и такими факторами развития общества, как образование принудительной власти и военной организации, появление законов, письменности и чеканки монеты и, наконец, появление людей, освобожденных от производительного труда. Основой для образования государства всегда оставались факторы, на которые указывали основоположники марксизма,— разделение общества на классы и борьба между классами эксплуататоров и эксплуатируемых.

Труднее согласиться с конкретными тезисами Е. М. Штаерман о борьбе патрициев и плебеев и о связи этой борьбы с образованием римского государства. Согласно ее мнению, патриции и плебеи не были сложившимися антагонистическими классами, а борьба между этими группами не была собственно классовой борьбой, что само по себе исключало и возможность образования государства. Она не считает плебеев и патрициев ни классами, ни классами-сословиями, отмечая, что стандартный путь образования классов и государства оказался прерванным: в Риме IV—III вв. до н. э. «мы не находим характерных для государства признаков, специального аппарата принуждения, стоящего над обществом и защищающего интересы одного класса» (с. 87). Настоящее же конституирование классов и государства происходит лишь с победой рабовладельческого строя и эпохой гражданских войн, а завершается в период формирования принципата. Эта точка зрения противопоставляется в данном случае утвердившемуся в отечественной историографии мнению ².

Рассматривать патрициев и плебеев как классы, т. е. как большие группы людей, отличающихся друг от друга отношением к средствам производства, а также как сословия, т. е. группы, имеющие разный юридический статус, на наш взгляд, вполне возможно. Признавая справедливость тезиса Е. М. Штаерман о том, что доступ к общественной земле имели не только патриции, но и плебеи, нельзя однако, не заметить, что доступ этот был весьма различен. Наличие земельного голода в римской общине и постоянные конфликты из-за земли являются бесспорными фактами. Непрерывные волнения такого рода приходится на весь период V — начала IV в. Можно назвать особо крупные конфликты 486, 484, 479, 474, 470, 469, 467, 460, 456, 440, 396, 393, наконец, 376—366 гг. ³ Борьба за аграрные законы всегда шла между патрициями и плебеями, а паритет так и не был установлен. Представляется, что классовое различие может идти не только по линии разного отношения к средствам производства: следует учитывать и различную степень этого отношения ⁴. Коллективный характер собственности и сохранение верховной собственности государства не может быть, на наш взгляд, аргументом против реального существования частнособственнического разделения. «У античных народов (римляне как самый классический пример, ибо у них это проявляется в самой чистой, самой выпуклой форме) имеет место форма собственности, заключающая в себе противоположность государственной земельной собственности и частной земельной собственности, так что последняя опосредствуется первой или сама государственная земельная собственность существует в этой двойной форме»,— писал К. Маркс ⁵. Другое определение свидетельствует о его позиции относительно частной

² Например: *Ковалев С. И.* История Рима. 2-е изд. Л., 1986. С. 100; *История древнего Рима* / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1981. С. 55—56.

³ *Liv.* II.41; 42; 44; 48; 54; 61; 63; III.1; 15—21; 31; IV.12—13; V.20; 29—30; VI.35—42.

⁴ Буржуазное общество часто позволяет рабочим иметь акции производства, т. е. иметь частичные права на средства производства. Это, однако, не меняет общего принципа.

⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 471.

собственности в древнем Риме. «Собственность — это собственность квинритская, римская; частный земельный собственник является таковым только как римлянин, но как римлянин он обязательно — частный земельный собственник»⁶.

Е. М. Штаерман справедливо отмечает, что полная частная собственность, сходная с капиталистической (*dominium*) не была преобладающей даже в эпоху империи, и римской частной собственности «всегда были присущи черты, восходящие к характеру собственности в недрах гражданской общины»⁷. Тем не менее коллективную собственность римляне следуют принципиально отличать от коллективной собственности восточной деспотии. В условиях последней рядовые общинники представляли собой производителей, объединенных в рабочие отряды, занятых принудительным трудом, эмансипированных от собственности и находящихся под полным контролем бюрократического аппарата, контролирующего экономику и политическую систему. В государствах типа Египта периода Древнего Царства, или «Царства Шумера и Аккада» времен III династии Ура частная собственность либо вообще исчезает, либо полностью или в значительной степени поглощается государственной. Наоборот, в античном обществе верховная собственность полиса оказывается как бы суммарным выражением ее частных или частно-общинных составных частей. Общегосударственных повинностей, подобных восточным, в римском (и греческом) обществе нет, если не считать военной обязанности, которая, кстати, отсутствует у зависимых общинников Востока, и обычной для любого общества обязанности платить налоги, впрочем, отмененной после III Македонской войны (Plut. Aem. Paul. 38).

Характеризуя положение с *ager publicus*, Аппиан указывает, что римляне делили завоеванные земли между поселенцами (τοῖς ἀποικισμένοις ἐπιδητοῖς), продавали (ἐπίπρατον) или сдавали в аренду (ἐξμισθούον), а остальную землю сдавали в аренду всем желающим при условии уплаты налога. Аппиан отчетливо показывает (В. С. I.1.7), что более богатым и влиятельным удавалось скупать и даже захватывать земли, причем нет оснований считать, что скупка была незаконной.

В Риме довольно часто проводились разделы земли, однако речь шла о ничейных или вновь завоеванных землях. Осуществить же свою функцию верховного собственника земли и произвести земельный передел полису не удавалось. Так, закон Лициния — Секстия вообще остался невыполненным, а после более решительной попытки Тиберия Гракха общество пришло к закону 111 г., который превратил значительную часть *ager publicus* в частную собственность, т. е. узаконил реально создававшееся положение.

Если частная собственность на землю существовала в Риме в скрытой форме, то уже Законы XII Таблиц показывают наличие развитой частной собственности на все остальное (скот, деревья, орудия труда, рабов и др.). Наличие же частной собственности на средства производства неизбежно предполагает и наличие групп людей, имеющих разное к ней отношение. Борьба патрициев и плебеев предстает как борьба двух таких групп, одна из которых имеет большие земельные владения, денежные капиталы и политическую власть, а другая этого лишена. Дополнительными факторами являются клиентела и долговое рабство. Клиентела выражает отношения экономической и политической зависимости, а долговое рабство намечает тот путь закрепощения рядовых общинников родоплеменной верхушкой, который характерен для всех обществ раннего периода. Мы видим и такой атрибут классового общества, как эксплуатацию одного класса другим. Формы эксплуатации были различными. Это, во-первых, ростовщичество и долговое рабство, во-вторых, принуждение плебеев к военной службе и участие в экспансии, плодами которой пользовались прежде всего патриции. Наконец, формой эксплуатации можно считать и отношения клиентелы. Показателем классовообразова-

⁶ Там же. С. 467.

⁷ Штаерман Е. М. Римское право // Культура древнего Рима. Т. I. М., 1985. С. 233.

ния стало и классическое рабство, известное в Риме с ранних времен ⁸, хотя оно скорее было фактором зарождения в рамках старого уже нового — классового — деления.

Наличие богатых плебеев, беднеющих патрициев, одинаковых имен у представителей обоих сословий, возможности взаимоперехода и даже юридического равенства не могут быть аргументом против восприятия патрициев и плебеев как классов. Напомним, что сама Е. М. Штаерман в одной из своих работ отмечала, что при наличии равенства в смысле юридической правоспособности и ответственности перед законом отсутствует равенство в сфере политической и социальной ⁹. Что касается прочих факторов, то они связаны как с большей лабильностью раннеклассового общества, так и с ролью завоевания в создании римской социальной структуры. Что касается плебейской верхушки, то в классовом отношении она сближалась с патрициями, что и было узаконено реформами V—IV вв.

В. И. Ленин указывал, что «государство — это есть машина для поддержания господства одного класса над другим» ¹⁰. Рим не имел разветвленной бюрократии восточных деспотий, но наличие такого аппарата (правда, иного типа) все же нельзя не признать. Места в сенате и магистратуры в период, предшествующий закону Лициния — Секстия или, по крайней мере, созданию военного трибунала, были доступны только патрициям *de iure* и *de facto*, а после этого закона рядовые плебеи все равно были реально лишены этого доступа. Государственные служащие (*apparitores*) все же были, а роль аппарата принуждения в известном смысле играли клиенты и дружинники патрицианских родов; были и тюрьмы.

Подводя итоги, отметим некоторые общие выводы.

1. В римском обществе эпохи Республики можно видеть и классы, и государство, которые зародились в VIII—VI вв. до н. э. ¹¹ Можно говорить о повороте в сторону создания нового общества в эпоху этрусских царей и, безусловно, о конституировании классов и государства в ходе борьбы патрициев и плебеев в V—IV вв.

2. Вслед за Л. Е. Куббелем Е. М. Штаерман справедливо указывает на наличие двух путей возникновения государства. Первым вариантом является выделение функций организаторов производства, военного дела и перераспределения прибавочного продукта с постепенным перерастанием «власти функции» во «власть эксплуатации». Этот путь предполагал наличие значительной объединяющей экономической задачи, доминирование «коллективного», государственного сектора в экономике, господство бюрократии и бюрократической знати, взявшей на себя организационные функции и превратившейся из организатора и распределителя в реального хозяина, монархическую власть как форму, оптимальную для этой организации, закрепощение и лишение самостоятельности общин и рядовых производителей.

Наряду с этим имеется и другой путь, когда монополизация общественных функций становится не первопричиной, а результатом монополизации средств производства, т. е. смены общественной собственности частной. В данном случае государство оказывается не результатом разделения на классы вследствие выделения организаторов производства и превращения их в эмансипированную от общества бюрократию, а результатом объединения выделившейся богатой и знатной верхушки, которая организовывается для эксплуатации рядовых общинников.

Государство такого рода предполагает отсутствие общей экономической задачи, по крайней мере в той форме, которая существовала в зависящих от создания единой ирригационной системы деспотиях Двуречья и Египта. Общая экономическая задача в данном случае оказывается просто суммой частных. При такой форме в экономике

⁸ Маяк И. Л. Рим первых царей. М., 1983. С. 163—166, 260.

⁹ Штаерман Е. М. От гражданина к подданному // Культура древнего Рима. Т. I. М., 1985. С. 24.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 73.

¹¹ Маяк. Ук. соч. С. 260.

скорее доминирует частно-общинный или частный сектор, правящая же элита является не бюрократией, а объединением самых крупных собственников земли, денежных капиталов и других форм собственности. Этот тип государства предполагает большую децентрализацию и плюрализм в экономике и политике, а также — большую самостоятельность рядовых производителей.

3. Практически любое государство древности сочетает в себе оба типа, а в реальной жизни чистая модель может быть скорее исключением, нежели правилом. Вместе с тем практически везде можно отметить преобладание одной из этих моделей, и, если восточные общества тяготеют к первому, то греческое и римское представляют собой вариант второй. В таком государстве его «государственная» функция оказывается менее заметной, однако это не дает оснований отказывать ему в данном качестве.

4. Безусловным достоинством статьи Е. М. Штаерман является то, что автор обращает внимание исследователей-марксистов на недифференцированное отношение к понятиям «классовое общество» и «государство», когда они одинаково применяются и к архаическому Риму, и к Поздней республике, и к империи Августа и Диоклетиана.

Не имея возможности подробно остановиться на аргументации, мы хотели бы высказать несколько общих соображений. Вероятно, период VIII—VI вв. можно считать доклассовым периодом в истории Рима, а время от этрусских царей до начала Пунических войн характеризуется делением общества на классы патрицианской (а потом и плебейской) аристократии с одной стороны, и мелких собственников (или не собственников вообще), в который входили массы плебса, кабальных должников и т. д. После того как в результате сословной борьбы плебеи не дали себя закабалить, стандартный путь образования классов был прерван, однако результатом этого было то, что оно пошло другим путем. Классовая структура изменилась: основными классами стали рабы и рабовладельцы при сохранении класса свободных мелких собственников. Эта расстановка характерна для республики II—I вв. до н. э. и Ранней империи I—II вв. н. э.; только в эпоху Поздней империи она заменяется новой, когда правящему классу рабовладельцев, крупных землевладельцев и богачей противостоят закрепощенные колонны, еще сохранившиеся мелкие собственники и рабы, получившие некоторые имущественные права.

Несколько стадий в своем развитии пережило и государство. Вначале это было примитивное государство времени становления римского полиса (VI — середина III в. до н. э.), затем — полисная республика, образовавшая территориальную державу (II—I вв. до н. э.), далее — централизованная бюрократическая монархия Ранней империи (конец I в. до н. э. — II в. н. э.) и, наконец, позднеантичное государство III—V вв.

А. Б. Егоров

© 1990 г.

ВИДЫ АНТАГОНИЗМОВ В ДРЕВНЕРИМСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Е. М. Штаерман в своей статье «К проблеме возникновения государства в Риме» выдвигает в качестве одного из важнейших следующее положение: в конкретном обществе чрезвычайно трудно определить, с какого времени и на основании каких признаков можно говорить с определенностью о сложении классов и государства (С. 77). С подобным утверждением вряд ли можно согласиться. У историка-марксиста как раз есть определенные критерии для оценки явлений процесса зарождения классовых отношений и государства в том или ином обществе. В этом плане в статье упущен, например, очень важный аспект проблемы, а именно, роль антагонизмов в качестве дви-

жающих сил исторического процесса¹. Логическим завершением развития антагонизмов становится раскол общества на классы и появление аппарата принуждения. Эта закономерность является общей для любой антагонистической формации, к числу которых принадлежит и античное общество.

Государство есть признание того, писал Ф. Энгельс, что «...общество запуталось в неразрешимом противоречии с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности...»². Если мы согласны с этим положением, то изучение антагонизмов надо ставить во главу угла. Рассмотрим через такую призму социально-политическую историю древнего Рима.

Возьмем римскую патрицианскую общину (*populus romanus*), эпоху архаического Рима (VIII—VI вв. до н. э.). С самого своего основания *populus* как ассоциация патрициев, т. е. людей, имеющих отцов квиритов, был общностью, противостоящей чужеземцам-плебеям. Имелись ли внутри *populus* противоречия, шло ли там накопление государственных элементов, консолидации власти в руках верхушки общества? Изучение фактического материала этого периода римской истории позволяет нам дать на эти вопросы утвердительный ответ. Имущественная дифференциация, зарождение частного землевладения (царского и патрицианского), элементов господства и подчинения (институт клиентелы) в условиях появления рабства — все это подлинные причины развития социальных (еще не антагонистических в силу архаичности общества) противоречий и в дальнейшем — зарождения классовых антагонизмов. Уже Аристотель отмечал, что государство (полис) состоит из двух частей: богачей и бедняков (*Arist. Pol. VI.1.13; V.IX.19*). «Раз существует имущественное неравенство, то из него вытекает неравенство вообще» (*Ibid. V.1.2*), из-за имущественного неравенства затеваются распри (*Ibid. II.IV.7*).

Имеется также значительное число свидетельств античных авторов о мятежных настроениях и волнениях народа в Риме против царской власти (*Liv. I.59.60*: восстание народа против преступлений и насилий царей; *Dion. II.57; Liv. I.17.7*: волнения среди народа; *Dion. II.61.62*: неимущие и безземельные; *ibid. III.1; Plut. Rom. XXIII*: враждебность неимущих). Нет сомнения и в том, что отношения между господами и рабами (хотя рабство и патриархальное) не были идиллическими. Как решается вопрос о главном противоречии, определившем движение римского общества в архаическую эпоху? Это было противоречие между обедневшими сородичами и родовладельцами. И по этой причине зародившееся внутри *populus* демократическое движение всегда носило характер антиродового. Внешним выражением развития противоречий стала консолидация сил верхушки общины, возникновение там публичной власти, стоящей над народом и направленной против него, — усиление царской власти, появление войска. Рычагом публичной власти становится и религия. Завершается история архаического Рима разложением гентильной организации и появлением государственного устройства³.

Итак, на рубеже VI и V вв. до н. э. в истории римского народа на смену родовой организации пришла гражданская община в форме полиса, римской *civitas*. Какова социальная структура общества на этом этапе с точки зрения классовых отношений и антагонизмов? Был ли ранний полис государством? По мнению Е. М. Штаерман, ни патриции, ни плебеи не были классами и, следовательно, их борьба не была классовой (С. 83). И это, на наш взгляд, справедливо, так как под классическое определение классов, данное В. И. Лениным, эти категории населения не подходят. Но для характеристики социальной структуры докапиталистических обществ В. И. Ленин использует другое определение — «классы-сословия»⁴: «Сословия предполагают деление об-

¹ «Без антагонизма нет прогресса. Таков закон, которому цивилизация подчиняется до наших дней» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 96*).

² *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 170*.

³ Ср., например, оценку реформы Сервия Туллия Ф. Энгельсом: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 129*.

⁴ *Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 311. Прям.*

щества на классы, будучи одной из форм классовых различий»⁵. Патриции и плебеи были антагонистическими сословиями, а ожесточенная борьба между ними — главным антагонизмом, определявшим тогда прогресс римского общества в целом. Эта борьба носила созидательный характер с точки зрения развития рабовладельческого способа производства. Победа плебса — это победа прогрессивной рабовладельческой собственности над родовой. И если внутри *populus* только шло накопление государственных элементов, то в *civitas* этот процесс завершился. Ранний римский полис — раннеклассовое государство уже в силу того, что там налицо антагонистические, сословно-классовые противоречия.

Представляется совершенно неприемлемым вывод автора о том, что в римской общине граждане были юридически и политически равноправны, что Рим эпохи классической *civitas* был общиной «с характерным для общин типом „авторитета“, который действовал на „общую пользу“ гражданского коллектива» (с. 89). Но о каком равноправии в римском полисе может идти речь, если, по данным античных историков, тюрьмы римских патрициев были полны кабальных должников-плебеев? «При жилище всякого патриция находилась частная тюрьма» (Liv. VI.36), а Законами XII Таблиц предписывалось оставлять должников в заточении 60 дней (III.5) и даже разрубать должника на части (III.6).

Также нельзя согласиться с утверждением Е. М. Штаерман о том, что «диктатура Суллы, чрезвычайные полномочия Помпея, первый триумвират, правление Цезаря были наиболее заметными вехами на пути оформления государства» (с. 91). История Римской республики VI—I вв. до н. э. — это история римского государства, возникшего в ходе развития классовых, антагонистических противоречий. А как иначе можно объяснить империалистическую внешнюю политику Рима (например, Пунические войны и др.), восстания рабов, классовую борьбу безземельной бедноты, антиростовщические движения, кровопролитные гражданские войны? Перечисленные выше «заметные вехи» — не этапы оформления государства, а становление в Риме монархического режима, т. е. консолидация сил правящего класса.

И в заключение напомним, что известны два определения античной гражданской общины: Фюстель де Куланжа (как общины бесклассовой, основанной на культе предков; религиозного, политического союза граждан⁶) и К. Маркса (как общины антагонистической, ассоциации граждан-рабовладельцев перед лицом рабов⁷). Невольно напрашивается вопрос: о каком типе гражданской общины идет речь в статье Е. М. Штаерман?

Дискуссии следует приветствовать, ибо в споре рождается истина. Но всегда ли они ведутся с позиций марксистско-ленинской методологии?

С. Р. Ким

⁵ Там же. Т. 2. С. 476.

⁶ Фюстель де Куланж. Гражданская община античного мира. М., 1867. С. 166, 175, 251, 252.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 21.

© 1990 г.

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГОСУДАРСТВА В РИМЕ

Статья Е. М. Штаерман поднимает интереснейшую проблему и является попыткой приложения тех критериев, которые позволяют называть то или иное общество государством, к конкретной римской действительности. Если в теории грань между первобытным и раннеклассовым обществом достаточно определена, то в применении

ее к историческим реалиям ученых всегда сталкивается с целым рядом трудностей. Ведь становление и развитие государства — сложный и стиюдь не одновременный процесс. Как справедливо отметил Л. Е. Куббель¹, для ранних государств характерна нестабильность, а в некоторых случаях и обратимость ряда признаков, т. е. возвращение к первобытности.

Поэтому неудивительно, что весьма интересная позиция Е. М. Штаерман относительно времени возникновения Римского государства вызвала ряд возражений именно с точки зрения достаточности и однозначности ее аргументации². Например, в утверждении, что в раннереспубликанском Риме «...знать и простой народ... различались по социальному статусу, по месту в руководстве общиной... а не своим владельческим правам, то есть отношению к средствам производства» (С. 81), есть явное несоответствие данным источников. Согласно Полибию (VI.17.1—7), весь римский народ самым непосредственным образом и чисто экономически зависел от воли сената, одной из важнейших функций которого было распределение общественного богатства. В период Ранней республики именно от решения сената зависели и выведение колоний, и сдача *ager publicus* в аренду (Dionys. VIII.73.3), и смягчение долговых обязательств, как частных, так и общественных, и распределение военной добычи, и продажа или раздел общественной земли. Вряд ли сегодня кто-либо будет оспаривать то, что сенат, согласно данным Ливия (II.41.2—4; 42; 44; III.1.3) и Дионисия Галикарнасского (VIII.81; 87.4; IX.18.1; 27.4; 37; 51; X.30.4—5; 32.3—4), в первой половине V в. до н. э. успешно препятствовал стремлению плебса получить земельные наделы. А именно сенат являлся ядром патрициата. Отсюда следует, что различие по месту в руководстве общиной самым непосредственным образом было связано с различным отношением к основным средствам производства, и прежде всего к *ager publicus*. Действительно, о специальном законе о недопущении плебеев к *ager publicus* ничего не известно. Однако упорная борьба плебса за землю в V—IV вв. до н. э. позволяет утверждать, что патрициат, имея монополию на власть, использовал ее в ущерб интересам плебеев и фактически лишал их доступа к *ager publicus*.

Неубедительным представляется также тезис о том, что патрициат не эксплуатировал плебс как класс. Ведь различное отношение к средствам производства само по себе подразумевает возможность эксплуатации. На наш взгляд, И. Л. Маяк весьма убедительно показала эксплуатацию плебса как класса путем использования в качестве «пущечного мяса»³. Однако это не единственный способ эксплуатации плебеев. Данные источников указывают на существование в Ранней римской республике аренды, посредством которой патрициат эксплуатировал плебс. Дионисий приводит конкретные случаи сдачи земли в аренду как частного, так и общественного характера (IV.9.8; VIII.73.3; VIII.87.5; IX.44.7; 51.4; 60.2), указания на существование аренды в V в. до н. э. имеются и у Ливия (IV.8.2; 36.2). Согласно Аппиану (B.C.I.1.7) и Цецерону (II Verr. III.6.13; 8.20; 11.27; 21.53), плата за пользование чужой землей в размере 10% урожая с посевов и 20% с насаждений была издревле существовавшим правилом. О том, что арендная плата была достаточно высокой, свидетельствует Плиний Старший, указывая, что именно она (*pensia vectigalia*) стала основной причиной первой сецессии (N. H. XIX.19.56). Обратим внимание на то, что сецессия была массовой акцией, а не действием отдельных плебеев. Наконец, закабаление плебеев и превращение их в долговых рабов, также используемых на сельскохозяйственных работах, в отдельные периоды римской истории носило характер далеко не единичных явлений. Таким образом, превращение патрициев и плебеев в классы-сословия, что Е. М. Штаерман допускает лишь как нереализованную возможность, было реальной

¹ Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988. С. 156.

² Маяк И. Л. К вопросу о социальной структуре и политической организации архаического Рима // ВДИ. 1989. № 3. С. 94 сл.

³ Маяк. Ук. соч. С. 96.

стадий развития римской *civitas* в V—IV вв. до н. э., подтверждения чему можно найти в источниках.

Нельзя не согласиться с мыслью о том, что борьба плебса сыграла исключительную роль в становлении *civitas*, в сдерживании социальной и имущественной дифференциации римского общества. Однако следует отметить, что именно в V—IV вв. до н. э. происходит развитие и усложнение римских государственных и правовых институтов. Это прежде всего появление Законов XII Таблиц, возникновение помимо консулов, сената и жречества последовательно институтов плебейских трибунов, цензоров, преторов и т. д. Отметим также, что уже в конце V в. до н. э. началось изменение характера римского войска, когда была введена плата за военную службу (Liv. IV. 59.11; Diod. XIV.16.5) и сама она стала круглогодичной (Liv. V.2.1), что само по себе свидетельствует о постепенном выделении воинского труда в особую сферу деятельности.

Что же касается аппарата власти, то он действительно был невелик. Однако здесь следует учитывать целый ряд факторов. Во-первых, всякая более или менее демократическая форма правления, свойственная не только ранним, но и современным развитым государствам, подразумевает выборность органов власти и стремление к ограничению бюрократии. Во-вторых, необходимо учитывать размеры государства и степень развития экономических связей между отдельными его частями, которые далеко не всегда требовали разветвленного управленческого аппарата. К тому же существовавшие в Ранней римской республике органы управления не были такими уже беспомощными. Вооруженные 24 ликтора — это реальная сила для безоружной толпы на форуме. Все оружие находилось в руках консулов, которые выдавали его воинам-ополченцам только на время военных действий после приведения их к присяге (Liv. III.15.7—8). Триста сенаторов — тоже достаточно заметная управленческая единица. Обычно именно из их числа избирались разнообразные комиссии триумвиров, децемвиров, центумвиров и т. п. О содержании государственного аппарата практически ничего не известно, однако, согласно источникам, консулы как военные предводители получали свою долю добычи, а сенат практически бесконтрольно распоряжался общественным достоянием. Вполне допустимо также, что ликторы и посыльные (*viatores*), набираемые из числа плебеев для обслуживания магистратов, находились на содержании государственной казны.

Далее следует отметить, что, по-видимому, уже в IV в. до н. э. магистратов обслуживал штат писцов из числа вольноотпущенников или рабов, каковым был, например, Гней Флавий (Liv. IX.46.1). В подчинении плебейских трибунов помимо эдилов находилось определенное количество государственных рабов (*vernaculi* — Lyd. *Magistr.* I.44), которые подобно «скифам» в Афинах, выполняли, вероятно, полицейские функции по охране порядка на римском форуме. Обе эти категории находились, несомненно, на содержании государства и были фактически низшей категорией «управленцев». Наконец, различные административные и правовые функции выполняли и профессиональные жреческие коллегии. Таким образом, можно говорить о том, что уже в V—IV вв. до н. э. помимо выборных магистратов существовали некоторые элементы профессионального аппарата управления.

Нельзя согласиться и с оценкой Е. М. Штаерман роли раннеримского права (С. 88). Трудно игнорировать многократно подтвержденное представление о том, что «...право с самого начала есть явление классовое»⁴. Антагонизм патрициев и плебеев, выразившийся в жестоких притеснениях последних со стороны обремененных судебной властью патрициев и в организованном противодействии им плебеев, стал одной из важных причин появления священных законов, Законов XII Таблиц и обнародования гражданского права Гнеем Флавием. Необоснованно и утверждение, согласно которому уголовное право отсутствовало на практике, так как обвиняемый всегда мог уйти

⁴ Куббель. Ук. соч. С. 161.

в добровольное изгнание. Во-первых, согласно Ливию (III.57.6; 58.9; 68.1), уже в V в. до н. э. существовала практика предварительного тюремного заключения, что исключало возможность добровольного изгнания. Кроме того, казнь Аппия Гердония, Спурия Кассия, Спурия Мелия, М. Манлия Капитолийского и многие другие конкретные примеры говорят о достаточно суровой реальности наказаний в соответствии с Законами XII Таблиц. Постепенное же смягчение права как раз свидетельствует о дальнейшем развитии и укреплении римской государственности.

Трудно однозначно принять и тезис о неприменении войска для подавления внутренних волнений. Так, военная сила была использована в 460 г. для подавления мятежа Аппия Гердония, в 384 г. — для расправы над М. Манлием (Zonar. VII.23.10), в 342 г. — для усмирения восставшего римского гарнизона в Капуе (Liv. VII.39.17; 42.3—6).

Возражения также вызывает тезис о том, что римляне не эксплуатировали побежденные народы, пока завоевания шли в пределах Италии. Аппиан (B. C. I.1.7) и Цицерон (II Verr. III.6.13; 8.20; 11.27; 21.53) называют размер налога, вносимого с древнейших времен завоеванными народами, оказавшимися в большинстве случаев в положении арендаторов римской земли. Функции сборщиков арендной платы выполняли откупщики. Эксплуатировались даже союзники Рима, которые в соответствии с договором были обязаны поставлять римскому войску провизию, вспомогательные отряды, снаряжать корабли, и в то же время ущемлялись при получении добычи⁵. Конечно, римская система была гораздо мягче спартанской илотии, а главное — гораздо более дифференцированной.

Наконец, несколько слов о таком критерии, как появление монеты. Е. М. Штаерман вполне обоснованно считает, что использование монеты само по себе еще не свидетельствует о наличии государства (с. 93). Действительно, известно, что в некоторых ранних обществах монеты, заимствованные у более развитых народов, могли использоваться лишь как сокровища или украшения. Однако этого нельзя сказать о раннем Риме, где некоторые элементы товарно-денежных отношений возникли задолго до появления монеты вообще⁶.

Таким образом, можно заключить, что римская *civitas* V—IV вв. до н. э. уже обладала основными признаками государства, хотя они и прогрессировали постепенно. Вместе с тем подчеркнем, что Е. М. Штаерман справедливо отмечает кардинальное отличие Рима эпохи республики от периода империи. За пять веков республики Рим из небольшой по территории гражданской общины превратился в центр мировой державы, существование которой было бы немыслимо без сильной профессиональной армии и разветвленного аппарата управления. Отметим в связи с этим, что сами древние объясняли изменение формы правления в сторону олигархии (т. е. всевластия сената), а затем и императорской власти увеличением размеров римского государства (Dig. I.2.2.9—11).

В итоге хотелось бы подчеркнуть, что те или иные изменения в социальных отношениях в сторону их усложнения происходили в римской *civitas* постоянно со дня ее возникновения. Поэтому дискуссия, начатая статьей Е. М. Штаерман, крайне важна: она поможет наметить те качественные и количественные изменения в римском обществе, которые определяют ступени и различные уровни развития государственности.

Л. Л. Кофанов

⁵ Маяк И. Л. Взаимоотношения Рима и итальянцев в III—II вв. до н. э. М., 1971. С. 105.

⁶ Peruzzi E. Money in early Rome. Firenze, 1985. P. 13 f.

РАННЕРИМСКОЕ ГОСУДАРСТВО ИЛИ «БЕЗГОСУДАРСТВЕННАЯ ОБЩИНА ГРАЖДАН»?

Обсуждение темы возникновения государства в античном мире, открытое весьма интересным выступлением Е. М. Штаерман, несомненно, позволит углубить и скорректировать как традиционную точку зрения на возникновение римского государства, так и общеметодологические подходы к этой важной теме. Наметившаяся разница между «традиционным» и «новым» подходами проявилась и в способах теоретического осмысления материала, и в конкретных выводах: достаточно сказать, что существующие ныне датировки возникновения государства в Риме разделяет период по меньшей мере в половину тысячелетия (с конца VI по конец I в. до н. э.). Естественно, в начале дискуссии возникает вопрос о том, насколько фундирована новая точка зрения, насколько последовательно она «снимает» основные положения прежней концепции, насколько она готова, в свою очередь, выступить в качестве цельной, внутренне непротиворечивой теории. Сопоставление под этим углом зрения традиционной концепции с гипотезой о возникновении римского государства во времена Августа побуждает нас высказать несколько замечаний, имеющих непосредственное отношение к общей теме дискуссии.

1. Потребность в опоре на какие-либо почти общепризнанные исходные положения и авторитетные суждения закономерна для любой гипотезы. В данном случае такую роль выполняют, в частности, неоднократные ссылки на отдельные положения из работ классиков марксизма-ленинизма, подтверждающие, по мнению Е. М. Штаерман, правильность выбранной позиции. К сожалению, автор при этом нигде не оговаривает, что конечные выводы статьи прямо противоречат тем выводам цитируемых работ, которые имеют непосредственное отношение к рассматриваемым вопросам. Достаточно напомнить, например, имеющееся в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» недвусмысленное заключение о том, что «новое, действительно государственное устройство, основанное на территориальном делении и имущественных различиях», было создано «еще до упразднения так называемой царской власти»¹. Данный вывод, судя по всему, разделялся и В. И. Лениным, отмечавшим, что рабовладельческое государство существовало не только в форме монархии, но и в форме республики — как аристократической, так и демократической². Прямо противоречат рассуждения автора и словам К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что классовой борьбой была не только борьба свободных и рабов, но и борьба патрициев и плебеев³ (ср. вывод Е. М. Штаерман на с. 83: «борьба патрициев и плебеев не была классовой»). Примеры подобных несоответствий было бы нетрудно продолжить. Во всяком случае, совершенно ясно, что при обоюдном использовании приемов цитатного метода построения доказательств позиции сторонников традиционной точки зрения будут выглядеть гораздо прочнее, а «новая» точка зрения окажется весьма уязвимой для критики.

2. Наличие четкого категориального аппарата является одним из наиболее важных условий существования научной теории. Используемая в статье группа понятий «класс», «класс-сословие» и «архаическое сословие», на наш взгляд, отнюдь не до конца отвечает этому требованию. Строго говоря, было бы заведомо неверным искать

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 129. Отметим, что территориальное деление населения оценивается как важнейший признак государства и в цитируемой автором статье Л. Е. Куббеля (Возникновение частной собственности, классов и государства // История первобытного общества: эпоха классовобразования. М., 1988. С. 246).

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 74—75.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 424.

в римском обществе времен республики какие-то «чистые» классы, чтобы затем, не найдя их, автоматически делать вывод об отсутствии государства (ср. с. 87). Таких «чистых» классов не было и в Римской империи, и в феодальных государствах. В качестве краеугольного камня для всей гипотезы Е. М. Штаерман, очевидно, использует известную ленинскую характеристику государства как аппарата принуждения одного класса другим. Однако именно В. И. Ленин в другом месте указывал, что «...классы рабского и феодального... общества были также и особыми сословиями»⁴, т. е. являлись классами-сословиями, различавшимися по своему юридическому месту в государстве. Последнее положение, кстати, признается и автором, однако это делает тем более непонятными встречающиеся в статье случаи разделения и противопоставления данных понятий (с. 93, где говорится о «сословном, а не классовом делении общества»; с. 86 сл., где характеризуется тенденция «превращения» римских сословий в классы и т. д.). Нуждается в дополнительной аргументации и вывод о том, что «плебс как таковой не был объектом эксплуатации» (с. 83): здесь необходимо учитывать то, что результаты «военного труда» плебеев долгое время присваивались преимущественно патрициями, обладавшими к тому же рядом других — закрепленных не только законами, но и традициями — привилегий. Каждый отдельный плебей, говорится в статье Е. М. Штаерман, «эксплуатировался не потому, что принадлежал к сословию плебеев, а потому, что он лично обеднел, попал в кабалу, был вынужден стать колонном или прекаристом и т. д.» (с. 83). Таким образом, получается, что масса плебеев попадала в положение непосредственно эксплуатируемых не в силу их принадлежности к неравноправному классу-сословию, но, видимо, лишь по причине беспечности и нерадивости отдельных индивидуумов? Если это так, то не совсем ясно, за что же столь ожесточенно боролись плебеи, почему им пришлось совершать «длительную полтора столетия» революцию? Вызывает возражения и утверждение автора о том, что появление в обществе рабов не является показателем возникновения государства, так как имеет место и «в примитивных, внутренние не дифференцированных общинах» (с. 93). Вряд ли есть основания сравнивать такое «домашнее» рабство с теми формами эксплуатации труда десятков и сотен тысяч рабов, которые получают в Риме распространение после отмены долгового рабства для граждан (327 г. до н. э.), приобретая классический характер по крайней мере во II в. до н. э., т. е. задолго до установления империи.

3. «Не являются показателями» для Е. М. Штаерман, кроме этого, и такие признаки, как наличие имущественной дифференциации, цензового деления граждан, писанных законов, чеканки монеты, военной организации и обширных завоеваний, системы магистратур, принудительной власти и т. д. Главным аргументом здесь служит то, что почти каждый из этих признаков взятый в отдельности может быть обнаружен и в таких обществах, которые еще не стали государственными. При желании, однако, можно найти и такие современные государства, которые лишены одного или даже нескольких подобных признаков (например — профессиональной армии). Из этого следует вывод, что при вынесении итоговых оценок должно учитываться не отсутствие какого-либо одного признака, но, напротив, наличие комплекса других признаков, и в этом случае «новая» точка зрения также уступает «традиционной». В республиканском Риме (особенно в период расцвета гражданской общины, а также в период ее кризиса) такой комплекс, бесспорно, существовал, и к вышеназванному здесь можно добавить еще многое, явно не согласующееся с выводом о догосударственной стадии развития: это территориальное деление населения, развитие товарного производства, денежных отношений, рынка, городской цивилизации, крупных специализированных, основанных на рабстве хозяйств, это и высокое развитие военного искусства, архитектуры, скульптуры, театра, философии, поэзии и т. д. Кроме всего прочего, здесь следовало бы обратить внимание и на то, как сами римляне оценивали уровень развития

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 311. Прим.

своего общества, в чем видели они его принципиальное отличие от обществ «варварских» народов, еще не вступивших на путь формирования государства. Тема эта, разумеется, нуждается в специальном освещении, однако необходимо отметить, что ни Цицерон, ни Лукреций, ни Цезарь, ни Саллюстий, ни Вергилий, ни Ливий, — словом, ни один из латинских авторов, касавшихся этой темы, никогда не сомневался в том, что Рим уже во времена республики ушел по крайней мере на целую ступеньку дальше в своем развитии по сравнению с «варварами», причем главное отличие от последних виделось в том, что римляне живут *по законам*, на которых основывается их «общественное дело», общественная польза. Разумеется, отмечались и негативные последствия совершившегося отрыва от родовых укладов: увлечение роскошью, упадок нравов и гражданские распри, однако развивавшаяся на этой основе идеализация варваров толькошний раз подчеркивала, насколько далеко Рим ушел от них в своем развитии.

4. Основное содержание статьи направлено на критику традиционной точки зрения. Какова же предлагаемая альтернатива? Если попытаться суммировать разрозненные замечания автора, окажется, что в Греции «потребность в государстве, принесенном эллинистическими царями» (с. 86), появляется не ранее конца IV в. до н.э.⁵, а в Риме — не ранее конца I в. до н.э. (с. 91). Таким образом, государство, по мнению Е. М. Штаерман, появляется в обоих случаях тогда, когда на смену античным гражданским общинам (как правило, с республиканским строем) приходят крупные территориальные державы с явно выраженной монархической властью, направленной теперь и «на подавление сограждан» (с. 88), которые, впрочем, превращаются постепенно в подданных. Автор категорически не допускает возможность существования такого государства, в котором аппарат принуждения всех неграждан не противостоял бы одновременно и самим гражданам. Но тогда возникает вопрос: интересы какого господствующего класса должно отражать государство, если оно обязательно призвано «подавлять сограждан»? Неужели только интересы представителей бюрократического аппарата, аппарата подавления, существование которых становится самоцелью? В этом случае придется сделать вывод, что в истории вообще не было и нет сколько-нибудь демократических государств и что самыми «государственными» нужно признать такие неконституционные монархические режимы (деспотии, тирании, диктатуры, хунты и т. п.), которые противостояли почти всему обществу, подавляя его с помощью террора и насилия. Как видим, выделение наиболее «эффективного аппарата принуждения» в качестве важнейшего критерия государственности может привести к противоречащим здравому смыслу выводам. Поэтому мы целиком солидарны с замечанием редколлегии, предваряющим начало дискуссии: «Нельзя забывать, что государство представляет форму организации всего общества, обеспечивающую наряду с классовым подавлением и выполнение ряда функций в интересах всего общества» (ВДИ. 1989. № 2. С. 75). В ранних государственных образованиях, на наш взгляд, функции организации управления, обороны и жизнеобеспечения общества играли более важную роль, чем функции прямого подавления большинства членов этого общества, приобретающие первостепенное значение уже на следующих (но отнюдь не на всех) этапах развития государственности.

⁵ Исключением автору, видимо, представляются такие государства, как Спарта, где постоянная необходимость подавления илотов заставляла победителей «создать эффективный аппарат принуждения, что стимулировало развитие у них государственности» (с. 89). В этом случае, однако, пришлось бы сделать достаточно малоправдоподобный вывод о том, что «застойная» Спарта далеко опередила в развитии государственности и Афины, и другие экономически более развитые полисы. Кстати, в источниках предэллинистической эпохи нет даже намека на существование в Спарте развитого аппарата насилия, отделенного от самих спартиатов. Аналогичная ситуация была и в других полисах: основную функцию подавления неграждан брал на себя коллектив граждан.

5. Итак, сопоставление двух точек зрения склоняет нас к выводу, что новая интерпретация темы возникновения государства в Риме пока еще не может претендовать на роль внутренне не противоречивой теории, основывающейся на прочных исходных положениях и находящей беспорочное подтверждение в источниках. Несмотря на это, мы считаем появление статьи Е. М. Штаерман в высшей степени своевременным и необходимым уже потому, что автор поднимает важнейшие теоретические вопросы, намеренно заостря внимание на слабых сторонах традиционной точки зрения и как бы «провоцируя» начало содержательной дискуссии. Кроме того, взгляд с новой точки зрения действительно в какой-то мере позволил автору более четко и рельефно показать *реальную* неразвитость некоторых государственных институтов, прежде нередко недооценивавшуюся теми авторами, которые ограничивались безоговорочным признанием возникновения римского государства в конце царского периода. Дискуссии о том, «окончательно» или «не окончательно» сложилось государство к тому или иному моменту римской истории, вполне закономерны, так как сам этот процесс складывания и укрепления государства занял не одно столетие (иначе, собственно, и не могло быть в древних обществах, выступавших в роли «первопроходцев» на пути государственного строительства). Решающим критерием, как уже отмечалось, здесь должно быть не наличие (или отсутствие) какого-либо одного, пусть даже очень важного, признака, но существование комплекса таких признаков, отражающего переход общества в качественно новое состояние. Намного серьезнее стоит вопрос о том, можно ли в принципе считать «государственной» античную гражданскую общину, лишенную развитого аппарата подавления самих граждан. На наш взгляд, в том и заключалась уникальность античной государственности в ее ранней, «полисной» форме, что, подняв на новый уровень общинно-коллективистские традиции ушедшего родового строя, она строилась на обеспечении «общего блага» для ограниченного количества граждан за счет эксплуатации, а также полного или частичного лишения прав всех неграждан: рабов, чужестранцев, подчиненных «союзников» и т. д. Обеспеченное в результате внутренней борьбы приблизительное равенство прав всех граждан позволяло долгое время обходиться без подавляющей гражданский коллектив мощной репрессивной машины, создавало условия для существования республиканской формы правления, давшей впоследствии различные образцы для подражания во многих европейских странах. Лишь разложение этого коллектива граждан, утрата его сплоченности и как следствие утрата способности удерживать прежними методами политическую власть приводят к возникновению военно-монархических режимов, действовавших методами тотального подавления и все более отрывавшихся от «конституционного» принципа власти, который считался в античности важнейшим признаком настоящего государства, созданного для «общей пользы» граждан, а не для тиранического единовластия. Античная гражданская община являлась, таким образом, отнюдь не «безгосударственным», а уникальным раннегосударственным образованием, особенностями политической организации которого (в отличие, например, от организации древневосточных деспотий) создали максимально благоприятные условия для необычайно высокого взлета всей античной цивилизации, для расцвета греческой и римской культуры.

Ю. Г. Чернышов

© 1990 г.

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЕГИПТА

В XVI—XIV вв. до н.э.

Отношение египтян к другим народам и государствам, их представления о взаимоотношениях фараона и войска, о сущности воинской доблести уже в правление первых фараонов-завоевателей Нового царства предстают как сложившаяся, единая система взглядов, постоянно обнаруживающаяся в титулатурах и эпитетах фараонов, в стандартной фразеологии надписей о военных походах, в определенном наборе сюжетов, которые могут включаться в официальные описания внешнеполитических событий¹. Для понимания завоевательной политики египтян времени Нового царства было бы важно определить то новое, что появляется в египетской идеологии ко времени образования империи (правление Тхутмосе III) и на различных этапах ее развития². Я попытаюсь проследить развитие имперской идеологии египтян на протяжении XVIII династии, используя в качестве источников, помимо военных документов, некоторые тексты, характеризующие царскую власть в совокупности составляющих ее аспектов (славословия царю, включенные в посвяtitельные и другие надписи, и царские титулатуры)³. Материал источников будет рассмат

¹ Фразеология и композиционная структура царских военных надписей XVI — VI вв. до н. э. подробно рассматриваются в работе: *Spalinger A. J. Aspects of the military documents of the ancient Egyptians*. New Haven—London, 1982. Отметив как весьма важный момент, что формализованные элементы текстов, наименее информативные в фактологическом плане, отражают устойчивые черты египетского мировоззрения, автор, однако, рассматривает это мировоззрение как неизменное на протяжении всего периода Нового царства. О фразеологии царских военных надписей см. также: *Lorton D. The juridical terminology of international relations in Egyptian texts through dynasty XVIII*. Baltimore—London, 1971; *Blumenthal E. Untersuchungen zum ägyptischen Königtums des Mittleren Reiches*. B., 1970.

² Наиболее обоснованная периодизация развития египетской империи (для северных провинций) дана в работе: *Weinstein J. M. The Egyptian empire in Palestine: A reassessment* // *BASOR*. V. 241. Winter, 1981. P. 1—28.

³ Об исторических представлениях древних египтян и древнеегипетской концепции царской власти см.: *Hornung E. Zur geschichtlichen Rolle des Königs in der 18. Dynastie* // *MDAIK*. 1957. Bd 15. S. 120—133; *idem. Zum altägyptischen Geschichtsbewußtsein* // *Archäologie und Geschichtsbewußtsein*. München, 1982. S. 13—30; *idem. Politische Planung und Realität im Alten Ägypten* // *Saeculum*. 1971. Bd 22. Ht 1. S. 48—58; *Beckerath J. von. Geschichtsschreibung im Alten Ägypten* // *Ibid*. 1978. Bd 29. Ht 1. S. 11—17; *Assmann J. Politik zwischen Ritual und Dogma. Spielräume politischen Handelns im pharaonischen Ägypten* // *Ibid*. 1984. Bd 35. Ht 2. S. 97—114; *Posener G. Litterature et politique dans l'Égypte de la XII Dynastie*. P., 1956; *Blumenthal E. Darstellung und Selbstdarstellung des ägyptischen Königtums. Untersuchungen zur schriftlichen Überlieferung des Mittleren Reiches* // *EAZ*. 1979. Jg. 20. Ht 1. S. 79—94; *Liverani M. Contrasti e confluenze di concezioni politiche nell'età di El-*

риваться по следующим хронологическим периодам: Ахмосе — Хашенсове; Тхутмосе II — Тхутмосе IV; Аменхотп III — Эйе; Харемха.

Характерные для начала XVIII династии (середина XVI в. до н. э.) представления об отношениях Египта с чужеземными странами были наиболее полно сформулированы в *карнакской надписи Ахмосе I*⁴, перечисляющей дары царя храму Амуна, первая часть которой представляет собой развернутое славословие царю.

Группы эпитетов царя расположены в славословии в следующей тематической последовательности: 1) божественное происхождение царя, любовь к нему богов и его полезность для них; 2) формулы коронации царя и эпитеты, характеризующие его как правителя Египта; 3) царь как владыка всех чужеземных народов, владыка мира; 4) страх, внушаемый царем мятежникам; 5) царь — устроитель государства и защитник подданных; 6) личные качества царя; 7) отношение к царю его подданных; 8) сверхчеловеческие свойства царя и атрибуты его власти; защита, творимая царю богами.

Подобная последовательность расположения эпитетов в славословии позволяло заключить, что имперские амбиции, претензии на власть над чужеземными народами понимались в тот период как неотъемлемая часть царской власти вообще (соответствующие эпитеты стоят на одном из первых мест). Власть царя над другими народами трактовалась как всеобъемлющая: «Стал он владыкой (всего), что окружает солнечный диск (т. е. всей земли)» (7) (цифры в скобках после цитаты или названия текста обозначают строку надписей. — *Т. П.*); как обусловленная волей богов: «Страны говорят: мы принадлежим ему, ибо это царь, которого поставил владыкой Рэ, тот, кого возвеличил Амон» (11—12). Важнейшая функция фараона — обеспечение притока в Египет материальных ценностей — прямо связывалась с прочностью его власти, внушаемым им страхом, истреблением противников: «Приходят к нему южные, северные, восточные и западные (народы), ибо он прочно стоит как владыка и укреплены обе земли его» (9); «Приходят чужестранцы в едином смиренном шествии, они стоят в воротах дворца его, ибо резня его (т. е. учиненная им) в Хенет-

Amarna // *Rev. d'Ass.* 1967. V. 61. № 1. P. 1—18; *idem.* Political lexicon and political ideologies in the Amarna letters // *Berytus: Archaeological studies.* 1983. V. 31. Beirut, 1986. P. 41—56. О жанрах царских надписей см.: *Otto E.* Annalistik und Königsnovellen als Formen der ägyptischen Geschichtsschreibung // *Handbuch der Orientalistik.* Bd I. Abt. 2. Leiden, 1952. S. 169—178. О структуре прозаических и стихотворных египетских текстов см.: *Foster J. L.* Sinuhe: The Ancient Egyptian genre of narrative verse // *JNES.* 1980. V. 39. № 2. P. 89—117. О титулатурах и славословиях как особых жанрах царских надписей см.: *Barta W.* Königsbezeichnung // *LÄ.* Bd III. Sp. 477—481; *Assmann J.* Eulogie, Königs // *LÄ.* Bd II. Sp. 40—46; *Goedicke H.* The encomium of Sesostri I. // *SAK.* 1985. Bd 12. P. 5—28. О титулатуре как «программе царствования» см.: *Hornung.* Politische Planung... S. 48—58. Поскольку имперская идеология египтян обнаруживает большое сходство с типологически близкой ей идеологией ассирийской империи, мною были использованы важные в методическом отношении работы ассириологов: *Liverani M.* The ideology of the Assyrian empire // *PaP.* P. 297—317; *Grayson A. K.* Assyrian royal inscriptions, literary characteristics // *ARI.* P. 35—42; *Garelli P.* La conception de la royauté en Assyrie // *Ibid.* P. 1—11; *Liverani M.* Critique of variants and the titulature of Sennacherib // *Ibid.* P. 225—227; *Tadmor H.* History and ideology in the Assyrian royal inscriptions // *Ibid.* P. 13—33; *Reade J.* Ideology and propaganda in Assyrian art // *PaP.* P. 329—343; *Grayson A. K.* Assyria and Babylonia // *Orientalia.* 1980. V. 49. Fasc. 2. P. 140—194 (статья из серии «Histories and historians of the Ancient Near East»).

⁴ *Lacau P.* Stèles du Nouvel Empire. T. I. Le Caire, 1909. Pl. 1—2; *Legrain G.* Second rapport sur les travaux exécutés à Karnak // *ASAE.* 1903. V. 4. Fasc. 1. P. 27—29.

хен-нефер⁵, рык (?)⁶ его в землях фенеху⁷, страх перед его величеством внутри земли этой подобен (страху перед) Мином в год, когда он приходит. Приносят они поставки добрые, будучи нагружены приношениями для царя» (12—14).

Отдельные элементы этой концепции внешней политики Египта более или менее традиционны для египетских представлений. Так, формулы всеобъемлющей власти фараона изредка встречаются со времени Сенвосре I: «Достигнувший (крайних) границ азиатов и нубийцев... тот, под чьим надзором (находятся) острова (?) и пустыни, тот, кому принадлежит (все), что окружает солнечный диск» (*стела Хора*⁸, 2—3), хотя в эпоху Среднего царства явно преобладает образ фараона, обороняющего свои рубежи, либо стремящегося к их расширению: «расширяющий границы» (*стела Хора*, 3), атакующий, когда атакуют его, молчащий, когда молчат (*надпись Сенвосре III в Уронарти*⁹, 5—6). Мысль о прямой связи между страхом врагов Египта и их приношениями была высказана уже в период XI династии в правление Уаханха Антефа: «...приносимое величеству господина моего из рук властителей, пребывающих в пустыне, из-за того, что страх перед ним (существует) в чужеземных странах (*стела Тети*¹⁰, 6). Сверхчеловеческие свойства царя, внушающие страх его подданным и противникам, упоминаются со времен Текстов Пирамид.

Своеобразие надписи Ахмосе заключается в стройности ее концепции, обилии формул, выражающих универсальность власти фараона, обосновании этой власти волей богов, передавших фараону при его воцарении все страны. Как соотносится эта концепция с представлениями о внешней политике Египта, выраженными в надписях, посвященных описанию военных походов? Остановимся прежде всего на композиционной структуре этих памятников.

Развернутые военные надписи начала XVIII династии состоят из трех частей: 1) Описание изначального, вневременного, идеального состояния государства, переданного в *томбосской надписи Тхутмосе I*¹¹ посредством эпитетов, характеризующих всеобъемлющий характер власти царя: «южане плывут на север, северяне плывут на юг, (чужеземные) нагорья все целиком с приношениями своими» (4—5), в *асуанской надписи Тхут-*

⁵ Территория Нубии, находившаяся в зависимости от Египта, букв.: «пограничный район последнего укрепления» (Goedicke H. The location of *ḥnt-hn-nfr* // Kusch. 1965. V. 13. P. 102—111).

⁶ О возможности перевода термина «*hmhm.t*» как «молва» см.: Spiegel J. Der «Ruf» der Königs // WZKM. 1957. Bd 54. S. 191—203.

⁷ Букв.: «земли дровосеков» — обозначение горных районов Ливана, Антиливана, Голана и Хермона (см. Green M. The Syrian and Lebanese topographical data in the story of Sinuhe // CdE. 1983. V. 58. Fasc. 115—116. P. 40—43).

⁸ Rowe A. Three new stelae from the South-Eastern desert // ASAE. 1939. V. 39. P. 187—191. Pl. 25.

⁹ Janssen J. Stela Khartum Museum No 3 from Uronarti // JNES. 1953. V. 12. № 1. P. 51—55.

¹⁰ Hieroglyphic texts from Egyptian stelae, & c., in the British Museum. Pt I. L., 1911. P. 16. Pl. 49—50; Blackman A. M. The Stele of Thethi, Brit. Mus. No 614 // JEA. 1931. V. 17. Pt 1—2. P. 55—61. Pl. VIII; Clère J. J., Vandier J. Textes de la première période intermédiaire et de la XI-ème dynastie. Pt I. Bruxelles, 1948. P. 15—17.

¹¹ Piehl K. La stèle de Tombos // Piehl K. Petites études égyptologiques. Dissertation académique. Vienne, 1881. P. 1—28; Lepsius C. R. Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien. Abt. III. Denkmäler des Neuen Reiches. Bd V—VIII. B., 1849—1912; Bd III 5a. Textbd V.S.244.

мосе II¹² — через блок эпитетов царя, описывающих его сверхчеловеческое могущество, страх перед царем и почитание царя, всеобъемлющий характер его власти. 2) Рассказ о нарушении этого идеального состояния мятежниками и об их наказании, который в надписи Тхутмосе I включает простое упоминание о победе над врагом и подробный, однако лишенный исторической информации отчет об истреблении противника, в надписи Тхутмосе II — эмоциональное, но также лишенное исторических подробностей «формульное» описание ярости царя, его клятвы об уничтожении врагов и их истребления. 3) Дидактическая концовка, представляющая собой в *томбосской надписи Тхутмосе I* славословие царю, в *асуанской надписи Тхутмосе II* — рассказ о ликовании народа и войска, а также объяснение причин победы: «Это случилось благодаря явлению мощи (b3w) его величества, из-за того, что любит его отец его Амун более царя всякого, бывшего со времен древности земли» (16—17).

В подобной композиции текстов и в формулах всеобъемлющего характера власти царя отражается обоснованное в надписи Ахмосе представление, согласно которому вся земля изначально принадлежит фараону, а его враги суть мятежники. Однако наряду с этим нормативным представлением в текстах упоминаются и другие мотивы походов — стремление к расширению границ государства и удовольствие от войны как таковое: «Воцарился он на троне Хора, чтобы расширить границы Фив, поля 'Находящейся пред господином своим' (т. е. Западных Фив), чтобы работали для нее кочевники и азиаты» (*томбосская надпись Тхутмосе I*, 3); «Я вез на гребном судне... (следует тронное имя Аменхотпа I), когда он плыл вверх по течению, чтобы расширить границы Египта» (*биография Ахмосе, сына Ибена*¹³, 23—24); отправление Тхутмосе I в Сирию, «чтобы утолить жажду его в чужеземных странах» (там же, с. 36); эпитет Тхутмосе I «ищущий сражения» (*томбосская надпись*, 12).

Другая важная тема славословия царю Ахмосе, получившая развитие в военных надписях начала XVIII династии, — необходимость устрашающе-сурового наказания врагов. В *томбосской надписи Тхутмосе I* разгром врагов описывается в таких выражениях: «Ниспроверг он князя кочевников; нубиец стал бесплоден, погиб от хватки его... Кочевники-нубийцы повержены резней, будучи поваленными на побережьях своих. Трупный запах их наводнил долины их. Кровь их как потоки дождя. (Хищные птицы) h3j·w [устремляются] на них и множество (других) птиц, хватающих и утаскивающих в другое место. Устремляется крокодил за бегущим» (6—9). В текстах не только повторяются стандартная фраза «Сделал он (царь) груды трупов большую из них» (*биография Ахмосе, сына Ибена*, 37), эпитет «жалкий»¹⁴ Кош¹⁵ (*асуанская надпись Тхутмосе II*, 5), метафори-

¹² Lepsius. Denkmäler. Bd III 16a. Textbd IV. S. 119; Catalogue des monuments et inscriptions de l'Égypte antique / Par J. de Morgan et al. T. I—II. Wienne, 1895 (далее — Catalogue). T. I. P. 3—4.

¹³ Lepsius. Denkmäler. Bd III 12 b, c, d. Textbd IV. S. 50; Champollion J. F. Monuments de l'Égypte et de la Nubie. Notices descriptives. T. I—II. P., 1844—1889; T. I. P. 655—657.

¹⁴ Д. Лортон предлагает переводить термин hsj как «разгромленный»; см. Lorton D. The so-called 'vile' enemies of king of Egypt (in the Middle Kingdom and Dyn. XVIII // JARCE.1973.V.10. P. 65—70). Его доводы, однако, не кажутся очень убедительными и большинством египтологов не приняты.

¹⁵ Слово «Кош» в период Нового царства употреблялось в двух значениях: 1) вся Нубия южнее первого порога; 2) часть Нубии между вторым и четвертым порогами (возможно, уже со времени Тхутмосе II). См. Säve-Söderbergh T. Ägypten und Nubien. Lund. 1941. S. 151, 182.

ческие описания массовых убийств, но и рассказывается о таких реальных событиях, как истребление воинов мятежной страны (*асуанская надпись Тхутмосе II*, 13—14), казнь бежавших пленных в правление Аменхотпа I (*биография Ахмосе, сына Ибена*, 25—26), позорная казнь мятежного князя нубийцев в правление Тхутмосе I: «Кочевник этот жалкий был подвешен головой вниз на носу судна его величества, и он был брошен наземь в Карнаке» (там же, 35—36).

В надписях подчеркивается ничтожество «чужеземцев, ненавидимых богом» (*томбосская надпись Тхутмосе I*, 4) перед египетским царем. Так, на *второй стеле царя Камосе*¹⁶ князь Речену (Южная Сирия) характеризуется как «жалкий руками, без доблестей в сердце его — не бывает их у него» (4). В *карнакской надписи Ахмосе* царь назван «могучим воссиянием в [победах] среди склоняющихся» (4)¹⁷.

Центральное место в надписях занимает образ воина-царя, который однако в начале XVIII династии не передает индивидуальных черт отдельных правителей. В *карнакской надписи Ахмосе* царь описывается как «могучий руками» (2), «силач» (2), «могучий силой» (3), «выходит он, а [ополчение] его по сторонам его, подобно тому как [выходит] месяц среди звезд: с красивой походкой, со спокойным шагом, крепкий ногами, устойчивый подошвами» (14—15). Царь «устремляется против всех девяти луков»¹⁸, подобно тому, как пантера молодая опускается в стадо быков» (*томбосская надпись Тхутмосе I*, 10—11), он радуется победе — «сердце его удлинено силой и победой после того, как захватил он южан и северян» (об Ахмосе I — *биография Ахмосе, сына Ибена*, 19).

Победа царя над противником заранее обусловлена его божественной сущностью, защитой, которую творят ему боги, атрибутами царской власти¹⁹. В *карнакской надписи Ахмосе* о царе говорится: «Святость Рэ снизошла на него»²⁰ (15); сила обеих богинь²¹ на лбу его, как у Хора» (8); «великий волшебством своим — он» (20). Из военных надписей можно понять, что, по представлениям египтян, особые свойства царя вызывали «изнеможение» противников, приводившее их к гибели. Так, в *томбосской надписи Тхутмосе I* о врагах сказано, что «их ослепило явление мощи его величества» (11); в *асуанской надписи Тхутмосе II* говорится, что «явление мощи его величества привело к нему его (Кош). Страх перед ним (царем) задержал продвижение их, и тогда войско это его величества повергло этих чужеземцев» (12—13). По словам Ахмосе, сына Ибена, враги Тхутмосе I «были обессилены его богиней-змеей» (34); *надпись Хашен-*

¹⁶ BT. S. 82—97; *Habachi L. The second stela of Kamose and his struggle against the Hyksos ruler and his capital. Glückstadt, 1972.* Ср. перевод цитируемых строк у Хабаши: «Слабый руками, замышляющий в своем сердце доблесть, которая не возникает у него» (*Ibid.* P. 33. Tabl. 20).

¹⁷ По мнению Я. Ассмана (*Politik ... S. 105*), враги, как относящиеся к хаосу, не могли мыслиться объектом владычества, но только объектом демонстрации власти. Об отношении египтян к чужеземцам см. также: *Helck W. Die Ägypter und die Fremden // Saeculum. 1964. Bd 15. Ht 2. S. 103—114.*

¹⁸ «Девять луков» — образное определение чужеземных, как правило, враждебных Египту стран и народов; см.: *Виноградов А. К. Древнеегипетский фразеологизм «девять луков» // Мерз. Вып. 3. М., 1985. С. 78—97.*

¹⁹ Об этом см.: *Morenz S. Der Schrecken Pharaons // Liber amicorum. Studies in honour of professor Dr. C. J. Bleeker. Leiden, 1969. S. 113—125; Assmann J. Furcht // LÄ. Bd II. Sp. 359—367; idem. Scheft // Ibid. Bd V. Sp. 549—551; Brunner H. Machtbegriff // Ibid. Bd III. Sp. 1120—1123.*

²⁰ О значении этого выражения см.: *Kischkewitz H. Zum temporären Einwohnern des Gottes im König // Ägypten und Kusch. B., 1977. S. 210—212.*

²¹ Богини-охранительницы царя, персонифицированные в аспиде и коршуне.

сове в *Спеос Артемидос* ²² от лица царицы провозглашает: «(Рэ установил, чтобы) явление мощи моей склоняло нагорья; аспид, который на лбу моем, ус[трашал] для меня все земли» (12) и далее: «Я пришла как Единственная Хора (т. е. богиня-змея), изрыгающая пламень (т. е. выплевывающая ослепляющий глаза яд.— *Т. Д.*) на врагов своих» (39—40).

В период Нового царства возникает тема особенно тесных взаимоотношений царя и войска ²³. В отличие от царских надписей предшествующих периодов в надписях Камосе довольно подробно рассказывается о войске: его радости по поводу богатой добычи, отсутствии потерь и пр. Воины и остальные жители Египта упоминаются параллельно в двустихиях ²⁴ *карнакской надписи Ахмосе*, где царица Аххотп названа «заботящейся о Египте, [той], которая позаботилась о своем войске, которая охранила его» (25), и в *асуанской надписи Тхутмосе II*, в описании победы: «народ (rhj.t) в ликовании, войско в радости» (15—16); Тхутмосе I носит эпитет «крепость для всего своего войска» (*томбосская надпись*, 10); в *надписи Хашепсове из Спеос Артемидос* говорится: «Мое войско, которое (прежде) не было снабжено [необходимым], богато со времени воцарения моего» (15).

Другие темы, которые будут разрабатываться впоследствии, в этот период только намечаются. Таковы, например, интерес к эпизодам личного участия царя в сражении: «Выпущена его величеством (Тхутмосе I) первая его стрела, застрявшая в теле врага этого» (*биография Ахмосе, сына Ибена*, 33); стремление не только запугать, но и привлечь на свою сторону новых подданных: в *надписи Тхутмосе I в Масахте* ²⁵, у первого нильского порога, царь назван «любимцем Сате ²⁶ Элефантины» (3); в *надписи Тхутмосе III в Семне* ²⁷, датируемой вторым годом правления, Иун-Мутеф ²⁸, представляя царя нубийскому богу Дедуну ²⁹, обращается к последнему со следующими словами: «Да даруешь ты мощь его (т. е. ему), да создашь ты уважение к нему в сердцах кочевников-нубийцев в награду за этот памятник добрый, прочный, превосходный, сделанный им для тебя» (3—5) ³⁰.

Критерием особой важности тех или иных элементов египетского мировоззрения может служить включение соответствующих мотивов в царскую титулатуру ³¹. Характеристики царя как военного вождя впервые

²² Gardiner A. Davies's copy of the great Speos Artemidos inscription // JEA. 1946. V. 32. P. 43—56. Pl. VI.

²³ Ср., однако, эпитеты одного из Ментухотпов: «Хор, любимый своим ополчением (mš')» (неопубликованная стела из коллекции Редфорда, перевод: Redford D. B. Akhenaten, the heretic King. Princeton, 1984. P. 100), и Неферхотпа III (Второй переходный период): «победоносный царь, возлюбленный своим ополчением (mš')» (4) (BT. S. 45 (№ 62)).

²⁴ О двустихии как структурообразующем элементе египетских стихотворных текстов см.: Foster J. L. Thought couplets in Khety's «Hymn to the Inundation» // JNES. 1975. V. 34. P. 1—29; автор пишет (с. 9), что двустихие подчеркивает «сходство или различие между словарными, синтаксическими и смысловыми единицами».

²⁵ Catalogue. T. I. P. 41. № 185.

²⁶ Сате, богиня Элефантины, супруга бога Хнума, покровительница области первого нильского порога; см.: Valbelle D. Satis et Anoukis. Mainz, 1981.

²⁷ Lepsius. Denkmäler. Bd III 49a, 52b, 53, 55b, Textbd V. S. 192—193, 195—196, 199.

²⁸ Букв.: «опора/столб своей матери» — бог, почитавшийся в Эдфу, часто отождествлялся с Хором — te Velde H. Iunmutef // LA. Bd III. Sp. 212—213.

²⁹ Об этом боре см.: Otto E. Dedun // Ibid. Bd I. Sp. 1003—1004.

³⁰ Lepsius. Denkmäler. Bd III 53.

³¹ Здесь и далее титулатуры приводятся по изданиям: Beckerath J. von. Handbuch der ägyptischen Königsnamen. München, 1986; Gauthier H. Le livre des rois d'Égypte: Recueil de titres et protocoles royaux, noms propres de rois, reines, princes et princesses... T. 2. De la XIII à la fin de la XVIII dynastie. Le Caire, 1912.

проникают в нее со времени борьбы с гиксосами (*Секененрэ*: «Царь-государь Тот, кого сделал доблестным Рэ, Сын Рэ Та доблестный»; *Камосе*: «Обе владычицы Умножающий укрепления»³²; для начала же XVIII династии наиболее значимыми в имперской идеологии оказываются представления о всеобъемлющем характере власти царя, его силе и внушаемом им страхе (*Аменхотп I*: «Хор Телец, сгибающий земли, Обе владычицы Большой страхом перед ним»; *Тхутмосе I*: «Обе владычицы Захвативший все земли, Хор-Золото Разбивший девять луков...»; «Хор-Золото Большой силой, могучий мечом»; *Тхутмосе II*: «Хор Телец крепкий, могучий силой»; *Хошепсове*: «Обе владычицы Захватившая все земли»).

В начале XVIII династии информация о событиях походов в текстах практически отсутствовала (традиция стел Камосе не получила продолжения). В правление же Тхутмосе III — Тхутмосе IV, в период наибольшей активизации внешней политики Египта, она представлена уже достаточно широко, что отражается и в сюжете, и в композиционной структуре текстов, и в разнообразии используемых литературных моделей.

Так, *карнакская надпись Тхутмосе III* о событиях первого сирийского похода³³, относящаяся к той же модели jw·tw³⁴, что и рассматривавшиеся ранее *томбосская надпись Тхутмосе I* и *асуанская надпись Тхутмосе II*, не включает ни славословия царю (рассказ об изначальном состоянии государства сведен к фразе «[руководитель его] прекрасный даровал [ему] быть владыкой всех нагорий, причем девять луков связанные под [сандалиями его]» (6), ни дидактической концовки. Повествование сосредоточено на реальных событиях похода (в частности, на осаде Мегиддо) и подробном перечислении добычи, захваченной царем и переданной в храм Амуна. Формульные элементы текста единичны (формула истребления врагов: «Устроил я груды трупов [большую из них]») (7).

Те же черты характеризуют новую, появившуюся в тот период литературную модель — так называемые «анналы». «Анналы» Тхутмосе III и Аменхотпа II (имеются в виду *карнакская* и *мемфисская надписи* этого правителя) представляют собой подробные, далеко превосходящие по объему информации надписи модели jw·tw, повествования о «победах» царя, где формализованные элементы текста единичны, вневременной конфликт нарушения и восстановления изначального порядка вещей не упоминается, а интерес к материальному стимулу ведения военных действий выступает на первый план, что отражается во вкраплении в повествование списков захваченной в том или ином походе добычи.

Третьей моделью военного повествования стала так называемая «риторическая композиция», соединившая приемы славословия царю и интерес к реальным событиям. В подобных текстах рассказы о наиболее крупных военных походах, охотничьих подвигах царя³⁵, «работах» чужеземных стран располагаются не в хронологической последовательности, а как бы по степени их значимости. «Риторическая композиция» может быть рассчитана на восприятие чужеземных подданных Египта

³² О переводе этого титула см.: *Vandersleyen Cl. Kamose // LÄ. Bd III. Sp. 306.*

³³ *Legrain G. Rapport sur les travaux exécutés à Karnak du 25 sept. au 31 oct. 1901 // ASAE. 1901. V. 2. Fasc. 3. P. 274—279; V. 4. Fasc. 3. Pl. III.*

³⁴ Для обозначения литературных моделей используются термины Э. Дж. Спэнлиджера — см. прим. 1.

³⁵ О символическом значении царской охоты см.: *Hornung E. Zur geschichtliche Rolle des Königs in der 18. Dynastie // MDAIK. 1957. Bd 15. S. 120—133.*

(*джебель-баркальская надпись Тхутмосе III*³⁶, надпись Аменхотпа II в Амада³⁷), и тогда в ней большое место занимают блоки эпитетов царя, варьирующие в основном темы воинской доблести фараона и всеобъемлющего характера его власти, или же предназначаться для самих египтян, как *надпись Тхутмосе III в Арманте*³⁸, в которой блоки эпитетов царя, темы внушаемого им страха, его власти над чужеземными народами отсутствуют, а на первый план выступает фабульная сторона событий.

Концепция связи притекающих в Египет материальных ценностей с прочностью власти царя, идея о необходимости «запугивания» врага получают теперь более конкретное толкование. Так, в надписях Тхутмосе III подчеркиваются косвенные (политические и экономические) последствия побед царя: «Дал мне меч мой Нахарину³⁹, велик страх начальника (jm-j-r:) кочевников, закрыты двери их из-за него (страха), не выходят они наружу из страха перед Тельцом (т. е. фараоном)» (*джебель-баркальская надпись*, 15); «Послал я страх перед собой в болота Азии. Не задерживают посланца моего. Войско мое срубает деревья на террасах кедровых» (там же, 44); в *«Анналах» Тхутмосе III*⁴⁰ список ежегодной дани вводится словами: «Перечень приношений, принесенных из-за явления мощи его величества» (часть V, 9—10, 88; часть VI, 4). Чувство страха, внушаемое военными успехами фараона, сознательно используется в пропагандистских целях. Так, известия о победе царя на севере доводятся до сведения южных подданных Египта: в *джебель-баркальской надписи Тхутмосе III* (т. е. надписи, поставленной на крайнем юге египетских владений в Судане) перечислялись основные северные походы царя; в правление Аменхотпа II казнь главарей восставших сирийцев была произведена в пограничном районе Судана, на крайнем юге, в Напате; надпись с сообщением об этой казни была установлена в Амада, между первым и вторым порогами течения Нила, ее копия — на острове Элефантине, у первых порогов.

Продолжают употребляться традиционные формулировки: «Приходят к нему нагорья, которых (прежде) не знали, (потому что) страх перед ним [вошел] в плоть их» (*латеранский обелиск Тхутмосе IV*⁴¹, северная сторона справа); «[Сделал он резню] многих (букв.: „многочисленную“) мечом своим доблестным, причем страх перед ним вошел в утробу всякую» (*надпись Тхутмосе IV в Коносо*⁴², 19).

В то же время отказ на практике от массовых истреблений врагов, осмысление цели войны как стремления к расширению рубежей Египта объясняет, по-видимому, тот факт, что в текстах мотив физического уничтожения врагов начинает соседствовать с мотивом их морального унижения, осмеяния⁴³: в *«Анналах» Тхутмосе III* — втаскивание вражеских князей в город на их одеждах (часть I, 86—87); в *джебель-баркальской надписи*

³⁶ Reisner G. A., Reisner M. B. Inscribed monuments from Gebel Barkal. Pt 2. The granite stela of Thutmosis III // ZAS. 1933. Bd 69. S. 24—39. Taf. III—V.

³⁷ Lepsius. Denkmäler. Bd III. 65a. Textbd. V. S. 91; Gauthier H. Le temple d'Amada. T. I—II. Le Caire. 1913—1926; T. I. P. 19—24. Pl. 10—11.

³⁸ Mond R., Myers O. H. Temples of Armant. A preliminary survey. L., 1940. P. 182—184. Pl. 88, 103. Fig. 8.

³⁹ Букв.: «Речная страна», в египетских источниках — одно из обозначений государства Митани на Верхнем Евфрате (Helck W. Die Beziehungen Ägyptens zu Vorderasien im 3. und 2. Jahrtausend v. Chr. Wiesbaden, 1962. S. 285 f.).

⁴⁰ Urk. IV. S. 645—734 (до этого издания сводной публикации «Анналов» не было).

⁴¹ Marucchi O. Gli obelischii egiziani di Roma. T. I—II. Roma, 1898. P. 8—50.

⁴² Catalogue. T. I. P. 66—67.

⁴³ По этой проблематике см.: Guglielmi W. Spott // LÄ. Bd V. Sp. 1169—1173; Osing J. Ironie // Ibid. Bd III. Sp. 181. Озинг отрицает наличие в египетской литературе иронических высказываний, относящихся к чужеземцам.

Тхутмосе III — сдача князьями того самого оружия, «с которым они пришли сражаться против моего величества» (23), отправление их из Мегиддо на ослах (25). За трафаретной фразой об истреблении врагов может следовать не соответствующее ей описание конкретного события: метафорическое описание резни у стен Мегиддо — «причем [ра]ти их распростерты, опрокинуты на спину подобно рыбакам в углу сети» (*Анналы Тхутмосе III*, часть I, 88) противоречит сообщению о благополучном бегстве вражеских воинов в город.

Появляется тема нормального функционирования империи как упорядоченной системы. Чужеземцы, выполняющие назначенную для них работу, рассматриваются теперь как подданные царя, находящиеся под его защитой⁴⁴: «Они (чужеземцы) слышали о победах его (Тхутмосе III) на нагорьях всяких. Приношения их на спинах их для того, чтобы было дано им дыхание жизни, чтобы быть верными его величеству, чтобы было дано, чтобы защитило их явление мощи его» (*надписи гробницы Рехмирэ*⁴⁵); «Принуждает он (Амун), чтобы они (чужеземцы) признали господина моего (Амуна — рассказ ведется от лица царя. — Т. Д.), (и тогда) трудности их (оказываются) ликвидированными (букв.: успокоенными)» (*джебель-баркальская надпись Тхутмосе III*, 32); «Управлял он (царь) пустыней, так что работала она, причем страна чужеземная всякая (была) под защитой его (*Большая стела*) Аменхотпа II⁴⁶, 5). В *надписи Аменхотпа II в Амада* приводится немыслимое для прежних времен сопоставление иноземных правителей и египетских воинов: «Нет (такого, кто бы) натянул лук его (царя) из войска его, из властителей чужеземных стран (и) князей Речену» (2—3).

Претерпевает некоторые изменения и образ самого фараона. Если в *карнакской надписи Ахмосе* функции царя как военного предводителя упоминаются наряду с другими, административными функциями (он описывается как «обученный Сириусом⁴⁷, пожалованный (богиней) Сешат⁴⁸» (19), «(постоянно) вводящий писцов в искусство счета» (20), «установивший профессии подобно Прекрасному ликом⁴⁹» (5—6), то в надписи «*Большой стелы*» Аменхотпа II, половину которой составляет славословие царю, а вторую половину — рассказ о его юношеских годах, последние качества не упоминаются вовсе, а главными для будущего фараона оказываются физическая сила и ловкость в военных упражнениях. Узнав об успехах царевича на этом поприще, Тхутмосе III, согласно тексту надписи, думает: «Именно он сделается владыкой земли всей. Не будет того, кто стал бы нападать на него, выдающегося доблестью, радующегося из-за победы...

⁴⁴ С предвосхищением подобных идей мы встречаемся только в текстах времени Сенвосре I: «Каждый кочевник Нубии, который будет работать (нести повинности — bꜥk) в качестве *хему* и действовать превосходно в соответствии с явлением мощи этого бога — род (bjt) его будет существовать, пребывая вечно» (*стела Хора*, 15; о *хему* см. Берлев О. Д. Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. М., 1972); Синухе о Сенвосре I: «Он не приминет оказать милость (чужеземной) стране, которая будет ему верна» (*Син.* В, 74—75). Однако внешнеполитическая обстановка в правление Сенвосре I существенно отличалась от ситуации времени XVIII династии: Египет не имел владений в Сирии, но был заинтересован в поддержании тесных «личных» отношений с отдельными городами.

⁴⁵ Davies N. de G. The tomb of Rekh-mi-Rē at Thebes. V. I. N. Y. 1943. P. 20. Fig. 2; V. II. Pl. 18—20.

⁴⁶ Hassan S. The great limestone stela of Amenhotep II // ASAE. 1937. V. 37. Fasc. 2. P. 129—134. Pl. I—II.

⁴⁷ Речь идет о богине Эс, так как Сириус считался звездой Эс.

⁴⁸ Богиня письма и счета, покровительница строительной деятельности.

⁴⁹ Прозвище бога Птаха, покровителя ремесел.

Это бог постоянно дает в его сердце заботу о том, чтобы Египет был защищен для него, чтобы защитить для него землю» (20—22)⁵⁰.

Одним из распространеннейших сюжетов военного повествования становится личное участие царя в кампании и его подвиги⁵¹. Царь сражается, берет пленных, несет караульную службу (осада Мегиддо в «Анналах Тхутмосе III, эпизод охраны пленных в Самарии в *карнакской*⁵² и *мемфисской*⁵³ надписи Аменхотпа II, рассказ о двух поединках с врагами в *коносской надписи Тхутмосе IV*). Появляются новые эпитеты царя, такие, как «хвалимый за (дела) рук его в битвах» (*джебель-баркальская надпись Тхутмосе III*, 12 и *надпись Аменхотпа II в Амада*, 6), «могучий руками против нагорий всяких в качестве первого (из) своего войска» (*джебель-баркальская надпись Тхутмосе III*, 5), «хватаящий (так), что не выхватят из руки его» (там же, 8), «хватаящий победоносно и сильно подобно Монту» (*мемфисская надпись Аменхотпа II*, 2), «тяжелый рукой», «нет такого, кто бы сражался вблизи от него», «лучник, доблестный в рукопашной», «стойкий на поле сражения в час захвата добычи», «обращающийся лицом своим (к врагу) в день рукопашной битвы» (*надпись Аменхотпа II в Амада*, 2—7), «умелый (в обращении) с конем подобно Астарте», «могучий сердцем среди толпы» (*надпись на колеснице Тхутмосе IV*⁵⁴, правая внешняя сторона, 2—3), «сильный сердцем среди толпы», «властитель, которым хвастаются» (*надписи на архитраве храма Тхутмосе IV в Амада*⁵⁵).

Образ царя воплощает в себе те же ценности, на которые ориентируется поведение рядовых воинов. В «Анналах» Тхутмосе III царю и войску (но

⁵⁰ Преувеличение военной стороны деятельности фараона и значения его физических качеств впервые прозвучало в славословии Сенвосре I, произнесенном Синухе (о композиции этого текста см.: Goedicke. The encomium . . . S. 5—28): «Он создан, чтобы бить врагов, чтобы попираť кочевников» (Син. В, 72—73); «Настороженный это, когда видит он обитателей востока. Радость его это: повержение неприятелей-лучников» (60—61); «Никто не может отвести его стрелу. Никто не может натянуть лук его» (62—63) и т. п. Но, во-первых, указанный гимн — не официальный документ и не характеризует царскую власть всесторонне (он должен произвести впечатление на иноземного правителя). Во-вторых, абсолютного предпочтения физической силы всем остальным качествам фараона в нем все же нет. О царе также говорится: «Владыка мудрости это, превосходный замыслами, отличный указами своими» (48). Более традиционная точка зрения выражена в *I Кахунском гимне Сенвосре III*, также прославляющем военное могущество фараона: «Убивающий лучников без удара палицы, выпускающий стрелу [без] того, чтобы была натянута тетива. Страх перед ним уб[ил] девять луков, ужас перед ним разбил кочевников в их стране» (Kah. I, 4—6) — Grapow H. Der Liederkranz zu Ehren Königs Sesostris des Dritten aus Kahun // MIO. 1953. Bd I. № 2. S. 189—209; Sethe K. Aegyptische Lesestücke. Texte des Mittleren Reiches. Lpz, 1924. S. 65—67 (bes. S. 66); Möller G. Hieratische Lesestücke für den Akademischen Gebrauch. Ht I. B., 1961. S. 4.

⁵¹ Период 1500—1200 гг. до н. э., начавшийся примерно со времени воцарения Тхутмосе III, Шэфер называл «рыцарской эпохой Египта», имея в виду прежде всего стремление получать «радость от военных упражнений» — Schäfer H. König Amenophis II. als Meisterschütz // OLZ. 1929. Jg. 32. Sp. 233—244.

⁵² Legrain G. La grande stèle d'Amenôthes II à Karnak // ASAE. 1903. V. 4. Fasc. 2. P. 126—132; Rougé J. de. Inscriptions hiéroglyphiques copiées en Égypte. P., 1878. Pl. 175—176; Champollion. Monuments... II. P. 185; Bouriant H. Notes de voyage // Rec. trav. 1890. V. 13. P. 160—161; Wiedemann A. Texts of the second part of the eighteenth dynasty // PSBA. 1889. V. XI. P. 422 f.

⁵³ Badawi A. M. Die neue historische Stele Amenophis' II // ASAE. 1943. V. 42. P. 1—23. Pl. 1; Edel E. Die Stelen Amenophis' II. aus Karnak und Memphis mit dem Bericht über die asiatischen Feldzüge des Königs // ZDPV. 1953. Bd 69. S. 97—176. Taf. 1—5.

⁵⁴ Carter H., Newberry P. E. The tomb of Thoutmôsis IV (Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire, Nos. 46001—46529). Westminster, 1903. P. 24—33. Pl. IX—XII (цитируемые эпитеты в табл. X).

⁵⁵ Gauthier. Le temple... T. I. P. 153, E; Champollion. Monuments... T. I. P. 99.

не чужеземцам) приписывается общее качество «победоносности»⁵⁶. Царь рассматривается как пример, эталон поведения воинов. Если последние стремятся проявить свою доблесть публично, «в голове войска» (*биография Ахмосе, сына Ибена*, 26), то о царе в «Анналах» *Тхутмосе III* говорится: «Его величество проявил силу против них (врагов) перед войском своим» (часть I, 86)⁵⁷. Писец *надписи Тхутмосе III в Арманте* подчеркивает достоверность своего рассказа о подвигах царя (что само по себе — признак нового, появившегося в этот период интереса к личным, человеческим качествам фараона⁵⁸), ссылаясь как на свидетелей на воинов: «Рассказал я... о сделанном им (Тхутмосе III) без лжи, без преувеличения, как о том, что произошло перед лицом всего его войска» (5). Пробитая стрелой Тхутмосе III мишень выставляется для всеобщего обозрения в храме Амуна (там же, 4). Аменхотп II, рассказывая о своих достижениях в стрельбе, подчеркивает, что устроил «это развлечение перед лицом земли всей» (*надпись на блоке из Карнака*⁵⁹ 10—11). Ту же идею выражают эпитеты Аменхотпа II — «бьющийся (букв.: „творящий“) руками своими перед войском своим» (там же, 1—2) и Тхутмосе IV «бьющийся (букв.: „творящий“) руками своими, чтобы знали обе земли, чтобы видело войско его все целиком» (*надпись на колеснице*, внешняя левая сторона, 3), а также фраза из жизнеописания заместителя (начальника) войска, Аменемха⁶⁰: «Я видел доблесть его (Тхутмосе III) неоднократно (букв.: „я повторял видение доблести“), когда я был в (числе) сопровождающих его» (14).

Вместе с тем если в «Анналах» *Тхутмосе III* войско еще играет какую-то роль в повествовании (эпизоды военного совета под Мегиддо, грабежа вражеских территорий и др.), то в *джебель-баркальской надписи Тхутмосе III*, в *карнакской и мемфисской надписях Аменхотпа II* царь предстает как единственный победитель: «Царь это, сражающийся в одиночку, нет многих за ним. Полезен он более, чем тьма воинов многочисленных» (*джебель-баркальская надпись*, 4—5); «Не было никого с его величеством, кроме него самого и меча его доблестного» (*мемфисская надпись Аменхотпа II*, 6 — о битве на переправе через Оронт); та же идея — в эпизодах охраны пленных в Самарии⁶¹, взятия города Хашабы⁶². Личность царя как бы

⁵⁶ «Победоносное войско»: часть I, 19, 72, 75, 81; «победоносный» царь/господин: часть I, 36, 76; «победоносный» поход царя: часть I, 7; часть V, 3, 9, 39, 87, 93. Ср. термины «победоносный царь», «победоносные Фивы» в *надписи Неферхотпа III*, 4—5 — BT. S. 45 (№ 62).

⁵⁷ Необходимость для царя находиться впереди войска, как и то, что он должен лично участвовать в сражении — новая черта идеологии этого периода. Ср. в текстах Камосе: «Поплыву я на север... а войско мое доблестное передо мной» (*первая табличка Карнарвона*, 10—11); «Послал я войско... а (сам) я был сзади, Телец, не давая, чтобы враги оказались сзади меня» (*вторая стела Камосе*, 29).

⁵⁸ Ср. точку зрения Э. Блюменталь: «При XVIII династии фараоны впервые выступили как индивидумы. Каждое отдельное их достижение прославлялось, их отношения с богами понимались как свободное взаимное избрание» (*Blumenthal E. Königsideologie // LÄ. Bd III. Sp. 530*).

⁵⁹ Chevrier H. Rapport sur les travaux de Karnak (1927—1928) // ASAE. 1928. V. 28. P. 126. Fig. 5.

⁶⁰ Ebers G. Thaten und Zeit Tutmes III. nach einer Inschrift im Grabe des Amenem-heb zu Abd-el-Qurnah // ZÄS. 1873. Bd 11. S. 63—64; Stern L. Miscellanea // Ibid. 1875. Bd 13. S. 174.

⁶¹ В Самарии фараон охраняет пленных вместе с «послушными призыву», под которыми, как считает Е. С. Богословский, в данном случае подразумевается постоянное окружение царя, его телохранители (*Богословский Е. С. «Слуги» фараонов, богов и частных лиц. М., 1979. С. 88—89*).

⁶² Ср. *армантскую надпись Тхутмосе III* об охотничьей добыче царя: «Большее количество принесенного им, чем то, что было доставлено войскам всем» (6).

укрупняется, вытесняя из повествования войско, но в ней персонифицируются качества и ценности, свойственные военному сословию в целом ⁶³.

Говоря о египетской концепции царской власти, Я. Ассман подчеркивал, что сфера войны — внешняя демонстрация всемогущества царя — наряду со сферой строительства всегда являлась важнейшей областью царского действия ⁶⁴. Однако создается впечатление, что соотношение этих сфер деятельности в разные периоды менялось. По мнению Э. Блюменталь, в эпоху Среднего царства образ царя ориентировался на идеал человека, распространенный в среде чиновничества ⁶⁵. Представляется, что в середине XVIII династии, в правление Тхутмосе III — Тхутмосе IV на первый план временно выдвигается сфера внешней политики. Это проявляется не только в структуре образа царя, но и в том, что особо подчеркивается связь царя и войска — тема, получившая распространение со времени Камосе.

Как и в текстах начала династии, царь побеждает врага благодаря своим сверхчеловеческим свойствам: «Наносит вред ей (массе врагов. — Т. Д.) дыхание его (царя) в виде пламени... Это аспид его ниспроверг для него (царя) их, урей его отразил противников его, причем войско многочисленное Митанни повергнуто к концу часа, ушедшее вовсе подобно несуществовавшим, как бывает от огня» (*джебель-баркальская надпись Тхутмосе III*, 5—7); «Руки их и[з]немогли. О[в]ладел аспид его ими (т. е. противниками)» (*«Анналы» Тхутмосе III*, 88); «Они изнемог[л]и с того времени, как увидел их его величество одного за другим. И поверг его величество их предводителя (hntwj) сам боевым топором своим. Вот, все враги [бежали] из-за этого» (*карнакская надпись Аменхотпа II*, 6—7); «Его величество устремился за ними подобно тому, как взвизывает божественный сокол. Они пали сердцами своими, будучи в изнеможении, причем один за другим падал на соседа своего, вплоть до их предводителя (hntj)» (*жемфисская надпись Аменхотпа II*, 5—6); «[чужеземные страны...] повержены мгновенно змеей его так, как если бы действовало пламя» (*надпись Аменхотпа II в Амада*, 7—8); «[Ас]пид в качестве ведущего перед ним» (*надпись Тхутмосе IV в Коноссо*, 14).

Однако и сверхчеловеческие свойства царя и его отношения с богами показываются в этот период как бы в «историческом» (т. е. зависимом от конкретных условий) аспекте: царь совершает благодарственное жертвоприношение после победы ⁶⁶ («Анналы» Тхутмосе III, часть V, 4); боги посылают ему знамения (*джебель-баркальская надпись Тхутмосе III*, 33—37 — эпизод с падением звезды). Особенно большое значение проблема личных взаимоотношений царя и бога приобретает в правление Тхутмосе IV. Это видно, например, по *надписи в Коноссо*, в сюжете которой важную роль играют ритуальная чистота царя, жертвоприношение и обращение к божественному оракулу, знаки благоволения к царю богов южной области Египта, религиозное празднество в Эдфу.

⁶³ Интересно, что в надписях Камосе, наоборот, войску приписывались сверхчеловеческие качества фараона: «рык (?)» (hmhm.t) войска, который должен вызвать слабость врагов и бесплодие их женщин (*вторая стела*, 3); как и фараон, воины уподобляются «горячему дыханию огня» (*Табличка Карнафона*, 10—11).

⁶⁴ Assmann. Politik... S. 97—114.

⁶⁵ Blumenthal E. Darstellung und Selbstdarstellung des ägyptischen Königtums. Untersuchungen zur schriftlichen Überlieferung des Mittleren Reiches // EAZ. 1979. Jg. 20. Ht I. S. 83.

⁶⁶ О благодарственном жертвоприношении, в частности, о жертвоприношении после победы, как показателе «личного благочестия» см.: Altenmüller H. Opfer // LÄ. Bd IV. Sp. 582.

Подобный «историзм» как характерная особенность периода отражается в какой-то степени и в царской титулатуре: в юбилейных именах ⁶⁷ Тхутмосе III подчеркиваются его индивидуальные заслуги в установлении всеобъемлющей власти («Хор-Золото Разбивший владык нагорий, напавших на него... Обе владычицы Изображение живое Атома, которому случилось разбить владык нагорий северных» — в первом случае имеется, очевидно, в виду антиегипетская коалиция, против которой был предпринят первый сирийский поход, во втором — она же либо вся совокупность сирийских противников Тхутмосе). Ссылки на ужас перед фараоном (как в титулатуре Аменхотпа I) в это время более не встречаются, их заменяют такие формулировки, как «Обе владычицы Великий почитанием (его) во всех землях» (*Тхутмосе III*), «Обе владычицы Могучий величием, воцарившийся в Фивах» (*Аменхотп II*). По-прежнему в титулатурах наиболее частыми являются мотивы всеобъемлющего характера власти царя и его силы: *Тхутмосе III* «Хор-Золото Могучий силой, победоносный мечом, разбивший девять луков»; *Аменхотп II* «Хор-Золото Хватающий силой своей во всех землях»; окончания после картушей «(Сын Рэ)... владыка нагорий всяких», «владыка меча, сгибающий девять луков»; *Тхутмосе IV* «Обе владычицы Большой мечом, разбивший девять луков». Тхутмосе III первым принимает юбилейное имя «Хор-Золото Радующийся победе» (в «Анналах» термин «победоносный» становится постоянным эпитетом царя и войска, в *карнакской надписи Тхутмосе III* ⁶⁸, 17—19, сообщается, по видимому, — текст сильно разрушен — об изготовлении статуи «Госпожа победы»).

Правление Аменхотпа III — Эйе было периодом стабилизации и спада внешней активности Египта. Модель «анналов», разработанная при царях-завоевателях Тхутмосе III и Аменхотпе II, исчезает из египетской литературы. Однако в коротких надписях модели jw.tw утверждаются такие характерные для предшествующего периода черты, как интерес к фактическим событиям и изображению личных подвигов царя ⁶⁹ (фрагментарная надпись *Аменхотпа III между Асуаном и Филэ* ⁷⁰ с подробным описанием экспедиции), внимание к материальным итогам кампании (цифры добычи в надписи *Аменхотпа III в Семне* ⁷¹, 10—12, надписи *Аменхотпа III между Асуаном и Филэ*, 11, надписи *Аменхотпа IV в Бухене* ⁷²), отсутствие развернутых славословий (упомянутые памятники, а также

⁶⁷ О юбилейных и специальных именах царя (вариантах царской титулатуры) и их связи с культом царского «двойника» см.: *Bell L. Luxor temple and the cult of the royal ka* // JNES. 1985. V. 44. № 4. P. 287 f.

⁶⁸ См. прим. 33.

⁶⁹ В рассматриваемый период эти мотивы впервые проникают в египетское изобразительное искусство: военные сцены, в которых фараон принимает непосредственное участие, засвидетельствованы со времени Тхутмосе IV — *Shiva J. Some remarks concerning victorious ruler representations in Egyptian art* // Staatliche Museen. Berlin. Forschungen und Berichte. Bd 16. B., 1974. S. 110. О параллелизме в развитии литературных жанров и жанров изобразительного искусства см.: *Reade J. Neo-Assyrian monuments in their historical context* // ARI. P. 143—168.

⁷⁰ *Naville Ed. Bubastis (1887—1889). L., 1891. Pl. 34; Faulkner R. O. A possible royal visit to Punt* // Studi in memoria di Ippolito Rosellini nel primo centenario della morte (4 giugno 1843—4 giugno 1943). V. II. Pisa, 1955. P. 85—90.

⁷¹ *Hieroglyphic texts VIII. P. 21—22. Pl. 20.* См. также: *Müller I. Der Vizekönig Merimose* // Ägypten und Kusch. B., 1977. S. 325.

⁷² *Smith H. S. The fortress of Buhen. The inscriptions. L., 1976. Pl. LXXV.*

асуанская надпись Аменхотпа III⁷³, фрагментарные надписи Аменхотпа III на острове Саи⁷⁴ и Аменхотпа IV в Амада⁷⁵).

В то же время можно выделить другую группу надписей, рассчитанных на восприятие покоренных народов, где, напротив, описание реальных событий отсутствует и большое место занимают славословия царю (надпись Аменхотпа III в Коноссо⁷⁶, составленная в жанре надписей jw.tw; надпись Аменхотпа III в Махатте⁷⁷, представляющая собой чистое славословие царю, вложенное в уста Амуна).

Правители Египта вплоть до времени Амарны считают себя владыками империи, воинами-героями. Об этом (но также об эклектическом заимствовании идей предшествующих периодов) свидетельствуют их тронные и юбилейные титулатуры, часто дублирующие титулатуры фараонов первой половины династии: *Ахменхотп III «Хор Телец победоносный, могучий величием; Обе владычицы Большой по страху перед ним на нагорьях всяких; Хор-Золото Поправший нубийцев, схвативший землю их»; «Хор-Золото Большой мечом, разбивший азиатов»; окончания имен и эпитеты: «властитель победоносный, деятельный»; «радующийся победе» (дублирует юбилейное имя Тхутмосе III); подзаголовок ко второму картушу «владыка чужеземных стран всех»; Эхнейот — подзаголовки к первому картушу — «владыка меча над нагорьями всеми», «властитель девяти луков» (обе формулы встречаются только один раз в надписи близ Эсне, датируемой концом 4 — началом 6 года правления); Тутанхамун — подзаголовок к первому картушу — «владыка нагорья всякого»; Эйе (3 год) «Обе владычицы Могучий силой, отразивший азиатов».*

В сюжете военных надписей по-прежнему используется традиционный мотив устрашения врага: «Была сделана гряда трупов больш[ая из противников]» (надпись Аменхотпа III в Семне, 6); «Попраны князя его (Коша) все на равнинах их, причем они распростерты на крови своей один на другом» (асуанская надпись Аменхотпа III, 10—11); «Поправший север земли, разоривший (?) юг земли в (сезон) Сухости и (сезон) Выхождения. Не будут медлить чужеземные страны и нагорья все, находящиеся под сандалиями его. Каждый сравняется с друг[им] в (поставках) сосудов всяких превосходных, которые принадлежат им и прадедам их (букв.: «в руке их и прадедов их») со времени бога, ради того, чтобы было дано им дыхание жизни (надпись Аменхотпа III на архитраве из Луксора⁷⁸, 3); «Князя их (нубийцев) повержены резней его после того, как нарушили они границы его величества» (надпись на блоке Эхнейота из Карнака⁷⁹); «Дрожит перед тобой земля вся: Сирия, Кош, все страны» (надпись в гробнице Туту⁸⁰ — об Эхнейоте); «Лев, в[па]дающий в ярость, когда видит он врагов, [пере]

⁷³ Lepsius. Denkmäler. Bd III. 81 g. Textbd IV. S. 120; Rougé J. de. Inscriptions hiéroglyphiques copiées en Égypte. P., 1878. P. 254; Catalogue. T. I. P. 4.

⁷⁴ Urk. IV. S. 1959.

⁷⁵ Gauthier H. Quelques fragments trouvés à Amada // ASAE. 1909. V. 10. Fasc. 2. P. 122—123; см. также: Müller. Der Vizekönig ... S. 325 f.

⁷⁶ Lepsius. Denkmäler. Bd III 82a. Textbd IV. S. 127; Champollion. Monuments... T. I. P. 164—165; Catalogue. T. I. P. 67—68; Brugsch H. Thesaurus inscriptionum aegyptiacarum. Altaegyptische Inschriften. Abt. V. Lpz., 1891. S. 1218 f.

⁷⁷ Lepsius. Denkmäler. Bd III 81h. Textbd IV. S. 119; Catalogue. T. I. P. 5.

⁷⁸ Lepsius. Denkmäler. Bd III 73d. Textbd III. S. 87; Gayet A. Le temple de Louxor // Mem. Miss. 1894. V. 15. P. 3—5.

⁷⁹ Legrain. Temple de Karnak. P. 135. Fig. 87.

⁸⁰ Речь Туту при его назначении, западная стена, 5 — Sandman M. Texts from the time of Akhenaten. Bruxelles, 1938 (Bibliotheca aegyptiaca VIII). P. 81; Davies. RTA V. Pl. XIX.

шедших путь его (т. е. восставших против него. — Т. Д.)» (*надпись на груди гранитного льва Эйе*⁸¹, 1—3); «Царь бдительный, охраняющий Египет, страх перед которым согнул 'девять луков'» (*надпись на футляре для лука Тутанхамуна*⁸²)⁸³.

Подобным фразам все чаще противопоставляются мотивы милосердия царя к побежденным: «Мужей 300 000 связаны. Оставил он (в живых часть) из них по желанию своему, чтобы не прекращалось семя жалкого Коша»⁸⁴ (*надпись Аменхотпа III в Асуане*, 7—8); обращения чужеземных князей к фараону с просьбой о военной помощи: «Некоторые из чужеземцев, не знающие, как они будут жить, пришли... Страны их голодают. Живут они как дичь пустыни» (*мемфисская гробница Харемха*⁸⁵, 6—7, датируемая временем правления Тутанхамуна); благодетельности власти фараона для верных ему чужеземных подданных: «[Ликуют страны чужеземные] всякие, когда видят они красоту его (фараона), радуются они постоянно, когда слышат они [речь его]» (*фарасская надпись Тутанхамуна*⁸⁶, 14); добровольности приношений чужеземцев: «Дают они ему сами детей своих, чтобы дал он им дыхание жизни» (*надпись Аменхотпа III в Коносо*, 11—12), «[...] Страны все целиком объединены одним желанием — опустошать землю свою ежедневно [...] ради дыхания для носов их, даваемого твоим двойником» (*надпись Аменхотпа IV в Бухене*⁸⁷); «Одаривают они тебя сами деть[ми своими]» (*фарасская надпись Тутанхамуна*, 2).

Безусловная ненависть и презрение к чужеземцам, характерные для начала династии, стали преодолеваться уже в правление Тхутмосе III и Аменхотпа II, заменивших военные рейды и грабежи системой экономической, административно упорядоченной⁸⁸ эксплуатации колоний. Ко времени Аменхотпа III этот процесс уже настолько продвинулся, что царь

⁸¹ Hieroglyphic texts VIII. P. 14. Pl. 15.

⁸² Urk. IV. S. 2058.

⁸³ Совершаются иногда, как в предшествующий период, и «показательные» казни врагов (изображение азиатского пленника в клетке на носу судна Тутанхамуна: Chevrier H. Rapport sur les travaux de Karnak 1952—1953 // ASAE. 1955. V. 53. P. 11. Pl. VII. A—B; упоминание о нубийских пленных, посаженных на кол, на стеле Эх-нейота в Бухене, 12; Schulman A. The Nubian war of Akhenaton // L'Égyptologie. II. P. 302). О символическом значении казней главарей мятежников в правления Тхутмосе I, Аменхотпа II, Тутанхамуна и Эйе см.: Zebelius-Chen K. Zur Schmähung des toten Feindes // Welt des Orients. 1984. Bd 15. S. 83—88.

⁸⁴ Важность этой мысли особенно заметна при сопоставлении с надписью Тхутмосе I в Томбосе, в которой царь хвалится тем, что «нубиец стал бесплоден, погиб от хватки его» (6) или с угрозой Камосе гиксосам: «Не будут беременеть женщины Авариса!» (*вторая стела*, 2).

⁸⁵ Breasted J. H. King Harmhab and his Sakkara tomb // ZAS. 1900. Bd 38. S. 47—50. Taf. 1; Gardiner A. The Memphite tomb of the general Harmhab // JEA. 1953. V. 39. P. 3—12; Hari R. Horemheb et la reine Moutnedjemet. Geneve, 1964. P. 121—123. Pl. XIX. Fig. 38; Martin G. T. Excavations at the Memphite tomb of Horemheb, 1975 // JEA. 1976. V. 62. P. 5—13; idem. Excavations at the Memphite tomb of Horemheb, 1976 // Ibid. 1977. V. 63. P. 13—19; idem. Excavations at the Memphite tomb of Horemheb, 1977 // Ibid. 1978. V. 64. P. 5—9; idem. Excavations at the Memphite tomb of Horemheb, 1978 // Ibid. 1979. V. 65. P. 13—16; idem. The tomb of Horemheb: commander-in-chief of Tutankhamun // Archaeology. 1978. V. 31. № 4. P. 14—23.

⁸⁶ Griffith F. L. Oxford excavations in Nubia // Annals of archaeology and anthropology. V. VIII. Liverpool, 1921. № 3—4. P. 95—97. Pl. XXVIII (4).

⁸⁷ Smith. Buhen. Pl. LXXV, фрагмент Phil. E 16022A x + 3.

⁸⁸ Об организации административного управления в азиатских и нубийских владениях Египта см., например: Helck. Beziehungen... S. 256—267; Säve-Söderbergh. Ägypten ... S. 175—205; Frandsen P. J. Egyptian imperialism // PaP. P. 167—190; Weinstein J. M. The Egyptian empire in Palestine. P. 1—28; Hachmann R. Der Rabisu von Kumidi // Archeologie au Levant. Lyon, 1982. P. 133—145; Donadoni S. Sulla situazione giuridica della Nubia nell'impero egiziano // Ägypten und Kusch. B., 1977. S. 133—137; Ancient Egypt. A social history. Cambr., 1983. P. 205—209. 260—266.

называет себя в одном и том же тексте «солнцем девяти луков»⁸⁹ (т. е. чужеземцев) и «солнцем обоих берегов» (т. е. Египта) (*надпись Аменхотпа III в поминальном храме*⁹⁰, 16, 27). Царь — «возлюбленный богами Вават»⁹¹ (*надпись Аменхотпа III в Бухене*⁹², 1). Сохранилась статуя Аменхотпа III, изображающая его в азиатском одеянии⁹³. В *гимне Йоту*⁹⁴ Аменхотпа IV чужеземные страны включаются в сотворенный Йотом упорядоченный мир, бог заботится об их пропитании⁹⁵. В эпоху Амарны среди египетских солдат начинают изображать воинов, набранных в завоеванных провинциях: азиатов, нубийцев, ливийцев⁹⁶. В *карнакской надписи Харемха* князя Пунта⁹⁷ обращаются к Тутанхамуну: «Приветствие лику твоему, царь Египта, солнце девяти луков! (Как верно то, что) длится твой ка. (так верно то, что) не знали мы Египта, не ступали в него отцы [наши]. Даруй [нам] дыхание, которое ты постоянно даешь, (ибо) земли все под подошвами

⁸⁹ Эпитет «солнце девяти луков» («солнце всех стран») встречается со времени Тхутмосе III (*надпись Тхутмосе III в Серабит эль Хадим на Синае*, 8 — *Lepsius. Denkmäler. Bd III 29a; Weill R. Recueil des inscriptions égyptiennes du Sinai. P., 1904. P. 193—195; гробница Iḫnni* времени Тхутмосе IV — *Brack A., Brack A. Das Grab des Tjanuni. Theben, № 74. Mainz a. R., 1977. Taf. 28a. S. 39*). До Нового царства два раза употреблялся эпитет «солнце чужеземных стран» (VI и XVI династии, надписи, происходящие из Библи и Мегиддо). Значение эпитета и его связь с представлениями эпохи Амарны не ясны (см. *Lorton. The juridical terminology... P. 8—10; Hornung E. Zum altägyptischen Geschichtsbewußtsein // Archäologie und Geschichtsbewußtsein. S. 18*). Мне кажется, что по крайней мере в части контекстов имеется в виду благотворность власти фараона для чужеземных стран (ср. представление о солнце как о подателе жизненных благ, особенно ясно прослеживаемое в эпоху Амарны).

⁹⁰ *Lacau P. Stèles de la XVIIIe dynastie (Catalogue général du musée du Caire Nos 34065—34189). T. 2. Le Caire, 1957. Pl. XV—XVI.*

⁹¹ Значение топонима «Вават» менялось. В правление Тутанхамуна (а возможно, уже при Тхутмосе II) он обозначал область от Асуана до вторых порогов — *Säve-Söderbergh. Ägypten... S. 151, 182.*

⁹² *Randall-MacIver D., Woolley Ch. L. Buhen. Text. Philadelphia, 1911. P. 81. № 13.*

⁹³ *Hayes W. The scepter of Egypt. Pt II. Cambr. Mass., 1959. P. 237. Fig. 142.*

⁹⁴ *Davies. RTA. V. VI. P. 29—31. Pl. XXVII, XLI (гробница Эйе), особенно строки 8—10.*

⁹⁵ См., например, сткк. 9—10: «Что касается чужеземцев всяких далеких, ты делаешь, чтобы жили они. Ты устроил Нил на небе, который спускается для них и образует волны на горах, подобные (волнам) моря, чтобы увлажнять поля их в поселениях их». В менее четкой форме эта мысль была сформулирована уже в *гимне Амуну*, предположительно датированном временем Аменхотпа II: «Ты — Атом, сотворивший людей, разделивший их виды, податель жизни, сделавший различным цвет кожи одного человека и другого» — *Hassan S. Hymnes religieux du Moyen Empire. Le Caire, 1928. P. 158—159.* Ср. также *надпись первичных пограничных плит Амарны*: «Страны все, нагорья все, области северо-востока все с работами своими, с приношениями своими на спинах их для дающего им жизнь, [для] того, благодаря лучам которого живут, чье дыхание, воистину, вдыхают (т. е. для Йота)» (28) — *Стела K: Davies. RTA. V. V. Pl. 29(7); Sandman. Texts... P. 103—118(10); Lepsius. Denkmäler. Bd III 110b. Textbd. II. S. 129.*

⁹⁶ *Гробница Ахмосе — Davies. RTA. V. III. Pl. XXXI; гробница Мурэ — Ibid. V. I. Pl. XX; рельеф на блоке из карнакского храма — Chevrier H. Rapport sur les travaux de Karnak 1952—1953 // ASAE. 1955. V. 53. P. 11. Pl. I A, B. Fig. I; о датировке этого рельефа временем Эхнеота см.: Schulman. The Nubian war... P. 308—311; блок из IX пилона Карнака с изображением сирийских и нубийских воинов — Redford. Akhenaten. P. 29. Pl. 2, i. В последних двух случаях интересно, что образы иноземных воинов, находящихся на службе у фараона, были запечатлены на официальных памятниках. К эпохе Амарны относятся также погребальная стела, выполненная по заказу самого сирийского воина — Spiegelberg W., Erman A. Grabstein eines Söldners aus Tell Amarna // ZÄS. 1898. Bd 36. S. 126—129.*

⁹⁷ Страна, по-видимому, занимавшая часть Восточного Судана (до Красного моря) и северо-запад Эфиопии — *Posener G. L'or de Pount // Ägypten und Kusch. B., 1977. S. 342.*

твоими» (4)⁹⁸. Наконец, в *гробнице Хевы*⁹⁹, наместника Нубии в правление Тутанхамуна, прямо говорится о любви царя к его нубийским подданным, и слова эти вложены в уста самих князей Коша, приносящих дань: «О, лик твой, царь Египта, солнце девяти луков! Дай нам дыхание, постоянно даваемое тобой, жизнь в постоянной любви твоей!»¹⁰⁰.

Эпитеты Аменхотпа III продолжают тему единоличных подвигов царя: «радующийся победе» (*надпись в Коноссо*, 2 и 8), «открывающий путь в нее (чужеземную страну) с победой и силой впереди своего войска» (там же, 8—9), «начинающий битву (tsj ḥz)» (там же, 13), «могучий сердцем он в гневе, в убийстве, в отрезании рук» (*асуанская надпись*, 6—7), «Появился его величество на конной (колеснице), а его войско все позади [него]» (*скарабей, посвященный охоте на диких быков*¹⁰¹, 8). При Эхнейоте и его ближайших преемниках подобные выражения уже не употребляются, хотя, например, на *блоке из 10-го пилона Карнака*¹⁰² (первый год правления Эхнейота) сокологоловый бог говорит царю: «Даровал я тебе доблесть и победоносность (knt nḥt)», а на другом *блоке из Карнака*¹⁰³ солдаты обращаются к Эхнейоту со словами: «Ты подобен Монту».

Неизменной основой образа царя в период правления Аменхотпа III — Эйе остается представление о его сверхчеловеческих свойствах: «Велика мощь твоя по сравнению с напавшим на тебя» (*надпись Аменхотпа III в Семне*, 12), «рык (?) твой подобен дыханию огня за спиной стран чужеземных всяких» (*надпись Аменхотпа IV в Бухене*¹⁰⁴), «Вот, мощь твоя среди них разрушительна¹⁰⁵. Уничтожает рык (?) твой тела их подобно огню, пожирающему де[рево]» (*надпись в гробнице Туту*¹⁰⁶ — об Эхнейоте), «Представительность¹⁰⁷ твоя [проникла] в тела их» (*фарасская надпись Тутанхамуна*, 2). Однако, давая в надписи «Реставрационной стелы»¹⁰⁸ отрицательную оценку военной деятельности фараонов периода Амарны, Тутанхамун продолжает тему, намеченную в *коносской надписи Тхутмосе IV*: победоносность оказывается не имманентно присущей царю как одно из его сверхчеловеческих свойств, а отторжимой от него, зависимой от его отношений с богами: «Боги — вот, отвратились они от земли этой. Если посыла[ли войско] в Джахи¹⁰⁹ для расширения границ Египта — не случалось успеха их никакого. Если молили бога, чтобы узнать о [каких-то] вещах от него — не приходил он [вовсе]. Если вымаливали у богини какой-либо [по]добного — не приходила она [вовсе]» (8—9). В результате уделом египтян оказывается то самое «изнеможение», которое прежде в во-

⁹⁸ Wreszinski W. Atlas zur altaegyptischen Kulturgeschichte. Bd I—II. Lpz, 1923. Bd II. Lfg. 3. 1935. Bl. 60; Lettre de M. Bouriant à M. Max Müller sur le mur d'Horemheb à Karnak // Rec. Trav. 1895. V. 17. P. 43.

⁹⁹ Davies N. de G., Gardiner A. H. The tomb of Huy, viceroy of Nubia in the reign of Tut'ankhamun (№ 40). L., 1936.

¹⁰⁰ Ibid. P. 23—24. Pl. 27.

¹⁰¹ Drioton Et. Notes diverses // ASAE. 1947. V. 45. P. 86—89.

¹⁰² Redford. Akhenaten. P. 64. Pl. 4.5.

¹⁰³ Chevrier H. Rapport sur les travaux de Karnak 1952—1953 // ASAE. 1955. V. 53. Fasc. 1. P. 8. Fig. 1. Pl. I B.

¹⁰⁴ Smith. Buhen. Pl. LXXV. Фрагмент Phil. E 16022A x+2.

¹⁰⁵ «Сильна», если написание ошибочно вместо «nḥt-tj». Глагол šht «уничтожать» засвидетельствован для эллинистической эпохи (Wb. IV. S. 265, 4).

¹⁰⁶ Davies. RTA. V. VI. Pl. 19; Sandman. Texts... P. 81.

¹⁰⁷ «Представительность» — одно из сверхчеловеческих качеств фараона, вызывающих «изнеможение» противников.

¹⁰⁸ Lacau. Stèles... P. 224—230; Bennett J. The Restoration inscription of Tut'ankhamun // JEA. 1939. V. 25. P. 8—15.

¹⁰⁹ Общее обозначение сиро-палестинских владений Египта (Helck. Beziehungen ... S. 274. ff.).

енных надписях ассоциировалось только с врагами Египта: «Сердца их изнемогли сами собой (букв.: „на плоти их“), они погубили то, что было сделано» (9—10). Причиной недовольства богов в тот период Тутанхамун считает запустение храмов и прекращение жертвоприношений богам. Устранив эту причину, он косвенным образом претендует и на то, что может восстановить бывшее военное могущество Египта: «Воцарился он над побережьями Хора (Египтом. — Т. Д.), причем Египет и пустыня под надзором его, земля всякая в поклоне перед мощью его» (10—11)¹¹⁰.

Отказавшись от преувеличения роли военных качеств фараона, свойственного в особенности правлениям Тхутмосе III и Аменхотпа II, Тутанхамун возрождает интерес к организующему, «устроительному» аспекту царской власти. Для него наиболее значимым в собственной деятельности оказывается восстановление внутреннего порядка, и только на втором месте выступает военное могущество (имена: «Обе владычицы Благой предписаниями, умиротворивший обе земли; Хор-Золото Молодой воссиянием, умиротворивший богов»; подзаголовок к первому картушу: «владыка нагорья всякого»; эпитеты «Рестаурационной стелы: «сильный рукой подобно Хору» (29), «большой могуществом в победе» (28), «не будет подобного ему среди храбрецов земли всей целиком» (29), но также: «знающий, подобно Солнцу» (29), «проницательный, подобно Тховту» (29), «установивший правовые нормы» (29), «превосходный приказаниями» (29), «гораздый изречениями» (30), «умиротворивший землю» (30)).

Считая своей наибольшей заслугой окончательную ликвидацию последствий «смутной эпохи», Харемха, подобно Тутанхамуну, вообще не включает в титулатуру мотивы, характеризующие его внешнеполитическую деятельность («Хор Телец крепкий, острый замыслами; Обе владычицы Великий чудесами в Карнаке; Хор-Золото Радующийся правде, сотворивший обе земли»). Тем не менее славословия царю показывают, что имперская идеология продолжала развиваться в том направлении, которое обозначилось со времени Тхутмосе III и особенно Аменхотпа III. Во вступительной части *Декрета Харемха*¹¹¹ говорится о благотворности власти фараона для верных ему чужеземных подданных и одновременно о его могуществе: «[На юг плывут азиаты, на север плывут (жители) страны K]a-rai¹¹², чтобы видеть его, (потому что) пришел он, воистину, будучи представителем, наполнил он обе земли благостью своей» (7—8). Особенно интересен по форме и содержанию *памятник Харемха в скальном гроте*

¹¹⁰ Это рассуждение сближает «Рестаурационную стелу» Тутанхамуна с памятником начала XVIII династии, надписью в Сфеос Артемидос царицы Хашепсве, где также описывается ситуация кризиса внешней политики Египта (период гиксосского завоевания): «Я восстановила то, что было в упадке, я подняла то, что было разрушено прежде, с того времени, когда азиаты (гиксосы. — Т. Д.) находились в Аварисе Дельты, причем их племена опрокидывали то, что было сделано. Они правили без Рэ, и он (Рэ) не действовал посредством божественного приказа, вплоть до (воцарения) моего величества, когда я укрепила на тронах Рэ (имеются в виду троны Верхнего и Нижнего Египта. — Т. Д.). Было предсказано, что я в (течение) ряда лет буду завоёвательницей (букв.: «той, кто появляется — и хватает»)» (36—39).

¹¹¹ Helck W. Das Dekret des Königs Haremheb // ZÄS. 1955. Bd 80. Ht 2. S. 109—136. Taf. X—XI; van de Walle B. Le Décret d'Horemheb // CdE. 1947. V. 22. P. 230—238; Pflüger K. The edict of King Haremhab // JNES. 1946. V. V. № 4. P. 260—276. Pl. I—VI; Kruchten J.-M. Le Décret d'Horemheb. Bruxelles, 1981.

¹¹² Страна в Нубии, в этот период упоминается как южная граница Египта. По мнению Саве-Сёдеберга, находилась в районе IV нильского порога (Säve-Söderbergh. Ägypten... S. 156).

Джебель-Сильсиле ¹¹³ (Нубия). Это — памятник нового типа, состоящий из кадров-изображений и подписей к ним. Эпитеты царя подчеркивают любовь к нему богов Египта и Нубии (Хнума ¹¹⁴, владыки области первого порога, Сука ¹¹⁵, владыки Сильсиле, Аноке ¹¹⁶, владычицы Сехеля) ¹¹⁷ и его качества как военного предводителя: «Бог благой, вернувшийся после того, как восторжествовал он над князьями нагорья всякого, причем лук его в кулаке его как у владыки Фив (т. е. у бога войны Монту — *Т. Д.*)»; «Возвратился (букв.: „совершил возвращение“) его величество из земли Кош с добычей, взятой рукой его»; «царь победоносный, могучий силой, добывший князей жалкого Коша» (правая верхняя часть надписи ¹¹⁸). Мысль о бесполезности сопротивления царю на этот раз высказывается от имени самих нубийцев, увещающих своих детей: «О, [дети] (сохранился детерминатив — *Т. Д.*), высокомерные в сердцах своих, не знающие того, что было сказано вам: „Не заставляйте Льва (т. е. фараона) выйти и войти в Кош!“» (нижняя левая часть надписи ¹¹⁹). Исторические подробности в надписях отсутствуют, но впечатление конкретности сообщения достигается изобразительными средствами — например, портретом чиновника, записывающего «добычу человека всякого по имени его» ¹²⁰.

Подводя итог вышеизложенному, следует сказать, что концепция внешней политики Египта в том виде, как она отражается в рассмотренных текстах, оказывается и единообразной (основные ее элементы: притязания фараона на будто бы переданное ему богами при воцарении мировое господство, представления о необходимости «запугивания» врагов, о сверхчеловеческом могуществе фараона — прослеживаются на всем протяжении XVIII династии) и в то же время достаточно гибкой, способной меняться от царствования к царствованию (особенно серьезные изменения произошли, как мы видели, в период складывания империи как экономического организма — в правление Тхутмосе III и Аменхотпа II), приспосабливаясь в выборе тем и средств выразительности к предполагаемой аудитории. Эта концепция на каждом отдельном этапе включает в себя элементы уже отжившие, застывшие в стандартных формулах, противоречащих смыслу повествовательных кусков текста; элементы, продолжающие активно функционировать (входящие в состав царской титулатуры, дающие накопление новых однотипных эпитетов, прослеживаемые в «сюжетных» частях текста) и новые, только возникающие мотивы, которые получают более широкое развитие в позднейшей традиции.

В заключение несколько слов о проблеме «историзма» египетских над-

¹¹³ *Hari R. Horemheb et la reine Moutnedjemet. Genève, 1964. P. 359—368. Pl. L, LII, LIII.*

¹¹⁴ Ссылки на литературу о культе этого бога см. в статье: *Otto E. Chnum // LÄ. Bd I. Sp. 950—954.*

¹¹⁵ Сук — имя различных богов, выступавших в облике крокодила. О культе Сука в Сильсиле в период Нового царства см.: *Brovarski E. Sobek // Ibid. Bd V. Sp. 1003.*

¹¹⁶ Аноке — богиня области первого нильского порога, особенно почитавшаяся на острове Элефантина, но также в Нижней Нубии (до Абу Симбела) и в южной части Верхнего Египта (Эсне). См.: *Valbelle D. Satis et Anoukis.*

¹¹⁷ *Lepsius. Denkmäler. Bd III. S. 119 f. Textbd IV. S. 84.*

¹¹⁸ *Urk. IV. S. 2139.*

¹¹⁹ *Wreszinski. Atlas... Bd II. Lfg 9—10. 1928. Bl. 161; Hari. Horemheb. P. 363.* Перевод В. Врешински: «[Страх перед тобой] велик в сердцах их, они не знали землю Египта. Вы должны сказать (?): Не выходи, Лев, не вступай в Кош!». Перевод Р. Ари: «[Страх перед тобой] велик в их сердцах, они не знают того, что ты сказал: Не выходи, ибо Лев вошел в Землю Коша».

¹²⁰ *Urk. IV. S. 2139.*

писей. «Историзм», по мнению Я. Ассмана¹²¹, был характерен только для эпохи Рамессидов, когда новые идеи выражались уже не в сфере политической риторики, как в эпоху Среднего царства, а в сфере изобразительной (рельефы со сценами Кадешского сражения)¹²². Представляется, что рассмотренный материал противоречит этой точке зрения. Постепенное зарождение «историзма» можно проследить со времени Камосе, его достаточно полное развитие — со времени правления Тхутмосе III. Рельефы Рамессе II (и предшествующие им изображения времени Тхутмосе IV и особенно Тутанхамуна и Харемха) — свидетельство уже давнего бытования подобных представлений в речевой сфере.

Новое царство, как впервые показал Г. Фехт¹²³, а затем Я. Ассман¹²⁴, было эпохой складывания «сферы личного благочестия». Этот процесс начался при XVIII династии (первое упоминание непосредственного вмешательства бога в дела земных правителей относится ко времени Хашепсове) и завершился в эпоху Рамессидов. «Историзм» и «личное благочестие» развивались параллельно, и связь между этими явлениями, возможно, следует искать в изменении представлений о человеческой личности, в первую очередь представлений о личности царя¹²⁵.

Т. А. Дейнека

THE IDEOLOGICAL FOUNDATIONS OF EGYPT'S FOREIGN POLICY IN THE PERIOD BETWEEN XVI AND XIV CENTURIES B. C.

Т. А. Deineka

The Ancient Egyptian conception of foreign policy is examined from the royal titulary, official inscriptions, and the «autobiographies» of military leaders. The main elements of this conception — the Pharaoh's claim to world domination bestowed on him by the gods during his reign and the ideas of the necessity of «intimidation» of enemies of the king's superhuman power — are traceable throughout the eighteenth dynasty. At the same time changes took place in it, the most important (the rejection of unconditional hatred of foreigners, recognition of conquered peoples who remained faithful to the king as full subjects who were under his protection, and promotion of the features of the military leader in the image of the Pharaoh) coincided in time with formation of the Egyptian empire as an economic, administratively governed system of exploitation of colonies in the reigns of Thutmose III and Thutmose IV. The modes of substantiating foreign policy changed not only in connection with the change in the political situation, but also depending on whether the text was meant to be taken in by Egyptians or by the conquered peoples.

¹²¹ Assmann. Politik ... S. 97—114.

¹²² Другая точка зрения у Ю. фон Бекерата, который считает, что историческое сознание возникает с началом Нового царства и выражается в определенном интересе к достижениям царей-предшественников (*Beckerath J. von. Geschichtschreibung // LÄ. Bd II. Sp. 567*). В. Хелк также относит возникновение историзма к началу Нового царства, но характеризует это явление как интерес к индивидуальному. (*Helck W. Biographie // LÄ. Bd I. Sp. 815—821*).

¹²³ Fecht G. Literarische Zeugnisse zur «persönlichen Frömmigkeit» in Ägypten. Heidelberg, 1965. Bes. S. 10 1..

¹²⁴ Assmann J. Ägypten: Theologie und Frömmigkeit einer früher Hochkultur. Stuttgart — Berlin — Köln — Mainz, 1984. S. 221—277.

¹²⁵ Об изменении представлений о человеческой личности с началом XVIII династии см.: *Helck W. Menschenbild // LÄ. Bd IV. Sp. 59—60; idem. Individuum // Ibid. Bd III. Sp. 153—154*. Я. Ассман говорит об изменениях, происшедших в начале XVIII династии (большой интерес к индивидуальности царя), и о решающих изменениях, связанных с наступлением «эпохи личного благочестия» в правление Рамессидов (*Personlichkeitsbegriff und -bewußtsein // Ibid. Bd. IV. Sp. 972—973*).

АПОЛЛОН ДИДИМ И ОЛЬВИЯ

Письменные свидетельства из округа греческого города Ольвии, расположенного близ устья Буга и Днепра, где уже давно русскими археологами проводятся раскопки, снова стали привлекать к себе внимание¹. Среди них выделяются граффити на костяных пластинках. Их практическое назначение не выяснено, однако свидетельства об «орфиках» в V в. до н. э. прямо-таки открыли новую эру². Необычно длинный и весьма своеобразный текст на подобной костяной табличке, имеющий отношение к Аполлону Дидимскому, был опубликован А. С. Русяевой в 1986 г.³

Пластинка происходит с острова Березань. Более точных обстоятельств находки установить нельзя, поскольку руководитель раскопок В. В. Лапин, в архиве которого находился предмет, уже скончался. Палеографический анализ приводит к датировке таблички второй половиной, точнее третьей четвертью VI в. до н. э.⁴ Первоначально написанный текст ясен:

ΑΠΟΛΛΩΝΙ
ΔΙΔΥΜ
ΜΙΛΗΣΙΩΙ

Эта надпись выполнена крупными буквами, ΔΙΔΥΜ — даже двойными линиями. В левом верхнем углу стоит: ΕΕΠΤΑ. Возможно, это начало основного текста, писавший допустил ошибку и начал снова в противоположном углу. Далее внизу следует еще:

ΜΗΤΡΟΛ ΟΛΒΟΦΟΡΟΣ
ΝΙΚΗΦΟΡΟΣ ΒΟΡΕΩ
ΔΙΔΥΜ.

Основной текст, во всяком случае, написан в перевернутом положении, однако он координирован с идущими ему навстречу строками, т. е. — вопреки мнению Русяевой — он нанесен во вторую очередь. Текст гласит:

ΕΠΤΑ ΛΥΚΟΣ ΑΣΘΕΝΗΣ ΕΒΔΟ
ΜΗΚΟΝΤΑ ΛΕΩΝ ΔΕΙΝΟΣ ΕΠΤ
ΚΟΣΙΟΙ ΤΟΞΟΦΟΡΟΣ ΦΙΛΙΣ ΔΟΡΕ
Η ΔΥΝΑΜ ΙΗΘΝΟΣ ΕΠΤΑΚΙΧΙ
ΛΙ ΔΕΛΦΙΣ ΦΡΟΝΙΜΟΣ ΕΙΡΗ
ΝΗ ΟΛΒΙΗ ΠΟΛΙ ΜΑΚΑΡΙΖΩ ΕΚΕΙ
ΜΕΜΝΗΜΑΙ ΑΝ
ΤΟ

¹ Уникальные деловые письма на свинцовых пластинках VI в.: SEG. XXVI. 845; Vinogradov J. Olbia. Konstanz, 1981. S. 19.

² Русяева А. С. Орфизм и культ Диониса в Ольвии // ВДИ. 1978. № 1. С. 87—104; Tinnefeld J. // ZPE. 1980. 38. S. 67—71; West M. L. The Orphic Poems. Oxf., 1983. P. 17—19; Vinogradov J. // Orphisme et Orphée. Genève, 1989.

³ Русяева А. С. Милет—Дидимы—Борисфен—Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1986. № 2. С. 25—63.

⁴ Там же. С. 28. М. Джеймсон (устно) и Н. Эрхардт (см. ниже прим. 13) считают возможной датировку первой половиной V в.

На оборотной стороне стоит:

ΕΒΔΝ ΒΟΥ ΔΙΔ ΑΑΑ
ΑΑ ΑΑΑΑ ΑΑΑ
ΝΙΚΗΦΟΡΟΣ ΒΟΡΕΩ

Связь с Аполлоном Дидимским, с одной стороны, и с городом⁷ Ольвией, с другой — неоднозначна. Ольвия была колонией Милета, и хорошо известно, насколько тесными и важными были в VI в. отношения между Милетом и Дидимами.

В граффито благодаря числовому ряду 7—70—700—7000 вычленяется компактный блок, за которым следует провозглашение мира и прославление благоденствия. Первоиздатель распознала в надписи оракулярный текст, относящийся к Ольвии. Прорицание VI в. из Дидим — это сенсация, если учесть, что мы почти не имеем аутентичных оракулов архаического времени⁵. Но что означает сам текст? Имеет смысл еще раз воспроизвести надпись в ее более четком построении:

Ἑπτὰ — λύκος ἀσθενής

Ἑβδομήκοντα — λέων θεινός

Ἑπτ(α)κόσιοι — τοξοφόρος, φίλι(ο)ς ὄωρετ(ι)⁶, δυνάμι(ι) ἰη-τρος⁷

Ἑπτακισ(σ)χίλι(οι) — δελφίς φρόνιμος.

Εἰρήνη Ὀλβίη(ι) πόλι.

Μακαρίζω ἐκεί(νην).

Μέμνημαι Λητο(ῖ).

Стк. 3 содержит гекзаметр, который не делает много чести Аполлону⁸. Гекзаметрическая форма подтверждает тем не менее, что речь идет о тексте прорицания. Стилистическое несовершенство гекзаметра оракула можно рассматривать как раз в качестве указания на аутентичность: текст в таком виде возник из (пророческой?) импровизации, переработка отсутствует⁹.

Что же означает последовательность «волк—лев—лучник—дельфин» с умножающимся числом семь? Уже первоиздатель заметила, что ряд этих образов можно убедительно связать с развитием колонии Ольвия: сначала «слабый волк», т. е. первые трудные шаги колонии в чужой стране; затем «вызывающий ужас лев», т. е. определенное положение среди враждебных соседей достигнуто, хотя мир и не воцарился. А. С. Русаева распознала также и подробно аргументировала связь Аполлона с волком, особенно в культе Аполлона Ликейя, равно как и связь Аполлона со львом

⁵ Тексты оракулов из Дидим были собраны Дж. Фонтенроузом: *Fontenrose J. The Delphic Oracle*. Berkeley, 1978. P. 417—429; ср. *Bull.ép.* 1983. 348. См. теперь: *Fontenrose J. Didyma, Apollo's Oracle, Cult and Companions*. Berkeley, 1988. Catalogue of Didymaeon Responses. P. 177—244 (среди оракулов три очень фрагментарные архаические надписи № 1—3). «Большую ретру» из Спарты можно с полным правом считать дельфийским оракулом (около 700 г. до н. э.).

⁶ Русаева транскрибирует Ω, фото и прорисовка показывают О.

⁷ Русаева транскрибирует ΙΗΤΗΡΟΣ, фото и прорисовка не позволяет распознать Ρ.

⁸ ὄωρετ(ι) — двусложно, δυνάμι — элидировано.

⁹ Ср. *Rossi L. R. Gli oracoli come documento d'improvvisazione // Brillante C., Cantilena M., Pavese C. O. I Poemi Rapsodici non Omerici e la tradizione orale*. Padua, 1981. P. 203—227.

(Милет... С. 34, 36). Дальнейшее касается, с одной стороны, Аполлона Врача, а с другой — Аполлона Дельфиния.

Именно об этом А. С. Русяева представила подробное, продуманное исследование. Она предполагает, что числа относятся к растущему населению города Ольвии: вначале выселилось, возможно, 7 семей (Милет... С. 34 сл.; «7000» обозначает крупное добавочное переселение в Ольвию около 525 г. до н. э. (с. 50); эти демографические изменения связаны якобы с заменой более раннего культа Аполлона Врача Аполлоном Дельфинием. Так называемый «второй теменос» Ольвии с алтарем и храмом был посвящен Аполлону Врачу как собственно главному богу (с. 42—47); теменос приходит в упадок в V в. до н. э. Она находит свидетельства этого перехода на монетах Ольвии: около 500 г. до н. э. монеты-дельфины приходят на смену более ранним монетам-стрелкам. Оракулярный текст из Дидим как раз и легализировал эту замену культа Врача на Дельфиния и одновременно пытался водворить «мир» в условиях возникшей социальной напряженности.

Как ни интересно это толкование, оно оставляет ряд вопросов открытым. Как и культ Аполлона Врача в Понтийском регионе ¹⁰, хорошо известен и культ Аполлона Дельфиния в Милете и Ольвии ¹¹. Однако менее очевидно, что оба культа противостояли друг другу и один сменил другой: скорее, кажется, оба слились воедино (SEG. XXX. 977). Во всяком случае, культ Аполлона Врача продолжал существовать дальше (ср. статью Колдера, указанную в прим. 10). Для неспециалиста судить о деталях раскопок Ольвии так же трудно, как и оценить состояние исследований монетной чеканки Борисфена-Ольвии. Однако в любом случае следует заметить, что схема 7—70—700—7000 толкуется только в ее крайних числовых значениях и только при помощи произвольных гипотез. Возрастание же числового ряда имеет очевидный априорный характер ¹², так что перенесение цифр на реальную численность населения неправомерно. Поэтому-то сразу вслед за этим Н. Эрхардт отклонил толкование Русяевой как «фантастическое» и предложил понимать текст не как официальный оракул, а как творение какой-то секты, аналогичной орфикам ¹³.

На излагаемое здесь предложение иной интерпретации натолкнула одна доксграфическая заметка у так называемого Аэтия, к сожалению, без точной привязки: «другие» считают, что «великий год» продолжался 7777 лет (Aet. 2.35.5 = Plut. P. 364 Dox.). Семерка же — это число Аполлона, Гебдомагета. Поэтому было бы неудивительным встретить в оракуле Аполлона такое число как математическую матрицу для пророчеств.

Если рассмотреть оракул в этом аспекте, то он свидетельствует о годах, которые предопределены в большом цикле городу Ольвии, а это дает хороший смысл: 7 лет — «слабый волк», выпущенный как волк (*λύκαλιος* — *Alkaïos* 130 b 10? текст и интерпретация спорны).

В течение 70-ти лет — «ужасный лев».

¹⁰ Русяева, Милет... С. 39—42 (приводятся другие свидетельства, особенно графити). См. также: Calder W. M. // AJA. 1971. 75. P. 325 ff.; SEG. XXX 880.

¹¹ Ср. SEG XXVII. 439—443; Graf F. // Mus. Helv. 1979. 36. S. 2—22. Согласно Страбону (IV.1.4), культ Дельфиния был «общим для всех поняя».

¹² Числовые ряды подобного рода появляются как раз в религиозно-мантических текстах: 666 в Откровении Иоанна (13.18), 9 + 90 + 900 + 9000 + 90000 демонов болезней в Видевдате Авесты (22.2.6.)

¹³ Ehrhardt N. // Acta Centri Historiae Terra Antiqua Balcanica. II. Trinovi, 1987. S. 116 f. Указанием на эту работу я обязан Ю. Виноградову.

Для следующих 700 лет стоит «лучник», «дружественный благодаря своему дарению», обладающий «властью врачевателя», иными словами, Аполлон Иатрос. Находясь в этой фазе, Ольвия переживает, очевидно, тот момент, когда писалось граффито, — именно тогда в Дидимах был изречен оракул. Это означает, что Дидимский оракул признает культ Аполлона Врача. Во всяком случае, по данным археологии на основании развития «теменоса Б» можно установить, был ли этот культ введен как верховный культ города или же санкционирован как уже имевшийся.

Эпоха «разумного дельфина» обращена при этом в далекое будущее, что, однако, никоим образом не запрещает уже сейчас почитать Аполлона Дельфиния. Абсолютно неясно, сочетался ли вообще культ Аполлона Дельфиния искони с дельфином, но в VI в. эта ассоциативная связь широко засвидетельствована и прежде всего в Дельфах. Дельфин доставил в Дельфы жрецов¹⁴; кассеты целлы храма, воздвигнутого в Дельфах Алкмеонидами (синхронно времени написания граффито), несут изображение дельфина¹⁵.

В соответствии с этим не удивляет, что Ольвия должна прославляться как счастливая. После лет волка и льва окончательно и бесповоротно открывается перспектива мира. Однако предварительно следует принести благодарность «лучнику» за защиту в любой форме.

На решающую параллель к такому толкованию обратил мое внимание Фриц Граф: в I книге «Энеиды» сам Юпитер намечает будущую историю Рима (Verg. Aen. I. 261—282). Ее контуры выглядят следующим образом: три года подряд должен будет сражаться Эней (v. 265); в течение 30-ти лет будет царствовать его сын Асканий (v. 269); на протяжении 300 лет будут править цари Альба Лонги (v. 272); но затем произойдет основание Рима, и Рим дарован как *imperium sine fine* (v. 279). Сервий (comm. ad 272) удивляется «300-м годам», которые не согласуются с прочей традицией. Однако очевидна априорная числовая последовательность: 3—30—300 — бесконечное. После того как неожиданно появилась параллель из Ольвии, можно думать, что Вергилий скорее всего был вдохновлен сивиллиной традицией¹⁶; но и малоазийско-этрускское предание само по себе исключать не приходится.

Наш удивительный текст окажется еще более значительным, если мы рискуем раздвинуть рамки интерпретации.

Первое. Четыре следующих один за другим хронологических периода с пропорционально возрастающими членами (подобие индийской абстрактной теории юги о последовательно деградирующих эпохах), выраженные четырьмя сменяющими друг друга образами, находят, очевидно, ближайшую параллель в Пророчестве Даниила (гл. 7), которому в сновидении являются четыре зверя — лев, медведь, пантера и чудовище, поочередно восстающие из воды. То же самое выражено, как известно, в гл. 2 Книги Даниила в образе иного рода — статуи из золота, серебра, меди и железа. Учение Даниила о четырех эпохах находит своеобразную параллель в «прорицаниях Бакида» у Аристофана во «Всадниках» (128—143),

¹⁴ Hymn. Apoll. 388 sqq. — свидетельство не позднее времени написания граффито; ср. Burkert W. // *Arktouros. Hellenic Studies presented to B. M. W. Knox*. B., 1979. S. 53—62.

¹⁵ Franke P. R., Hirmer M. *Die griechische Münze*. München², 1972. Taf. 146. № 461 (дельфийская монета, датирующаяся около 479 г., которая должна относиться к алкмеонидовскому храму в Дельфах).

¹⁶ Ср. Diehls H. *Sibyllinische Blätter*. B., 1890. S. 40 f. (о числе «три» в Сивиллиных книгах); S. 42. Anm. 1 (пример о соблюдении траура в 3, 30 и 300 дней).

как это распознал И. Тренчени-Вальдапфель¹⁷. Уже было высказано предположение, что все это вместе со знаменитой параллелью у Гесиода скорее всего восходит к какому-то арамейскому Sibyllinum IX—VIII вв.¹⁸ Теперь оракулярный текст из Дидим предоставляет более древнюю и более близкую параллель: он уводит в VI в. и показывает раздвижение рамок до абстрактных глобальных эпох. Не много позже Гераклит (В 92) напишет, что Сивилла своим голосом добирается до 1000 лет (нельзя ли понимать тысячекратно?).

Второе. Если всерьез отнестись к сохранившемуся тексту как к оракулу, то можно попытаться проследить его запись как раз *in statu nascendi*. В Дидимах, по крайней мере в более позднее время, пророчествовала одаренная медиумными способностями женщина, устами которой вещал бог; при сем присутствовали другие лица, чтобы записывать ее слова, подобно переданной Геродотом (VIII.135) сцене в прорицалище Птоона. То, что *de facto* предлагает наш текст, это фиксация образов, выстроенных по заданной вперед числовой схеме, сначала без толкования: волк, слаб; лев, ужасен; затем один раз гекзаметр, относящийся к явлению самого бога. Наконец — дельфин, причем посредством определения «разумный» в ход конечно же пущена характеристика не ментальных свойств. Затем пожелания мира и благоденствия, которые, очевидно, изрекает сам бог.

Оракул Дидим был сосредоточен вокруг священного источника; колоссальное эллинистическое мраморное сооружение фактически не что иное, как обрамление именно этого источника. По одному позднему свидетельству (*Iambl. myst.* 3. 11), медиум — женщина пила из этого родника. Однако можно сослаться и на другую функцию источника в прорицалище: в Кианейском оракуле в Ликий, но также и в Дафне близ Антиохии¹⁹, когда медиум созерцал мерцающую водную поверхность, ему являлись видения: «Вода у Кианей дает возможность каждому, кто глядит в источник, увидеть то, что он пожелает»²⁰. Сконцентрированный взгляд на поблескивающий предмет — это, действительно, один из известных способов вызвать галлюцинации. Именно в этом смысле оракул из Дидим мог быть аутентичным. Медиум, *ῥαῖζων*, склонясь над водой, говорил так: «волк... лев...»; случайно лишь вырвался гекзаметр. Это, впрочем, могло бы пролить также особый свет на то своеобразное обстоятельство, что и у Даниила звери восстанут из воды, названной там, правда, «великим морем» (гл. 7, 2).

Загадочной выглядит последняя строка: *Μέμνημαι Ἀητοῖ* — «я вспоминаю (о тебе) перед Лето»²¹?. По всей видимости, здесь вещает сам Аполлон от своего лица («бог Дидим использует голос своей пророчицы» — *Orig. Cels.* I.70) и намекает тем самым на роль культа Латоны, который хорошо засвидетельствован в Дидимах²². Пожелание того, чтобы богу

¹⁷ *Trenscényi-Waldapfel I. Untersuchungen zur Religionsgeschichte.* Amsterdam, 1966. S. 232—250.

¹⁸ *Burkert W. // Apocalypticism in the Ancient World.* Tübingen², 1989. S. 244—251.

¹⁹ *Nonnos. Schol. in Greg. Naz., or. 39. № 14; Brock S. The Syriac Version of the Pseudo-Nonnos Mythological Scholia.* Cambr., 1971. P. 168 (иначе: *Schol. in or. 5.16. P. 140 = PG 36.1045 BG*). Оракул Дафны был основан Селевком по образу Дидим.

²⁰ *Paus.* VII.21.13.

²¹ Перевод Русяевой (Милет ... С. 50) — «сам я благословен» — невозможен. Она идентифицирует Лето с *ῥητρός*, стоящим в перевернутом тексте (с. 59).

²² *Fontenrose. Didyma...* P. 134 f.; иное мнение у Русяевой (Милет ... С. 58). Заслуживает все же упоминания предположение Э. Круммена (устное) о том, что здесь следует читать *ΜΕΜΝΗΜΑΙ (ΜΙ)ΛΗΤΟΥ*, т. е. *μὲμνημαι Μιλήτου*.

«напомнили» о каком-либо человеке, позже часто появляется в малоазийских и сирийских надписях, по большей части в форме $\mu\eta\tau\theta\eta\iota$. Свидетельства находятся и в Ликии, однако самое раннее — в Нимфее на Черном море; за этим кроется семитский обычай (основа zkr , арамейская dkr) ²³. Следует ли, таким образом, видеть и здесь происходящую из Дидим запись архаического древневосточно-греческого койнэ?

Действительно, Εἰρήνη Ὀλβίη πόλι — это пожелание мира — в именительном падеже, сочетаемом с дательным, — где можно кроме этого встретить подобную конструкцию в архаическом греческом языке? Широко известно семитское приветствие *shalom* — «да пребудет мир с вами», хорошо засвидетельствованное уже в аккадском и угаритском.

Таким образом, намечается перспектива «международной» оракульной техники, оракульной символики, абстрактно-оракульного мышления, исходящих из семито-арамейского региона и через ликийцев, которые по меньшей мере в языковом отношении умещаются в позднехеттско-лувийскую традицию, дошедших до греков Ионии. Очевидно, здесь можно дать волю и скепсису. Во всяком случае, такой текст делает особенно очевидным, сколь мало аутентичного знаем мы о религиозной и духовной жизни греков, соседивших в архаическую пору с восточными цивилизациями. Результаты проведенного исследования едва ли, однако, можно согласовать с достопримечательной традицией о «предательстве» в угоду персам Бранхидов — жрецов Дидим, об «измене», за которую их собирался покарать еще Александр Великий ²⁴.

Вальтер Буркерт *

²³ Самое раннее свидетельство — надпись из Зинчирли (KAI 214). В целом см.: Schottroff W. «Gedenken» im Alten Orient und im Alten Testament. Neunkirchen-Vluyn, 1964; Rehm A. // *Philologus*. 1940. 94. S. 1—30; Bean G. E. // *Anz.* Wien. 1962. 99. S. 6 f. (Ликия); Graß N. // *Skythika. Abh. Bayer. Akad. d. Wiss.* 1987.98. Taf. 32: $\mu\eta\tau\theta\eta\iota\sigma\alpha\nu\tau\epsilon\varsigma$ (Нимфей). Этими указаниями я обязан П. Фраю и Ю. Виноградову.

²⁴ Curt. VII.5.28; Parke H. W. The Massacre of the Branchidae // *JHS*. 1985. 105. P. 59—68.

* Профессор греческой филологии Университета Дюриха.

APOLLO OF DIDYMA AND OLBIA

Walter Burkert

The graffito on a bone-plate from Berezan published by A. S. Rusajeva VDI, 1986, № 1. S. 25—64 (6-th Century B. C.) is reinterpreted as an oracular text of Didyma referring to Olbia. The four Apolline emblems «wolf», «lion», «bow-bearer», «dolphin» together with a rising series of Sevens, are taken to represent a speculative chronological sequence, a «great year» of $7 + 70 + 700 + 7000$. A structural parallel is provided by a prophecy in Virgil, whereas the contents recall the four animals in the vision of Daniel. Together with some peculiar expressions this points to an Aramaean-Greek *koine* of oracular practice in the archaic period.

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

© 1990 г.

СЕЛЬСКИЙ ХРАМ ТОГОЛОК-1 В МАРГИАНЕ

Тоголокская группа памятников, расположенная в южной части древней страны Маргуш, относится к концу II тыс. до н.э., т. е. фиксирует один из последних этапов в истории ее существования. Раскопки на Тоголоке-21 выявили монументальный храм, своего рода «кафедральный собор», рассчитанный на нужды всех обитателей этого района, если не для всех жителей страны Маргуш¹. В пункте Тоголок-1 располагалось довольно крупное поселение, к юго-востоку от которого имеется небольшое возвышение, где еще в 1974 г. почти на поверхности был обнаружен культовый сосуд². В косвенной форме это могло указывать на наличие здесь культового сооружения.

Проведенные в 1987—1988 годах раскопки (рис. 1) полностью подтвердили такое предположение. Оказалось, что здесь на невысоком (до 0,5 м) естественном возвышении было сооружено здание явно культового назначения, в существовании которого можно проследить три периода. В первый и основной была возведена кирпичная ограда, заключавшая внутри себя сакральную часть всего комплекса в виде крепости. Во второй период сооружение начинает постепенно приходить в упадок; внутри ограды на незастроенной площади (но не в крепости) возводятся жилища рядовых общинников. В третий и заключительный период весь этот комплекс забрасывается, и на его руинах устраивается небольшой некрополь, в котором хоронят умерших с близлежащих поселений. Естественно думать, что внутри этих трех основных периодов существовали этапы, которые, однако, выявляются не столь четко и определенно (рис. 2).

При строительстве использовался стандартный сырцовый кирпич размером 44 (42) × 24 (22) × 14 (12) см на глиняном растворе. Сохранность стен помещений плохая, и местами поля помещений выходят на дневную поверхность памятника. Только плохой сохранностью стен следует объяснить то обстоятельство, что в ряде случаев в помещениях не были выявлены проходы.

Итак, центральную часть всего этого комплекса составляет почти квадратная крепость с обводными стенами, к которой с трех сторон для укрепления были пристроены контрфорсные стены. Если обводные стены крепости стоят на материке, то под контрфорсными обнаружены тонкие (да к тому же лишь местами) мусорные наслоения — это свидетельствует о том, что контрфорсные стены были пристроены уже вскоре после основных. При возведении крепости строители усилили ее лишь двумя круглыми башнями по северному фасу, который был открыт наружу, выступая за обводную стену-ограду всего комплекса. Южный фас, скрытый за обводной стеной, не требовал башен; лишь на самом последнем этапе существования крепости, когда разрушилась внешняя ограда, на образовавшихся к тому времени культурных наслоениях была устроена юго-западная башня, сохранившаяся лишь частично.

¹ Сарияниди В. И. Протозорострийский храм в Маргиане и проблема зороастризма в Средней Азии // ВДИ. 1989. № 1.

² Он же. Культовый сосуд из Маргианы // СА. 1980. № 2.

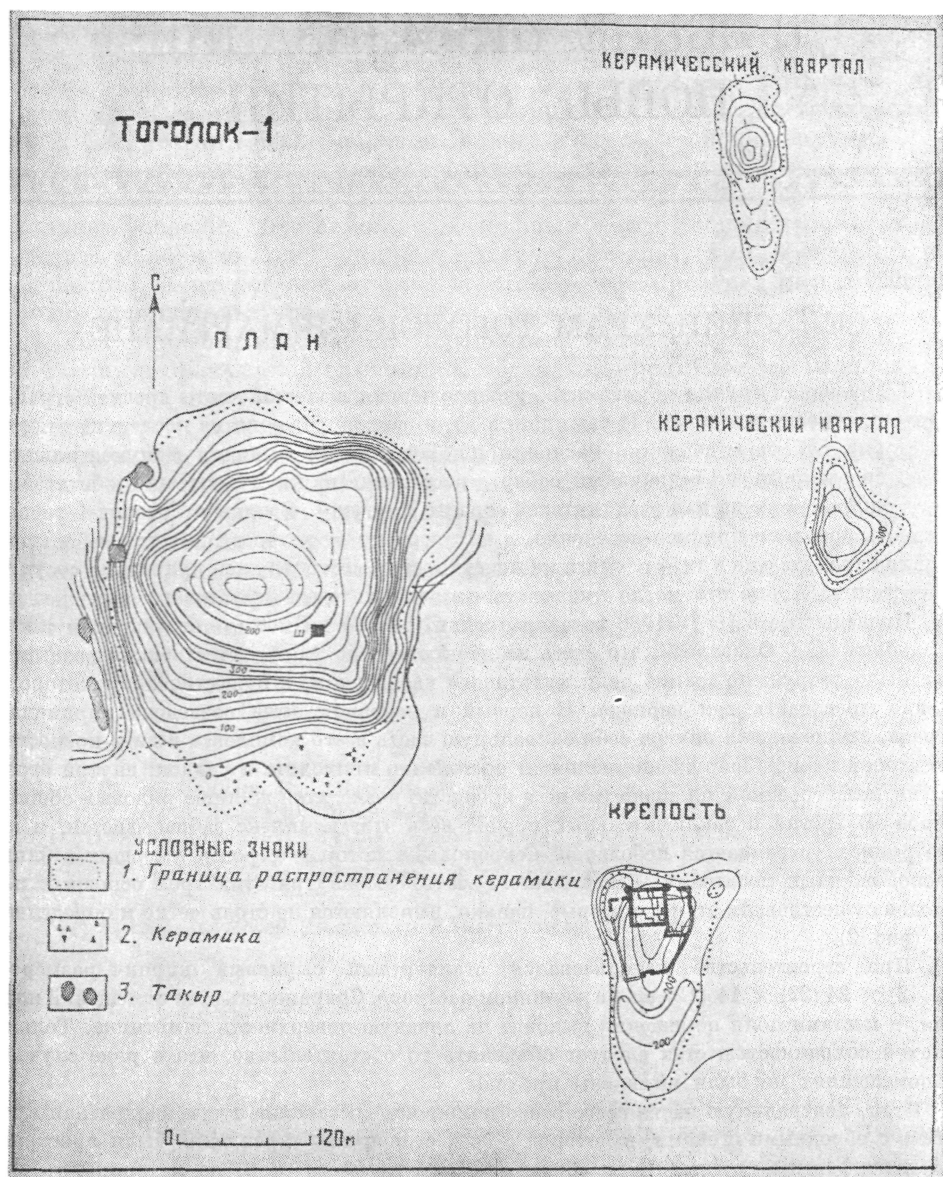

Рис. 1. Схема расположения памятников в пункте Тоголок-1

Крепость была возведена сразу вместе с обводной оградой, видимо, по готовому плану, причем все помещения точно вписаны в периметр стен крепости. Вход в крепость не обнаружен, но, судя по понижению в микрорельефе, он находился в середине северного фаса, почти полностью развеянного к моменту раскопок.

Центральное, организующее место в планировке крепости занимает внутренний двор (пом. 50) с проходами в середине всех четырех сторон. С южной и восточной сторон от него располагаются два обводных коридора, с северной и западной роль своеобразных коридоров выполняет помещение 4. В целом этот дворик напоминает «крытый дворик» на Тоголоке-21; на стенах и полу здесь сохранилась белая гипсовая

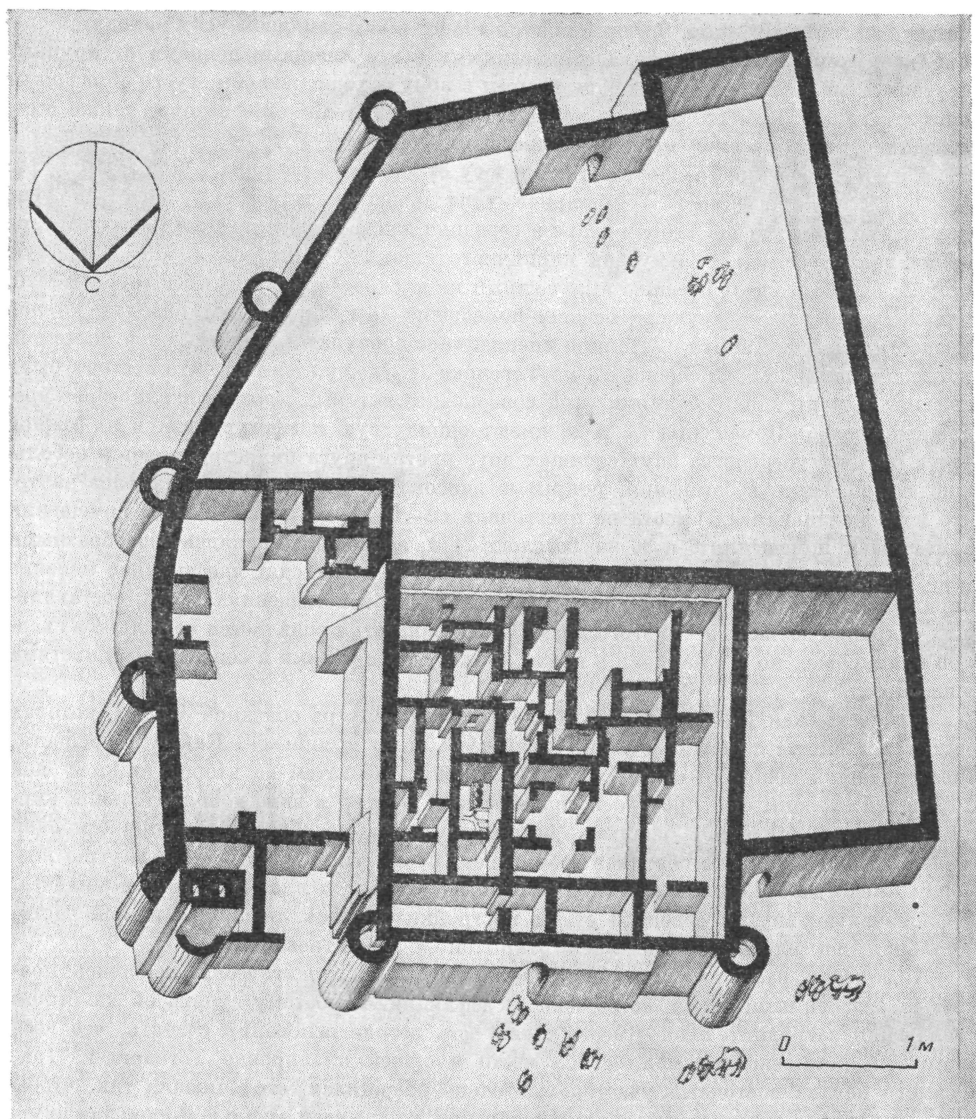

Рис. 2. Общий план храма

обмазка, свидетельствующая о том, что дворик имел перекрытие. В конце первого периода внутри помещения 4 были встроены небольшая кирпичная платформа и стенка, образовавшие помещение 5. К северу от «крытого дворика» вытянуты в цепочку четыре обширных прямоугольных помещения (6, 47—49). Они напоминают Тоголок-21, но их назначение остается неясным. Возможно, что не случайно все они имеют два пола: более ранний с простой глиняной обмазкой и второй, покрытый белой гипсовой обмазкой. Не совсем ясно и назначение помещения с перегородкой в северной его части, построенной позднее.

К востоку от «крытого дворика» располагается группа связанных между собой проходами помещений (8—13, 18, 23), которые образуют отдельный микроблок. Назна-

чение одного из них (пом. 9) определяется точно: в юго-западном углу находятся специальная кирпичная платформа с вмазанными в нее нижними донцами от крупных сосудов и фрагмент цедилки. От платформы в полу отходят желобы, густо обмазанные изнутри гипсом. Это напоминает помещение 34 на Тоголоке-21, которое также было связано с изготовлением напитков типа хаома.

Среди помещений, расположенных к югу от «крытого дворика», выделяются три: 14, 22 и 24. Помещение 14 — обширное, типа двора, оказалось аккуратно заложено кирпичами. Видимо, на втором этапе в середине двора на возвышении была устроена специальная вымостка из кусков кирпичного шлака. От нее, понижаясь в южную сторону, тянется желоб, также выложенный из кусков керамического шлака. Желоб, плавно изгибаясь, пересекает соседнее помещение 27 и, пройдя под обводной стеной крепости, выходит наружу. Налицо специальное сооружение с дренажной системой, которое напоминает помещение 23 на Тоголоке-21. Можно считать, что все они были связаны с жертвоприношениями, при совершении которых кровь стекала через дренажный желоб. Помещения 22 и 24 имеют одинаковую конфигурацию: в их южной части (за счет устройства двух стоящих друг против друга пилостр) имеются небольшие «Т»-образные возвышения, покрытые гипсовой обмазкой; это указывает на то, что первоначальная их высота не превышала 10—15 см от пола. Оба эти помещения напоминают помещения 8 и 36 на Тоголоке-21 и, возможно, являлись своеобразными «молебными». Более того, «молебни» Тоголока-1 и 21 находят чрезвычайно близкие параллели в круглом храме Дашлы-3 (Афганистан), в помещениях 2 и 3, составлявших сакральную часть всего этого храма³. Эта близость проявляется не только в сходной планировке, но и в наличии в полах ямок-лунок с углями и сожженными костями животных.

Крепость, как уже отмечалось, была включена внутрь обводной ограды, которая составляет вместе с тем и внешний край всего этого комплекса. Как и в крепости, здесь внешняя обводная стена стоит на материке, но затем на втором этапе к ней с внешней стороны был пристроен своеобразный футляр в виде дополнительной кирпичной стены, усиленной башнями, которые, правда, не обнаружены при основной стене. С южной стороны обводная стена имеет правильной формы уступ внутрь; возможно, некогда это был въезд на внутреннюю открытую площадь всего комплекса. Первоначально внутри обводной стены постройки имелись лишь в восточной части, остальная же площадь оставалась открытой и незастроенной.

К моменту раскопок помещения восточной части практически оказались полностью развенными из-за естественной дефляции, и поэтому судить об их былом назначении затруднительно. Вместе с тем есть веские основания считать, что весь восточный комплекс занимал особое место в общей планировке Тоголока-1. Так, с самого начала восточный участок тщательно оберегался, его очищали так, чтобы здесь не росли обычные культурные наслоения, как на всей остальной площади внутри ограды. Культурный слой представлен здесь чистыми натечно-надувными слоями, образовавшимися в результате дождевых натеков и надувного песка. Уже в первый период поверх этого натечно-надувного слоя толщиной до 20—25 см была устроена сплошная кирпичная вымостка и одновременно вырыта могила № 20 — жреца или, что более вероятно, жрицы (рис. 3). Для этого в материке была вырыта огромная могильная яма размером 5,5 на 4,5 м и глубиной 1,5 м. В северной части ее, по-видимому, в кирпичной обкладке, был помещен покойник с приношениями, включавшими, помимо всего прочего, два ритуальных сосуда и каменную (черного слатита) «миниатюрную колонку», богато инкрустированную фигурными вставками белого камня. В противоположном углу могилы «пирамидой» было составлено свыше ста целых сосудов трех основных форм: колоколовидные кубки, вазы простые и вазы на высоких ножках. После того как было совершено это захоронение, на дно могилы спустился

³ Сарияниди В. И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.

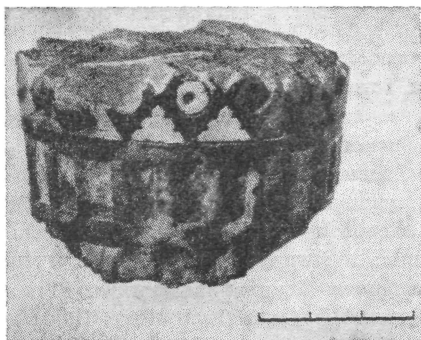

Рис. 3. Фрагмент «миниатюрной колонки» из могилы № 20

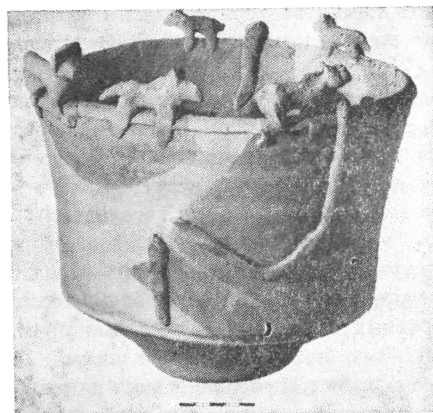

Рис. 4. Культовый сосуд из могилы № 20

по кирпичным ступеням в другом углу могильной ямы погонщик с двумя быками. Еще до того как быки были принесены в жертву, убили погонщика; он лежит на спине в неестественной позе, с руками, заломленными под спину. После погребения вся могильная яма была засыпана выброшенной землей. Причем на высоте около 0,5 м над быками в засыпку земли были помещены сосуд средних размеров, бедренная кость быка (?) и медный «дуршлаг», после чего могила была окончательно засыпана землей до самого верха. Вскоре могила была ограблена, причем грабители, очевидно, хорошо знали, что основное захоронение находится в северной части могилы, так как грабительский лаз точно попал на основное захоронение. Сейчас трудно судить, что входило в состав погребальных приношений, но «миниатюрная колонка» первоначально была целой. На это указывает находка более 100 инкрустаций; они рассыпаны вокруг «колонки», на которой сохранились около 20 гнезд от бывших вставок. По разбросанным после ограбления останкам основного захоронения антрополог О. Бабаков определил, что оно принадлежит молодой женщине 20—25 лет. Два культовых сосуда и отдельные фигурки от скульптурных фриз были обнаружены в выбросе грабительского лаза (рис. 4). Культовые сосуды и «миниатюрная колонка» скорее всего говорят о том, что это погребение не светского лица, а жреца или жрицы, при жизни обслуживавших храм. На достаточно высокий статус погребенного указывает инкрустированная «миниатюрная колонка», редкий тип изделий подобного рода, известный еще только из Тепе Гиссар⁴ и разграбленных могил Бактрии⁵. Человеческое жертвоприношение и жертвенные быки, сопровождавшие основное погребение, вероятно, свидетельствуют о том, что местное население уже вступило в период классового общества. Думается, что сходной была ситуация и в соседней Бактрии.

Итак, раскопки Тоголока-1 показали, что ядро всего комплекса составляла крепость, включенная в обширную обводную стену. Вся внутренняя часть была открытой и незастроенной, исключение составляла восточная, возможно, игравшая подсобную роль по отношению к центральной крепости. Последняя, судя по всему, была связана с приготовлением одурманивающего напитка и предположительно с культовыми возлияниями. На это (помимо пом. 9) указывает и общий набор находок в крепости, включающий «миниатюрные колонки», обломки ритуальных сосудов и костяные трубочки с гравированными изображениями человеческих глаз. К сожалению, западная

⁴ Schmidt E. Excavations at Tepe Hissar. Philadelphia, 1937. Pl. LXI.

⁵ Pottier M.-H. Matériel Funéraire de la Bactriane Méridionale de l'Âge du Bronze. P., 1984. Pl. XXXIV. № 288.

часть комплекса сохранилась плохо, однако, если исходить из микрорельефа, здесь не было крупных помещений. Заканчивая обзор, следует отметить, что сам храм располагается на пониженной части естественного всхолмления, в то время как участок к югу от него возвышается почти на 0,5 м.

По существу храм Тоголок-1 представляет собой уменьшенную, периферийную копию «кафедрального собора», раскопанного на Тоголоке-21. В обоих случаях центральная часть комплекса составляет крепость, заключенная на Тоголоке-21 двумя стенами-оградами, а на Тоголоке-1 — одним обводом внешних стен. Точно так же вход в крепость располагается в северной части, а внутри ограды — в южной части. Центральным ядром крепости в обоих случаях служит «крытый дворик», по существу представляющий собой хорошо известный тип «двора в обводе коридоров и разнообразных комнат»; ранее он был представлен лишь в античной архитектуре. О специальных помещениях, связанных с приготовлением одурманивающих напитков, своеобразных «молелен» и мест для жертвоприношений, сказано было выше. Наконец, в обоих случаях центральная планировка делится на парадную и подсобную, но с тем лишь формальным отличием, что на Тоголоке-21 все это включено внутрь крепости, а на Тоголоке-1 подсобная часть располагается к востоку от крепости. Правда, на Тоголоке-1 нет алтарей, что можно объяснить периферийным статусом этого храма.

Подобно Тоголоку-21, сельский храм Тоголок-1 находит наиболее близкие параллели в монументальной архитектуре Бактрии: если раньше отмечались лишь здания культового назначения из Дашлы-3, то теперь к ним следует добавить храм огня Джаркутан в Северной Бактрии⁶. Между маргианскими и бактрийскими храмами нет прямых соответствий в общей планировке, а лишь прослеживается комплекс устойчивых архитектурно-планировочных признаков, повторяющихся в той или иной комбинации на каком-либо монументальном сооружении.

Выше уже говорилось о «моленьях» (иногда с ямками-лунками на полу) на Тоголоке-1 и 21, с одной стороны, и круглом храме Дашлы-3, с другой. В Джаркутане нет «молелен», но его планировка, подобно маргианским храмам, четко делится на две части: парадную и подсобно-хозяйственную. Узкие камеры-колбы составляют характерную особенность как бактрийских (Дашлы-3, Джаркутан), так и маргианских (Тоголок-21, Гонур-1) храмов. Точно так же «винодельня» Джаркутана как бы перекликается с помещением 9 на Тоголоке-1 и помещением 34 на Тоголоке-21, в которых готовилась хаома; «металлургическая мастерская» Джаркутана находит параллели в сильно обожженных изнутри камерах на «площадке с платформами» Тоголока-21.

Вместе с тем ни одно культовое здание Бактрии не повторяет храмы Маргианы, кроме того, в Бактрии все они принципиально отличны друг от друга: судя по их планировке, в Бактрии существовало по крайней мере три типа храмов, в двух из которых (круглый храм в Дашлы и Джаркутан) совершались обряды, связанные с огнем. Но и в этом случае они обнаруживают принципиально разную планировку, что в косвенной форме указывает и на разную культовую обрядность.

Иная картина выявляется в Маргиане. Два монументальных здания культового назначения, несмотря на их разный статус (Тоголок-21 выступает как «кафедральный собор», Тоголок-1 — как «сельская церковь»), оба связаны с общим культом — приготовлением одурманивающего напитка типа хаомы. Если это обстоятельство не случайно, то есть основания предполагать, что в древней стране Маргуш главным был культ хаомы, другие же, и в частности культ огня, играли второстепенную роль.

Другое дело Бактрия. Круглый храм в Дашлы-3 и Джаркутан прежде всего были связаны с культом огня, хотя, судя по находкам культовых сосудов из разграбленных могил Южной Бактрии⁷, и здесь культы одурманивающих напитков и ритуальных возлияний были известны, но имели второстепенное значение. Докумен-

⁶ Аскаров А. А., Буяков Ю. Ф., Кавиржаелия О. Р., Радилюловский В. В. Теоретические и методологические проблемы исследования в археологии. Ташкент, 1988.

⁷ Сарияниди. Культовый сосуд...

чально установленный факт существования у родственных в культурно-историческом отношении племен Бактрии и Маргианы храмов с принципиально отличными архитектурными планами, а это в свою очередь предполагает и различия в обрядах и ритуалах, ставит сложную проблему о конкретных формах религиозных воззрений восточноевропейских племен, в среде которых, возможно, и зарождался зороастризм.

На современном уровне наших знаний страна Маргуш выступает как наиболее вероятный претендент на тот регион, откуда позднее Заратуштра заимствовал культы возлияний, включив их в измененном виде в свое учение. И может быть, не случайно в Авесте о стране Маргуш говорится: «Мощная, верующая в Аша», т. е. в основу основ учения Заратуштры, на что справедливо обратил внимание еще академик В. В. Струве, писавший, что в Авесте «подобная характеристика не дается ни одной из следующих в списке стран Востока»⁸.

При этом нет оснований замыкаться в рамках только Бактрии и Маргианы. Напротив, находка в Мехи фрагмента культового сосуда⁹ расширяет ареал распространения близких, если не одинаковых, ритуалов, связанных с возлияниями, уже во II тыс. до н.э. на территории Юго-Западной Азии. Но именно Маргиана с полным правом может претендовать на один из тех центров, откуда эти верования и ритуалы распространились по всему обширному ареалу вплоть до Белуджистана.

В. И. Сарияниди

RURAL TEMPLE OF TOGOLOK-1 IN MARGIANA

V. I. Sarianidi

After the discovery of the temple complex of Togolok-21 not far from this place in the area of Togolok-1 there was fully excavated a small, probably rural, temple. It was far smaller than that of the Togolok-21 but has the same planning. The central part of the Togolok-1 temple represents «a covered yard», next to it is a special building with a brick platform; on the surface of the platform stayed several vessels. On the floor of the building there were discovered three small trenches coated with thick layer of clay.

This central building of the «fortress» type was enclosed by the by-pass wall with two passages.

On the court of the temple there was once buried a priest (most likely a priestess) with sacrificial offerings of two bulls and «a driver» who was killed on purpose. The tomb was plundered already in the ancient times; among the findings there were three cult vessels, a fragment of «a miniature colomn» with the inlay work and over 100 intact funeral vessels. A funeral with human sacrifices are the first to be found in Central Asia of the Bronze Age. This makes it necessary to revise the problem of the social structure of Margiana.

⁸ Струве В. В. Восстание в Маргиане при Дарии I // Материалы ЮТАКЭ. Вып. 1. С. 15.

⁹ Stein A. An Archaeological Tour in Gedrosia // Calcutta. 1931. № 43. Pl. XXXI.

НОВЫЕ ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ИЗ ХАДРАМАУТА

Важной особенностью в изучении древнего Йемена является характер письменных источников, по которым восстанавливаются его история, язык и культура. Эти источники до недавнего времени ограничивались эпиграфикой, т. е. официальными надписями на камне и бронзе. Такие тексты всегда предназначены для всеобщего обозрения в храмах или на стенах зданий, на воротах городов.

В настоящее время известно около 10 тысяч подобных надписей; некоторые из них очень велики и содержат тысячи слов. Однако все они освещают жизнь древнего Йемена далеко не полностью. Официальный характер надписей ограничивает и круг тем, которым они посвящены, и способы изложения. Достаточно сказать, что все надписи такого рода составлены в третьем лице, причем глаголы первого и второго лица не засвидетельствованы ни разу.

Поэтому появление древних письменных документов иного типа, освещающих другие стороны жизни древнейшего общества, имеет очень большое значение и открывает широкие возможности исследований.

Документы такого типа были впервые найдены в 1970 г. в Джауфе. Они представляли собой две деревянные палочки около 15 см длины и 2—3 см в диаметре, покрытые письменами. Однако в первый момент создалось впечатление, что эти письмены не связаны с известным южноаравийским письмом и представляют образцы нового, еще неизвестного вида письменности. Лишь многолетние совместные усилия ведущих ученых-сабейстов М. Гуля, А. Бистона, В. Мюллера и Ж. Рикманса позволили к 1985 г. расшифровать это письмо¹. Оно оказалось особым почерком южноаравийского письма, приспособленным к новому материалу — деревянным палочкам или пальмовым черенкам, на которых острым орудием процарапывались буквы. Стремление к скорости письма в ущерб отчетливости написания каждой буквы привело к очень большим изменениям в форме знаков. Прямые линии и острые углы сменились округлыми плавными линиями. Многие буквы пишутся практически одинаково и различаются только положением в строке. Новое письмо получило название «строчного» (или «народного»; письмо надписей называют «монументальным») ².

Документы на дереве (до открытий Советско-йеменской комплексной экспедиции — СОЙКЭ их было известно более десятка) относились к довольно позднему времени, вероятно ко II—IV вв. н.э., и написаны уже развитым строчным письмом, сильно отличающимся от эпиграфического. Поэтому история развития этого письма, промежуточные формы букв остаются неизвестными.

Документы на дереве не обманули ожиданий ученых. Они очень разнообразны и по содержанию, и по форме. Среди них есть и деловые письма (написанные, кстати, от первого лица с обращением к адресату во втором лице), и юридические документы, запись расходов, медицинский или кулинарный рецепт. Однако их изучение сильно затруднено как особенностями письма, так и характером документов. Новые темы вызывают обилие новых, ранее неизвестных слов и даже грамматических форм. Отметим также, что все эти документы происходили из случайных находок, так что неиз-

¹ Сообщение об этой работе («Махмуд 'Али ал-Гуль и сабейский курсивный шрифт») было сделано А. Бистоном на симпозиуме памяти М. ал-Гуля в Университете Йармука (Иордания) в декабре 1984 г.

² 'Абдаллах, Йусуф Мухаммад. *Хатт ал-муснад ва-н-нуқуш ал-йаманиййа ал-қадима*. Дираса ли-китаба йаманиййа қадима манқуша 'ала-л-Ха-шаб // Ал-Йаман ал-Джаид. Ас-сава 15. I — ал-'адад 'ал-хамис, майу 1986. С. 10—26; II — ал-'адад ас-садис, йунйу 1986. С. 10—28.

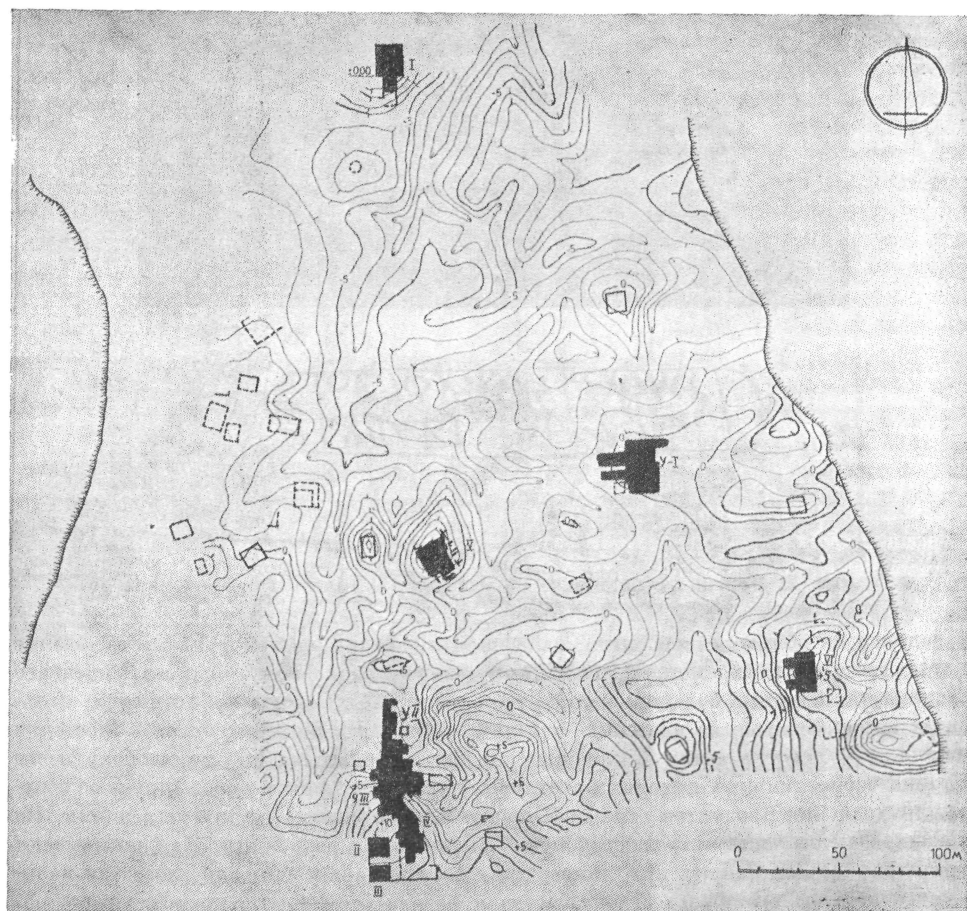

Рис. 1. Городище Райбун I. Инструментальная съемка: I — храм Астарам; II, III — храмово-жилой комплекс Зат-Химьям; IV — здание 4; V — здание 5; VI — комплекс здания 6 V-I — участок I; V-II — участок II; V-III — участок III

вестны не только обстоятельства их обнаружения, но часто и место происхождения. До сих пор опубликован лишь один из этих документов ³.

При археологических раскопках документы на дереве впервые были обнаружены СОЙКЭ на городище Райбун-I в 1986 г. При раскопках 1987 и 1989 гг. их число значительно увеличилось ⁴.

В полевом сезоне 1989 г. коллекция СОЙКЭ пополнилась еще семью экземплярами надписей на черенках пальмовых листьев. Все они найдены при раскопках городища Райбун-I (рис. 1): в центральной части, на участке I, ниже здания 6 с западной стороны; при расчистке восточной части монументальной лестницы южнее здания 4; севернее здания 4 на участке III.

Археологический контекст находок черенков практически везде был одинаков. На участке I — это слой строительного мусора, сконцентрированного в большой, диаметром до 3 м, яме рядом с остатками каменного фундамента здания. Судя по текс-

³ Там же.

⁴ Краткая информация о находках в 1986—1987 гг.: *Лундм А. Г. Надписи Внутреннего Хадрамаута (Общая характеристика)* // ВДИ. 1989. № 2. С. 147 сл.

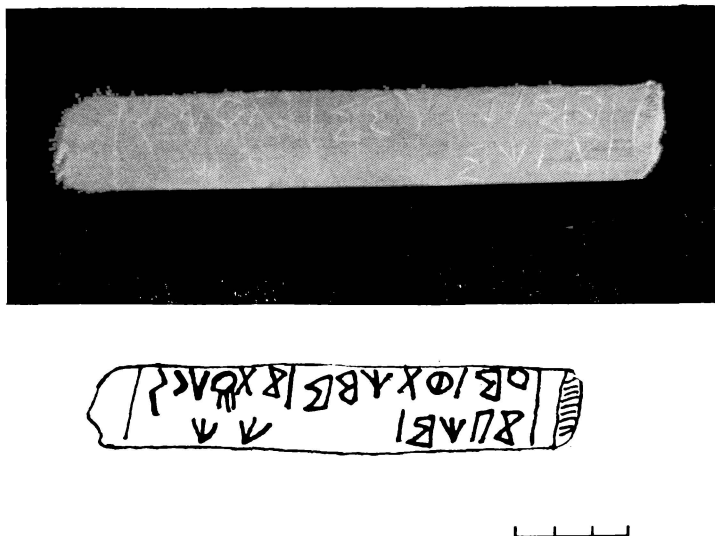

Рис. 2. Черенок с надписью из участка III. Фото и прорисовка

ту надписи на облицовочной плите, найденной в завалах камней фундамента, здание скорее всего было храмом, посвященным Сину — верховному божеству древнего Хадрамаута. Вместе с большим количеством деревянных стружек, сгнивших пальмовых веток, фрагментов плетеных изделий, различных пищевых отходов (косточки финика, ильба, кости мелких и крупных домашних животных и пр.) здесь обнаружены обломки черноглиняных кухонных сосудов с ушками по краю и зиров (крупные сосуды для хранения продуктов типа пифосов) со слегка загнутыми внутрь венцами. На стенках сосудов часто встречаются буквы, нанесенные до обжига. Как показывают стратиграфические наблюдения, такого типа сосуды характерны для слоев так называемого периода сырцового строительства и начала «цокольного периода» городища Райбун-I⁵.

В двух случаях, а именно на участке I и в помещении с восточной стороны монументальной лестницы здания 4 в интересующем нас слое найдены фрагменты сосуда, сделанного лепным способом, с узким горлом и на массивном поддоне. Характерная темно-фиолетовая глина с большим количеством примеси песка и слюды отличает его от местного массового керамического материала. Аналогии таким сосудам известны из других памятников Южной Аравии⁶ и Эфиопии, где они датируются «доаксумским» временем⁷.

Весьма показателен слой севернее здания 4, где найден черенок с наилучшей сохранностью надписи (рис. 2). Стратиграфическая картина здесь следующая. Самый верхний слой — это слой разрушения надцокольных построек здания 4, состоящий из деревянных балок каркаса, облицовочных плит, сырцовых кирпичей перегородок, глиняной обмазки стен и пр. Все это подверглось сильному воздействию огня. Ниже этого слоя, на уровне древней дневной поверхности времени функционирования здания, выявлены отдельные остатки построек из сырцовых кирпичей, а под ними — довольно мощный слой строительного мусора, покрытого либо хорошо утрамбованной

⁵ О наличии трех периодов на городище Райбун-I см. *Седов А. В.* Археологические исследования в вадии Хадрамаут // ВДИ. 1989. № 2. С. 137—139.

⁶ *Maigret A. de.* Archaeological survey on the wādī Yalā antiquities // *The Sabaeen Archaeological complex in the wādī Yalā.* IsMEO. Rome, 1988. Fig. 23, 8, 10, 12—15.

⁷ *Anfray F.* Matara // *Annales d'Ethiopie.* T. 7. 1967. Pl. XXXVIII.

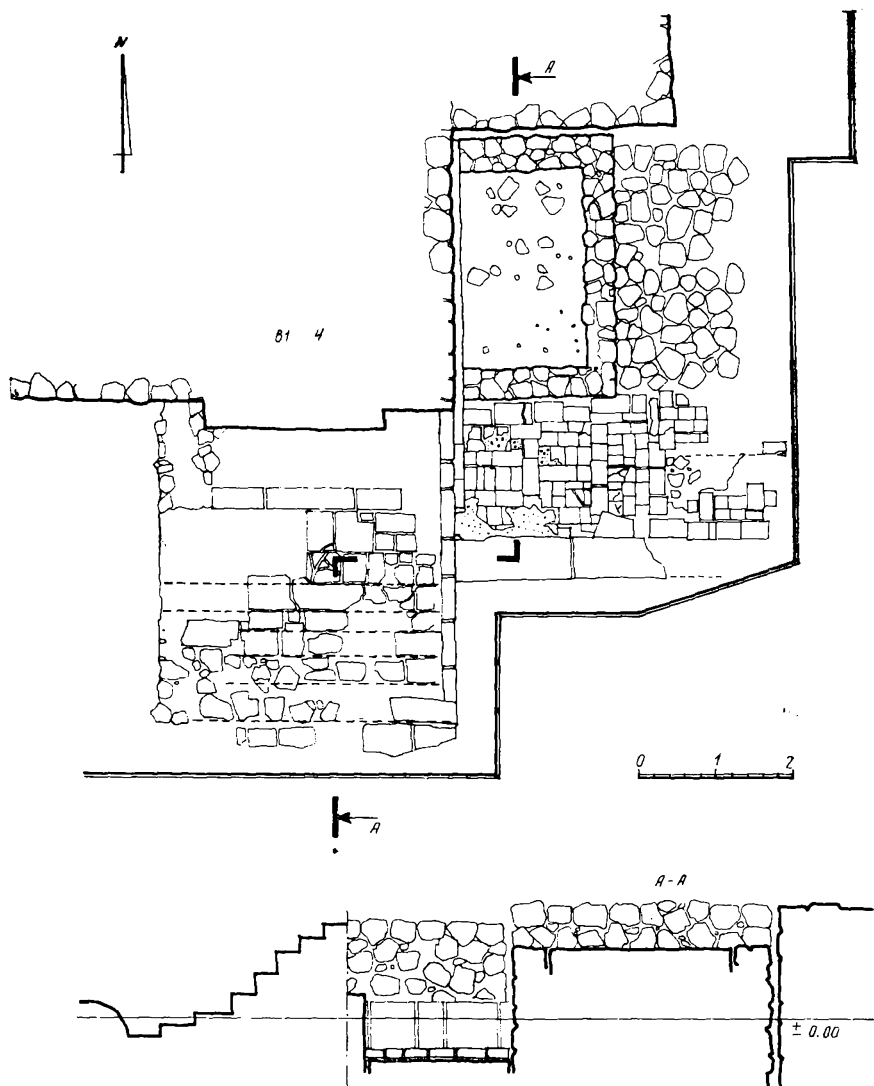

Рис. 3. Здание 4. Южная лестница и помещение с «вымосткой». План и разрез

глиной, либо одним-двумя рядами сложенных плашмя кирпичей. Этот слой мусора, безусловно, образовался во время строительства здания 5. Его толщина достигает на отдельных участках 0,5 м и прослеживается по всему периметру здания 4.

Интерес представляет другой объект, а именно помещение с восточной стороны монументальной лестницы здания 4 (рис. 3), в слое заполнения которого найдены черенки с надписями. После расчистки заполнения здесь была открыта вымостка из облицовочных плит, в том числе с надписями. Судя по характеру одной надписи, вымостка по времени совпадает с финальным этапом функционирования здания 4. Впоследствии помещение было засыпано и забутовано обломками сырцовых кирпичей, а поверх забутовки сnivelировано. Можно предположить, что для засыпки был использован более ранний слой, в котором наряду с другим строительным мусором оказались и палочки с надписями. По структуре и составу заполнение этого помещения идентично слою строительного мусора из ямы на участке I и севернее здания 4.

Таким образом, находки черенков пальмовых листьев с надписями практически везде зафиксированы в слоях, связанных со строительством зданий на каменных цоколях. По предварительным данным, предположительная датировка этого слоя — V—IV вв. до н.э. Этому не противоречит и серия датировок по ¹⁴С.

Из семи черенков пальмовых листьев, покрытых надписями, шесть происходят из описанного выше «помещения», примыкающего к восточной стороне южной («парадной») лестницы здания 4 — центрального сооружения храмового комплекса Рахбан богини Зат-Химьям на городище Райбун-I. Четыре из них — целые и представляют собой палочки с сечением, приближающимся к треугольнику, срезанные на конус с обоих концов. Длина палочек: 22,2; 21,1; 17,3; 14,7 см, толщина — около 2,0—2,5 см. Два черенка найдены во фрагментарном состоянии.

Все поверхности черенков покрыты знаками письма, типичными для уже ранее найденных СОЙКЭ и известными науке по другим находкам надписей на соответствующем материале. Однако состояние черенков, к тому же покрытых довольно плотным слоем лёсса ⁸, которое уместнее всего характеризовать как «угрожаемое», лишило эпиграфистов возможности немедленно и в полевых условиях приступить к дешифровке надписей. Было решено сфотографировать черенки, а затем воздержаться от работы с ними до того, как они, при всей возможной осторожности, будут доставлены в лабораторию и с ними будут проведены необходимые действия по очистке и консервации.

Седьмая палочка (из участка III) отличается от описанных выше шести по крайней мере в трех отношениях: по месту находки, по степени сохранности (вполне удовлетворительная), а также по характеру и доступности понимания письменных знаков. Это обстоятельство позволяет поговорить о ней подробнее. Длина черенка этой надписи — 13,4 см, толщина — 2,0—2,5 см. С обоих концов черенок срезан чуть под углом. Надпись — только на одной стороне и покрывает самую широкую и гладкую его поверхность. Поле, покрытое текстом, отграничено от концов черенка вертикальными линиями. Текст из двух строк (вторая неполная). Уникальной для надписей такого рода является графика нашего текста, рисунок которого и транслитерацию мы приводим ниже:

$\begin{array}{c|c|c} \text{'m} & \text{wthrmm} & \text{zts(?)hrnl} \\ \text{zbhm} & & \bigvee \bigvee \end{array}$

Как видим, знаки письма в отличие от знаков письма на прочих известных уже черенках здесь достаточно ясны и наряду с особенностями «бытового» письма (с характерным для него также замещением $\bigcirc$ на $\bigotimes$) воспроизводят и черты монументального письма. Четко и грамотно проставлены делители. С точки зрения толкования текста некоторые трудности вначале возникли при объяснении двух первых знаков, которые мы рассматривали как слово «Амм», т. е. имя бога. Однако при дальнейшем исследовании надписи и исходя из общих соображений относительно характера надписей на черенках мы затем пришли к выводу, что оба указанных знака содержат число 110, написанное обычными для древней письменности буквенными обозначениями цифр $\bigvee$ — «100», 0 — «10». Кроме того, и поныне осталось неясным значение двух знаков $\bigvee\bigvee$ в конце текста.

В результате предварительного исследования мы предлагаем следующий перевод надписи: «110 (животных). И (их) предназначает Зат-Сахран ⁹ как священных для жертвоприношения. $\bigvee\bigvee$ » ¹⁰. Возможно, однако, что простирающаяся на обе строки линия делителя в середине надписи обозначает как бы разделение текста на «графы».

⁸ Между тем забившийся в прорези знаков и плотно спекшийся лёсс дает уникальную возможность фотографировать тексты на черенках при хорошей боковой подсветке.

⁹ Зат-Сахран — одно из имен богини Зат-Химьям.

¹⁰ То есть с указанием количества, цели использования, «адресата» и, возможно, «отметкой об исполнении» ($\bigvee\bigvee$).

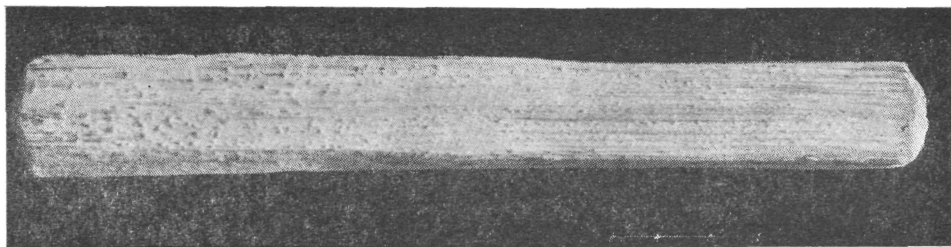

Рис. 4. Черенок пальмового листа без надписи

Тогда надпись следовало бы читать:

«110 (животных). И (их) предназначение — как || Зат-Сахран
священных для жертвоприношения».

Чтение текста в обоих случаях зависит от понимания формы *thrm*. Это может быть и форма глагола настоящего-будущего времени III лица женского рода единственного числа с характерным для хадрамаутских надписей показателем усиления в конце слова: например, в некоторых текстах из Райбуна: *ys' šr-m* (РБ I/89, зд. 4, сл. 1 № 266); *ynsf-m hwf'l* (РБ I/89, зд. 4, сл. 1 № 279 + 297 + 306a—б, 5); *k-yst'mr-m* (там же, стк. 6); *yš-m-wp-m* (там же) в отличие от сабейского и катабанского — п. Но может быть и масдаром II породы с показателем неопределенности — тоже — *m* (?).

Таким образом, можно, видимо, признать, что мнения относительно «делового» содержания надписей на черенках, по крайней мере как одной из сфер применения черенков в качестве писчего материала, имеют основания. Не исключено, что эта специфическая основа для письма использовалась в практике достаточно широко и что материал этот изготовлялся в специальных ремесленных мастерских. Один образец черенка, острюганного и полностью подготовленного для выполнения роли писчего материала, но без нанесенных знаков, хранится в коллекции СОЙКЭ (рис. 4).

Вместе с тем допустима мысль, что в качестве «документа отчетности» черенки носили разовый характер и впоследствии нанесенные на них данные сводились в общую ведомость, а сами черенки, как об этом свидетельствует пренебрежительное к ним отношение — все они обнаружены на свалках, в мусорных кучах, — выбрасывались.

Г. М. Бауэр *, А. М. Акопян, А. Г. Лундин

NEW EPIGRAPHICAL FINDS FROM HADRAMAOUTH

G. M. Bauer, A. M. Akopyan, A. G. Lundin

The authors analyse a specific type of historical sources, namely the inscriptions on palm leaves grafts that were discovered during excavations by Soviet-Yemen archaeological expedition in 1989. The conclusion drawn is that the grafts were used as a sort of draft accounts helping to make up a common register.

* Глеб Михайлович Бауэр завершил работу над статьей, ставшей для него последней, за несколько дней до кончины.

СЕЛЕВКИЯ-НА-ТИГРЕ, ГРЕЧЕСКАЯ МЕТРОПОЛИЯ В АЗИИ

«Селевкия-на-Тигре, согласно Страбону,— третий город древнего мира, уступавший только Риму и Александрии, превосходил по размерам, богатству и роскоши даже Антиохию-на-Оронте. Одни древние авторы, например Страбон, нередко ставили в заслугу Селевкии, что в ней сохранялся дух ее греческого основателя; другие осуждали ее за то, что она стала, как пишет Плутарх, „Парфянским Сибарисом“. Возможно, и те и другие были правы». Так писал о вавилонской метрополии А. Сейриг в основополагающей статье, опубликованной почти 40 лет назад¹. Он тоже считал, что Селевкия сохраняла греческий дух, но одновременно стала «Парфянским Сибарисом». С этим мнением трудно не согласиться. Действительно, если попытаться определить историческую роль города, можно заметить, что эти две характеристики четко разграничить не так просто. Очевидно, это — следствие исторического развития Селевкии, но главным образом связано с географической средой и социальными условиями, в которых город начал свое существование и стал со временем великой метрополией. Сохранились на первый взгляд довольно противоречивые свидетельства Тацита и Плутарха о Селевкии, однако не следует забывать, что в «Анналах» Тацита описываются государственные институты, а у Плутарха в «Жизнеописании Красса» — празднование грековавилонским населением триумфа Сурины после битвы при Каррах. Но Г. Сейриг имеет в виду не только это.

Действительно, Селевкия во многих аспектах своей культуры была одновременно «маяком эллинизма» в Азии и большой восточной метрополией. Это все больше и больше подтверждается археологическим материалом (архитектура, предметы искусства и ремесла), даже если мы ограничимся, как я собираюсь это сделать, рассмотрением только одного из этих аспектов, оставляя в стороне проявления общественной жизни, о которых археология может свидетельствовать лишь косвенным образом.

Следует отметить, что городские магистраты в Селевкии занимали при Аршакидах привилегированное положение, что позволяло внедрять греческие институты, причем не всегда только формально²; в греческих философских школах были ученые — выходцы из Селевкии³. Хотя в городе и не была создана собственная оригинальная философская школа, Селевкия пользовалась известным авторитетом в Афинах. В любом случае неудивительно, что стремления греко-македонского населения, занимавшего ведущее положение в общественной жизни Селевкии, были направлены на Запад. Все это составляло яркое отличие Селевкии от городов Вавилонии, где влияние

¹ *Seyrig H. Palmyre and the East // JRS. 1950. 40. P. 6—7; Strabo. XVI. 2.5 (Антиохия οὐ πολὺ τε λείπεται καὶ δυνάμει καὶ ἐγγύθει Σελευκείας τῆς ἐπὶ τῷ Τίγρει καὶ Ἀλεξανδρείας τῆς πρὸς Ἀρόρω); Tac. Ann. VI. 42 (... civitas potens, saepe muris neque in barbarum corrupta sed conditoris Seleuci retinens); Plut. Crass. 32.4 (... τὸν Σουρήναν... παρθικὴν Σύβαριν ἐπέλαβεν ἐν τοσαύταις παλλακίδων ἀφ' ἑαυτοῦ).*

² *McDowell R. H. Coins from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor, 1935. P. 218; Le Rider G. Suse sous les Séleucides et les Parthes. Les trouvailles monétaires et l'histoire de la ville // Mémoires de la Mission Archéologique Française en Iran. XXXVIII. P., 1965. P. 38—39.*

³ *Streck M. Seleucia and Ktesiphon // Der Alte Orient. 1917. 16. 3/4. S. 14; idem. Seleukeia. I. Seleukeia am Tigris // RE. 1921. Sp. 1169—1170. Уроженцами Селевкии были Диоген-стоик и Диоген-эпикурец (III—II вв. до н. э.). Первый из них даже был главой «Стои» после Зенона из Тарса, а в 156 г. до н. э. был послан Афинами в Рим для распространения там философии; второй занимал пост при дворе Селевкидов. Все это говорит о том, что связи с Западом усиленно культивировались некоторыми классами. Еще в I в. до н. э. в Селевкии занимались риторикой (ibid.). Самым знаменитым гражданином Селевкии, однако, был астроном Селевк, который жил и работал ок. 170—125 гг. до н. э. (ibid.).*

местной среды на различные стороны культуры и общественной жизни проявлялось гораздо сильнее.

Археологические данные дают сложную и неоднозначную картину, хотя, к сожалению, не всегда полную и цельную по сравнению с культурной значимостью Селевкии и ее долгой историей, начиная от ее основания, которое Ле Ридер по результатам нумизматических исследований помещает между 310 и 306/5 гг. до н.э.⁴, и до ее постепенного упадка и запустения вместе с концом династии Аршакидов⁵. На протяжении своей почти шестивековой истории, полной превратностей, Селевкия не раз занимала центральное место в отношениях между эллинистическими и римской державами, с одной стороны, и парфянским государством — с другой.

Поскольку в одной небольшой статье невозможно проследить в деталях процесс эллинизации вавилонского общества при Селевкидах, я ограничусь тем, что остановлюсь на открытиях, наиболее важных как для культурной истории Селевкии, так и для археологических исследований самой Вавилонии. Но прежде чем перейти к основной части, необходимо сделать еще одно замечание.

Несмотря на широкомасштабные раскопки, проводившиеся в 30-х годах археологической экспедицией Мичиганского университета⁶, а также раскопки экспедиции Туринского университета⁷, материалы которых полностью еще не опубликованы, была исследована лишь малая часть города по сравнению с размерами видимой поверхности составляющих его теллей. Видимая часть города, которой удалось избежать разрушения, вызванного сельскохозяйственной деятельностью, занимает территорию около 5,5 км² (550 га). Поэтому план города известен лишь в общих чертах. Что касается деталей, то пока не обнаружены главные здания, центры общественной жизни⁸, выполнявшие функции «маяка эллинизма», олицетворением которого был город; не обнаружен и царский дворец, что по меньшей мере странно, поскольку город был задуман как первая столица селевкидских царей; не найдены резиденция эпископа и храм Аполлона Комайоса (видимо, такой же древний, как и сам город) — культовый центр, который существовал еще в 165 г. н.э. Сохранилось упоминание о том, что Авидий Кассий увез оттуда культовую статую, поставленную потом на Палатине в Риме⁹, а еще до этого один парфянский царь перевез в Селевкию из Мезены брон-

⁴ *Le Rider*. Op. cit. P. 37, 297. Cp. *Waggoner N. W.* The Early Alexander Coinage at Seleucia on the Tigris // The American Numismatic Society. Museum Notes. 1969. 15. P. 22, 30.

⁵ Основание Ардаширом I Новой Селевкии (= Шоша = Бех Ардашир), заменившей старую метрополию (см. *Streck*. Seleucia... S. 27), которую неоднократно завоевывали римские армии, представляется скорее следствием, чем причиной упадка старой столицы. Относительно идентификации города Ардашира см. *Gullini G.* Problems of an Excavation in Northern Babylonia // Mesopotamia. 1966. I. P. 7 ff.; *Fiey J. M.* Topography of al-Mada'in / Sumer. 1967. 23. P. 3 ff.

⁶ *Waterman L.* Preliminary Report upon the Excavations at Tel Umar // Iraq. 1931; *idem*. Second Preliminary Report upon the Excavations at Tel Umar // Iraq. 1933; *Hopkins C.* Topography and Architecture of Seleucia on the Tigris. Ann Arbor, 1972.

⁷ Относительно Тель Умара и Площади Архивов см.: *Invernizzi A.* // Mesopotamia. 1966. I. P. 39 ff.; 1967. II. P. 9 ff., 33 ff.; 1968—1969. III—IV. P. 11 ff., 29 ff.; 1970—1971. V—VI. P. 13 ff., 21 ff., 1972. VII. P. 13 ff.; 1973—1974. VIII—IX. P. 9 ff.; 1977. XII. P. 9 ff. О канале см. *Gullini G.* // Mesopotamia. 1968—1969. III—IV. О южной улице см.: *Graziosi G.* // Ibid. P. 53 f.; *Negro Ponzi M.* // Ibid. 1970—1971. V—VI. P. 31 f.; 1972. VII. P. 17 f. О зондаже см.: *Invernizzi A.* // Ibid. 1967. II. P. 33 ff.; *Negro Ponzi M.* // Ibid. 1968—1969. III—IV. P. 53 f. В 1985 г. проводились раскопки на восточной стороне Площади Архивов (*Valtz E.* // Ibid. 1986. XXI). См. еще каталог Туринской выставки 1985 г.: *La terra tra i due fiumi. Venti anni di archeologia italiana in Medio Oriente*. Torino, 1985.

⁸ *Gullini G.* Un contributo alla storia dell'urbanistica: Seleucia sul Tigris // Mesopotamia. 1967. II. P. 149. Автор справедливо определяет как *βουλευτήριον* то, что американские археологи обозначали «Храмом А» (*Hopkins*. Op. cit. P. 119 f.).

⁹ *Amm. Marc.* XXIII.6.24. Л. Робер установил, что речь идет о македонском божестве (*Robert L.* Eulaios, histoire et anthroponymie // *Epistematica Epeteris tes Philosphikes Scholes ton panepistemon Athenon*. 1962—1963. P. 525 suiv.).

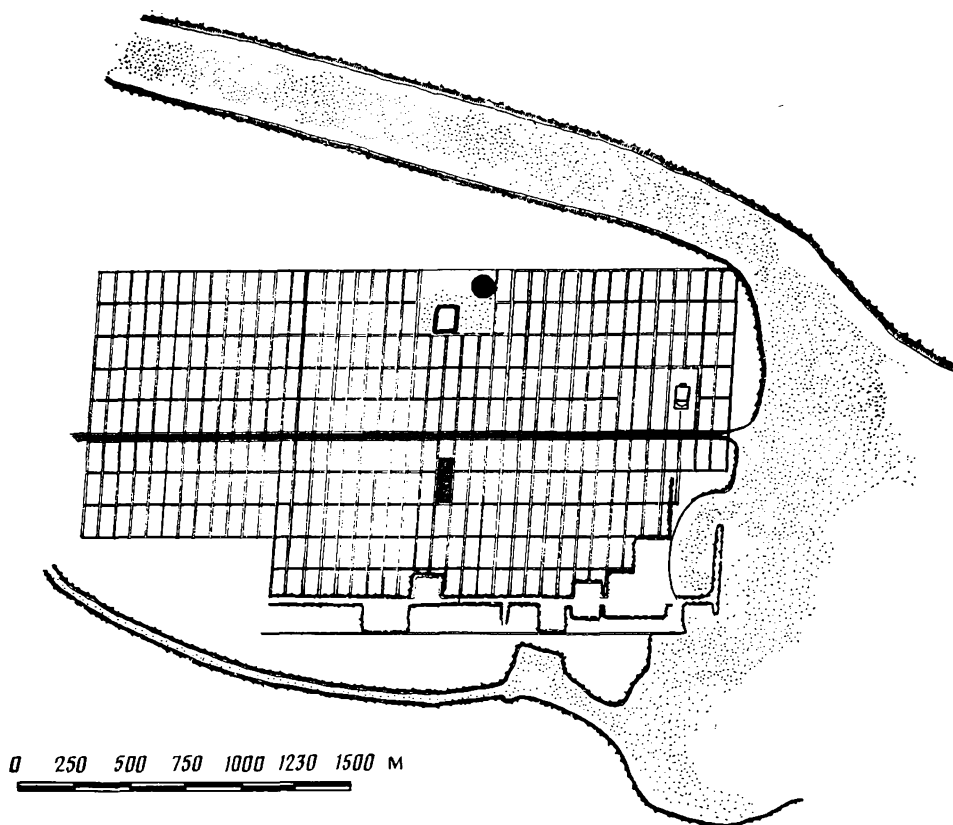

Рис. 1. Селевкия-на-Тигре. План города

зовую статую Геракла, к которой я обращаюсь позднее. Что же касается уцелевших общественных зданий, от них очень плохо сохранились и раскопаны совершенно недостаточно, поэтому в отличие от других городов, например Ай-Ханума в Бактрии¹⁰, Селевкия при всей своей значимости изучена очень плохо.

Рассмотрим вкратце, что известно об этой эллинистической столице Азии. Она была основана Селевком I на правом берегу Тигра, в той области, где в разное время существовали великие столицы — от Аккада и Вавилона до Багдада. Вероятно, место для столицы царь выбирал с помощью советников, так как расстояние между Тигром и Евфратом здесь минимальное. Здесь же проходил царский канал (Нахрмалка), соединявший обе реки. По обычаю греческих колонистов, который восходит к архаической эпохе, новый город заложили недалеко от древнего города (Описа), стоявшего у соединения канала с Тигром¹¹.

При разработке плана города царские градостроители ориентировались на старый канал, русло которого, заполненное землей, стало большой улицей, проходящей через город вдоль его южной части, по ее окраине (рис. 1). Город был построен по

¹⁰ Bernard P. Fouilles d'Aï Khanoum. I (campagnes 1965, 1966, 1967, 1968) // MDAFA. 1973. XXI; Guillaume O. Fouilles d'Aï Khanoum. II. Les Propylées de la rue principale // MDAFA. 1983. XXVI.

¹¹ Херпфельд и Гуллини определили, что старый город стоял на левом берегу (Herzfeld E. The Persian Empire. Wiesbaden, 1968. P. 35—38: «Aksak-Opis was the Ctesiphon of his antiquity»; Gullini. Problems... P. 17—20). Уотерман и Хопкинс помещают его на месте нового города или также на берегу (Waterman. Op. cit., Hopkins C. A. Bird's-eye View of Opis and Seleucia // Antiquity. 1939 13. P. 440 f., 447 f.).

гипподамовой системе¹², приспособленной к местному рельефу. Улицы образовывали правильную «решетку», сходясь под прямым углом. Точные размеры города неизвестны, так как городские стены не сохранились¹³.

Жилые массивы гигантских размеров (144,70 × 72,35 м), вполне достойные «столицы Азии», следовали один за другим. Их регулярность, однако, местами нарушена. В урбанистический ансамбль вписаны, во-первых, пространства, иногда довольно значительные, предназначенные для главных общественных зданий и площадей; во-вторых, две улицы, по размерам превосходящие другие: южная улица, о которой уже говорилось, и еще одна, центральная, а также параллельный ей канал с набережными, разделяющий город на две части в продольном направлении. К северу от канала находились главным образом общественные здания, к югу — жилые дома и, возможно, торговые кварталы.

Г. Гуллини предположил, что канал выходил в порт¹⁴, наличие которого в Селевкии представляется вполне закономерным, но его местонахождение еще требуется установить. Полученные данные как будто не поддерживают эту гипотезу: посредством геомагнитных исследований¹⁵ определено направление русла канала даже за пределами теллей; не исключено, что так называемый порт, как и предполагаемый рукав реки, является поздним образованием. Об этом свидетельствуют и раковины озерных моллюсков, обнаруживаемые на поверхности: это остатки фауны болота, которое еще во время посещения Э. Херцфельда находилось между руинами Селевкии и круглого в плане города Шоша¹⁶, полностью совпадая со старым течением Тигра, отделявшего Селевкию от Ктесифона.

Во всяком случае, речь идет о функциональном греческом плане, приспособленном к местным условиям; греческими были и пронизывающая план геометричность, и четкость распределения функций между различными частями города; с другой стороны, этот план сознательно приспособлен к реальной жизни восточного города. В создании этого плана могли отразиться и вавилонские традиции, учитывая весь ход исторического развития Вавилона и его роль как центра, с одной стороны, связывающего разные части страны, с другой — разделяющего, что можно сравнить с ролью канала, протекавшего в центре Селевкии (у которого, однако, функция разделения выражена отчетливее, чем в Вавилоне).

Существенно, что Селевкия оставалась городом, греческим по своему духу; это отразилось и на том, как была приспособлена к плану города восточная схема, центральный элемент которой — водный путь, всегда занимавший особое место в истории Месопотамии.

Для кого же был основан этот город с греческой планировкой, население которого, если верить Плинию (VI.22), составляло 600 000 человек? Впрочем, едва ли эта цифра была столь велика с самого начала. Напротив, тот же Плиний сообщает, что развитие Селевкии шло постепенно и население новой столицы увеличилось со временем за счет старой (VI. 122). Однако, хотя после походов Александра немалое число греков осело в Вавилоне, для Селевкии трудно предположить массовый приток западных колонистов. Начиная с самого раннего периода процент местного населения был весьма значительным¹⁷.

¹² Gullini // Un contributo ... P. 135 f.

¹³ Свидетельство Плиния (VI. 30.5) очень гипотетично истолковано Хопкинсом (Topography... P. 2. Fig. 1).

¹⁴ Gullini // Un contributo... P. 142 f. Ср. Hopkins. Topography... P. 3. Fig. 2. Эта идея была высказана уже Ройтером (Reuther O. The German Excavations at Ctesiphon // Antiquity. 1929. 3. Map on p. 435).

¹⁵ Lanza R., Mancini A., Ratti G. Geophysical Surveys at Seleucia // Mesopotamia. 1972. VII. P. 259 ff.

¹⁶ О размерах болота (hor) см. Sarre F., Herzfeld E. Archäologische Reise im Euphrat- und Tigris Gebiet. II. B., 1920. S. 51; Streck. Seleucia... P. 50; Meyer E. Seleukia und Ktesiphon // Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft. 1929. 67. S. 9.

¹⁷ О населении Селевкии см.: Streck. Seleucia... P. 10; Idem. Seleukeia. Sp. 1161.

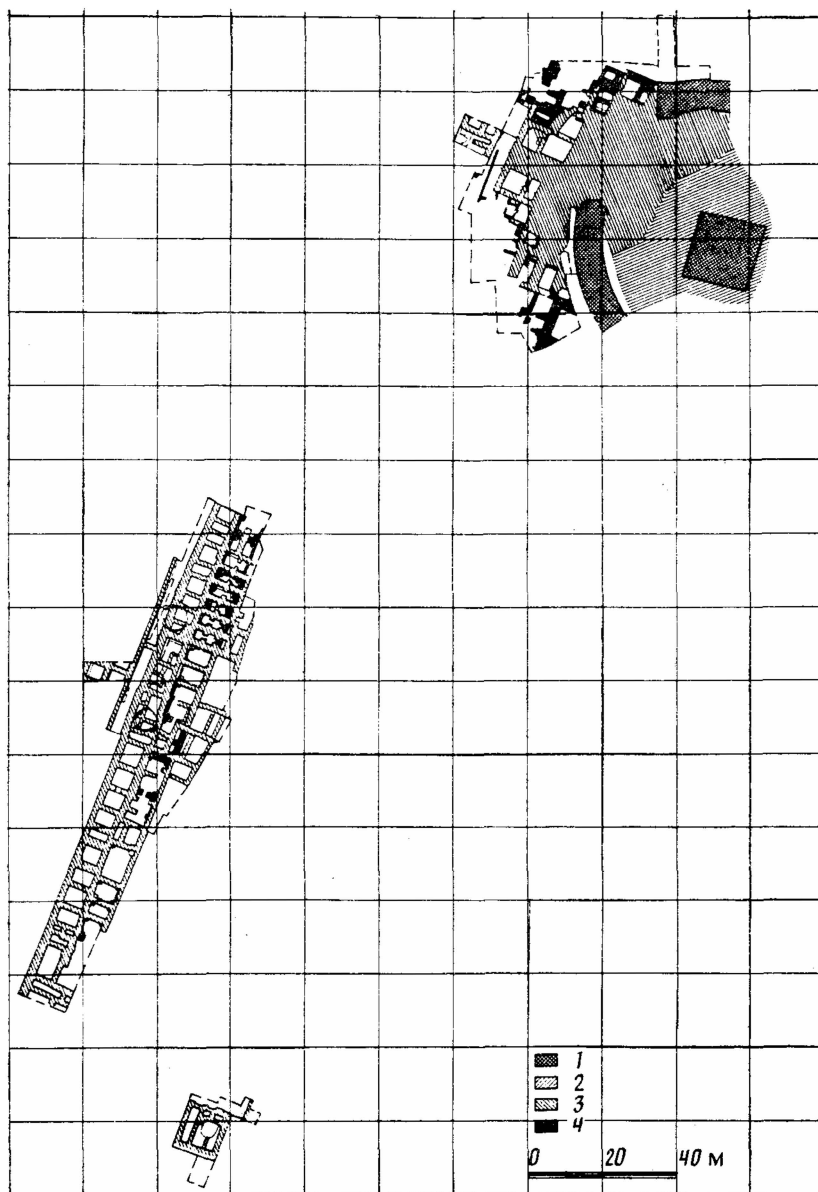

Рис. 2. Площадь Архивов и Тель Умар: 1 — сасанидская структура; 2 — сасанидский период; 3 — парфянский период; 4 — селевкийский и протопарфянский периоды.

В качестве источника информации о составе населения селевкийской столицы мы можем использовать буллы, найденные американской экспедицией в двух частных архивах¹⁸ и итальянской экспедицией — в городских архивах¹⁹.

¹⁸ McDowell R. H. Strapped and Inscribed Objects from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor, 1935.

¹⁹ Invernizzi A. Bullae from Seleucia // Mesopotamia. 1968—1969. III—IV. P. 69. ff.; *idem*. Bulles de Seleucie du Tigre // Annales Archeologiques Arabes Syriennes. 1971. XXI. P. 105 suiv.; *idem* // La terra tra i due fiumi. Cat. № 101—115. P. 124—126, 175—178.

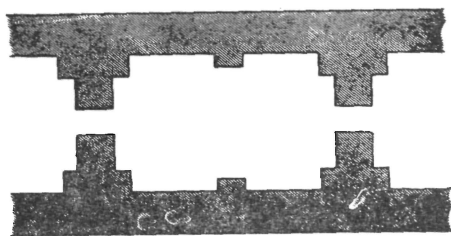

Рис. 3. План одного из помещений Дома Архивов

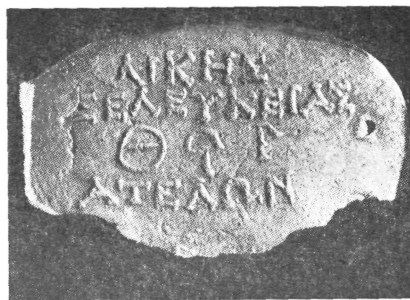

Рис. 4. Булла из Дома Архивов

В последних обнаружено около 30 000 печатей, которыми запечатывали документы регистрировавшиеся и хранившиеся в здании на большой площади около Тель Умара (рис. 2); мы еще к нему вернемся. В здании было два ряда комнат по семь в каждом; в каждой комнате (рис. 3), с пилястрами по четырем углам и в середине длинной стены²⁰, располагались деревянные ящики или этажерки, в которых хранились документы на папирусе или пергаменте, касающиеся главным образом сделок по торговле солью.

На печатях встречаются от одного до нескольких оттисков. Чаще всего это регистрационное клеймо с греческой легендой *αλικής Σελευκείας επιτελών* или *αλικής Σελευκείας ἀτελών* с указанием даты селевкидской эры (рис. 4), что позволяет отнести печати ко второй половине III в. — первой половине II в. до н.э.

Найденные буллы — ценный памятник искусства селевкидского города. Не содержащие легенд оттиски, сделанные печатями либо государственных служащих типа *χρεοφύλαξ* или *βιβλιοφύλαξ*, либо личных царских агентов, или же печатями частных лиц — торговцев и их свидетелей в той или иной сделке, дают представление о глиптике города, в котором преобладали, бесспорно, греческие мастера и были выдающиеся резчики, работавшие для царского двора. Эти печати являются важным источником сведений о городском обществе в позднюю селевкидскую эпоху²¹. Хотя среди владельцев печатей представлены лишь торговцы и высшие государственные и городские чиновники, мы получаем зримое доказательство присутствия наряду с местным значительного греческого населения, что позволяет понять устойчивость на протяжении веков традиций изобразительного искусства эллинистического времени. Изображения на печатях свидетельствуют также о своеобразном участии культуры селевкидской Вавилонии в выработке эллинистического художественного «койне», так как сюжеты и стиль этих печатей отличаются от родственных им сюжетов и стиля печатей, например с Делоса²².

Это же относится и к царским портретам, близким по иконографии к изображениям на монетах. Сохранился, в частности, двойной портрет Деметрия I и Лаодики (рис. 5); авторы других портретов (рис. 6—8), выполненных как в реалистической, так и в идеализированной манере, также, очевидно, стремились к сходству с оригиналом. Преобладание греческих сюжетов личных печатей свидетельствует о том, что экономика города находилась под контролем греческих слоев населения, хотя небольшой группе вавилонян удавалось сохранять свое высокое положение при новой власти (рис. 9).

²⁰ *Invernizzi A.* Gli Archivi // *La terra tra i due fiumi.* Fig. P. 92.

²¹ *Idem.* Note on the Art of Seleucid Mesopotamia // *Arabie Orientale, Mésopotamie et Iran Meridional de l'âge du Fer au début de la période islamique.* P., 1984. P. 27 ff.

²² *Boussac M. F.* À propos de quelques sceaux déliens // *BCH.* 1982. CVI. P. 427 suiv.; *Pantos P.* Les sceaux de Kallipolis d'Étolie. Athènes, 1985 (греч.).

Рис. 5. Булла с портретом Деметрия I и Лаодики

Рис. 6. Булла из Дома Архивов с портретом Деметрия II

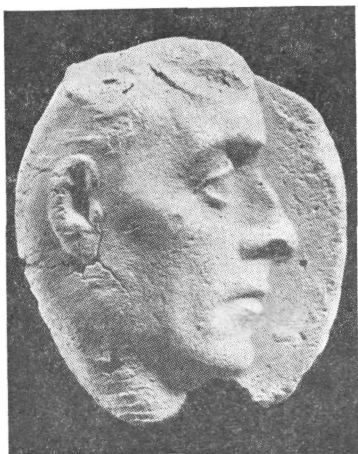

Рис. 7. Булла из Дома Архивов

Рис. 8. Булла из Дома Архивов

Еще более полное представление о распространении греческой культуры среди жителей Селевкии дают фигурки из терракоты (рис. 10—13), которые пользовались широкой популярностью у всех слоев общества.

К сожалению, корошастика Месопотамии — а Селевкия в этом отношении не является исключением — ставит, несмотря на четкую стратиграфию раскопок, ряд хронологических проблем в связи с длительным использованием форм. Во время двух последних сезонов раскопок 1973—1976 гг. была обнаружена часть мастерской корошаста, которая выходила на южную сторону Площади Архивов²³. При раскопках найдено большое количество фигурок, нередко по несколько экземпляров, отлитых в одной и той же форме. Однако маленькие размеры обследованного участка, изолированного от посещений, где располагались архивы, а также отсутствие монет и других более надежных средств датировки не позволяют точно датировать фигурки из

²³ Invernizzi A. Trench on the South Side of the of Archive Square // Mesopotamia. 1977. XII. P. 9 ff.

Рис. 9. Булла из Дома Архивов
с изображением Диониса

Рис. 10. Женская фигурка из
терракоты

Рис. 11. Маска сатира из терракоты

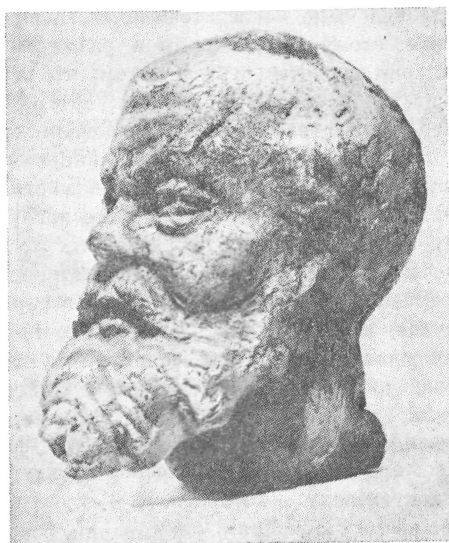

Рис. 12. Голова сатира из терракоты

этой мастерской. Предположительно их можно отнести ко времени, не намного отстоящему от конца селевкидской эпохи (141 г. до н.э.): вероятно, это вторая половина II в. до н.э. или, самое позднее, I в. до н.э.

В любом случае в это время Селевкия уже была достигшим процветания городом со своей историей; остались в прошлом проблемы его заселения, которые могли возникнуть при основании города. Значительный процент жителей Селевкии в пар-

Рис. 13. Женская фигурка из терракоты

фянское время составляло местное население: очевидно, что одних греческих поселенцев было недостаточно для такой огромной метрополии. Косвенное подтверждение этому мы находим в различных областях культуры города. Найденные фигурки свидетельствуют о том, что в Селевкии для всех или большинства слоев общества в основе реальной культуры лежали традиции греческого изобразительного творчества, которым следовали даже те, кто его не очень хорошо понимал. В отличие от других городов, например Орхои (древнего знаменитого шумерского Урука²⁴), в Селевкии трудилось много греческих коропластов, которые создавали оригинальные произведения греческого типа, не ограничиваясь копированием импортированных изделий, рассчитанных на восточные вкусы²⁵. Именно в этом кругу греческих мастеров коропластики появляется тип фигурок, характерный для эпохи и отражавший вкусы и религиозное восприятие весьма смешанного населения, во всяком случае, не греческого. Имеются в виду обнаженные женские фигурки с руками, опущенными вдоль тела, сдвинутыми ногами, изображенные в застывшей восточной позе, но при этом выполненные в типично греческом стиле. Распространение этого стиля, причем во множестве разновидностей, показывает, что такого рода произведения селевкидских мастеров охотно приобретались греческим населением города.

Впрочем, престиж греческой культуры в Селевкии был высок даже в раннюю парфянскую эпоху — сер. II в. до н. э. — I в. н. э., т. е. в позднееллинистический период и во время Ранней римской империи. Вполне вероятно, что в Селевкии даже был театр, хотя это и отличалось бы от того представления о селевкидских городах, которое складывается по реконструкциям Фрезуля²⁶. Американские археологи якобы обнаружили

²⁴ *Idem*. Problemi di coroplastica tard mesopotamica. III // *Mesopotamia*. 1970—1971. V—VI. P. 325 sq.

²⁵ Наиболее популярные в Селевкии греческие сюжеты — это изображения сатиров, которые вообще были широко известны в Азии, вплоть до Бактрии; ср. маску с фонтана Окса в Ай-Ханум; *Leriche P. Fouilles d'Ai Khanoum. V. Les remparts et les monuments associes* // *MDAFA*. 1986. XXIX. Photo 87.

²⁶ *Rézouls E. Les théâtres antiques de l'Orient Syrien* // *Atti del VII Congresso Internazionale di Archeologia Classica*. Roma, 1961. T. 1. P. 339 sqq.; *idem*. *Recherches sur les theatres de l'Orient Syrien* // *Syria*. 1959. 36. P. 202 suiv.; 1961. 38. P. 54 suiv.

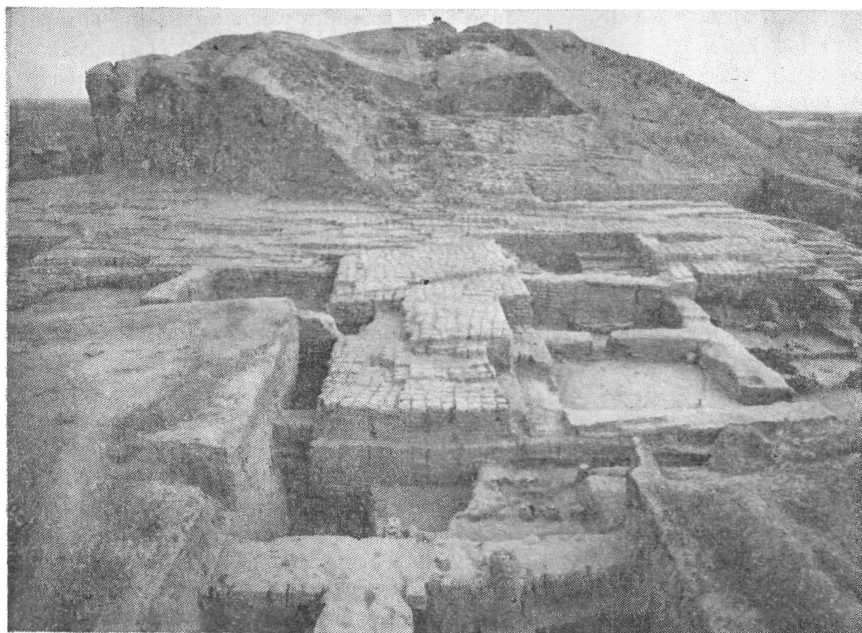

Рис. 14. Тель Умар: фундамент здания театра (слева) и сасанидская стена эллипсоидной формы (справа)

здание театра к югу от наших раскопок, вдоль южной улицы ²⁷, хотя внешние признаки говорят против этого. Не исключено, что остатки театра мне удалось частично обнаружить при раскопках Тель Умара, самого крупного из теллей (рис. 2, 14); в предварительном сообщении это было определено как остатки святилища ²⁸. Впрочем, трудно однозначно решить вопрос о функциях здания, у которого раскопана только часть периметра. Хотя в настоящее время новые данные не появились, поскольку раскопки не были возобновлены, я все же осмелюсь выдвинуть гипотезу, которую можно будет проверить в дальнейшем: возможно, комнаты, сохранившие явные следы культовых процедур, использовались как сакральные помещения, но остальные части здания могли иметь другое назначение. Речь идет не о новой интерпретации известных фактов, но о том, чтобы выяснить функции центральной части здания, еще скрытой под землей.

Однако, если это здание и было театром, оно весьма отличалось от распространенных типов. В Селевкии не было холма, у которого можно было построить амфитеатр,

²⁷ Hopkins. Op. cit. P. 2. Автор сообщает, что там была раскопана «часть амфитеатра умеренных размеров», хотя «обнаружение театра в таком месте было неожиданностью». Единственное, что удастся узнать из публикации, это то, что мощный кирпичный фундамент и высота рядов амфитеатра представляют большой интерес для раскопок. Хопкинс не приводит ни рисунков здания, ни фотографий; в наброске плана города (с. 2, рис. 1) очень приблизительно показано местонахождение предполагаемого театра, а в краткой главе, посвященной этому зданию (с. 26—27), также отсутствует подробное описание обследованной части. И. Шмидт в своей рецензии (Gnomon. 1975. 47. S. 788—794) отметил, что из 4-й главы «читатель узнает очень мало о театре» (с. 790). Во всяком случае, к 1964 г. на исследованной Хопкинсом поверхности уже никаких следов не оставалось, в отличие от телля, достаточно высокого, с характерными прямыми очертаниями.

²⁸ См. прим. 7, а также Invernizzi A. Tell Umar // La terra tra i due fiumi. P. 90—92, 172—173.

как это сделано в Ай-Хануме ²⁹. Надо было возвести такой холм, для которого, как и при строительстве театра в Вавилоне, пришлось бы использовать сырцовый кирпич. По-видимому, плоская часть Тель Умара — это остатки фундамента амфитеатра, контуры которого образуют частично связанные помещения. Такая интерпретация позволила бы объяснить отсутствие следов стены здания, которое могло бы возвышаться на этом фундаменте, а также нерешенную пока загадку непрерывности рядов кирпичей. В этом случае раскопанная часть скорее всего является правой стороной театра (левой, если смотреть со сцены). При такой реконструкции становится понятным, как возводился амфитеатр. Ряды кирпичей, образующие скрепленные кладкой блоки, расходятся в разных направлениях. Если на этом фундаменте стояло обычное здание (такая точка зрения была высказана еще 20 лет назад), то, учитывая угол, под которым расположены ряды кирпичей, пришлось бы допустить, что оно имело двенадцатиугольную форму. В архитектурном отношении это выглядело бы очень странно, так же как и необычно толстые стены в северной части (у реки), и неясные контуры здания в той его части, которая была ближе к городу (к Площади Архивов) и могла проходить под стеной сасанидского времени, эллипсоидной в плане.

Очевидно, что и состояние сохранности здания противоречит логике. Получается, что лучше всего сохранилась та часть, которая издавна подвергалась действию разливов Тигра. (Как сообщил сторож, охраняющий место раскопок, в 50-х годах река вымыла последний крупный кирпичный блок.) Часть здания, ближняя к городу, полностью исчезла под стеной, построенной в сасанидскую эпоху. Все это гораздо больше подошло бы к описанию театра: в той части, которая обращена к городу, могла располагаться сцена; остатки ее, возможно, скрыты под эллипсоидной стеной. Что же касается предполагаемого двенадцатиугольника, то остатки кирпичной кладки, вписывающиеся в половину двенадцатиугольной конструкции, в действительности могли образовывать полукруг; при квадратной форме кирпичей такое расположение разнонаправленных рядов было бы единственно логичным способом сооружения нижней части амфитеатра. Закругленность интерьера амфитеатра достигалась на стадии окончательной облицовки; при этом контуры фасада в северо-западной части здания составляли прямые линии.

Если это действительно театр, тогда понятны значительные размеры телья, объясняемые наличием не только сасанидской башни, поставленной, видимо, на месте оркестры, но и остатками нижней части амфитеатра. Получает объяснение и необычная толщина кирпичной кладки, препятствовавшая разрушительному действию воды. Непосредственное отношение к театру могли иметь и терракотовые маски, которые продавались в лавке короля на южной стороне площади ³⁰, прямо напротив театра. Конечно, все это гипотезы, требующие проверки, однако в настоящее время я не вижу возможности более правдоподобной интерпретации этого своеобразного здания, которое было, судя по всему, наиболее массивным и величественным в городе.

Недавно в Селевкии была сделана удивительная находка, которая также связана с эпохой эллинизма. Речь идет о бронзовой статуе Геракла (рис. 15) высотой в половину человеческого роста. К сожалению, она найдена не нами и — что еще более существенно — не во время раскопок. Статуя была случайно обнаружена в 1983 г. ³¹ недалеко от Тель Умара и Дома Архивов, у северной окраины городских руин, однако точное место ее находки неизвестно. Статуя изображает Геракла лисипповского типа (вариант типа Фарнезе) ³²; пальцы правой руки упираются в бок (а не в спину), голова не опущена

²⁹ Bernard P. Campagne de fouilles 1975 a Ai Khanoum (Afghanistan) // CRAI. 1976. 2. P. 314—322.

³⁰ La terra tra i due fiumi. P. 130, 188—189.

³¹ Wathiq al-Salihi. The weary Hercules of Mesene // Mesopotamia. 1987—1988. XXII—XXIII; Invernizzi A. // La terra tra i due fiumi. P. 340—341, 420—422. Not. 231; idem. Heracles a Seleucie du Tigre // RA. 1989.

³² Bieber M. The Sculpture of the Hellenistic Age. N. Y., 1955. P. 37. Fig. 84; Mitchell Havelock Ch. Hellenistic Art. L., 1971. P. 119 ff. Not. 81.

на, но повернута в сторону — таковы наиболее важные отличия. Левая рука, а также львиная шкура и дубинка, на которую Геракл опирался, не сохранились.

Статуя Геракла находилась первоначально не в Селевкийи. Надпись по-гречески и еще одна — на пехлеви аршакидского времени, выполненная арамейским письмом (знаки выгравированы на бедрах статуи³³), свидетельствуют о том, что эта статуя была военной добычей, доставленной в 151 г. н. э. из Мезены (области на побережье Персидского залива) Вологезом IV после победы над Мехердатом, царем Мезены. Великий царь поставил бронзовую статую в храме Аполлона Селевкидского. Речь идет, конечно, не о том, что статуя Геракла сделана греческими мастерами города, однако нельзя не признать, что в Селевкийи она не казалась чужеродной³⁴. Очевидно, статуя была заказана одним из царей Харакены, для которых Геракл, судя по изображениям на монетах, был династическим божеством³⁵. Она могла предназначаться для храма или дворца в Спасину Харакс, откуда и была вывезена. Остается выяснить, когда и где эта статуя была создана

Время ее создания определяется периодом от начала правления харакенской династии при Гиспаосине (125—124 гг. до н. э.)³⁶ и до 151 г. н. э. Это огромный промежуток времени, о котором мы не располагаем данными. Тем не менее отнесем ли мы эту статую к I в. до н. э. или к I в. н. э., как, на мой

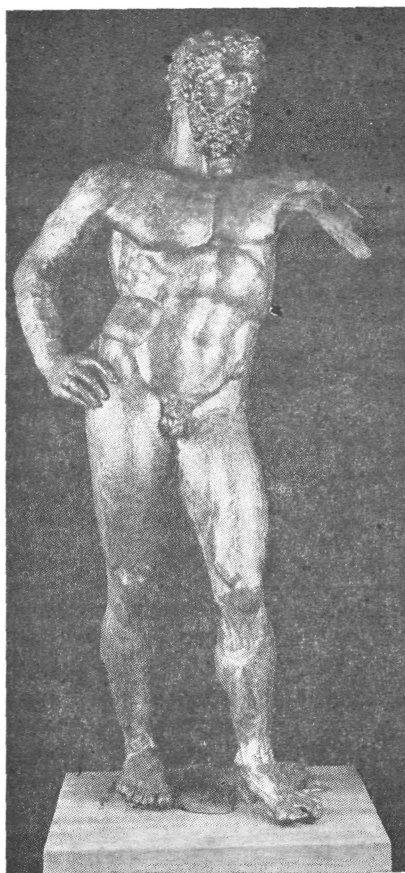

Рис. 15. Бронзовая статуя Геракла из Мезен

³³ Ф. Пеннакьетти (*Pennacchiotti F.* L'iscrizione bilingue greco-partica dell'Eracle di Seleucia // *Mesopotamia*. 1987—1988. XXII—XXIII) считает датой надписи 17 tir (парфянская версия) = 462 г. селевкидской эры (греческая версия), т. е. 5 июля 151 г. до н. э. Э. Морано (*Morano E.* Contributi all'interpretazione della bilingue greco-partica dell'Eracle di Seleucia // *Attes de la Rencontre de Turin de la Societas Iranologica Europaea*. Ser. Orientalia Romana, in print) понимает. Tir как теоним, соответствующий Аполлону греческой версии; дата, как считает Э. Морано, указана только в греческом тексте (462 г.).

³⁴ Может возникнуть вопрос: почему великий царь Вологез воздвиг бронзовую статую Геракла в Селевкийи — городе, чью значимость, по крайней мере экономическую, аршакидские правители постоянно старались приуменьшить (см. *Schippman K.* Grundzüge der parthischen Geschichte. Darmstadt, 1980. S. 58. Anm. 80). Можно было бы скорее ожидать, что статуя попадет в Ктесифон — царскую столицу и резиденцию, построенную по ту сторону Тигра, напротив Селевкийи. Конечно, посвящение статуи храму Аполлона Селевкидского не обязательно указывает на место ее изготовления, хотя и свидетельствует о какой-то особой связи с Селевкийей. Представляется возможным объяснить это конкретной политической ситуацией: Селевкийя могла оказать поддержку «царю царей» в его конфликте с царем Мезен. Ф. Пеннакьетти (L'iscrizione...) высказал предположение, что статуя была поставлена в Селевкийи по случаю годовщины вступления Митридата I в город (141 г. до н. э.).

³⁵ Hill G. F. // *BMC Arabia*. L., 1922. P. CXCV suiv., 289 suiv.; *Le Rider G.* Monnaies de Characene // *Syria*. 1959. 36. P. 229 suiv.

³⁶ На самых ранних тетрадрахмах указана дата 125/24 гг. до н. э.; ср. *Le Rider*. Suse... P. 382 — автор не принимает датировку Нодельмана, подсчитанную по вави-

взгляд, справедливо полагает Ватхик Аль-Салихи, в любом случае бронзовая статуя Геракла позволяет хотя бы отчасти представить себе, что скрывалось за именем «филлэллина», которое с гордостью носили великие аршакидские цари, если даже у вассальных правителей Харакены мы находим такие яркие свидетельства филлэллизма.

Учитывая размеры и стиль статуй, мне не кажется, что она обязательно была отлита в Антиохии-на-Оронте, как полагает ее издатель. Статуя могла происходить из мастерских какого-нибудь крупного города Селевкидского царства, возможно из Сирии или Месопотамии, где сохранялись древние традиции, но не исключено, что это могла быть и Селевкия. Тот тип изображения, который характерен для этой статуи, получил признание в Вавилоне; парфянские коропласты нередко воспроизводили его, хотя и не очень умело ³⁷.

А. Сейриг считает, что Селевкия была одним из центров изготовления бронзовых статуй, которые пальмирские аристократы, следуя примеру Парфии, ввозили из Месопотамии ³⁸. Хотя цари Харакены могли прибегнуть к услугам мастеров по бронзе, пользовавшихся большой популярностью в эллинистических и римских городах Сирии, сообщение с которыми шло через Пальмиру, однако размеры и стиль статуи Геракла свидетельствуют о том, что она была произведена в городе с более сильными восточными традициями.

Пока неясно, насколько в позднеэллинистическое (парфянское) время, когда была отлита эта статуя, изобразительному искусству эллинистических городов, и в частности Селевкии, удавалось сохранять художественные навыки школ средиземноморского бассейна. Несмотря на отсутствие прямых свидетельств, можно утверждать, что мастера, изготавлившие терракотовые фигурки, не утратили традиций искусства селевкидской эпохи. Что же касается бронзовой статуи Геракла, то я не исключаю, что она могла быть отлита в самой Селевкии греческим мастером, знакомым с художественными идеями Востока; возможно, школа Селевкии была настолько известна, что правитель Харакены пригласил оттуда мастера, чтобы тот изготовил статую бога — покровителя его династии.

Антонио Инверницци,
профессор Туринского университета

лонскому календарю (*Nodelman Sh. A. Preliminary History of Characene // Berytus. 1960. 13. P. 90*).

³⁷ *Invernizzi A. // La terra tra i due fiumi. P. 128, 184. Not. 125; idem // Héraclès...*

³⁸ *Seyrig. Palmyre... P. 7.*

© 1990 г.

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ В ЕГИПТЕ (1985—1987 гг.)

Уже несколько десятилетий крупнейший французский египтолог, академик, член Французской Академии надписей Ж. Леклан публикует в журнале «*Orientalia*» подробные отчеты о раскопках, проводимых учеными различных стран мира в Египте, Судане, а также в прилегающих районах Западной, Восточной пустынь и Красного моря. В этих отчетах содержатся данные о районах, где производилась археологическая разведка или велись раскопки, сообщаются имена участников экспедиций и организаций, их проводящих, указываются последние публикации отчетов, перечисляются новые находки.

Читателям журнала «Вестник древней истории» предлагается краткая информация о некоторых находках, сделанных в 1985—1987 гг. в египетской части долины Нила, подготовленная на основе этих отчетов.

Додинастический Египет

Буто. Выявленный здесь доисторический слой толщиной 1 м 50 см может быть датирован по обнаруженной керамике эпохой Нагада II *b*—*c*. Керамика Буто сходна с керамикой других поселений Нижнего Египта, в частности с Маади. Отдельные виды декора и форм керамики указывают на связь с Палестиной эпохи РБ/ІА. Прослеживаются контакты с Верхним Египтом, в особенности это видно по вещам, обнаруженным в найденном здесь «складе товаров», где имелись изделия типа «wavy handled». Среди черепков есть экземпляры, декор которых указывает на связь с колониями Урука в Северной Сирии (Amuq F). Другие предметы сходны с культурами Урук VI и VII. Ряд находок доисторического поселения Буто не находит аналогий в других культурах Нижнего Египта.

Вади Тумилат. Выявлено 71 поселение, относящееся к различным периодам истории Египта. В одном из них имелись додинастические предметы. Общее обследование показало, что до эпохи гиксосов в вади не было постоянного населения.

Маади. Здесь проводились раскопки додинастического поселения. Выявлены параллели между палестинской каменной индустрией и индустрией Маади. Культура Маади, следы которой отмечены от Буто на севере до эс-Саффа на юге, обнаруживает сходство с современными ей культурами Нагада I и Нагада II *a*—*c* в Верхнем Египте.

Магхара. Обнаружена обитаемая зона на западном берегу Нила. Проводилась расчистка площади в 375 м², найдено большое количество образцов каменной индустрии и керамики. Приблизительная дата заселения — 4000 г. до н. э., конец бадарийской эпохи, начало Нагада I.

Средний Египет. На восточном берегу Нила между Наг Хаммади и Кеной найдено несколько стоянок позднего палеолита. На западном берегу между Кеной и Луксором и к западу от Дендера — следы стоянок среднего палеолита. Между Наг Хаммади и Кеной на западном берегу, в эль-Халфайа Бахари было обнаружено додинастическое поселение. Это была большая населенная зона; сохранились черепки, каменные изделия. На востоке от нее располагался некрополь.

Асуан. Место, где велись раскопки храма Сатис, ранее было бастионом крепости протодинастической эпохи, размером 50 × 60 м. Город, который был окружен стенами и крепостью, существовал приблизительно в начале I династии. Наиболее ранние структуры храма Сатис можно отнести к концу доисторической эпохи. Исследованы также остатки поселения эпохи Нагада II или Нагада III.

Раннее царство

Миншат Абу Омар. 32 расчищенные гробницы относятся к додинастическому и раннединастическому периоду. Впервые здесь были обнаружены большие подземные погребения с помещениями, выложенными кирпичом-сырцом, сосуды из камня (около 80 экземпляров), керамические изделия большого размера, скелеты быков. Типология керамики и надписи на ней позволили отнести погребения к I династии. Размеры и богатство гробниц подтверждают важность этого поселения и позволяют судить о развитой социальной организации общества.

Факуса. В слоях, относящихся ко времени I династии, обнаружены остатки сооружений из сырца нового типа, а также керамические сосуды, сходные с теми, которые были найдены в других поселениях Египта. Эти новации определяют переход от доисторической культуры Дельты ко времени правления I династии.

Абидос. Проводились работы в раннединастическом некрополе Умм эль-Кааб. Исследования были сконцентрированы в самой древней части кладбища и в погребальном

комплексе Удиму. В комплексе Удиму была исследована часть лестницы, которая вела в главные комнаты и другие помещения. Среди найденных печатей одна содержала перечень царей, начиная от Хора Нармера. Из трех фрагментов таблечек один имел имя Хора Удиму и указание на праздник *сед*.

Старое царство

В *Ком эль-Хисн* были найдены остатки сооружений из сырца относительно хорошей сохранности. В центре основной зоны раскопок площадью 72 м² обнаружено шесть помещений различного размера, а также многочисленные кости животных, керамика, различная утварь. Собранные данные свидетельствуют о существовании здесь значительного поселения. Керамика характерна для V династии. Анализ ¹⁴C дал приблизительно дату 2600 г. до н. э. По всей видимости, в эпоху Старого царства Ком эль-Хисн являлся крупным провинциальным центром, имевшим экономические связи с другими поселениями Египта.

Большое количество керамики начала Старого царства было найдено в *Буте*. В начале мая 1987 г. работы велись в зоне, расположенной к северу от деревни Сехмави. Были найдены следы заселения доисторической эпохи и Старого царства. Обнаружена мастерская по изготовлению посуды из камня, которая, очевидно, существовала при III или IV династиях.

В *Тель Баста* выявлен дворец VI династии, расположенный около храма Пепи I. Продолжалась расчистка мастаб конца Старого царства.

В *Кантире* найдены фрагменты керамики эпохи Старого царства — уникальные для этого района.

Одна из мастаб, обнаруженная в *Куфур Негм*, как установлено, принадлежала крупному чиновнику из Бубастиса, по керамике и другим вещам ее можно отнести к концу IV — началу V династии.

При исследовании в районе *Факусы* оказалось, что поселения Старого царства были сконцентрированы по старому Танитскому рукаву Нила.

Гиза. Исключительное внимание в последние годы уделялось пирамиде Хеопса. Два французских архитектора — Ж. П. Гуадэн и Г. Дормион заметили аномалии в ее конструкции и сделали заключение о существовании пустот или неизвестных камер. Специальная группа кампании «Электричество Франции» провела исследование внутри пирамиды с использованием микрогравиметрического детектора. Полученные данные показали наличие коридора, ведущего в камеру, названную «камера царицы».

С 22 января по 9 февраля 1987 г. Миссия Университета Васеда (Токио) провела в секторе пирамиды Хеопса исследования с применением электромагнитных волн. Были обнаружены проходы или пустоты в пирамиде и неизвестные донные археологические следы вокруг памятника. Использование гравиметрии позволило определить глубину пустот (от 2 до 10 м) и различие в плотности. Внутри пирамиды Хеопса под землей было выявлено углубление величиной от 2,5 до 3 м. В комнате царицы, очевидно, была яма в западной части северной стены размером от 1,5 до 4 м. К югу от пирамиды Хеопса электромагнитные исследования подтвердили наличие ямы — 30 м длиной и 3 м шириной, известной с 1954 г. К югу от пирамиды найден засыпанный песком колодец; видимо, существовал туннель, ведущий из пирамиды наружу.

Велись исследования и в секторе Сфинкса. Около лапы с внутренней юго-восточной стороны обнаружено углубление величиной 2,5 или 3 м. Из других аномалий предполагают существование туннеля с ориентацией север — юг под Сфинксом. Выявлены и другие пустоты на уровне лап Сфинкса и под ними.

Абусир. Как и в предшествующие сезоны, продолжались раскопки погребального комплекса пирамиды Ранеферефа и изучение его архитектуры. Были найдены части основания, следы жертвоприношений. Обнаруженный перед погребальным храмом комплекс (hwt nmt), очевидно, был ритуальным помещением, где содержали жертвен-

ный скот и заготавливалось мясо. В восточном секторе некрополя, где покоились члены царской семьи конца V династии, были обнаружены три мастаба. Из тех мастаба, которые удалось идентифицировать, одна принадлежала писцу и воспитателю царских детей Иду; в ней было выявлено захоронение мужчины, умершего в возрасте 35—45 лет. Другая мастаба принадлежала царевне Уаджетнебу; в ней найден скелет молодой женщины 19—20 лет.

Саккара. Продолжались работы по реставрации погребального комплекса Джосера. Проводилась геофизическая и археологическая разведка к западу от пирамиды Джосера и к югу от гробницы Птаххотепа. Были найдены остатки погребальных колодцев. Продолжались исследования в погребальном комплексе Пепи I. В самой пирамиде были обнаружены тексты, которые сходны с теми, что начертаны на северной стене погребальной камеры. Собраны новые надписи с внешней стены храма, где упомянут Пепи I, «возлюбленный Мином Коптоса», а также 2500 фрагментов из песчаника, служивших декором храма. В погребальном комплексе Пепи I была завершена расчистка маленькой пирамиды-спутника и подходов к ней. Найдены папирусы, написанные иератикой и курсивными иероглифами. Велась работа по реставрации. Изучалась внутренняя часть главной пирамиды Исеси Джедкара. Был расчищен подход к пирамиде Пепи II. Исследовались погребальные покои Пепи II, проводилась первоначальная классификация блоков, содержащих надписи.

Дашур. В пирамиде Снофру найдены новые граффити, в которых содержатся описание истории сооружения пирамиды, даты по годам правления. В двух южных углах проводилась расчистка с тем, чтобы определить размеры памятника. Было установлено, что основание пирамиды сделано из песчаника карьеров Туры. Разведка позволила определить в 250—300 м к востоку от пирамиды следы стены. В северо-восточной части ограды пирамиды была найдена боковая дверь, ведущая во двор. Разведка проводилась среди группы мастаба, известных как «мастаба Лепсиуса», которые относятся к IV—V династиям.

В Шаруна закончена расчистка всех погребений Старого царства, собраны рельефы, содержащие сцены охоты, рыболовства с применением гарпуна, фрагменты надписей.

Асуан. К западу от храма Сатис были обнаружены остатки ограды поселения Старого царства и I Переходного периода. К югу от храма Хнума предпринимались раскопки жилища эпохи Старого и Среднего царств. Были найдены сосуды из камня IV династии и печати с именами Нефериркара, Джедкара (к югу от пилона храма Хнума).

Среднее царство и I Переходный период

Тель эль-Даб. К юго-западу от дворца XIII династии продолжалась расчистка царского сада и некрополя. Гробницы имели большие наземные надстройки из кирпича-сырца. Перед входом найдены остатки принесенных в жертву ослов и коз. Оружие и керамика имеют характерные сиро-палестинские черты эпохи СБ П/А. Напротив, архитектура гробниц представляется египетской. Обнаружена гробница прямоугольной (почти квадратной формы), относящаяся к XII — началу XIII династии. Это самое большое из найденных погребений; очевидно, оно принадлежало к дворцовому сектору.

Саккара. Обнаружен некрополь из 34 гробниц, где были похоронены чиновники поздней гераклеопольской династии. Один из найденных папирусов, небольшого размера, содержал «заклинание, чтобы войти в храм», другой — изображение и текст, связанный с получением Хором своего глаза. Возможно, текст относится к типу числовых гимнов — одно из имен Сенусерта III фигурирует в нем с многочисленными вторыми.

Лisht. Продолжались работы в пирамидальном комплексе Сенусерта I. После расчистки обнаружили следы пирамиды царицы Неферу. В пирамиде царского «ка» раскопан южный колодец с двумя помещениями из песчаника и запасной системой подхода с севера, комнаты царя и царицы Неферу.

Карнак. Закончено исследование блоков I Переходного периода, Среднего царства и II Переходного периода; их общее число доходит до 400. Завершена реставрация «белого святилища» Сенусерта I.

Новое царство

Кантур. Исследования проводились в слое, который может быть датирован эпохой Сети I и Рамсеса II (отдельные структуры принадлежат Рамсесу III). В слое «С» имелись остатки керамики начала и середины XVIII династии. Расчищены пять новых пилонов с триумфальными сценами Сети I, узурпированные Рамсесом II, обнаружены остатки 18 пилонов с надписями, содержащими имена Сети I и Рамсеса II, керамика, скарабей Аменхотеп II, два фрагмента стелы в стиле амарнской эпохи, цоколь статуи Меренптаха, фрагмент стелы Рамсеса II.

Саккара. Проводились раскопки и исследование гробниц высших чиновников эпохи Рамсеса II. Среди датированных гробниц следует выделить гробницу вельможи Хаи и его жены Та-урет-хетепи, «певицы Амона», эпохи Рамсеса II или несколько более поздней, а также гробницу Рамоса, главы лучников конца XVIII династии. Исследован погребальный комплекс Маи, казначея Тутанхамона, и его жены Мерит, «певицы Амона». Выявлено определенное сходство с погребением Хoremхеба. Во внутреннем дворе находился портик из 12 колонн, на одной из них сохранилась надпись. Велась работа во дворе для совершения жертвоприношений и в прилегающих к нему боковых святилищах, а также их расчистка и консервация.

Мемфис. В юго-западной части поселения Ком Раbia наиболее древние следы относятся ко второй половине XVIII династии. Так, например, найдены оправы кольца Тутанхамона, кольца и скарабеи фараонов от Аменхотепа III до Рамсеса I. Были сделаны копии надписи с песчаникового колосса Рамсеса II из музея Мит-Рахине.

Тель эль-Амарна. Исследованы различные секторы города. Собраны фрагменты эгипетской росписи. Около колодца обнаружены руины здания, видимо, официального назначения. Исследовалась главная часть города, велась работа в храме Атона. Найдены многочисленные кольца из фаянса с именем Тутанхамона. Начато изучение малого храма Атона.

Карнак. Продолжались работы в различных секторах большого храма Амона. Создан макет храма Амона Ипет-сут, предпринято изучение колоннады Хатшепсут. Было найдено более 200 предметов, блоки с именами фараонов Тутмоса II и III, Аменхотепа I и III, изучались другие памятники района, talatat Аменхотепа IV. Блоки из «красного святилища» Хатшепсут выставлены у входа в музей на открытом воздухе. Проводились работы в храме Мут и на прилегающей территории. Осуществлялась подготовка к публикации большого топографического плана Карнака. Предприняты систематизирование и изучение I пилона храма Амона.

Луксор. Найдена новая стела эпохи Тутмоса IV. На ней изображен фараон, приносящий дары Амону. Текст, к сожалению, сильно поврежден, но читается дата — «1 год Тутмоса IV». Сети восстановил здесь имя Амона, которое было уничтожено при Аменхотепе IV. Более 2000 фрагментов эпиграфики собрано во дворе Аменхотепа III и на колоннаде; найдено более 100 talatat Аменхотепа IV. Некоторые блоки имели картуш Тутанхамона и следы повторного использования. Это может служить основой для предположения, что Тутанхамон, а не Хoremхеп уничтожал храмы Эхнатона в Карнаке. Выявлено 108 новых фрагментов времени Тутанхамона, относящихся к колоннаде, а также ряд других фрагментов фараонов XVIII династии.

Левый берег. Велась работа в храме Сети I в Гурна, изучались гробницы знати эпохи XVIII династии, эпохи Рамессидов. Продолжались исследования в гробнице Хнуммуса, «писца амбара Амона и божественных подношений Амону», жившего, очевидно, при Тутмосе IV и Аменхотепе III. Велась работа в Дейр эль-Бахри, в частности в погребальном храме Тутмоса III.

Проводились работы в гробнице Джхутимеса, в погребении Хепусенеба, верховного жреца Амона при Хатшепсут, который использовал для себя одну из гробниц Среднего царства, а также в гробницах других чиновников эпохи XVIII династии. Велись работы в погребальном храме Хатшепсут. В долине царей исследовались погребения цариц Туи и Нефертари.

Изучался храм в *Мединет Абу* эпохи XVIII династии, вели работу эпиграфисты, исследовался декор. После расчистки была выявлена внешняя ограда храма Рамсеса III.

Тод. Продолжались раскопки алтаря Тутмоса III. Верхний слой содержал следы заселения более поздней эпохи, много различных образцов керамики, происхождением своим, очевидно, связанных с Асуаном. Найдена система канализации для снабжения водой храма эпохи XVIII династии, ее длина 17 м.

Поздний период

Танис. В сезон 1986 г. проводились раскопки в царском некрополе в тех секторах где не работала экспедиция П. Монте. Изучение погребения Осоркона II показало, что он использовал сооруженное ранее углубление, перестроив старое помещение. Видимо, первоначально гробница принадлежала Смендесу, основателю XXI династии. Были найдены вновь использованные блоки из храмов Пи-Рамсес, фрагменты ушебти Осоркона III. Собраны обломки песчаника от стены храма Хонсу времени Нектанеба I, изучались фрагменты большого здания Шешонка V.

Герacleopol. Проводилась расчистка некрополя высших чиновников эпохи III Переходного периода. Найдены новое погребение Танетимен, дочери первого пророка Амона Смендеса, 397 ушебти, «сердечный» скарабей, канопы с надписями.

Гермополь. Обнаружены статуя фараона, очевидно, XXX династии из красного гранита, остатки конструкций из кирпича-сырца эпох XXV—XXVI династий, велись раскопки в храме Тота. Были найдены поселения, относящиеся к III Переходному периоду, жилища, очаги, печи, кувшины, различные по типу керамические вещи, три черепка — характерный импорт из Палестины.

Карнак. В центральной зоне храма Амона обнаружены архитрав с именем Тахарки, а также основание стелы или статуи XXV—XXX династий.

Эдфу. В большом дворе храма были найдены многочисленные блоки, использованные повторно, которые представляли «юбилейные врата» эфиопского властелина

Э. Е. Кормышева

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Прежде чем открыть в журнале «круглый стол», посвященный обсуждению творческого наследия академика М. И. Ростовцева, редколлегия решила опубликовать еще одну работу ученого, представляющую определенный историографический интерес. Речь идет о его небольшой статье «Иранский конный бог и юг России», написанной в 1926 г. специально к юбилею С. А. Жебелева.

К сожалению, сборник в честь С. А. Жебелева, полностью подготовленный к изданию, в 1926 г. так и не вышел в свет. В настоящее время имеются сведения только о нескольких полных машинописных экземплярах этого сборника, один из которых хранится в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина¹.

Текст статьи М. И. Ростовцева, положенный в основу данной публикации, был разыскан в архиве Государственного Эрмитажа². Этот машинописный вариант принадлежал когда-то одному из учеников М. И. Ростовцева и С. А. Жебелева — Григорию Иосифовичу Боровке — директору Эрмитажа, жизнь которого трагически оборвалась в 1936 г. На папке со статьей М. И. Ростовцева, которая ныне в архиве ГЭ выделена в самостоятельную единицу хранения, значится: «Поступило в архив из библиотеки VI/1936 г. В библиотеку было передано из секретной части (бумаги Г. И. Боровки)».

Понимая, что перед нами скорее документ эпохи, нежели чем проблемная статья, мы решили ограничиться минимальным количеством комментариев, содержащих ее оценку, и сделали акцент на историко-научное значение данной работы М. И. Ростовцева.

Обнаружил статью в архиве ГЭ, подготовил ее к изданию и частично составил комментарии к ней В. Ю. Зуев. Часть комментариев написала И. А. Левинская. В публикуемом здесь тексте прямыми цифрами указаны развернуты нами ссылки М. И. Ростовцева на литературу, а цифрами курсивом — комментарии к статье.

© 1990 г.

М. И. Ростовцев

ИРАНСКИЙ КОННЫЙ БОГ И ЮГ РОССИИ

Не хотелось бы мне, дорогой и далекий друг мой, чтобы сборник в Твою честь (как мы постарели! Давно ли мы издавали сборники в честь наших учителей?) не содержал хотя бы нескольких строк, написанных мною. Судьба нас разлучила, но узы дружбы и общность интересов продолжают соединять нас и через океан.

Когда-то, когда мы еще были вместе и когда наша небольшая группа («иных уж нет, а те далече») так дружно работала над историей и археологией Юга России, в Твое секретарство и под председательством незабвенного П. В. Никитина², я прочел в заседании Археологического Общества, ныне, как я слышал, покойного³, док-

¹ Древняя Греция и древний Рим. Указатель литературы 1895—1959. М., 1961, № 407.

² Архив ГЭ, ф. 1, оп. VIM, ед. хр. 57. В процессе подготовки статьи к изданию ее текст был сверен с одним из полных экземпляров сборника в честь С. А. Жебелева, который хранится в библиотеке им. М. Горького (ЛГУ) — шифр: Н III 1025.

лад⁴: «Представления о монархической власти в Скифии и на Боспоре», позднее напечатанный в «Известиях Археологической Комиссии»¹.

В этом докладе я старался доказать, что ряд изображений на золотых и серебряных вещах из скифских курганов IV и III вв. до Р. Хр. имеют несомненно религиозный характер и изображают инвеституру царя богом или богиней, приобщение царя власти через посредством священного напитка, поданного богом или богиней царю в священном ритоне. Наиболее ясны и убедительны сцены на вещах из Карагадеуаша: приобщение принца Великой богиней на золотой пластинке головного убора царицы и приобщение конного царя конным же богом на ритоне царя.

В упомянутой статье, а затем в моей «Декоративной живописи»², а также в статье в *Revue Etudes Grecques*³ я старался доказать, что идея приобщения — иранская, что приобщающий бог есть верховный бог Иранского Пантеона — Аурамазда, а богиня — Великая доарийская богиня-мать. На иранский характер религиозных идей так ясно указывают фигуры врагов, простертые под ногами лошадей бога и царя.

В тех же статьях я отметил, что тип сцены, с которым мы впервые встречаемся в IV в. до Р. Хр. и который, по-видимому, переработан был (если не создан) греческими мастерами, пантикапейской школы для скифов, не исчез из религиозного обихода позднейшего времени, поскольку этот религиозный обиход был иранским и при этом удержался не только на Западе, но и на Востоке. Об этом свидетельствовали для Востока изображения конных царя и бога с простертыми под ногами их лошадей врагами на сасанидских печатях, часть которых я опубликовал, а для Запада — ряд вотивных иконок из камня и свинца, находимых в большом количестве на Дунае и во всех фракийских провинциях Рима, большей частью II и III вв. по Р. Хр. Огромную лакуну между IV в. по Р. Хр. и III и следующими веками по Р. Хр. мне в то время заполнить не удалось, но связь мне представлялась несомненной⁵.

Новейшие находки на Западе и ряд памятников, на которые я в свое время не обратил внимания, на Востоке заполнили теперь эту лакуну. Об этом мне и хотелось поговорить в этой короткой статье.

Начну с Запада. Сцена приобщения царя богиней никогда не исчезала из фракийского религиозного обихода. Недавние находки в Болгарии делают это несомненным. К тому же времени, что и памятники Юга России, относится кольцо с выгравированной на нем сценой приобщения, недавно найденное в Брезово и опубликованное Б. Филовым в «Известиях Болгарского Археологического Общества» и в «*Römische Mitteilungen*»⁴. Та же сцена распределена между двумя фаларами из Галича, о которых я говорю в статье в память нашего общего учителя и друга Н. П. Кондакова⁵. Фалары эти, как я доказывал в этой статье, относятся к позднеэллинистическому времени, ко II—I вв. до Р. Хр.

Богиня этих болгарских памятников, конечно, местная «Великая Мать», по существу та же, что и на юге России. Культ ее был исконным доарийским культом Фракии, как был он исконным культом доарийского населения не только Юга России, но и Малой Азии и Ирана. Во Фракии, как и в других арийских местностях, он сочетался с культом великого бога. Этот великий бог и на Юге России, и в Малой Азии, и в Иране часто изображался конным, как это и естественно для первоначально конных кочевых народов, впервые, вероятно, познакомивших с лошадьёю и Азию, и Европу. Особенно прочно привился этот тип бога во Фракии. Об этом свидетельствуют новейшие находки в Разграде (I в. по Р. Хр.), опубликованные Г. Кацаровым в *Arch. Anzeiger*⁶. Здесь на ряде табличек изображена как «Великая мать» в ее богатом уборе, так и конный бог с ритоном в руке. Об этом же свидетельствуют и сотни вотивных рельефов Фракии, изображающие бога-охотника, Героя — прототип главного святого нынешних Болгарии и Сербии — Георгия Победоносца.

¹ Ростовцев М. И. Представления о монархической власти в Скифии и на Боспоре. ИАК, в. 49, СПб., 1913, с. 1—62, 133—140, табл. I—VII, XI—XII.

² Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. Изд. ИАК, СПб., 1913 (атлас), 1914, т. I, с. 318, 319.

³ Rostovtzeff M. Le culte de la Grande Déesse dans la Russie meridionale. *Revue des Etudes Grecques*. Paris, t. XXXI (1918), 1920, Planche I; XXXII (1919), 1921, Planche II, p. 462—481.

⁴ Филлов Б. Памятники на тракийското изкуство. ИБАД, VI, 1916/18, с. 1—56; Filow B. B. *Denkmäler der thrakischen Kunst. Mitteilungen des kaiserlich Deutschen Archaeologischen Instituts. Roemische Abteilung*. Bd. XXXII, 1917, S. 21—73, taf. 1.

⁵ Ростовцев М. И. Сарматские и индоскитские древности. *Recueil Kondakov*, Прага, 1926, с. 239—258.

⁶ Kacarov G. *Neue Denkmäler zur Religionsgeschichte Thrakiens. Archaeologischer Anzeiger*, XXXVII, 1922, S. 183—201.

На памятниках фракийской религии идея приобщения, по существу иранская, и идея бога-победителя зла не умерла. Мы встречаем ее и на памятниках Малой Азии I в. до Р. Хр. и на Разградских рельефах, и с особой силой позднее, на votивных Дунайских табличках, о которых я уже говорил и которым посвятил особую статью в *Mémoires* Французской Академии⁷. На них мы видим «троицу»: в центре «Великую мать», по сторонам удвоенного «конного бога», назовите его Диоскурами с греками, Кабирами с самофракийцами, Героями с фракийцами или Мифрами, как их, вероятно, называли солдаты римской Дунайской армии. Характерно то, как глубоко пропитан культ этих близнецов иранскими идеями: тут и идея мистического приобщения, и идея победы над злом или над первобытными силами природы и почти вся серия мистических обрядов иранского мифрийского ритуала.

Так было на Западе. Не умерла идея и ее художественное воплощение и на иранском Востоке. В упомянутых статьях своих я старался доказать это для Юга России, в ее «сарматскую» эпоху, сменившую скифскую. Фигура царя на лошади, получающего приобщение от бога или богини или адорирующего бога или богиню, становится обычной на монетах и других памятниках Боспора с того времени, как Боспор во II и III вв. до Р. Хр. сильно иранизировался и его правящая династия сделалась из греческой и греко-фракийской ирано-греческой или даже совсем иранской с таким же небольшим греческим налетом, как и в современной Парфии. Мое толкование фигуры царя на монетах и погребальных венцах Боспора было поставлено под сомнение А. В. Орешниковым⁸. Жест царя он считал не жестом адорации, а жестом адлокуции, заимствованным с современных римских монет. Думаю, что А. В. Орешников ошибается. Жест адлокуции понятен тогда, когда перед императором или царем имеются слушатели-солдаты. Но на монетах и памятниках Боспора таких слушателей нет, а есть либо алтарь, как на одной золотой погребальной диадеме, или бюст, или фигура Великой богини на контрмарке или на обороте, как на монетах⁹.

Не вполне уверен я и в том, что на всех римских памятниках поднятая рука императора воспроизводит жест адлокуции, а не жест адорации. Особенно сомнительно это мне для памятников и монет М. Аврелия. Всем известны глубокая стоическая религиозность М. Аврелия, его вера в Высшее существо, его глубокий, подчас молитвенный экстаз. Что может быть естественнее, чем превращение на его статуях жеста адлокуции в жест адорации?

Интересно, что ту же эволюцию фигуры конного царя, которую мы наблюдали для Боспора, проделала и фигура конного царя на монетах его ближайших родственников — индо-скифских царей и царьков Северной Индии. На монетах индо-греческих царей долины Кабула и Пенджаба — Антимаха, Гиннострата, Гермия (конец II в. до Р. Хр.) мы видим часто чисто греческую фигуру царя-воителя, в греческой паноплии, атакующего врага в обычной схеме греческого героя кавалериста⁹, почти то же, что мы видим и на монетах Боспора I в. по Р. Хр.

Эту конную фигуру царя удерживают и индо-парфянские или сакские цари Северной Индии. Она — постоянный тип царя Азы I, властителя Таксилы и Западного Пенджаба¹⁰ и попадает также позднее. Но рядом с ней на монетах парфянских царей Мауы (Maues, Таксила), Вонона и его братьев (Дрангиана), Азы I и его преемников Азилиса и Азы II (Таксила), а также на монетах индо-парфянских царей долины Инда-Гондфорна и его преемников появляется новый тип царя-всадника. Эти цари не носят более греческого костюма и греческого вооружения, они не атакуют врага, как их греческие коллеги. Как их родственники на Боспоре, они сидят торжественно на лошади, в своем иранском костюме, часто с луком и колчаном и поднимают правую руку, в которой иногда видна нагайка, иногда другой трудно распознаваемый предмет. Иногда, впрочем, рука просто поднята без атрибута в ней.

Нет сомнения, что все эти цари адорируют божество. Нагайка, как и для скифских царей (известно, что она часто хоронилась со скифским царем вместе с другими символами власти — секирой и скипетром), для них символ власти. Возможно, что на некоторых монетах неясный атрибут надо толковать как секиру или скипетр. Параллель с Югом России получается почти полная. Не забудем, что саки и парфяне такие же иранцы, как и сарматы. Я все еще убежден, несмотря на возражения Фасмера, что имя сарматов дано было греками по недоразумению первым племенам саков, надвинувшим-

⁷ Rostovtzeff M. Une tablette votive thraco-mithriatique du Louvre. *Mémoires présentés à l'Académie des Inscriptions*. Paris, XIII, 2, 1923, p. 385—415, tab. I—VI.

⁸ Орешников А. В. Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского Побережья. Нумизматический сборник, т. III, М., 1914, с. 64—68.

⁹ Smith V. A. *Catalogue of the Coins in the Indian Museum, Calcutta, Including the Cabinet of the Asiatic Society of Bengal*. Oxford, 1906, vol. VI, 3, 4 (Антимак), 7 (Гиннострат), 11 (Гермэй).

¹⁰ Там же, с. 43, № 3—22.

ся на Юг России в эпоху Александра и его первых преемников с юго-востока. Они появились в греческом кругозоре из-за Дона и Азовского моря, мест, где жили знакомые грекам мсотийцы-сарматы, несомненно сильно иранизированные, особенно в высших слоях, за долгое время господства над ними скифов. Отсюда скифский диалект, на котором они говорили, по свидетельству Геродота.

Ясно, таким образом, что тип конного царя, молящегося Великому богу, не умер на Востоке. Думается, что не умер и тип конного бога. На монетах кушанов тип конного царя исчезает. Как и на монетах Боспора и ранее на памятниках Скифии, рядом с фигурой царя в типично сарматском вооружении (типичный конический шлем, чешуйчатый или кольцевой панцирь, типичный меч) на обороте монет появляются боги Кушанского Пантеона, все с иранскими именами, большей частью в полугреческих, иногда в греко-индийских образах. На одной из этих монет из коллекции А. Cunningham'a ¹¹ на обороте изображен конный бог с двумя (?) головами. Легенда ΜΑΖΔΟΟΑ-ΝΟ.

Эту легенду E. W. West ¹² объясняет или как «Mazda smiting», т. е. уничтожитель Мазды (принимая, что царь был врагом культа Мазды, что, конечно, невозможно) или как «the spiritual faculties of Mazda», что гораздо более вероятно. К сожалению, этой монеты в оригинале или в воспроизведении я не видал.

С этим рядом памятников надо сопоставить некоторые другие, которые относятся к тому же кругу идей и изображают либо бога, либо молящегося царя верхом на лошади или на другом, часто фантастическом животном. На одной серебряной чашке из дер. Нижне-Шахаровки Красноуфимского уезда Пермской губернии с пехлевийской надписью, разобрать которую покойному академику К. Залеману не удалось ¹³, изображен на доннышке сосуда индо-скифский всадник, с длинными прямоспадающими волосами в скобку, в типичном сарматском костюме (кафтан с отворотами, нож, штаны, мягкие сапоги) и с типичным горитом на седле. Уздечка лошади также типично сарматская (круглые фалары на соединении ремней). К сожалению, описания чаши Смирнов не опубликовал. Судя по фотографии, за плечами этого всадника изображен либо месяц, либо нимб. Если это так, то перед нами, несомненно, либо царь, либо бог ⁷. Полумесяц за плечами бога обычен на кушанских монетах, изображающих бога Месяца ¹⁴. Одновременно и позднее кушанские обожествленные цари изображаются с атрибутами богов и нимбом за плечами. Особенно часты такие изображения на монетах Хувиски и Васудевы. Вопрос о дате сосуда неясен. Смирнов датирует его VII—VIII вв. по Р. Хр. на основании сходства с китайско-тюркскими монетами. На мой взгляд, аналогии с кушанскими монетами более убедительны, и я датировал бы чашку III—IV вв. по Р. Хр., никак не позже.

Несомненно, к тому же ряду памятников принадлежит и фигура всадника, давно уже находящаяся в Эрмитаже, найденная около речки Малый Туй в Пермском уезде, Пермской губ. Статуетка эта недавно была опубликована А. В. Шмидтом в «Записках Коллегии Востоковедов» ¹⁵. Сохранились только человеческая фигура и седло; лошадь не была найдена. Костюм всадника — сарматский. Кафтан или рубашка со складками (не кожаный, а из мягкой материи), пояс, мягкие штаны и сапоги. Всадник бородат и с пышной шевелюрой. Глаза молитвенно обращены в небо. В правой руке он, как кажется, держит нагайку, в левой — вожжи лошади. Схема, следовательно, та же, что и на монетах индо-скифских царей. Фигура всадника — полая. Верх головы служит крышкой и прикреплен на шарнире. Работа — грубая.

Шмидт относит всадника к позднему времени — VI—VII вв. по Р. Хр. — и считает ее среднеазиатского дела. Со вторым я согласен, с первым — нет. Помимо сходства с индо-скифскими и некоторыми кушанскими монетами голова всадника разительно напоминает головы скульптур Гандары из тука и камня ¹⁶, голову Яксы в Берлинском этнографическом музее ¹⁷, фигуру Вармапана ¹⁸ и ряд других голов, стоящих,

¹¹ См.: Babylonian and Oriental Record. Vol. II, № 2, 1887, p. 43, 44.

¹² West E. W. Notes on indo-scythian coin-legends. Babylonian and Oriental Record. Vol. II, № 10, London, 1888, p. 236—239.

¹³ Смирнов Я. И. Восточное серебро, атлас. Изд. ИАК, СПб., 1909, т. XX.

¹⁴ Smith V. A., ук. раб., Kanishka — p. 70, № 3, 4; Huvishka — p. 76, № 4, tabl. XII, 9—10, где бог изображен с мечом на поясе и с узлом в руках; костюм его негреческий, прическа индийская, надпись — Мао.

¹⁵ Шмидт А. В. Туйский всадник. Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее РАН, т. I, Л., 1925, с. 410—434, табл. I.

¹⁶ См.: Annual Report/Museum of Fine Arts. Boston, 1912/1913, tabl. XVII.

¹⁷ Foucher A. L'art Greco-bouddhique du Gandhara, étude sur les origines de l'influence classique dans l'art bouddhique de l'Inde et de l'extrême-orient. Paris, t. II, 1918, с. 23, рис. 313.

¹⁸ Там же, с. 49, рис. 326.

как это усмотрел и Шмидт, под влиянием типа Геракла. Костюм Туйского всадника обычен на статуях дарителей искусства Гандары¹⁹. В фигуре Эрмитажа я поэтому склонен был бы видеть фигуру молящегося царя индо-скифского или кушанского периода.

Ближайшую аналогию Туйскому всаднику дает бронзовая позолоченная фигура всадника, едущего на фантастическом льве, которую мне удалось увидеть недавно в коллекции Лoo в Нью-Йорке (ныне в Париже). Фигура несколько меньших размеров, чем Туйская (h — 12 см, l — 10 см). Всадник бородат, усат, простоволос, в кожаном кафтани и широких штанах с вышитыми елочкой лампасами, в мягкой обуви. В обоих ушах круглые серьги. Глаза узкие, не раскосые. В правой руке он держит большой стакан, в левой — патеру. Всадник, очевидно, либрирует. Сидит он верхом на фантастическом крылатом льве с двумя парами крыльев на передних и на задних ногах. Грива льва стилизована: на груди она имеет форму пальметки, на сторонах — форму двух стилизованных кос. Пасть открыта, язык высунут. Фигура — полая. Верх головы (потерян) служил крышкой. Три гвоздя фигура была прибита к какой-то плоской поверхности, вероятно, деревянной.

Место, где статуэтка, была сделана, определяется типом головы всадника, его костюмом и характером фигуры льва. Фигура человека необычайно близка фигурам индо-скифских и кушанских царей на монетах. Но особенно убедительно сближение фигуры льва с фигурами львов гандарского искусства²⁰. Эта стилизация льва так необычна, что в североиндийском происхождении нашей статуэтки сомнения быть не может.

Религиозный акт, который совершает человек на льве, обычен в гандарской религиозной скульптуре. На одном фрагменте из Лагорского музея изображен, например, либрирующий кушанский царь или князь перед фигурой Будды. Патеру с крышкой ему подает слуга в индо-скифском costume²¹.

Назначение двух фигур — Туйской и мною описанной — несомненно одинаково. На него указывает то, что обе статуэтки полые и что верх головы статуэток служил крышкой. Кроме того, несомненно, что обе статуэтки не были питьевыми сосудами. Статуэтка из коллекции в Лoo несомненно украшала крышку какого-либо ящика или большого сосуда. Ясно, что назначение статуэтки или предмета, на котором статуэтки были укреплены, может быть только религиозным. Сосуды-всадники служили или для либаций, или для воскурений. Недавно открытый реликварий Канишки²² сделан из такой же позолоченной бронзы, что и фигура из коллекции Лoo, и украшен большими фигурами на крышке. На корпусе реликвария изображен в рельефе царь Канишка между богами — Месяцем и Солнцем.

Для меня поэтому не может быть сомнения в том, что и обе статуэтки, как и фигура всадника на серебряной чашке из Эрмитажа, идут из Индо-Скифии, имеют религиозное значение и изображают индо-скифских царей, царьков или знат в акте молитвы. Так же, как и фигуру бога, я трактовал бы фигуру всадника на каменном круге из Таксилы, опубликованную О. М. Dalton'ом²³. Не могу не отметить и разительной аналогии между фигурой из коллекции Лoo и богиней жертвенной чаши из Petroasa. Я имею в виду статуэтку богини с большим стаканом в руке в центре золотой патеры. Индо-скифское происхождение этой чаши и многих других предметов клада мне представляется весьма вероятным.

Царь на фантастическом звере унаследован был и сасанидским искусством. Наиболее блестящей иллюстрацией этого являются два фрагмента шелковой ткани из Берлинского музея, на которых изображены сасанидские цари на грифоне и на крылатой лошади на охоте²⁴.

Все эти сопоставления показывают, что и на Востоке, как и во Фракии, непрерывающаяся традиция ведет от памятников IV в. до Р. Хр. до памятников IV в. по Р. Хр., от ритона Карагодеуашха к печатям сасанидских царей.

Далеко увели нас, дорогой Сергей Александрович, аналогии и сближения, далеко в сердце Азии. Но не нам с тобою этому удивляться. Мы давно знаем и давно следим за тем, как одна волна за другой накатывалась из Азии на нашу родину и как каждая оставляла глубокий след в истории и культуре России⁸.

¹⁹ Там же, с. 93, рис. 351, 352.

²⁰ См., например, фигуру льва из музея Лагора с такой же стилизацией шерсти на груди в виде пальметки, с такими же большими выпуклыми глазами и с тем же высунутым языком. Foucher A., ук. раб., т. I, 1905, с. 211, рис. 88 в; ср. боковые косы. Того же типа и две другие фигуры львов из того же музея — там же, с. 216, рис. 92 а, в; и фигура льва из музея Лакнау — из Мафур — там же, с. 217, рис. 93.

²¹ Foucher A., ук. раб., т. I, с. 95, рис. 353.

²² Foucher A., ук. раб., т. II, 2, табл. в конце тома.

²³ Dalton O. M. The Treasure of the Oxus. London, 1905, tabl. XXIX.

²⁴ Sarre F. Die Kunst des alten Persien. Berlin, 1923, tabl. 98, 99.

⁴ Статья М. И. Ростовцева «Иранский конный бог и юг России» завершает большой цикл работ ученого, посвященный анализу роли религиозных представлений в социально-политической жизни Причерноморской Скифии и Боспорского царства эллинистической и римской эпох. Эта статья-эссе была написана М. И. Ростовцевым в самом начале 1926 г., когда историки нашей страны готовились отметить 55-летний юбилей академика С. А. Жебелева. К этой годовщине коллеги и ученики С. А. Жебелева, в лучших традициях науки, собиравшись издать большой сборник научных работ, для которого М. И. Ростовцев и написал публикуемую здесь статью.

С. А. Жебелева и М. И. Ростовцева еще со студенческих лет связывала близкая дружба, которая зародилась не без влияния их учителей — Н. П. Кондакова и П. В. Никитина. Впоследствии их объединяли общие интересы и дела в Русском археологическом обществе (РАО), где С. А. Жебелев долгие годы был секретарем Классического отделения, а М. И. Ростовцев с 1916 по 1919 г. — управляющим этим же отделением, в Университете — где они оба преподавали, в Институте искусств графа Зубова и в Ученом совете Эрмитажа, куда эти ученые были избраны в начале 1918 г. После отъезда М. И. Ростовцева за границу в июне 1918 г. С. А. Жебелев взял на себя заботу о сохранении той части архива друга, которую ему удалось собрать при реорганизации Государственной Археологической Комиссии. В 1924 г. С. А. Жебелев по своей инициативе и при поддержке Н. Я. Марра и Б. В. Фармаковского берется за нелегкий труд издания первого тома книги М. И. Ростовцева «Исследование по истории Скифии и Боспорского царства», которому он дал свое название — «Скифия и Боспор». Вышедшая в 1925 г. книга стала не только событием для отечественной исторической науки, но и своеобразным дружеским подарком М. И. Ростовцеву.

Судьба сборника в честь С. А. Жебелева, в которой должна была войти статья М. И. Ростовцева, самым неожиданным образом переплелась с судьбой дружбы этих двух ученых. Дело в том, что издать этот сборник в 1926 г. не удалось из-за присутствия в его составе авторов, эмигрировавших из России. Вместо него ученики С. А. Жебелева выпустили маленькую изящную книжечку, изданную Комитетом популяризации художественных изданий в количестве 100 пронумерованных экземпляров (Сергей Александрович Жебелев. Л., Изд. КПХИ, 1926. Книга содержит краткий обзор трудов С. А. Жебелева, составленный И. И. Толстым, и их библиографию, подобранную А. И. Доватуром). Огорченный неудачей с изданием сборника статей своих коллег (первого юбилейного научного сборника, запрещенного цензурой), С. А. Жебелев поместил в одном из эмигрантских изданий в 1927 г. весьма резкое интервью о положении науки в России за минувшее десятилетие (см. об этом: Миллер М. А. Археология в СССР. Мюнхен, 1954. С. 49). Это интервью вызвало резкое недовольство прежде всего руководства Главнауки. Когда на следующий год в состав действительных членов Академии наук баллотировались новые ее члены (Н. И. Бухарин, Г. М. Кржижановский, В. М. Фриче и др.), руководство Главнауки поставило перед Академической конференцией ультимативное требование об исключении из состава Академии наук еще до намечавшихся выборов трех ее членов — известного экономиста П. Б. Струве — с 1928 г. эмигранта, крупнейшего русского антиковеда М. И. Ростовцева, также считавшегося в 1928 г. эмигрантом, и С. А. Жебелева, получившего после его интервью нежелательную репутацию оппозиционера. Чтобы спасти С. А. Жебелева от травли в печати и возможных репрессий, С. Ф. Ольденбург предложил ему возможный вариант спасения — самому внести на заседании Академической конференции предложение об исключении М. И. Ростовцева и П. Б. Струве, что и было им сделано. Так в 1928 г. из АН СССР впервые были исключены два ее действительных члена, которые до конца своих дней справедливо отрицали законность этой меры, считая ее беспрецедентной. После исключения из Академии отношения М. И. Ростовцева с С. А. Жебелевым навсегда прервались, и с ними умерла их 38-летняя дружба, хотя М. И. Ростовцев с пониманием относился к положению, в котором оказался С. А. Жебелев. Весьма любопытно, что в том же 1928 г. АН СССР приняла постановление, по которому советским ученым категорически запрещалось впредь принимать участие в зарубежных изданиях совместно с эмигрантами (см. об этом: К. К. Пять «вольных» писем В. И. Вернадского к сыну // Минувшее: Исторический альманах. Paris. Athenaeum. 1989. Вып. 7. С. 424—458).

² Петр Васильевич Никитин (1849—1916) — академик, профессор и ректор Санкт-Петербургского университета, один из учителей М. И. Ростовцева и С. А. Жебелева. В последнем, девятом томе «Записок Классического отделения РАО» (Пг., 1917, с. 6—19, 33—41) М. И. Ростовцев и С. А. Жебелев посвятили памяти П. В. Никитина большие статьи. После смерти П. В. Никитина М. И. Ростовцев занял в РАО его место управляющего Классическим отделением и оставался им с 7 декабря 1916 по 1 февраля 1919 г., когда был смещен, «за отсутствием», Б. В. Фармаковским, возглавлявшим Классическое отделение РАО до конца его существования.

³ История Русского археологического общества 1917—1924 гг. по существу неизвестна в деталях и представляется пока весьма туманной для историков отечественной науки. В период 1920—1925 гг., когда общественные научные организации России либо вливались в предусмотренные государственной властью структуры, либо переставали существовать, РАО переживало момент активизации своей деятельности, сменившейся впоследствии жестоким кризисом. В конце 1922 г. фактически перестало существовать Восточное отделение РАО, которое было реорганизовано в Коллегию востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук. Почти год спустя, 5 апреля 1924 г. Русское археологическое общество — старейшая в России организация, занимавшаяся вопросами археологии и древней истории — была распущена по приказу органов ОГПУ, которые отказались перерегистрировать Устав РАО (см. об этом: ЦГАОР, ф. 2555, оп. 1, ед.хр. 715, а также: *Варлакова Н. А.* Восточное отделение РАО и его состав (1851—1923) // *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока*. 1989. Л., 1990 — в печати).

⁴ 3 марта 1912 г. состоялось заседание Отделения археологии древнеклассической, византийской и западноевропейской РАО, на котором в присутствии 22 члена общества (П. В. Никитин, С. А. Жебелев, Н. И. Веселовский, А. А. Марков, А. А. Миллер, В. Ф. Миллер, А. В. Никитский, Н. М. Печенин, Е. М. Придик, К. К. Романов, Н. И. Репников, Я. М. Смирнов, Б. В. и М. В. Фармаковский, Б. Л. Богаевский, Н. П. Сычаев и др.) и 9 гостей. М. И. Ростовцев сделал доклад, который назывался весьма красноречиво: «Монархия Божьей милостью в Боспорском царстве». Позднее М. И. Ростовцев переработал этот доклад в статью «Представления о монархической власти в Скифии и на Боспоре».

⁵ Перечисленные М. И. Ростовцевым работы, к которым примыкает и публикуемая здесь статья, образуют пронизанный единой идеей цикл, который оказал большое влияние на развитие современных научных представлений о древней истории юга России. В своих статьях М. И. Ростовцев попытался систематизировать разнородный изобразительный материал путем выделения сходных сюжетов, обладавших, как представлялось ученому, единым содержанием. Такого рода анализ (в применении которого, несомненно сказывается влияние школы Н. П. Кондакова) методологически вполне возможен и продуктивен, если он опирается на надежно зафиксированное последовательное развитие иконографической схемы. Для установления подобного развития необходимо доказать смысловую преемственность сюжетов. Важную роль играет также и хронологическая непрерывность, позволяющая исключить типологически сходные, но генетически не связанные между собой сюжеты. Сам М. И. Ростовцев, как это явствует из его текста, осознавал, что отсутствие хронологической непрерывности ослабляет его интерпретацию. Однако слабость интерпретации М. И. Ростовцева состояла не только в огромной хронологической лакуне между ритонем из Карагодеуашха и сасанидскими рельефами, но и в принципиальном методологическом просчете, состоящем, если пользоваться современной терминологией, в отсутствии системного подхода к анализу иконографии. На всех сохранившихся сасанидских рельефах со сценой конной инвентуры системообразующий признак — венец власти, который божество вручает царю. При этом поднятие руки в жесте адорации не является для царя обязательным. Так, например, этот жест отсутствует на рельефах из Бишапура и Нахш-и Раджаба. Если ритон, который держит в руках один из всадников, должен заменить венец власти, т. е. «приобщение царя власти», происходит «через посредство священного напитка», то естественно было бы ожидать изображения именно передачи ритона божеством царю (ср. золотую пластинку головного убора из Карагодеуашха, где такая интерпретация, по крайней мере, возможна). Однако подобное действие на ритоне отсутствует.

В статье «Представление о монархической власти...» Ростовцев отметил, что самым естественным было бы истолковать изображение на ритоне из Карагодеуашха как «сцену адорации царя или князька (скипетр и ритон) одним из его вассалов или подданных» (с. 3). Только аналогия с сасанидскими рельефами, подсказанная М. И. Ростовцеву Е. М. Придиком, заставила его отказаться от этого естественного объяснения (о том, почему он это сделал, — см. ниже). Однако, как представляется, при всей внешней близости иконографических схем оснований для вывода об идентичности содержания изображений явно недостаточно.

Если бы сасанидские рельефы и ритон из Карагодеуашха были хотя бы близки по времени, то можно было бы предположить, что перед нами одна и та же сцена, в которой произошла замена одного из звеньев. Впрочем, системообразующий характер этого звена для сасанидских рельефов уже сам по себе потребовал в некоторой осторожности. Хронологическая же лакуна ставит исследователя в еще более жесткие условия. Для доказательства идентичности двух сцен требуется как минимум показать последовательное иконографическое развитие схемы. Приведенный же в публикуемой статье материал такого последовательного развития не демонстрирует. В ка-

честве параллелей Ростовцев приводит то изображение женской фигуры с ритонем и всадника перед ней, то двух всадников по сторонам женской фигуры (но уже без ритона), то отдельные изображения всадников на конях или на фантастических животных с жестом адорации или без него. Во всех этих изображениях наличествуют совпадающие элементы, но они не несут содержательно диагностического характера, что в свою очередь не позволяет говорить о развитии единой иконографической схемы. Существенно также и то, что до появления сасанидских рельефов не известна ни одна более или менее надежная интерпретируемая сцена инвеституры, состоящая из двух конных фигур.

В «Представлениях о монархической власти...» М. И. Ростовцев интерпретирует как сцену инвеституры также изображения на погребальных венцах, приписываемых Рескупориду III и его жене и относящихся примерно к тому же времени, что и сасанидские рельефы. Это толкование также представляется неубедительным. Всадники на венцах обращены в одну сторону и не могут образовывать единой «композиции противостояния». Всадник на одном из венцов держит в руке ритон и находится перед алтарем с горящим огнем. Трудно решить, кто перед нами — божество или царь, совершающий возлияние богу, как, например, считал В. Ф. Гайдукевич (Боспорское царство. М.—Л., 1949. С. 422). Всадник на другом венце поднял руку в жесте адорации (или адлокуции, как не без основания полагал А. В. Орешников, см. прим. 6). За его плечами крылатая Победа собирается надеть ему на голову победный венок. Оба всадника безбороды и длинноволосы. Изображение на каждом из венцов представляет собой вполне законченную сцену. И если уж искать связь между этими изображениями, то скорее можно предположить, что они отражают разные этапы жизни одного персонажа (например, обращение царя к божеству перед выступлением в поход и увенчание царя-победителя).

Нельзя не упомянуть о том, что гипотеза М. И. Ростовцева получила дальнейшее развитие в отечественной науке. На нее опираются, в частности, построения В. Д. Блаватского и Г. А. Кошеленко, которые к тому же отождествляют одного из всадников на венцах с Богом Высочайшим (*Blavatsky W., Kochelenko G. Le culte de Mithra sur la côte septentrionale de la Mer Noire. Leiden, 1966*).

Чем же объясняются все отмеченные недостатки в построениях М. И. Ростовцева? Почему М. И. Ростовцев, осознавая априорность своих построений, все же упорно старался на протяжении многих лет связать публикуемый им археологический материал с древними религиозными идеями, так или иначе иллюстрирующими тему монархической власти, дарованной избранныку «милостью Божьей»? При ответе на этот вопрос, как нам кажется, решающее значение имеет тот исторический контекст, в котором развивалась и существовала эта научная идея М. И. Ростовцева. Прежде всего напомним о времени, когда М. И. Ростовцев сформулировал свою гипотезу. Это был период с 1910 по 1914 г. — период очень важный в истории России, так как в это время, после первой русской революции, страна стала осваивать неведомый дотоле путь конституционного развития своей политической жизни. В водовороте и сумятице идейной борьбы русской интеллигенции именно в эти годы наметилось принципиально новое направление мысли, которое позднее получило название русского либерального консерватизма. Особенно широкое распространение эта идеология получила в среде деятелей партии конституционных демократов, членом которой был и М. И. Ростовцев. Либеральных консерваторов (одним из лидеров которых был близкий М. И. Ростовцеву П. Б. Струве) чрезвычайно волновала судьба российской государственности, которая после революции 1905 г. стала трудно предсказуемой. Одним из главных завоеваний революции кадеты считали русский парламент — Государственную Думу, которая обещала в будущем Русскому государству правовой («английский») путь развития. Угрозу этому «будущему России» кадеты видели со своих позиций в крайне левом социал-демократическом движении и вместе с тем в крайне правом промонархическом движении, объединявшем прежде всего царскую бюрократию. Кадеты стремились в этих условиях определить свое отношение к русской монархии как к государственному и культурному явлению, в недрах которого уже проросли после революции 1905 г. ростки будущей демократической России. Поскольку практически все видные русские историки того времени были членами партии конституционных демократов, вопрос об отношении к монархии для них из сугубо политического превратился в предмет специальных исторических изысканий о судьбе идеи монархизма в России. Эта проблема, по всей видимости, захватила и М. И. Ростовцева (ср. весьма красноречивое название доклада, положившего начало этой теме в творчестве М. И. Ростовцева, который был им прочитан в РАО в 1912 г. См. прим. 4). Таким образом, в случае с целым блоком идей М. И. Ростовцева о монархии в Скифии и на Боспоре, среди которых важное место занимает тема «иранского конного бога», мы имеем еще один пример характерной ростовцевской черты — находить созвучия между проблемами древнего прошлого и современности. Пример, к сожалению, по своим научным итогам неудачный.

⁶ А. В. Орешников был, пожалуй, первым, кто усомнился в правильности ростовцевской трактовки конного всадника с поднятой рукой на монетах Рескупорида II и Савромата II как участника акта инвеституры. Как справедливо указывал он в своей статье (Экскурсы... С. 65), ростовцевская трактовка упускает из виду одну весьма важную деталь монетного изображения. При объяснении изображений на монетах сюжетом инвеституры, по мнению А. В. Орешникова, «какой бы ни был в ней намек на римского императора, здесь он не должен находиться, и Боспорский царь должен один иметь общение с божеством; но в данном случае (речь идет о конкретной монете. — В. З.) под мордой лошади изображена голова Септимия Севера..., которая своим присутствием нарушает акт инвеституры царя богом, причем, замечу, что голова императора не причекана в контрмарке..., а вырезана на матрице одновременно с изображением царя». Учитывая иконографию римских монет, А. В. Орешников считал, что поднятая рука всадников с боспорских монет аналогична жесту римских императоров на монетах «с конною фигурой перед войском и с надписью *adlocutio*» (с. 68). Весьма характерно, что ситуацию с монетой, приведенной А. В. Орешниковым, где голова римского императора была вырезана одновременно с главным изображением. М. И. Ростовцев в своем ответе оставил без внимания.

⁷ М. И. Ростовцев, давая иконографическое описание всадника, пользовался только фотографическим воспроизведением блюда из Нижней Шахаровки. Незнание оригинала и отсутствие в распоряжении М. И. Ростовцева более ранних описаний этой находки ввели его в заблуждение и привели к ошибочному предположению об изображении за головой всадника «нимба», или «месяца». Кроме того, описывая вооружение всадника, М. И. Ростовцев говорит о горите, тогда как на блюде у воина изображен не горит, а колчан с отделенным от него луком, который висит у него за спиной. Левая половина «нимба», усмотренного М. И. Ростовцевым, образована на блюде изображением изгиба лука, висящего за спиной всадника, а правая половина «нимба», начинающаяся у его лица, образовалась в результате повреждения дна блюда вмятиной. На фотографии же, приведенной Я. И. Смирновым, изгиб лука, выступающего из-за плеча всадника, и вмятина справа от его лица создают впечатление полумесяца, но в действительности его изображения на блюде из Нижней Шахаровки нет, поэтому параллели, проводимые М. И. Ростовцевым, и предлагаемая им дата блюда ошибочны. Наличие у всадника колчана для стрел, отделенного от налучья, — есть сам по себе уже достаточно поздний признак, что лишний раз подтверждает правоту мнения Я. И. Смирнова.

⁸ Данная статья была переработана М. И. Ростовцевым и в 1927 г. вышла в свет под названием «Бог-всадник на Юге России, в Индо-Скифии и в Китае» (*Seminarium Kondakovianum*, v. I. Прага, 1927. С. 141—146) с посвящением С. А. Жебелеву.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

© 1990 г.

И. Ф. ФИХМАН. *Введение в документальную папирологию*. М.: Наука, 1987

Выход в свет в конце 1987 г. книги И. Ф. Фихмана «Введение в документальную папирологию» можно считать крупным событием в развитии советской историографии древнего мира. К настоящему времени документальная папирология выросла в важную историческую дисциплину, без использования выводов которой уже нельзя исследовать очень многие проблемы экономики, права, политической истории, социальной жизни и культуры античного мира. Потребность в работе такого рода давно уже ощущалась в советском антиковедении, отсутствие квалифицированного введения в папирологию препятствовало подготовке специалистов в этой области, студенты вынуждены были довольствоваться знакомством с папирологией по книге «Источниковедение древней Греции. Эпоха эллинизма» (М., 1982), где раздел «Папирологические материалы» занимает всего 13 страниц. Думается, что капитальная работа И. Ф. Фихмана должна сыграть решающую роль в привлечении интереса к этой очень перспективной историко-филологической отрасли антиковедения, источниковедческий фонд которой непрерывно возрастает, внедряются новейшие методы обработки материала с помощью ЭВМ, упрочивается международное сотрудничество ученых. Поэтому позволю себе подробнее остановиться на содержании рецензируемой монографии.

Книга И. Ф. Фихмана состоит из предисловия, шести глав («Предмет папирологии», «История папирологии», «Издание папирусов», «Вспомогательные дисциплины и справочные издания», «Эллинистический, римский и византийский Египет», «Папирологическая документация») и приложений, занимающих половину книги и не менее значимых (об этом см. ниже). Первые четыре главы в очень сжатой форме дают общее представление о папирологии как науке и ее современном состоянии. В I главе автор знакомит читателей с техникой изготовления и структурой писчего материала, принятыми в науке обозначениями листов и свитков папируса, указаны основные места находок папирусов. И. Ф. Фихман определяет документальную папирологию как специальную историко-филологическую дисциплину, занимающуюся «прочтением» — дешифровкой, публикацией и исследованием — различных папирусных текстов нелитературного характера, написанных на греческом или латинском языках; папирология занимается также изучением документов на пергаменте, черепках (острака), деревянных табличках. В истории развития папирологии он намечает три периода: конец XVIII — первая половина XIX в. — период зарождения интереса к папирусам, начало сбора коллекций и первые публикации; вторая половина XIX в. — массовые находки папирусов в Фаюме, начало серийных публикаций; с первых десятилетий XX в. — планомерно и научно организованные раскопки, обработка и издание папирусов. Далее автор дает краткий обзор основных коллекций папирусов, важнейших изданий папирусов и острака, называет ведущих папирологов. Обзор ведется по странам, причем приведены сведения не только о странах, имеющих богатые коллекции и давние традиции папирологических исследований (таких, как Австрия, Англия, Германия, Италия, Франция и др.), но и о странах, где папирологические коллекции и исследования появились лишь в середине XX в. (например Дания, Испания). Большое внимание уделяется развитию папирологии в странах Восточной Европы (в Польше, Чехословакии и др.). Отдельный параграф (с исчерпывающей библиографией) посвящен папирологическим исследова-

ниям в СССР. Помимо этого автор указывает важнейшие папирологические исследовательские институты и характеризует деятельность Международной ассоциации папирологов и тематику международных папирологических конгрессов.

В III главе И. Ф. Фихман кратко знакомит читателей со сложностями реставрации, консервации и первого прочтения папирусов и останавливается на правилах публикации папирусов, сложившихся в ходе издательской практики (см. с. 75—79, с которыми следует ознакомиться каждому историку, пользующемуся папирологическими изданиями); отмечая отсутствие единства в оглавлениях и присвоении сигл (кратких обозначений) изданиям папирусов, затрудняющих цитирование, он дает специальные пояснения, как следует цитировать папирусы (с. 85). Он отмечает также большую роль основного еще в 1913 г. Ф. Прайзигке издания «*Sammelbuch griechischer Urkunden aus Ägypten*», где перепечатываются все документальные тексты, разбросанные по разным журналам, сборникам, научным трудам. В последнем параграфе он перечисляет журналы по папирологии и периодические издания, публикующие папирусы.

И. Ф. Фихман пишет, что первое издание папируса часто означает лишь начало работы над текстом специалистов разного профиля — палеографов, лингвистов, юристов и т. д., часто приводящей к исправлению, а иногда и переосмыслению документа, и потому следующую главу он посвящает вспомогательным дисциплинам, к которым вынужден обращаться папиролог, и справочным изданиям, содержащим исправления и уточнения ранее опубликованных текстов. Прежде всего он подчеркивает тесную связь папирологии и палеографии: без знания палеографии невозможно прочтение папирусов, в свою очередь, папирология внесла большой вклад в развитие палеографии. В папирусах наблюдается три типа письма: книжное, канцелярское и деловое, курсивное. Наиболее подвержено изменениям последнее, причем для него особенно характерны разного рода сокращения. Различные виды способов сокращения И. Ф. Фихман приводит на с. 95—98. Далее автор рассматривает специфику грамматики и лексики греческих папирусов. Язык папирусов — это египетский вариант греческой койне, пишет он (с. 100) и прослеживает его эволюцию в римское и византийское время в области фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики и стиля (с. 102—105). В следующих параграфах идет речь о соотношении египетского, македонского и римского календарей (с. 108) и способах датировки в птолемеевскую, римскую и византийскую эпохи, об употребляемых в папирусах мерах длины, веса и емкости, обозначениях денежных единиц, их соотношении, изменениях в монетной системе.

Большую роль в работе с папирусами И. Ф. Фихман отводит ономастическому материалу и изучению просопографии: исследования в этом плане позволяют, по его мнению, в ряде случаев локализовать и датировать документы, проследить те или иные семейные и деловые связи, выяснить некоторые аспекты этнической, социально-экономической, политической и культурно-религиозной истории. Он приводит данные о состоянии изучения ономастики и просопографии по материалу папирусов (с. 123—126). В последующих параграфах он характеризует справочные издания: разного рода словари, специальное издание «Список исправлений к греческим документальным папирусам»¹, указатели, каталоги папирусов, библиографические издания, введения в папирологию, хрестоматии. Особо подчеркивается возрастающая роль ЭВМ в обработке и использовании данных папирусов. Такие работы ведутся в Бельгии, Италии, Англии, Норвегии, США (с. 132—133). Созданы фотоархивы папирусов в Брюсселе, Оксфорде, Кёльне, Каире.

Подводя итог обзору справочных изданий, И. Ф. Фихман пишет: «Папирология по праву считается наиболее оснащенной и рационально организованной антиковедной дисциплиной» (с. 133). Таково ее состояние за рубежом, — к сожалению, для нас, советских историков, ее достижения остаются недоступными. Сам автор в предисловии

¹ «Berichtigungsliste der griechischen Papyrusurkunden aus Ägypten», издаваемый с 1922 г.

жалуется, что «если до середины 70-х годов в Ленинграде и в некоторой степени в Москве можно было найти основные публикации и справочные издания, то сейчас это невозможно даже в Ленинграде» (с. 3). С новейшей литературой ему удалось ознакомиться в значительной мере лишь с помощью зарубежных коллег.

Если первые главы дают необходимый запас знаний общего характера о предмете, структуре и современном состоянии папирологии и ее научного инструментария, то следующая глава вводит в курс исторических проблем, разрешение которых в значительной мере опирается на результаты папирологических исследований. V глава написана в стиле краткого энциклопедического очерка: вначале дается краткая характеристика географических условий (с подробной библиографией по отдельным регионам), производящего хозяйства (земледелия, скотоводства, ремесла) и торговли, затем также кратко описывается этнический состав населения и излагается политическая история Египта в птолемеевскую, римскую и византийскую эпохи, после чего следует более обстоятельный очерк административно-правового устройства и его эволюции на протяжении этих эпох. Автор не претендует на оригинальное освещение истории Египта, почти каждое утверждение он подтверждает множеством ссылок на соответствующие исследования, лишь в некоторых случаях оговаривает свою точку зрения, и тем не менее эта глава представляет большой интерес и для египтологов и вообще для специалистов в области древней истории, так как в ней суммированы результаты новейших исследований государственной структуры, административного устройства, законодательства и судопроизводства, форм землевладения, налоговой системы, положения различных социальных групп сельского и городского населения, роли рабства, армии и полиции, особенностей муниципального устройства, зарождения патронии и колониальных отношений, взаимоотношений государственных органов с жречеством и христианской церковью и ряд других проблем, имеющих значение для понимания исторического процесса не только в Египте, но и в других регионах античного мира.

Последняя глава о папирологической документации является, на мой взгляд, важнейшей для использования достижений папирологии в исторических исследованиях. В ней И. Ф. Фихман знакомит русского читателя с основными положениями *Urkundenlehre* — науки о папирусной документации, разработанной в зарубежных исследованиях по юридической папирологии (у нас, к сожалению, таких специалистов не стало). Он подробно останавливается на значении формуляра в оформлении папирусных документов и подчеркивает необходимость знания типов формуляра для правильного понимания документов. Затем он характеризует основные типы формуляров: публичных (государственно-нотариальных, судебных и банковских) и частных (*синграфы*, *гипомема*, *хейрографон* и др.). В следующем параграфе он рассматривает официальные документы, адресованные государственной администрации частными лицами, разделяя их на три группы: 1) документы, связанные с переписью населения, рождением детей, смертью родственников, занесением в списки имеющих налоговые привилегии и т. д.; 2) документы, связанные с регистрацией изменений в собственности на землю, скот и т. д.; 3) прочие, т. е. прошения, жалобы, поручительства и т. п. В параграфе о частной документации И. Ф. Фихман ограничивается перечислением разных типов документов (брачных контрактов, актов усыновления, завещаний, соглашений о разводе, разделе имущества, купле-продаже, займах, залоге, найме и пр.) с подробными ссылками на литературу. Можно только высказать большое сожаление, что из-за нехватки листажа автор не имел возможности более обстоятельно описать все многообразие и особенности названных формуляров. В § 4, отмечая, что многие документы оформлялись в виде писем, И. Ф. Фихман подчеркивает, что частные письма в собственном смысле также служат ценным документальным материалом для изучения социально-экономической жизни, культуры и психологии египтян.

Высоко оценивает автор сохранившиеся и выявленные в коллекциях папирусов комплексы документов, составлявших архивы общественного (канцелярские, муниципальные, храмовые) и частного (семейные, отдельных лиц) характера. Отсылая к лите-

ратуре, посвященной этим архивам, он ограничивается их перечислением. В заключительном параграфе он говорит о том, какой широкий круг вопросов, касающихся материальной и духовной жизни египтян, освещается папирусами и приводит обширные ссылки на соответствующую литературу.

Важнейшей частью книги И. Ф. Фихмана являются приложения, потребовавшие от автора скрупулезной, кропотливейшей работы. Наиболее ценные из них — библиографический указатель «Источники и литература» и Addenda к нему, занимающие 236 страниц и содержащие перечисление всех серийных и корпусных изданий папирусов, важнейших исследований XIX — начала XX в. и всей современной литературы за последние десятилетия, включая 1986 г.² К этому следует добавить указатель «Сборники, справочные, периодические и серийные издания» (более 420 названий) и указатель русских переводов документальных папирусов. В совокупности эта часть работы и соответствующие ссылки в тексте представляют собой неоценимый путеводитель по папирологическим исследованиям.

В заключение хочется сказать, что книга И. Ф. Фихмана представляет большую ценность не только для советских антиковедов, но и для зарубежных исследователей³ и, вероятно, послужит необходимым пособием в работе не одного поколения историков. Ее мизерный тираж явно недостаточен, и потому, я думаю, есть необходимость переиздать ее большим тиражом и рекомендовать к изданию на иностранных языках.

А. И. Павловская

² Публикации папирусов и литература, не вошедшие в Addenda и появившиеся после их составления, приведены И. Ф. Фихманом в статье «К двухсотлетию документальной папирологии» (ВДИ, 1988. № 4. С. 202—208).

³ См. рецензии: Vidman L. // Byzantinoslavica. 1989. L; Nachtergaeel G. // Chronique d'Egypte. 1989. LXIV; Hengstl J. // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. RA. 1989, и др.

© 1990 г.

McGING B. *The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus*. Leiden: E. J. Brill, 1986. 204 p.

Монография ирландского ученого Б. Макгинга «Внешняя политика Митридата VI Евпатора, царя Понта» является первой за последние десятилетия работой, в которой сделана попытка критически осмыслить весь известный в настоящее время материал об этом понтийском царе. Если ранее исследователи обращали внимание исключительно на военный аспект противоборства Митридата VI и Рима, то Б. Макгинга интересуют дипломатическая, идеологическая и стратегическая стороны римско-понтийских отношений. Автор старается показать политику Евпатора в контексте внешнеполитической деятельности его предшественников на понтийском престоле.

Работа состоит из введения, пяти глав, заключения и двух приложений. Во введении, озаглавленном «Земля и народ Понта», дается общая характеристика Понтийского государства и подчеркивается, что распространение греческой культуры не проникло из прибрежных городов в глубь царства, где преобладал иранский элемент. Б. Макгинг указывает, что в политике Митридатидов главным было следование персидским обычаям при возможно большей эллинизации, касавшейся в основном верхушки общества. Благодаря этому греко-римский мир представлял себе Митридатидов как носителей греческой культуры, тогда как местное население в силу слабой эллинизации должно было воспринимать их как сторонников ирано-анатолийских традиций. На этих принципах основывалась вся официальная пропаганда, призванная обосновать стремление понтийских царей к территориальной экспансии.

В I главе «Понт ко времени Митридата VI Евпатора» говорится о генеалогии и по-

литике первых царей династии. Генеалогическое древо начинается с сатрапа Каппадокии и Ликаонии Митридата, принимавшего участие в преследовании «10 тысяч» во время их отступления через восточные районы Малой Азии. Касаясь спорного вопроса о том, кого называть Митридатом I Ктисом — основателем царства Понт, Б. Макгинг справедливо указывает, что таковым надо считать Митридата, сына Митридата — правителя Киоса и Аррины в Мисии с 337/336 г. до н. э. Последний был заподозрен Антигоном Одноглазым в измене и убит в Киосе в 302 г. до н. э. Его сын, спасаясь от преследований, бежал в Пафлагонию и здесь в родовых владениях предков основал будущее царство Понт. Означенная стемма удачно примиряет различные версии античных писателей, касавшихся родословной первого царя Понта.

Касаясь внешней политики первых царей династии, автор приходит к заключению, что Митридат I не входил в Северную Лигу (симмахию городов и царей севера Малой Азии), так как его политика расходилась с интересами Гераклеи Понтийской, главным вдохновителем и инициатором союза. Б. Макгинг обосновывает эту точку зрения тем, что Митридат Ктист воевал с основным благодетелем Лиги Птолемеем II Филаделфом, действуя объективно в пользу Антиоха I. Исследователь принимает предположение Б. Низе, что Митридат I официально объявил себя царем в 281 г. до н. э., в ознаменование чего были выпущены золотые статеры александровского типа с царской легендой.

Во взаимоотношениях Понта и Селевкидов автор прослеживает две преследуемые Митридатидами цели: отстоять независимость, а также дипломатически и умелой брачно-династийной политикой расколоть династию сирийских царей на два враждующих лагеря, укрепляя собственный авторитет и обеспечивая международный престиж своему царству. В монографии подробно освещается деятельность Фарнака I, проводившего активную экспансионистскую политику в Малой Азии, но дружественно настроенного к Риму и во всем признававшего интересы Республики. В годы его правления Понт впервые установил отношения с Северным Причерноморьем, свидетельством чего служит договор с Херсонесом Таврическим, заключенный, по мнению Макгинга, в 155 г. до н. э., а не в 179 г., как признается большинством исследователей. Основанием для такого вывода является убеждение автора, что договор датирован по селевкидской эре, которой пользовался Фарнак I. В политике последующих властителей, например Митридата V Еввергета, исследователь выделяет две ориентации: проримскую, целью которой было увеличить могущество царства, и филэллинскую, призванную привлечь на сторону Понта ведущие греческие города и заручиться их поддержкой. II глава «Евпатор на берегах Черного моря» посвящена созданию причерноморской державы Митридата VI, первой внешнеполитической акцией которого исследователь считает завоевание Таврики и, в частности, Боспорского царства, датированное им 115/114 г. до н. э. В этой главе подробно освещается тяжелая внутри- и внешнеполитическая обстановка в эллинских городах Причерноморья, в частности, усиление варварской угрозы, вызвавшей попытки объявить Евпатора защитником греков. В то же время подчеркивается связь Митридата VI с туземными племенами, которым он оставлял некоторые элементы независимости. Автор приходит к выводу, что побережье от Амастрии до Диоскурии было частью державы Митридата Евпатора, а города Западного Причерноморья находились под его протекторатом и платили ему φόρος. Причину экспансии Митридата VI в Причерноморье Макгинг усматривает в стремлении царя обеспечить продовольствием и материальными ресурсами свои родовые владения в Понтийской Каппадокии. По мнению Макгинга, филэллинская политика царя в Причерноморье может служить прообразом той политики, которую он проводил позднее в Малой Азии, стремясь предстать освободителем греков от римлян.

III глава «Евпатор в Азии перед первой войной с Римом» посвящена политической активности царя в Каппадокии, Малой Армении и Пафлагонии. Главными задачами в это время были обеспечение идеологического прикрытия территориальной экспансии Понта, поиск возможных союзников и сохранение нейтралитета Рима. Политика

Евпатора в Каппадокии продолжала политику Митридата V: сохранялось управление через ставленников без прямого захвата с помощью военной силы. Поскольку активность Митридата в каппадокийских делах явно выдавала его агрессивные намерения, Рим стал проявлять внимание к восточноанатолийским проблемам, изучая возможность ведения войны. Что касается Митридата, то, по мнению исследователя, одержимый идеей создания обширного государства в Малой Азии он предвидел столкновение с Римом задолго до первой Митридатовой войны, причем его антиримские действия стали особенно заметными после 96 г. до н. э., когда он открыто попытался спровоцировать римлян к войне, стремясь предстать перед греческим миром справедливым властителем, незаконно пострадавшим от агрессивности Рима и его вассалов.

IV глава «Первая война с Римом» раскрывает особенности филэллинской политики Митридата Евпатора, используемой для увеличения территории царства. Анализируются свидетельства, связанные с почитанием Митридата VI в различных областях материковой и островной Греции, Малой Азии. Важное место отводится проблеме обожествления царя и взаимоотношений его с Делосом. Рассматривая монетный чекан Понта, Б. Макгинг указывает, что медные монеты городов Понта и Пафлагонии были составной частью царского монетного выпуска и официально контролировались царской властью. Идеализация портретных изображений Митридата на царских монетах связана, по мнению Макгинга, с идеей представить царя, как Александра Македонского, освободителем греков, придав ему черты этого великого полководца. Отсюда наречение его Дионисом и рост популярности культа Геракла, призванные расположить к нему варваров и греков. Другой аспект царской пропаганды — стремление раскрыть жадность и корыстолюбие римлян, виновников войны против Понта.

Перечисляя эллинские полисы, попавшие под власть Митридата VI, Б. Макгинг выявляет позиции каждого из них по отношению к царю. Полемизируя с теми, кто указывает, что мероприятия Митридата Евпатора в Малой Азии в годы борьбы с Римом являли собой подобие социальной революции, ученый справедливо отмечает, что об этом не может быть и речи, так как это всего лишь антиримские меры. Проводя карательные акции исключительно против римских граждан, понтийскому царю удалось сомкнуть интересы «черни» и зажиточных слоев, что обеспечило ему успех в первые годы войны. Последовавший затем военный разгром Митридата в битвах при Херонее и Орхомене привел к падению его власти в покоренных странах Азии. Причину поражения Митридата в первой войне с Римом автор видит в бесперспективности митридатовской пропаганды, не подкрепленной военными успехами.

В V главе «Вторая и третья войны с Римом» подчеркивается, что в 83 г. до н. э. Митридат VI вновь получил возможность представить себя справедливым властителем и жертвой римской агрессии. Успех в войне 83—81 гг. до н. э., ухудшение экономического положения в Малой Азии, коррупция и произвол ростовщиков и публиканов, переход на сторону Митридата недовольной заведомо Никомеда IV Вифинии, пропаганда Митридата, утверждавшего, что Рим нарушил Дарданское соглашение и вынудил его к войне,— все это привлекло к Митридату симпатии низших слоев. Макгинг подчеркивает, что понтийский царь стал инициатором конфликта, вошедшего в историю под названием третьей Митридатовой войны. Ее основные причины он видит в соглашении с Сергаторием, оккупации римлянами Вифинии, а также в том, что Митридат предвидел возможный ход развития событий.

Концепция автора сводится к тому, что Митридат VI, во многом следовавший политике своих предшественников, внес в нее новые тенденции, что было продиктовано принципиально иной ситуацией. С самого начала он стремился усилить свое могущество и расширить подвластную территорию. Избегая поначалу военного противостояния с Римом, Митридат подчинялся логике событий и менял свои планы в зависимости от обстановки. Это привело к повороту традиционной филэллинской политики понтийских царей против Рима. В противостоянии с римлянами Митридат использовал монархическую идею поклонения царю, идущую от иранских традиций государствен-

ного устройства Понта, противопоставляя ее республиканским порядкам в Риме. Причиной фиаско царя Макгинг считает большее военное могущество Рима.

Монография Б. Макгинга имеет ряд несомненных достоинств. К ним относятся разнообразие источников и используемый в работе огромный фактический материал. К этому можно добавить и осторожность автора в выводах, особенно в тех случаях, когда по тому или иному вопросу имеются диаметрально противоположные точки зрения.

Однако книга не лишена и спорных положений. Одно из них — утверждение автора, что Фарнак I Понтийский в год заключения договора о дружбе и союзе с Херсонесом Таврическим пользовался для летосчисления селевкидской эрой. В этом вопросе Б. Макгинг следует за С. Берстейном, который датирует договор Херсонеса и Фарнака I весной 155 г. до н. э.¹ По сообщению Полибия (XXIII.12.1.), в войне между Пергамом и Вифинией 159—154 гг. до н. э.² принял участие царь Понта Митридат IV Филопатор Филадельф, поддерживавший зимой 155 г. до н. э. пергамского царя Атталы II. Однако по поводу этого эпизода и начала войны ведутся споры. Часть ученых считает, что война началась в 156 г. до н. э.³ Если это верно, то Фарнак I не мог заключить договор с Херсонесом весной 155 г. до н. э., так как помощь Митридатом IV была оказана зимой 155 г. до н. э.⁴ Во-первых, в означенной войне не могли принимать участие одновременно Фарнак I и Митридат IV, поскольку Полибий определенно говорит об одном Митридате. Во-вторых, при Фарнаке I в Понтийском царстве употреблялся македонский календарь, по которому год начинался в октябре⁵. Месяц *даусий*, которым датирован договор херсонесцев с Фарнаком I, должен соответствовать одному из четырех месяцев между маем и августом. Если принять предположение, что во II в. до н. э. в Понте пользовались селевкидской эрой, то война Пергама и Вифинии, а также и правление Митридата IV приходится на время, когда на понтийском престоле должен был быть находиться Фарнак I. Но этого быть не могло, как не могло быть и соправительства. Следовательно, зимой 155 г. до н. э. Фарнака уже не было в живых. А это означает, что он не мог заключить договор с Херсонесом весной или летом 155 г. до н. э. Значит нет оснований принимать предложенную С. Берстейном и Б. Макгингом дату договора, а равно и предположение, что Фарнак и Митридат V Еввергет пользовались селевкидской эрой. В настоящее время мы не видим веских причин отказываться от традиционной даты договора, т. е. 179 г. до н. э.

Нельзя без оговорок согласиться и с утверждением, что генеалогия Митридатидов всего лишь политическая пропаганда, выработанная при Митридате Евпаторе. Дело в том, что все предки Евпатора, а он был потомком Дария I в шестнадцатом колене, действительно имеют корни в древнеперсидских знатных семьях, которые в свое время породнились с Дарием I и Киром. Начало царской эры Фарнака I, как показал Р. Х. Лепер⁶, относится к октябрю 336 г. до н. э. Но событие, которое привело к его появлению, связано не с приходом к власти в Киосе и Аррине Митридата Кносского, а с восшествием на престол в Ахеменидской Персии царя Дария III Кодоманна. Этот последний представитель Ахеменидской династии был потомком Отана,¹ ближайшего

¹ *Burstein S. M. The Aftermath of the Peace of Apamea: Rome and the Pontic War // AJAH. 1980. V. 5. P. 7.*

² *Will E. Histoire politique du monde hellénistique. V. II. Nancy, 1967. P. 321; датировка войны 154 г. до н. э., предложенная Р. Алленом (Allen R. The Attalid Kingdom. A Constitutional History. Oxf., 1983. P. 102) завышена.*

³ *Niese B. Geschichte der Griechischen und Makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeroneia. Bd III. Gotha, 1893—1903. S. 326—329; Habicht Ch. Über die Kriege zwischen Pergamon und Bithynien // Hermes. 1956. Bd 84. Ht 1 S. 101 f.; Robert L. Etudes anatoliennes. Amsterdam, 1970. P. 411.*

⁴ *Niese. Op. cit. S. 328 f.; Olshausen E. Pontos // RE. 1978. Suppl. XV. S. 416; Burstein. Op. cit. P. 7; Habicht Ch. Prusias // RE. 1973. Bd XXIII. Hbd 45. S. 1118 f.*

⁵ *Перл Г. Эры Вифинского, Понтийского и Боспорского царств // ВДИ. 1969. № 3. С. 40 сл.; Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1975. С. 44.*

⁶ *Лепер Р. Х. Херсонесские надписи // ИАК. 1912. Вып. 45. С. 33.*

сподвижника Дария I и одного из семи персов, убивших мага Гаумату. Согласно Полибию (V.43), Митридат II открыто заявлял, что ведет происхождение от одного из этих семи персов и владеет территорией Понтийской Каппадокии в непрерывном наследовании от предков, коим она дарована была Дарием I. Каппадокийские цари династии Ариаратидов также возводили генеалогию к Отанидам (Diod. XXXI.19), которые имели наследственные владения в Каппадокии и официальную резиденцию в Газиуре, получив их от Дария I за участие их предка в заговоре семи (Herod. III.83.88; Diod. XXXI.19). Поскольку первым известным из источников Митридатидом был сатрап Каппадокии и Ликаонии Митридат, друг Кира Младшего, то родство Митридатовской династии с Отаном и его родом, из которого происходил Дарий III, вполне реально. У Фарнака поэтому были все основания вести летосчисление от воцарения Кодоманна, подчеркивая этим свою приверженность ахеменидским устоям. А это значит, что для царской пропаганды Митридата VI, который считал иранизм одним из краеугольных камней своей политики, был полный смысл гордиться предками из знатных родов Персии. Происхождение Митридатидов от Отана давало большой стимул их агрессивным намерениям в соседних областях Каппадокии, Галатии, Фригии, Пафлагонии, Вифинии, ибо правившие там некогда персидские сатрапы являлись предками Митридатидов и прямыми потомками Отанидов, которые получили эти земли еще при Великом Дарии Гистаспе. В этом, как представляется, заключается истинный смысл агрессивных устремлений всех без исключения митридатовских правителей Понта от Ктиста до Дария, сына Фарнака II (39—37 гг. до н. э.) и скрывается реальный подтекст царской пропаганды Митридата Евпатора, о которой столь подробно говорится в исследовании Б. Макгинга.

Спорные моменты проявляются и в подходе автора к проблеме Северной Лиги, а именно в том его утверждении, что Митридат Ктист не был членом этой симмахии. В 281 г. до н. э. Селевк I, стремясь укрепиться на севере Центральной и Восточной Анатолии, угрожал Митридату I. Поэтому у царя Понта имелись веские причины вступить в этот союз, тем более что Антиох I Сотер поначалу продолжал политику отца. Ссылки на то, что вступлению Понта в Лигу препятствовали якобы плохие отношения с Гераклеей из-за Амастрии, за которую оба государства вели жестокую борьбу, несостоятельны. Мемнон (XVI) свидетельствует, что никакой борьбы Понта с Гераклеей из-за города не было, поскольку правитель Амастрии Евмен предпочел передать город Понту даром, нежели Гераклею за деньги. К тому же упомянутый Мемноном Евмен — это Евмен I, сын Евмена, брата Филетера Пергамского, племянник последнего, а не брат. Он находился на престоле Пергамского царства с 263 по 241 г. до н. э.⁷ А это значит, что передача Амастрии Понту имела место скорее не при Митридате I Ктисте, а при его сыне Ариобарзане I (266—256 гг. до н. э.), что согласуется с сообщением Мемнона. Так что нет препятствий считать Митридата Ктиста членом Лиги по крайней мере в течение двух-трех лет.

Б. Макгинг упрощенно толкует филеллинскую сторону деятельности Митридата Евпатора, полагая, что это свойственно всему периоду борьбы с Римом. Однако следует различать филеллинство Митридата VI по отношению к грекам Северного Причерноморья и по отношению к населению Малой Азии. В 80-х годах до н. э. греческие полисы Северного Причерноморья лишились тех небольших политических свобод, которыми пользовались на протяжении 30 лет владычества Митридата Евпатора. Это связано с отходом царя от филеллинской политики в отношении городов региона⁸, возможно, в связи с большей симпатией к варварской периферии. Напротив, в Малой Азии филеллинство доминировало в политике царя до самого последнего момента пребывания в родовом царстве. Это привело к тому, что зажиточные круги в полисах малоазийских владений упорно держали сторону понтийцев в противоположность

⁷ Allen. Op. cit. P. 13, 186 f.

⁸ Shelov D. B. Le royaume pontique de Mithridate Eupator // J. des Sav. 1982. Juillet-décembre. P. 263.

демосу, который склонялся к поддержке римлян. В Северном Причерноморье картина противоположная: зажиточные слои высказывали недовольство господством Евпатора, а широкие слои населения выступали за царя до самого последнего момента его жизни. В какой-то степени это удерживало города Северного Причерноморья от окончательного отпадения от Понта, что они неоднократно пытались сделать во время римско-понтийских войн ⁹.

Требует разъяснения и позиция автора по вопросу о каппадокийско-понтийских отношениях. В 89 г. до н. э. Митридат VI вновь посадил на престол в Каппадокии своего сына Ариарата IX, что вызвало законный гнев в Риме. Для разъяснения ситуации туда был направлен Пелопид, посол Митридата VI, который, по мнению Б. Макгинга, хотел предотвратить войну. Однако со стороны царя это была дипломатическая игра для прикрытия его желания развязать войну за захват Каппадокии. Как известно, с 96 г. до н. э. Митридат осуществлял чекан своих монет с датировкой по вифинопонтийской эре, заменившей эру Фарнака I, которая фиксировала происхождение царей Понта от Отана и Дария III. Означенная эра Отанидов давала возможность претендовать на власть над Каппадокией, родовым домом наследников Отана, и Фарнак I пытался добиться этого вооруженным путем, но безуспешно. Первый год чекана монет по вифино-понтийской эре с начальным 297 г. до н. э. совпал по времени с утверждением послов Митридата в Риме, что Ариарат IX был законным наследником Ариарата V. Тем самым официально признавалась законность Ариаратидов как наследников Отана править в Каппадокии. Митридат V Еввергет и его сын Митридат VI делали это с целью не портить отношения с местным каппадокийско-катаонским населением, а также с Римом, ревностно следившим за тем, чтобы Понт не подчинил себе Каппадокию. Данное обстоятельство диктовало необходимость действовать в Каппадокии через ставленников. Поскольку Ариарат IX был официально объявлен законным наследником царей Каппадокии, то это потребовало от Митридата VI подчеркнуть значение вифино-понтийской царской эры в Понте в связи с признанием его сына законным царем Каппадокии. Так что посол Митридата Евпатора явно прибег в Риме к дипломатическим уловкам для оправдания политики своего царя в Каппадокии.

В работе имеются и мелкие недочеты. Автору остались, в частности, неизвестными надпись из Херсонеса Таврического о даровании проксении некоему сыну Кефалы из Амиса, который, по мнению Э. И. Соломоник, стоял во главе посольства Митридата VI в Херсонес (НЭПХ.11.110), а также надпись на постаменте статуи Митридата VI из Нимфея, в которой он величается титулом «царь царей», эпитетом «Дпонис», спасителем и благодетелем как подчинивший своей власти варваров и ставший хозяином положения на всем Боспоре ¹⁰. В обширной библиографии отсутствуют важные работы, вышедшие в 1984 г. в ФРГ по проблемам исторической географии Понта ¹¹. В целом монография Б. Макгинга имеет большое научное значение как серьезный вклад в изучение пока еще столь малоисследованной истории Понтийского царства.

С. Ю. Сапрыкин

⁹ Максимова М. И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.—Л., 1956. С. 274, 285; Молев Е. А. Создание Черноморской державы Митридата Евпатора // АМА. 1977. Вып. 3. С. 29; Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 232—234.

¹⁰ Первая публикация: Молев Е. А. О пропонтийской ориентации боспорян в период подчинения Боспора Понту // Проблемы античной истории и классической филологии. Тезисы. Харьков, 1980. С. 43—45; исследование и разбор надписи: Виноградов Ю. Г., Молев Е. А., Толстиков В. П. Новые эпиграфические источники по истории Митридатовой эпохи // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 595—599; Яйленко В. П. Новые эпиграфические данные о Митридате Евпаторе и Фарнаке // Там же. С. 617—619.

¹¹ Olshausen E., Biller J. Historisch-geographische Aspekte der Geschichte des Pontischen und Armenischen Reiches. Tl. I: Untersuchungen zur historischen Geographie von Pontos unter den Mithridatiden. Wiesbaden, 1984; Weimert H. Wirtschaft als landschaftsgebundenes Phänomen. Die Antike Landschaft Pontos. Eine Fallstudie. Frankfurt, am Main, 1984.

M. TACHEVA-HITOVA. Eastern Cults in Moesia Inferior and Thracia (5th century BC—4th century AD). Etudes préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain. V. 95. Leiden: E. J. Brill, 1983. 306 p. 93 pl. 3 maps

В рамках издающейся в Лейдене многотомной серии монографий «Предварительные исследования по восточным религиям в Римской империи» уже вышло несколько выпусков, посвященных религиозной жизни на территориях, прилегавших к Черному морю¹. Том 95 этой серии «Восточные культы в Нижней Мёзии и Фракии» подготовлен и выпущен в свет известной болгарской исследовательницей античных религий Маргаритой Тачевой-Хитовой; это английский перевод ее одноименной книги, опубликованной незадолго до того на болгарском языке.

В предисловии автор четко формулирует двойную задачу своего исследования: во-первых, свести воедино и сделать доступными широким научным кругам многочисленные культовые памятники, опубликованные после выхода известной статьи Г. Казарова в *Real-Encyclopädie* (1936) по религии фракийцев, а во-вторых, путем вычленения более поздних инородных напластований внести свой вклад в реконструкцию исконной религиозной жизни Фракии в период ее независимости (с. IX). Ограничивая ареал исследования исключительно территорией Нижней Мёзии и Фракии, автор сознательно элиминирует документальный материал, происходящий из Северного Причерноморья, Византии и Фракийского Херсонеса. Такое ограничение едва ли оправдано, поскольку в определенные периоды отдельные северопонтийские центры были включены в Нижнюю Мёзию, например, Тира с середины I в. н. э.², а Ольвия, по-видимому, почти на полтора столетия позже. Поэтому восточные культы, нашедшие распространение в этих полисах, составляли неотъемлемую часть религиозной жизни провинции и более того — по большей части проникали сюда с римскими гарнизонами. Так, кроме позднеэллинистического посвящения египетским божествам (IOSPE I².5) в Тире были найдены граффиты с упоминанием Исида³; на левом берегу Дуная в окрестностях Измаила была найдена латинская надпись II—III вв. с посвящением (Серапису) и Исиде⁴. В Ольвии при Септимии Севере в честь тех же египетских божеств вместе с Асклепием, Гигиеей и Посейдоном воздвигаются храмы (IOSPE I².184), а кроме того посвящается мраморный рельеф Матери богов (IOSPE I².170).

Вся книга поделена на несколько отделов, в каждом из которых исследуется культ одного или группы божеств: I — египетские боги Сарапис, Исида, Гор, Анубис и др., II — Великая Матерь богов, III — Сабазий, IV — Бог или Зевс Высочайший, V — Юпитер Долихен, VI — богиня на бронзовой пластине из Разграда и ее параллели, VII — Сирийская богиня, VIII — Святой и Справедливый Бог, IX — анатолийский вариант Капитолийской триады, X — Приан, XI — Гликон, XII — Мен. Из пантеона изучаемых божеств исключен Митра, которому М. Тачева-Хитова намерена посвятить особую монографию (с. X). Структура отделов более или менее выдержана: в первой части (A) дается каталог эпиграфических и археологических документов по культам того или иного божества, а во второй (B) — их интерпретация, включающая историографию, источники о данном культе, характеристику эпиграфических памятников и имен божеств, археологические находки и иконографию, нумизма-

¹ Blawatsky W., Kochelenko G. Le culte de Mithra sur la côte septentrionale de la Mer Noire. V. 8. 1966; Kobylina M. M., Neverov O. J. Représentations des divinités orientales sur le littoral nord de la Mer Noire aux premiers siècles de notre ère. V. 52. 1976; Gočeva Z., Oppermann M. Corpus cultus Equitis Thracii. V. 74. 1978.

² См. Карышковский П. О., Клейман И. В. Древний город Тира. Киев, 1985. С. 90—93.

³ Там же. С. 117 сл.

⁴ Карышковский П. И. Невиданный напис Измаильского музея // Тез. доповідей наукової конф. Измаїльського Педіну. Ізмаїл, 1966. С. 47—51.

тические источники (остаётся пожалеть, что они не включены в каталог и не иллюстрированы), период расцвета почитания, хронологию и центры, этническое происхождение и социальный статус дедикантов, культовую практику, вопросы синкретизма.

Из частных замечаний по каталогу следует отметить неоправданные повторы описания и текстов одних и тех же документов в различных разделах (I, 26 = III, 1; II, 5 = III, 4; III, 24 = IV, 11), а также включение в него памятников, свидетельство которых о данном культе сам автор считает сомнительными. Таковы мраморная анэпиграфная база (I, 33) и надпись из Одесса (II, 86), посвящение Гераклу Фарангиту из Каллатиса (II, 95), договор Милета с Истрией (II, 99), посвящение одним Диоскурам без Матери богов из Истрии (II, 100), а также известная надпись из Пирота (III, 24 = IV, 11), которая — как недавно еще раз было убедительно показано⁵ — не содержит никаких сведений о фиае сабазиастов. Вполне очевидно, что перечисленные источники желательно было либо вынести в раздел *Dubia*, либо вовсе за пределы книги.

Не имея здесь возможности даже кратко перечислить разнообразные богатые выводы исследования М. Тачевой-Хитовой, хочу остановиться на ряде памятников и моментов, которые требуют уточнения или корректировки, что могло бы содействовать дальнейшему углубленному изучению проблемы внедрения восточных культов в эти две балкано-дунайские провинции. Следует заметить, что автор рецензируемой монографии, как правило, принимает чтение эпиграфических документов из рук предшествующих издателей без специальной ревизии их по оригиналам или фото. Одно из редких исключений — посвящение Серапису и Исиде из Том № I, 14, в стк. 3—4 которого вместо [Διὸς Ἰσιδῶρου τοῦ καὶ Θεα — — — Διὶ τοῖς [[μεγάλῳι] καὶ Σαράπιδι κτλ. прежних изданий М. Тачева-Хитова совершенно оправданно дополняет: [Ἀρτεμ — — — ἰδῶρου τοῦ καὶ Θεα — — — τοῖς Ὠρωῖ] καὶ Σαράπιδι (р. 10 f.). Однако ее осторожное предложение заполнить лакуну в конце стк. 3 словами [ἐπὶ τοῖς] должно быть отклонено по формульным соображениям. На фото я четко разбираю здесь⁶: τοῦ καὶ Θεαγένου φεβὶ τοῖς [[Ὠρωῖ]. Точно так же читать в стк. 10 № I, 16 (= ISM II, 37) ἐκ] τῶν [ἰδῶν не позволяют хорошо различимые впереди буквы IT. На основании фото № I, 18 (= ISM II, 98) я предложил бы в стк. 2—3 дополнение: [τὸν πατέ]ρα τοῦ[χοῖνοῦ τοῦ] π[α]στοφόρων. В стк. 3 утерянного посвящения из Филиппополя № I, 37 можно было бы осторожно дополнить: Σαράπ[ι] Σωτ[ῆ]ρι?,⁷ а в votive из Месембрии № I, 44 — во избежании исправления в сткк. 2—3: [Σ]αράπιδι, 'I [[σιδῖ]. В каталог раздела I следует добавить посвящение алтаря из Анхиала: Πασιγένος Ἀντιόχου ἱαθεῖς Σαράπιδι καὶ Ἰσιδῖ.

В votивной надписи из Том № II, 48.8 (= ISM II, 83) необходимо дополнить: καὶ τῆς [μητρὸς κάστρων Ἰου]λλίας. Восстановление в стк. 1 посвящения Сабазию № III, 8 boni eventus apprecatio возможно, но за ним, как и в № III, 9, скорее всего следовало [Θεῷ ἐπηχῶφ] Κυρίῳ Σαβαζίῳ. Реконструкцию можно предложить и для оригинального votiva № IV, 1.2/3: Διὶ Ὑψ[ίσ]τω εὐχὴν χαί + part. + acc. + οὐδὲν e.g. τρεῖς τὸν μέρος ἐστὶν Διὸς. В лемме № IV, 2 не приведены публикации этой надписи в Bull. ép. 1964.295; SEG XXIV.1065; Pippidi D. M. // St. clas. 1974. XVI. P. 260—263, с учетом которых и остатков букв на камне по фото можно предложить следующее восстановление текста в сткк. 2—8: Ὑψίστ[ω] Θεῷ εὐ[χ]ή(ν) ἀνέθ[η]κε ὁ δειν[α] Σωσθένου[ς] [ς — — —] ΠΑΡΟΣ.ΝΤΙΙ[ς] Φιασίου ὁ καὶ (?) ΡΕ.Λ.ΔΡΩΝ.Α εὐχαριστή[ριον] (= ISM II.157). В № IV, 10.3 не следует исправлять обычную орфографию Δι на Δι(ι), а в конце посвятельной надписи № IV, 17 вместо личной формы глагола скорее ожидать прич.

⁵ Левинская И. А. Еще раз о Пиротской надписи // Проблемы античного источниковедения. М.—Л., 1986. С. 88—95.

⁶ См. теперь: Stoian // ISM II. 154.

⁷ Karayotou I. // Actes du XII-e Congrès Intern. d'épigraphie grecque et latine. Bucaresti — Paris, 1979. P. 388. № 5, с исправлением Ж. и Л. Роберов: Bull. ép. 1980. 327. Этот документ — единственное свидетельство о целительных функциях египетских богов в городах Западного Понта.

εὐχαριστῶν с концевыми буквами в лигатуре. Наконец, можно предложить осторожную расшифровку оставленных Г. Михайловым без объяснения загадочных букв на рельефе из Пловдива № IV, 13: в одиноко стоящей А можно видеть обычный для Бога Высочайшего эпитет ἀ(ν)κίρτφ) или ἀ(γίφ), а в расположенных посредине буквах ТПГ дату — 383 г.; если считать от основания Филиппополя, получим 42 г. н. э., что не противоречит палеографической дате надписи.

Из эпиграфических частных следует еще указать на то, что Акорион известного дионисопольского декрета № I, 9 исполнил жречество Сараписа за несколько лет до 62—61 гг. до н. э., когда Г. Антоний Гибрида перезимовал в городе, а не в 49/48 г.— когда был издан сам документ (с. 7, 56). С. 9: «праздник Хармосины... справлялся в птолемеевский период, как указывает Геродот (III, 27)»?!!! Непонятно, какие основания декрет об оракуле в Калхедон № I, 22 дает для утверждения о «неудачной попытке Истрии ввести почитание египетских божеств» (с. 58)? Известный документ из Том № II, 42 — это не декрет в честь Матери богов и Диоскуров (с. 135, 154), а постановление об организации караульной службы (= ISM II.2) с упоминанием ежегодных жертвоприношений этим богам.

Комментарий к некоторым документам мог бы быть более расширенным и подробным. Так, приводя посвящение из Том синопейца Серапису № I, 15, нельзя было не упомянуть, что культ этого бога засвидетельствован в Синопе довольно рано — с III в. до н. э.; его почитание в пафлагонском полисе документирует рассказ Тацита (Hist. IV.83.84) и других авторов о перенесении статуи Сераписа в Александрию, а также амфорные клейма и монеты⁸. Датировка ныне утерянного посвящения архитектора Эвфамида из Месембрии № I, 43 могла бы быть уточнена сопоставлением с месембрийскими черепичными клеймами и архитектурной терракотой, носящей это имя: не II—I, а III в. до н. э.⁹ Издание снабжено указателями и иллюстрировано. Стоит пожалеть лишь о том, что далеко не все памятники, и поныне хранящиеся в музейных коллекциях, воспроизведены на высококачественных фототаблицах, а также о некоторых досадных мелочах (например, в табл. XXVII, № II, 23 помещена ничего не говорящая читателю оборотная сторона формы короупласта).

Однако все высказанные выше замечания носят характер *addenda et corrigenda* к серьезной работе М. Тачевой-Хитовой: ее Корпус источников по культам восточных божеств в Нижней Мёзии и Фракии и построенное на нем исследование способны стать надежным подспорьем для всех специалистов по античным религиям.

Ю. Г. Виноградов

⁸ Подробнее см.: Максимова М. И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.—Л., 1956. С. 231 сл. Ср. Robert L. Etudes Anatoliennes. P., 1937. P. 297.

⁹ См. Vinogradov Ju. G. Der Pontos Euxeinos als politische, ökonomische und kulturelle Einheit und die Epigraphik // Acta Centri historiae Terra antiqua Balcanica. II. Trinovi, 1987. S. 55—57.

© 1990 г.

В. К. ТНАРА. *Recent Archaeological Discoveries in India*. Tokyo, 1985. 159 p. 79 fig. 25 tabl.

Археологические материалы Индии как в силу их богатства и разнообразия, так и по характеру осуществленных на этих данных научных разработок прочно вошли в фонд мировой науки и составляют надежную основу для реконструкции древнейшей и древней истории не только Южной Азии, но и в целом всего азиатского материка. Б. К. Тхатар, возглавлявший одно время археологическую службу Индии и являющийся видным исследователем ее древностей, предложил общий обзор новейших открытий, сделанных в основном за последние два-три десятка лет.

Насыщенная цветными и черно-белыми иллюстрациями, снабженная подробной библиографией, эта книга информативна сама по себе. Вместе с тем она содержит исследовательские авторские наблюдения и заключения, представляющие значитель-

ный интерес для специалистов — археологов и историков. Книга построена по хронологически-тематическому принципу, и в ней отражены как успехи, так и насущные проблемы индийской археологии.

I глава посвящена памятникам эпохи палеолита, едва ли удачно объединенным под названием «Палеолитические культуры» (с. 9—14). Успехи четвертичной геологии позволяют достаточно надежно выделять комплексы кремневых изделий всех основных подразделений палеолитической эпохи. Особенно успешными следует признать комплексные работы по изучению геологии и реконструкции древней среды, проводившиеся в Кашмире. Важные открытия были сделаны в долине р. Белан, что, правда, сравнительно слабо освещено в книге Б. К. Тхапара¹. Старая проблема соотношения, видимо, одновременных комплексов с галечными орудиями и комплексов с двусторонне обработанными изделиями сохраняет для раннего палеолита свое значение и далека от убедительного решения. Весьма своеобразен облик кремневой индустрии поры верхнего палеолита, и ее отличия от эталонных западноевропейских комплексов создают немалые трудности уже на уровне систематизации археологических материалов. Б. К. Тхапар пишет вслед за археологами Аллахабада об открытии в верхнепалеолитических напластованиях в долине р. Белан костяной статуэтки, что представляло бы сенсационное открытие, раздвинув границы находок верхнепалеолитической мелкой скульптуры далеко за границы приледниковой зоны Евразии. Однако автору рецензии довелось осмотреть этот объект в музее археологического департамента Аллахабадского университета и убедиться, что он представляет собой обломок костяного гарцуна, обточенный под воздействием естественных факторов². Б. К. Тхапар справедливо отмечает, что количественное увеличение палеолитических материалов пока не сопровождается открытием человеческих остатков (с. 144) или, добавим, хотя бы пещерной или открытой стоянки с непотревоженным культурным слоем. Это, естественно, обедняет возможность исторических реконструкций. Б. К. Тхапар отмечает в заключение, что в целом ранний палеолит Индостана позднее восточноафриканских комплексов, где фокусируется первичный центр антропогенеза (с. 144). Правда, новые открытия в Пакистане как будто доставили материалы, позволяющие говорить об олдувейской древности некоторых находок на индо-пакистанском субконтиненте.

II глава посвящена характеристике памятников эпохи мезолита (с. 15—22). В ней последовательно приводится описание памятников, относимых индийскими исследователями к этому подразделу археологической периодизации. В целом на основной части субконтинента это довольно поздние комплексы, относящиеся к VI—IV тыс. до н. э. Представляет несомненный интерес информация о наличии костей домашних животных на стоянке Адамгарх в долине р. Нармады, в слоях, датируемых периодом около середины VI тыс. до н. э., что может свидетельствовать о становлении производящей экономики (с. 17, 22). Наиболее четкие комплексы с поселениями и могилами, относящиеся к IX—VII тыс. до н. э., открыты исследователями Аллахабадского университета в долине р. Белан (с. 17—19).

Небольшой раздел 3 «Доисторическое искусство» (с. 23—24) скорее намечает проблему, чем ее решает. В Индостане довольно много наскальных рисунков в пещерах и скальных навесах, но исследования, проведенные еще в 50-х годах, свидетельствуют в пользу их датировки сравнительно поздним, уже историческим временем³. Попытки относить ряд комплексов рисунков, выполненных краской, к поре мезолита и чуть ли не верхнего палеолита вызывают большие сомнения, в чем признается и Б. К. Тхапар. Скажем, стилистическое решение изображения слона из Адамгарха (табл. 1) едва ли

¹ Sharma G. R., Clark J. D. Palaeoenvironments and Prehistory in the Middle Son Valley. Allahabad, 1983.

² Массон В. М. Археологические исследования Аллахабадского университета // ВДИ. 1982. № 1. С. 228.

³ Gordon D. N. Rock painting in India // Prehistoric background of Indian Culture. Bombay, 1951.

может соответствовать его датировке мезолитом, да еще к тому же и ранним. Определенное хронологическое значение имеет находка обломка камня с выбитым изображением сцены охоты в слое неолитической стоянки Бурзахом, датированной второй половиной III тыс. до н. э. (с. 38, рис. 17).

В главе «Неолитические культуры» (с. 25—49) отмечаются значительные экспедиционные успехи индийских археологов в получении материалов этой эпохи. Однако их археологическая система слабо разработана, и не случайно сам Б. К. Тхапар характеризует их не по культурам, а по территориальным группам. В основном эти материалы говорят о неравномерности процесса исторического развития, когда в отдельных частях региона долго сохраняются архаические хозяйственные системы и культурные формы. Достаточно показателен в этом отношении район Кашмира, где архаический неолит (сначала докерамический, а потом и керамический) существует вплоть до зарождения в долине Инда хараппской цивилизации. Этот архаизм культур горных районов прослежен и в Средней Азии, где гисарская культура горных областей Западного Таджикистана сосуществует с процветающими центрами ранних земледельцев в оазисах Южного Туркменистана. Индийские и пакистанские исследователи и Б. К. Тхапар в том числе ищут некоторые аналогии существующим в горных комплексах изделиям в комплексах круга Яншао (с. 36). Если иметь при этом в виду каменные ножи (предположительно серпы) полулунной формы, то скорее их следует сопоставлять не со столь отдаленными и более древними комплексами, а с недавно открытыми памятниками Восточного Туркменистана, где они сохраняются вплоть до поры распространения комплексов чувшского типа, относящихся к концу II тыс. до н. э.

О значительных успехах индийской археологии свидетельствуют материалы, приведенные в разделе 5 «Индская цивилизация» (с. 50—83). Крупнейшие и раньше всех ставшие известными центры этой цивилизации, как известно, после политического размежевания остались на территории Пакистана. Активные полевые исследования начиная с 1947 г. привели к открытию свыше 100 памятников хараппского круга на территории Республики Индия. Б. К. Тхапар объединяет их в две территориальные группы — восточную и южную. В восточной группе налицо предхараппские комплексы, это область классической, развитой Хараппы — здесь расположен один из крупных центров этой цивилизации Калибанган, подробно характеризующийся в книге (с. 53—64). В южном регионе налицо процесс постепенного расселения хараппских групп и распространения хараппских эталонов, видимо, вплоть до поздnehараппского периода, как свидетельствуют раскопки в Даймабаде. Обладая заметными чертами локальной специфики, эти районы вместе с тем не испытали стремительного запустения, постигшего главные центры хараппской цивилизации. В южном регионе в ряде центров, в частности в Рангпуре, можно наблюдать постепенную трансформацию культурного комплекса хараппского типа, связанную, в частности, с возвращением общества на догородскую стадию социкультурного развития. Недаром, как отмечает Б. К. Тхапар, именно в пору поздней Хараппы особенно сильны процессы дивергенции, и появляется целый ряд новых керамических типов (с. 83).

В целом для Индостана II тысячелетие до н. э. было эпохой широкого распространения оседлоземледельческих культур, как одновременных Хараппе, так и относящихся в основном к постхараппскому периоду. Эти памятники рассматриваются в главе VI «Другие халколитические культуры и культура медных кладов» (с. 84—103). Сейчас в Индии выявляются археологические комплексы раннеземледельческих общин, одновременные развитой и поздней Хараппе. Помимо пережившей Хараппу культуры Ахар это комплексы типа Савалда и Кайатха. Продолжение этих традиций в постхараппское время характеризуют последовательно сменяющие друг друга в Центральной Индии культуры Мальва и Джорве, дожившая почти до раннежелезного века. Культура земледельцев и рыболовов с красной керамикой в первой половине II тыс. до н. э. развивается в долине р. Ганг (так называемая культура медных кладов с керамикой цвета охры). Значительный интерес представляет открытие комплекса

Ганешвар (с. 101—103). Памятники этого типа, расположенные в непосредственной близости от богатых медных разработок Раджастана, дают богатый набор медных изделий, включая булавки с биспиральной головкой, красноангобированную керамику и кремневые микролиты. Индийские исследователи склонны относить комплекс Ганешвар к 2800—2200 гг. до н. э. Видимо, это был важный центр снабжения рудой как раннеземледельческих общин долины Инда и Белуджистана, так и в определенной мере самой хараппской цивилизации.

В главе VII «Мегалитические культуры» (с. 104—120) характеризуются памятники, объединяемые по типологическому признаку каменных гробниц разных вариантов. Относятся они в значительной мере к поре железного века и, судя по результатам радиоуглеродного анализа, охватывают в целом все I тысячелетие до н. э.

В сравнительно небольшой главе VIII «Исторический период» автор характеризует ряд крупных исследований памятников преимущественно древней эпохи и почти не касается средневековых. Б. К. Тхапар, как и многие другие исследователи, относит комплекс типа серой расписной керамики к арийскому времени, внося, правда, тот терминологический корректив, что речь, видимо, должна идти о поздних ариях (с. 108). В этом отношении принципиально важным являются открытия в Бхагванпуре, где налицо взаимосвязь комплексов позднехараппского типа и древнейших фаз серой расписной керамики (с. 65—68). Видимо, здесь нашли отражение процессы культурного синтеза и трансформации, когда происходило поглощение ряда локальных традиций формулирующей устойчивой культурной общностью.

Полагаю, что в число памятников, кратко характеризующихся в этой главе, можно было включить и Каушамби, где выявлены интересные археологические комплексы кушанского и гуптского периодов, а также выразительная коллекция скульптуры ⁴.

Подводя итоги, можно только приветствовать выход книги Б. К. Тхапара, дающей сжатую и выразительную картину достижений индийской археологии. Возможно, правда, автору следовало бы добавить небольшую главу, суммирующую наблюдения историко-культурного характера, разбросанные по тексту всей книги, и полнее показать место культур древней Индии в мировом историческом процессе; краткое заключение (с. 144—148) не компенсирует отсутствие такой главы. В концентрированном изложении, которое дает рассматриваемая книга, четче выступают насущные нужды археологии Индии. К их числу я бы отнес необходимость значительных усилий по разработке археологической систематики. В последнее десятилетие успешно изучается культурогенез, но организация самого археологического материала еще не везде соответствует его массовости и разнообразию. Б. К. Тхапар для всех эпох в равной мере пользуется термином «культура». Однако обоснование выделения таких культур, как статистически устойчивых общностей типов артефактов, в большинстве случаев дело будущего. В особенности это заметно для памятников поры мезолита. Существующие разработки по типологии кремневого инвентаря открывают в этом отношении особенно большие возможности. Для более позднего периода индийскими учеными используется понятие керамического стиля или комплекса, что не исчерпывает всего разнообразия набора признаков, характеризующих те или иные культурные общности. Недаром в одной и той же культуре сосуществуют разные стили, а один и тот же стиль появляется в разных культурах. Отметим, что, например, более пристальное внимание к массовому материалу уже поколебало расхожее представление об исключительном внутреннем культурном единстве хараппской цивилизации ⁵. Б. К. Тхапар поэтому предпочитает осторожно говорить о едином стиле (с. 82). Данная книга убедительно показывает, что археологическая наука в Индии непрерывно развивается и совершенствуется.

В. М. Массон

⁴ Sharma G. R. Excavations at Kousambi 1957—1959. Allahabad, 1960; Silver Jubilee celebration. Allahabad, 1980.

⁵ Массон В. М. Новый этап в изучении древнеиндийской цивилизации Хараппы // ВДИ. 1986. № 4. С. 133.

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

© 1990 г.

АФГАНСКОЕ И ГАНДХАРСКОЕ ИСКУССТВО В МУЗЕЕ ГИМЕ В ПАРИЖЕ

Большая часть экспонатов, подаренных парижскому Музею Гиме и составляющих коллекцию произведений искусства Афганистана и искусства Гандхары, имеет свою историю. Коллекции сохранились благодаря энтузиазму тех любителей и специалистов, которые исследовали эти регионы начиная со второй половины XIX в.

Коллекция произведений гандхарского искусства

Первые пять экспонатов гандхарского искусства были предложены правительству Франции в период франко-прусской войны 1870—1871 гг. одним из германских князей, который питал к Французской республике дружеские чувства и оставался в Париже под вымышленным именем: таким образом он рассчитывал воздать должное стране, оказавшей ему гостеприимство. Эти предметы искусства были получены непосредственно из Индии; некоторые из них директор музея в Калькутте преподнес этому германскому князю в знак дружбы. Это был период, когда предметы гандхарского искусства поступали в Калькутту (тогда главный город Индии) от размещенных в северо-западных провинциях офицеров и солдат, очарованных этими скульптурными памятниками, столь похожими на произведения западной пластики. Другая группа скульптур была привезена во Францию Альфредом Фуше, широкоизвестным специалистом в области гандхарского искусства и автором фундаментального труда «Греко-буддийское искусство Гандхары» (издавался с 1905 по 1950 г. в трех томах с примечаниями).

По поручению Французской Академии надписей и изящной словесности А. Фуше в течение двух лет (1895—1897 гг.) обследовал памятники старины на территории Гандхары, посещал монастырские комплексы, изучая историческое и географическое прошлое страны. А. Фуше собрал некоторые образцы скульптуры на старых заброшенных поселениях, отдельные экспонаты были куплены им на городских базарах; он обследовал несколько поселений вблизи Пешавара, Мардана, Таксилы и даже посетил горные долины южной части Свата.

Стремясь побывать в самых разных районах, где можно было бы обнаружить места, описанные в джатаках, буддийских рассказах о жизни Будды, А. Фуше, пройдя через Карамарские холмы, достиг руин буддийского монастыря Мекха-санда, расположенного недалеко от современного селения Шахбаз-Гархи в провинции Мардан на северо-западе Пакистана. Именно отсюда с помощью местных крестьян он привез ряд превосходных скульптур. Позже, в 60-х годах раскопки буддийского комплекса Мекха-санда проводила научная экспедиция Университета Киото (Япония) под общим руководством проф. С. Мицуно.

В 1899 г. вся коллекция открытых А. Фуше памятников искусства (более 100 предметов) была привезена в Париж, и Французская Академия предложила ее Луврскому музею. Музей Гиме — поначалу частный, основанный в 1889 г. Эмилем Гиме в Париже, — помещался в нынешнем здании и предназначался для экспозиции коллекций, вос-

точного искусства, связанного по преимуществу с историей восточных религий. Однако вскоре после первой мировой войны Музей Гиме стал музеем искусств вообще, поскольку благодаря переданным в дар музею поступлениям от разных специалистов и коллекционеров музейное собрание произведений искусства заметно пополнилось. Так, в 1927 г. бывший президент Французской республики Ж. Клемансо, страстный коллекционер, преподнес в дар Музею Гиме (в числе прочих даров) четыре памятника гандхарской школы. В 1937 г. правитель Кашмира махараджа Хари Сингх передал в дар Музею Гиме шесть экспонатов гандхарского искусства, включая ныне всемирно известную статую — «Улыбающийся ботхисаттва», а также целый ряд терракот из Харвана для индийского отдела музея.

Тем не менее коллекция А. Фуше оставалась на хранении в Луврском музее. И лишь незадолго до смерти в 1951 г. А. Фуше, будучи уже глубоким стариком, с радостью узнал о перенесении его коллекции из Лувра в Музей Гиме; тогда же он дополнительно передал в дар Музею Гиме из своей частной коллекции несколько предметов гандхарского искусства. Таким образом, в собрании Музея Гиме оказалась превосходная голова Будды (рис. 1). Она была приобретена А. Фуше, тогда еще молодым ученым, много лет назад в г. Хунде на р. Инд и выставлена в музее для осмотра наряду с двумя статуями ботхисаттв — Сиддхартхи и Майтреи, крупной головой Будды из Каркаи, большой серией рельефов, фигурами атлантов, гирляндами и другими элементами архитектурного декора, что позволяет полнее представить каменную (в основном — из сланца) скульптуру Гандхары. К этому следует добавить великолепную серию скульптур из штука и сохранившиеся фрагменты стенной живописи из Мекха-санды.

После второй мировой войны закупочная политика в отношении произведений искусства стала регламентироваться новыми правилами ЮНЕСКО. Директора музеев воздерживались от приобретения экспонатов, не снабженных достоверными сведениями о происхождении, упуская соответственно множество различных возможностей пополнить собрания своих музеев. В настоящее время вся основная надежда Музея Гиме — дарения экспонатов или покупка хорошо известных памятников искусства, о которых имеются достоверные сведения, что они уже долгое время находились у владельцев. Сотрудники музея реставрируют и готовят к экспозиции коллекции А. Фуше, переданные им в дар Музею Гиме.

Коллекция афганского искусства

Коллекция афганского искусства в Музее Гиме явилась плодом торговых и одновременно дружеских соглашений: соглашений между правительствами и дружескими связями между молодым королем страны Аманулло-Ханом и А. Фуше, который с присущей ему страстностью старался найти в Северном Афганистане, на территории древней Бактрии, разгадку тайны искусства Гандхары. Избегая по политическим сообра-

Рис. 1. Голова Будды. Сланец

жениям принимать экономическую помощь от соседних государств, Аманулла-Хан, поддержанный своими советниками — одним из них был эмир Махмуд Бег Тарзи, во время своего визита во Францию в 1920 г. решил просить ее помощи для своего проекта превращения афганского королевства в современное государство. Он обратился к правительству Франции с просьбой прислать в Афганистан в качестве консультантов специалистов по вопросам государственного управления, вооруженных сил, системы образования и здравоохранения. Ему же принадлежал замысел программы археологических исследований; для руководства этой программой к нему был направлен А. Фуше.

В это время А. Фуше находился в Индии; его просили срочно прибыть в Кабул. Из-за сложностей политического характера А. Фуше пришлось добираться пароходом из Бомбея сначала до Ирана, затем, где по железной дороге, а где и верхом, через горы и пустыни, он проехал от Персидского залива через Тегеран, Герат и горы Гиндукуш. Вместе с женой они прибыли в Кабул весной 1922 г.

Пользуясь своим дипломатическим статусом и страстно желая начать исследования, к которым он так давно стремился, А. Фуше добился после шестимесячных переговоров заключения соглашения на 30 лет о сотрудничестве между правительствами Афганистана и Франции; согласно договоренности, французская сторона получила ряд преимуществ в археологических исследованиях для решения следующих проблем: 1) происхождение гандхарского искусства; 2) распространение эллинизма в Афганистане; 3) изучение маршрутов Великого Шелкового пути на территории Афганистана. В соглашении оговаривалось, что оба правительства обладают равными правами в отношении использования результатов археологических раскопок; соответствующим образом был установлен порядок раздела археологических находок. Право совместного владения распространялось, с одной стороны, на афганское правительство, с другой — на директора Французской археологической миссии в Афганистане, известной впоследствии как DAFA.

Договор вступил в силу, а в 1964 г. был продлен до 1982 г., за исключением пункта о разделе находок. Поэтому начиная с 1964 г. ни одна находка совместной Франко-афганской археологической экспедиции не была вывезена за пределы страны. Последними по времени поступлениями (1964 г.) в Музей Гиме были пилястры и семь капителей с буддийской «Платформы статуй» близ Сурх-Котала.

В формировании афганской коллекции Музея Гиме можно выделить три периода.

Период I: разведки и первые исследования

Начало исследованиям Французской археологической миссии в Афганистане положил А. Фуше. Они проводились в Бактрии вблизи Балха и в самом городе, где французский ученый надеялся отыскать ключ к загадке возникновения гандхарского искусства. В течение двух лет (1923—1925 гг.), изолированный от целого мира, А. Фуше находился с женой в Балхе. Среди тех, кто посетил его в это время, были архитекторы А. Годар и Ж. Акен. Пешком и в седле А. Фуше обследовал соседние буддийские и исламские поселения в поисках материальных свидетельств эллинистической культуры, которые могли бы обосновать его взгляды на греко-буддийское искусство. Однако из земли Бактрии ему не суждено было извлечь ни одной находки времени Александра Македонского; не удовлетворенный поисками, А. Фуше в 1925 г. возвратился в Кабул.

Обратный путь супругов Фуше, которых сопровождали А. Годар с супругой, пролегал через малоизвестное тогда поселение Бамиан. Здесь А. Годар сделал первые фотографии и цветные эскизы теперь уже широкоизвестного памятника — позднее они были опубликованы в «Трудах Французской археологической миссии в Афганистане» (Т. 2. 1928). В Музее Гиме хранятся немногие предметы искусства, обнаруженные А. Фуше в руинах Балха: фрагменты керамики, стекло, несколько мелких вещей из

Рис. 2. Молодой адорант с сосудом для возлияний. Штук

Рис. 3. Юноша, преподносящий цветы Будде. Штук

сланца, монеты, однако нет ничего, что могло бы свидетельствовать о расцвете города в бактрийский или даже в исламский период. Буддийские монастыри и ступы представляли собой невзрачные глиняные холмы, а мечети и медресе были в крайне плохом состоянии.

На обратном пути в Кабул А. Фуше побывал также в Каписе, к северу от столицы, и в долине Логар, расположенной южнее; быстро обследовал селения Шотарак, Пайтава, Шаваки, Камари и др. Добравшись до Джелалабада, он обнаружил древнюю Хадду, крупный комплекс буддийских ступ и монастырей. В коллекции Музея Гиме хранится несколько голов и статуй, которые А. Фуше отыскал в монастыре «неподалеку от Тепа-и калан» (рис. 2), как он отметил в своей статье¹.

Период II: интенсивные поиски на ранее обследованных поселениях

В 1926—1928 гг. Ж. Барту обнаружил в Хадде восемь буддийских монастырей и более пятисот ступ. Им было собрано от 13 до 16 тысяч фрагментов из гипса и штукатурки, однако из-за возникшей неприязни местных крестьян и служителей культа лишь около трех тысяч находок попали в Кабульский музей. Он сделал несколько сотен фотографий и примерно половину их с оказией послал в Париж. Среди них: юноша, преподносящий цветы Будде (рис. 3), полдюжины статуэток, рельефы, двести головок; остальное — фрагменты статуй или элементы архитектурного декора буддийских ступ. Все эти разрозненные фрагменты представляют собой образцы мастерства многих художников, следовавших, по-видимому, греческой традиции; но, собранные вместе, благодаря усилиям сотрудников Музея Гиме они составляют впечатляющую экспозицию буддийского искусства древнего Афганистана на протяжении II—VI вв. н. э.

¹ Foucher A. La Vieille Route de l'Inde: de Bactres à Taxila // MDAFA. I. 1942—1947. 2 vol.

Благодарная память о Жозефе Акене, одном из руководителей археологических исследований в Афганистане, и его спутниках — жене Рии Акен, архитекторах Жане Карле, Жаке Монье и др. навсегда сохранится в сердцах французов и афганцев. Ж. Акен, куратор Музея Гиме и одновременно Директор Французской археологической миссии в Афганистане, с энтузиазмом работал вплоть до своей смерти в годы второй мировой войны. Еще в 1924 г. Ж. Акен изучил караванный путь из Кабула в Балх и обследовал стенные росписи сасанидского стиля в киплаке Духтар-и Нуширван. Минував Таш-Курган и Кундуз, он вышел к берегам Окса (Амударьи) в Пата-Гиссар, затем возвратился в Бамиан, бего обследовал его и направился в Капису (Капишу), где его ожидало открытие великолепного Будды из Пайтава (рис. 4). Это крупная статуя Будды, ступающего по воде в лучах света, который струится с его плеч; она хранится в настоящее время в Музее Гиме.

Вернувшись в 1929 г. на несколько месяцев в Бамиан, сотрудники Ж. Акена составили планы участка, чертежи и сфотографировали большое число пещер. Ж. Карл скопировал стенную роспись, и эти превосходные акварели сейчас находятся в Музее Гиме вместе с фрагментами керамики из пещер G и D и пещеры V, расположенной у подножия 55-метровой статуи Будды. Соответствующее число экспонатов из тех же пещер получил в свое распоряжение Кабульский музей. Большая часть элементов архитектурного декора была восстановлена и оставлена в селении, где их можно увидеть и сейчас.

Благодаря финансовой поддержке правительств двух стран французские и афганские специалисты (среди последних Ахмед Али Кохзад) в тесном сотрудничестве восстановили и сохранили древние памятники культуры Афганистана; в этой работе они опирались на знание древних строительных и ремесленных навыков. Задачи, стоявшие перед ними, были огромными, и поэтому они постоянно должны были решать, что спасать в первую очередь. Так, узнав о бедственном состоянии произведений искусства небольшой пещеры вблизи Какрака, по соседству с Бамианом, Ж. Акен и афганский консультант решили вывезти остатки стенной росписи в Кабул. Организацией работ по транспортировке и консервации стенной росписи занимался французский специалист Е. Баке. Такую же работу проделал Ж. Монье в 1936 г. в одном из заброшенных поселений Фундукистана возле Сиах-Гирда, на пути к Бамиану. Кто знает, сколько еще шедевров скульптуры и живописи скрывает древняя земля Афганистана?

По обоюдному согласию сторон сохранившиеся памятники искусства Какрака и Фундукистана были распределены между Кабульским музеем и Музеем Гиме. В Музее Гиме демонстрируются около половины восстановленной росписи свода Какрака и шесть скульптур из Фундукистана, включая знаменитую статую Будды (рис. 5).

В 1936 г. Ж. Акен и сотрудники Французской археологической миссии в Афганистане Р. Гиршман и Ж. Монье обследовали южные районы Афганистана в поисках следов культур доисторического периода. Однако с 1937 по 1940 г. всех участников экспедиции полностью захватило археологическое исследование Беграмской Сокровищницы.

Близ Беграма, в Каписе, в двух помещениях дворцового комплекса было обнаружено большое число ценнейших памятников культуры и искусства; все они были собраны, реставрированы на месте и отправлены в Кабул. Следует упомянуть ряд изделий из золота, слоновой кости, стекла, бронзы и штукатурки, отчасти дошедшие в полной сохранности, отчасти — во фрагментах; все они свидетельствуют о высоком мастерстве древних художников и говорят о разнообразии культурных влияний, которые испытали мастера Беграма. Специалисты сумели лучше понять, как благодаря волнам завоевателей, паломников и торговцев на территориях Афганистана и Гандхары объединялись искусство и культурные традиции Индии, Ирана, Сирии, Египта и даже отдаленного Китая. Отныне любители древнего искусства получили возможность знако-

Рис. 4. Стоящий Будда в позе *абхайа мудра*. Сланец

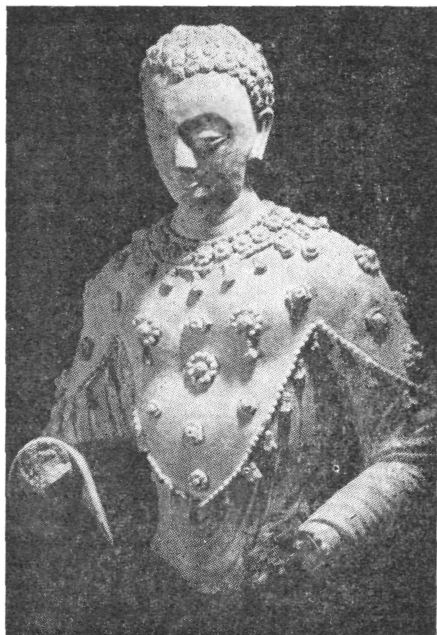

Рис. 5. Сидящий(?) Будда. Глина

миться с удивительными по мастерству экспонатами Беграмской Сокровищницы: одни в залах Кабульского музея, другие — в залах Музея Гиме.

По окончании второй мировой войны и уже после смерти Ж. Акена Французская археологическая миссия в Афганистане возобновила свою деятельность и приступила к археологическим исследованиям на территории Афганистана. Прежде всего необходимо было собрать воедино экспонаты Беграмской Сокровищницы, размещенные в различных местах. Этим непосредственно занялся Д. Шлюмберже, которому помогали сотрудники прежней научной экспедиции, несколько афганских специалистов и новый член группы, реставратор П. Амлан. Экспонаты из Беграма заняли почетные места в Кабульском музее и Музее Гиме в полном согласии с пунктами договора, ранее заключенного королем Афганистана и Ж. Акенем.

Период III: современное состояние

Тщательные разыскания под руководством Д. Шлюмберже привели к открытиям таких древних поселений, о которых в свое время А. Фуше мог лишь мечтать. Среди них, например, Сурх-Котал — величественная крепость кушанского царя Канишки, а также Ай-Ханум — эллинистический торговый город III—II вв. до н. э. на берегу Амударьи.

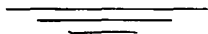
Обстоятельства между тем переменились. Теперь уже не только одни французские археологи находились в Афганистане; английские, германские, японские и советские археологи снарядили научные экспедиции и начали серьезные раскопки. Афганские специалисты также приступили к археологическим исследованиям и либо инспектировали, либо участвовали в раскопках иностранных ученых.

Отныне новооткрытые памятники культуры и искусства оставляли на месте раскопок или доставляли в Кабульский музей. Во всяком случае, после 1964 г. все архео-

логические находки оставались в стране. Еще до 1964 г. несколько предметов искусства из Мундигака — центра древнеиндской цивилизации (Ж.-М. Казал, 1951—1958 гг.) и из святилища Сурх-Котал попали в Музей Гиме.

Благодаря коллекциям гандхарского и афганского искусства Музей Гиме стал научным центром по исследованию этих культурных феноменов, а сотрудники Французской археологической миссии в Афганистане, распущенной в 1982 г., находятся в настоящее время в Париже и продолжают работу по публикации трудов и материалов, накопленных за годы работы французских археологов в Афганистане.

Франсин Тиссо, сотрудница Музея Гиме в Париже

К 70-летию АЛЕКСАНДРА ИОСИФОВИЧА НЕМИРОВСКОГО

Редсовет и редколлегия журнала, Отдел истории древнего мира Института всеобщей истории АН СССР поздравляют доктора исторических наук, профессора Александра Иосифовича Немировского с 70-летним юбилеем. Выпускник довоенного истфака МГУ, ученик В. С. Сергеева, А. И. Немировский принадлежит к поколению фронтовиков. Возобновив после войны занятия в аспирантуре под руководством Н. А. Машикина, А. И. Немировский вскоре выдвинулся как яркий исследователь античной истории и культуры. Выпускники возглавлявшейся им долгое время кафедры древней истории Воронежского университета работают во многих городах Советского Союза.

Монографии А. И. Немировского «История раннего Рима и Италии», «Идеология и культура раннего Рима», «Этруски. От мифа к истории» внесли достойный вклад в изучение проблем возникновения римской государственности, римской и итальянской религии, происхождения и культуры этрусков. Вышедшая двумя изданиями книга А. И. Немировского «У истоков исторической мысли» посвящена своеобразию историографического жанра в греческой и римской словесности. Одним из направлений научных интересов А. И. Немировского стало исследование итальянской, немецкой и отечественной историографии. Переводы малоизвестных широкому читателю латинских авторов — Флора, Веллея Патеркула, Ампелия, дополненные монографическими исследованиями их трудов, занимают в научной деятельности А. И. Немировского видное место.

Разносторонность и широта интересов сочетаются в трудах А. И. Немировского со скрупулезностью историко-филологического анализа. Имя А. И. Немировского неразрывно связано с популяризацией древней истории. Более десятка его научно-художественных произведений, несколько изданий увлекательно написанной книги для чтения по истории древнего мира для учителей и сборников художественных рассказов на темы древней истории способствуют возникновению у читателей интереса к далекому прошлому.

Приветствуя Александра Иосифовича Немировского — давнего автора журнала, заслуженного ученого-антиковеда, мы желаем ему дальнейшей творческой активности и крепкого здоровья.

К 70-летию ВИКТОРА НОЕВИЧА ЯРХО

5 марта 1990 г. исполнилось 70 лет профессору Виктору Ноевичу Ярхо — видному ученому и педагогу, широкоизвестному как в нашей стране, так и за ее пределами.

Научные интересы В. Н. Ярхо в основном охватывают три направления: древнегреческая драма, древнегреческая лирика и новые папирусные находки в области античной литературы. Первыми его крупными работами в области древнегреческой драмы были монографии об Аристофане (1954) и Эсхиле (1958). Исследование драматургии Эсхила было продолжено им в докторской диссертации (1964), затем — в ряде статей и завершилось монографией «Драматургия Эсхила и некоторые проблемы древнегреческой трагедии» (1978). Исследованию Софокла В. Н. Ярхо посвятил ряд статей, а также небольшую монографию «Антигона» (1986), в которой на основе тщательного анализа образов трагедии, ее структуры и лексических средств дана исчерпывающая характеристика одного из шедевров древнегреческой драмы. Капитальной работой является подготовленный для серии «Литературные памятники» однотомник Софокла в переводе Ф. Ф. Зелинского, где В. Н. Ярхо принадлежат обстоятельный аппарат и редакция перевода (совместно с М. Л. Гаспаровым). Творчество Еврипида В. Н. Ярхо исследовал в связи с изданием его двухтомника (1969), в котором вступительная статья и комментарии к каждой драме с обширными преамбулами составляют единое целое, приближающееся к отдельной монографии.

С начала 70-х годов его внимание привлекают новые папирусные тексты Менандра. Продолжением работы, начатой И. М. Тронским, явилась монография В. Н. Ярхо «У истоков европейской комедии» (1979). Итог его многолетних исследований — подготовка и издание в серии «Литературные памятники» однотомника Менандра (1982). В этом издании были учтены все известные к тому времени публикации и специальная литература, в качестве приложения впервые на русском языке даны отрывки из комедий предшественников и современников Менандра. Третье направление научных интересов В. Н. Ярхо — исследование папирусных находок, охватывающее широкую тематику: от нового эпоса Архилоха до последнего пародийного эпоса и мима времен Ранней империи, нашло отражение в многочисленных статьях, опубликованных в различных изданиях, в том числе на страницах ВДИ.

Около 40 работ В. Н. Ярхо изданы на немецком, итальянском, китайском, греческом, венгерском языках.

Широко известна также педагогическая деятельность В. Н. Ярхо. С 1949 г. он преподает в Московском государственном институте иностранных языков им. М. Торгеза, пройдя путь от преподавателя до профессора, заведующего кафедрой. В этом качестве он проявил себя и как талантливый преподаватель, и как умелый и дальновидный руководитель. В. Н. Ярхо пользуется глубоким и искренним уважением коллег, его отличает подлинный демократизм в общении со всеми, будь то маститый ученый или начинающий студент-первокурсник.

Редколлегия и редсовет ВДИ, Отдел истории древнего мира Института всеобщей истории АН СССР сердечно поздравляют юбиляра и желают Виктору Ноевичу здоровья и новых творческих успехов.

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

25 лет отдала работе в журнале Ирина Константиновна Малькова — заведующая редакцией ВДИ. И все эти годы успехи журнала во многом определялись ее высочайшим профессионализмом, верностью лучшим традициям ВДИ и беззаветной любовью к делу. Все, кто печатается в журнале, приходя в редакцию, неизменно встречают благожелательность и доброе к себе отношение, и в этом заслуга прежде всего Ирины Константиновны.]

Редколлегия, сотрудники редакции и авторы поздравляют Ирину Константиновну и желают ей доброго здоровья, радости и счастья. Мы все надеемся, что еще многие годы будем встречать ее приветливый взгляд, благодарить за душевную теплоту и отзывчивость.

© 1990 г.

«ДРЕВНЕЙШАЯ МЕТАЛЛУРГИЯ СТАРОГО СВЕТА».

IV Советско-американский симпозиум по археологии

(Тбилиси — Сигнахи, 28 сентября — 5 октября 1988 г.)

С 28 сентября по 5 октября 1988 г. в Грузии проходил IV Советско-американский симпозиум по археологии, организованный, как и первые три, в рамках Протокола о сотрудничестве между Академией наук СССР и американским Советом познавательных обществ¹. При предварительном обсуждении программ совместной деятельности и далее в ходе работы организаторами были намечены две сферы взаимного интереса: а) Ближний Восток и Центральная Азия и б) Старый и Новый Свет. В соответствии с этой программой на предшествующих встречах были рассмотрены такие важнейшие проблемы, как социально-экономическое и культурное развитие Ближнего Востока и Центральной Азии в период 6000—1000 гг. до н. э.²; проблемы происхождения и развития основных форм производящего хозяйства («неолитическая революция») в тех же районах³; проблемы сравнительного развития культур Старого и Нового Света (от верхнего палеолита вплоть до позднего средневековья)⁴.

Темой IV симпозиума стала «Древнейшая металлургия Старого Света». Выбор предмета обсуждения не случаен: процесс включения металлов в сферу человеческой деятельности последние десятилетия привлекает пристальное и, судя по всему, все возрастающее внимание. Период отмечен потоком публикаций (в основном зарубежных), включающих, с одной стороны, сообщения о новых находках артефактов из металлов и выделении новых очагов металлообработки, с другой — результаты анализов, сделанных с применением новейших технических средств и методов (металлографии с использованием сканирующих микроскопов, изотопных анализов, нейтронной активации и др.); постепенным выделением особой дисциплины, работающей на стыке археологии, истории, металлургии, химии и физики; появлением специальных периодических изданий, разрабатывающих проблемы археометалловедения. Накопление новых (количественно и особенно качественно) данных потребовало совершенно нового уровня их теоретического осмысления и как следствие привело к осознанию необходимости пересмотра многих традиционно используемых представлений относительно причин, условий и последствий перехода общества к использованию такого специфического природного ресурса, как металл. Во всяком случае совершенно очевидно, что результаты современного анализа этого процесса в Старом Свете, а также наблюдения за развитием обществ Нового Света, где эта отрасль человеческой активности либо традиционно отсутствовала, либо получила специфическое направление, не вполне вписываются в схему, представленную классическими трудами Г. Чайлда и С. Ренфрю.

¹ К истории организации симпозиумов см.: Мунчаев Р. М., Гуляев В. И. Второй Советско-американский симпозиум по археологии Ближнего Востока и Средней Азии (Самарканд, 1983) // СА. 1985. № 3. С. 312.

² См.: Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М. Первый Советско-американский симпозиум по археологии (Кембридж, 1981) // СА. 1982. № 3. С. 284—288.

³ См.: Мунчаев, Гуляев. Второй Советско-американский симпозиум... С. 312—315.

⁴ См.: Мунчаев Р. М., Гуляев В. И. Третий Советско-американский археологический симпозиум (Вашингтон, 1986) // СА. 1988. № 3. С. 295—299.

Важно при этом иметь в виду, что процесс «одомашнивания» металлов продолжает пониматься нами не просто как развитие определенных технологий, но использоваться в гораздо более широком плане — как своеобразная система периодизации исторического процесса, а также в какой-то мере — как способ описания его этапов.

Симпозиум был открыт в Тбилиси приветствием президента АН ГрузССР А. Н. Таваддзе. На этом же заседании академик-секретарь Отделения истории АН ГрузССР А. М. Аникадзе выступил с докладом «О некоторых главных направлениях археологических исследований в Грузинской ССР», в котором дал краткий очерк развития грузинской археологии, а также наметил ряд вопросов, представляющих, по его мнению, интерес для совместной разработки (создание проектов советско-американских публикаций археологических материалов, единой информационной системы по археологии и др.).

Рабочие заседания симпозиума проходили в г. Сигнахи, где участники были гостями базирующейся там Кахетской археологической экспедиции. В течение нескольких дней было прослушано более полутора десятков докладов, которые в тематическом отношении составляли несколько групп. Наиболее емкую из них представляли доклады, освещающие проблемы зарождения и развития цветной металлургии.

Анализ и картографирование более ста артефактов из металлов позволили Р. М. Абрамшвили (Тбилиси) в докладе «Производство медно-бронзовых и железных изделий на территории Закавказья в эпоху поздней бронзы и раннего железа» выделить три крупных «производственно-исторических области»: а) Западный и Центральный Кавказ, Западное Закавказье и северо-западная часть Восточной Грузии; б) Центральное Закавказье и восточная часть Северного Кавказа и в) южная часть Муганской степи и Талыш. В пределах выделенных областей докладчик наметил несколько крупнейших очагов металлообработки, остановившись на характеристике некоторых из них — например, на центрах металлургии колхидской культуры (для которой металлургия меди и бронзы являлась одной из главных отраслей хозяйства), лчашен-цителигорской (в одном из очагов которой был достигнут наивысший для всего Ближнего Востока уровень производства предметов из бронзы) и некоторых других. Освоение железа в Закавказье (район Квемо-Картли) начинается не позднее середины II тыс. до н. э. и, как полагает докладчик, связано с исходящим из Восточной Анатолии влиянием.

К. Н. Пиццелаури (Тбилиси) в докладе «Генезис материальной культуры в эпоху поздней бронзы — раннего железа на Кавказе» представил свою модель социально-экономического развития племен Кавказа во второй половине III — первой половине II тыс. до н. э. Вплоть до III тыс. уровень развития Кавказа и Ближнего Востока был примерно одинаков, затем Кавказ начинает отставать. Этот процесс сопровождается резкой сменой ряда признаков культуры (в Центральном Закавказье), что свидетельствует, по мнению докладчика, о вторжении «инородных масс». Материальная культура первой половины II тыс. обнаруживает двойственность, сочетая: а) ближневосточные черты, объясняемые присутствием пришлого этнического элемента, и б) местную традицию. На этот же период — вторую половину III — первую половину II тыс. (т. е. время появления мартопской, беденской, триалетской культур) приходится процесс почти полной замены основного типа хозяйственной деятельности — земледелия — на скотоводство. Этот связанный, как считает докладчик, с «внешним влиянием» процесс затормозил развитие кавказского общества. С середины II тыс. до н. э. проникновение «инородных масс» на Кавказ прекращается, происходит развитие местных производственных традиций и начинает складываться «кавказская цивилизация». Важнейшим элементом этого процесса, сыгравшего, по мнению докладчика, «революционную роль в развитии кавказского общества», должна была стать начиная с середины II тыс. до н. э. высокоразвитая металлургия.

Авторы доклада «Основные этапы развития Грузии эпохи неолита — бронзы» А. И. Джавахишвили, О. М. Джапаридзе и Т. В. Кигурадзе (Тбилиси) проследили особенности культурного развития различных регионов Грузии на протяжении VI—II тыс. до н. э. В VI—V тыс. в Восточном Закавказье складывается (под сильным перднееазийским влиянием) древнейшая оседлоземледельческая культура — шулавершомутелинская, носители которой впервые начинают использовать медь. В IV тыс. на той же территории формируется куро-аракская культура (в которой, по мнению авторов, решающая роль принадлежала кавказским племенам); с ее распространением и расцветом связан подъем металлопроизводства на Кавказе, обусловленный активными контактами с Циркумпонтийской металлургической провинцией. Используется местное сырье, ведущий тип сплава — мышьяковые бронзы. Во второй половине III тыс. земледельческое хозяйство переживает кризис, повлекший упадок куро-аракской культуры; на смену ей приходит культура ранних курганов (мартопская и беденская группы), для которых, однако, характерен дальнейший расцвет металлургического производства. К этому периоду относится появление предметов из оловяни-

ной бронзы, а также начало использования драгоценных металлов. Дальнейшее развитие этих традиций связано с триалетской культурой, относимой авторами к среднему бронзовому веку (далее — СБВ), которая по своему уровню близко подходит к синхронным культурам Передней Азии.

Темой доклада А. А. Аскарова и В. Д. Рузанова (Самарканд) стали «Очаги металлургии и металлообработки в Средней Азии эпохи бронзы». Металлургия раннего бронзового века (далее — РБВ) представлена в памятниках земледельческих культур: а) Юго-Западной Туркмении (Пархай II); б) подгорья Копет-Дага (Алтын-Тепе, Намазга, Анау); в) долины Зеравшана (Саразм). В них прослеживается связь с местной традицией. Эпоха СБ характеризуется подъемом металлообрабатывающего производства. Формируются два новых очага — мургабский и сапаллинский, продукция которых обнаруживает как сходство (типологическое и по химическому составу), так и различие — значительно более высокое использование в сапаллинском очаге оловянистых бронз, что свидетельствует о связи последнего с неизвестным источником олова. В то же время развивается металлообработка в юго-западных районах Туркмении и западных районах Таджикистана. Как и в период РБ, металлургия земледельческих культур юга базируется на привозном сырье (видимо иранского происхождения). В эпоху ПБ Средняя Азия подразделяется на две зоны, втянутые в состав двух обширных металлургических провинций, — Ирано-Туркменистанскую и Евразийскую. В Юго-Западном Туркменистане формируется сумбарский очаг, также дающий высокий процент оловянистых бронз. К середине II тыс. до н. э. в результате передвижений начинают складываться очаги металлургии в зоне степных культур — тазбагьябский и кайраккумский, обнаруживающие черты общности с соответствующим производством андроновцев. В конце II — начале I тыс. до н. э. наблюдается спад металлообрабатывающего производства (сокращение его объема, ассортимента и разнообразия рецептов (кучукская культура), а также возникает переориентация связей (чустско-бургулюкский очаг).

Доклад В. И. Молодина (Новосибирск) «Металлургия кротовской культуры. Западная Сибирь. Середина II тыс. до н. э.» содержал анализ данных относительно уровня и характера развития металлургического производства у носителей кротовской культуры, которая занимала одно из ведущих мест в исторических процессах середины II тыс. до н. э. на территории Западной Сибири и Зауралья. Находки многочисленного инвентаря, отходов производства и брака свидетельствуют о наличии у кротовцев высоко развитого бронзолитейного ремесла. Металлические предметы представлены бронзовыми, золотыми и серебряными изделиями — украшениями и орудиями. По своим типам они распадаются на: а) сейминско-турбинскую группу, б) группу, родственную ряду энеолитических культур Евразии, в) андроновскую. О широком знакомстве кротовцев с металлургией свидетельствуют также: а) наличие особых (по местонахождению и инвентарю) погребений лиц, связанных с металлургическим производством; б) начало выделения «клана» мастеров. Развитие металлургии у кротовцев было одной из причин расцвета их искусства, экономики, совершенствования социальных институтов. Упадок этой культуры связан, как полагает докладчик, с вытеснением (или ассимиляцией) кротовцев носителями андроновской культуры, которые «перекрыли» источники сырья.

В докладе «Экономическая и социальная роль металлообрабатывающего производства в эпоху поздней бронзы (по материалам южных культур Восточной Европы» В. С. Бочкарев (Ленинград) указал на сосуществование двух полярных тенденций в подходе к проблеме: а) отрицание экономического значения металла и ограничение его роли военной и сакральной сферами жизни общества и б) представление металла как основы экономики. Решение проблемы, полагает докладчик, возможно лишь при учете всех сфер функционирования металла — собственно производства, обмена и потребления. Эпоха СБ отмечена значительным расширением — количественным и качественным (за счет увеличения ассортимента) — металлообрабатывающего производства. Это было связано с а) подъемом добычи сырья в районах Урала, Северного Кавказа, Карпат и Балкан; удешевлением металла и более широким его экспортом; возникновением в связи с этим повсеместно очагов металлообработки; б) появлением ряда новых технологических приемов (и в конечном счете — литья), способствующих переходу к серийной и массовой продукции. Характерной особенностью обмена становятся его основные объекты — слитки и металлический лом, в то время как готовая продукция в этом качестве ограничивается особо высококачественными и дорогими изделиями. Произошедшие изменения превратили металлообрабатывающее производство в важный фактор экономической и социальной жизни. По словам докладчика, «отказ от него или резкое его сокращение были уже равносильны катастрофе».

Два доклада были сделаны сотрудниками Лаборатории естественнонаучных методов ИА АН СССР (Москва). В первом из них — «Циркумпонтийская металлургическая провинция как система» Е. Н. Черных, Л. И. Авилова, Т. Б. Барцева, Л. Б. Орлов-

ская, Т. О. *Тенейшвили* на основе функционально-типологического, спектрального и математико-статистического анализов около 13000 металлических изделий ($\frac{2}{3}$ из них — из меди и ее сплавов, прочие — из золота и серебра) вычленили особую систему родственных по своей продукции металлургических и металлообрабатывающих центров, которые функционировали в РБВ (середина IV — середина III тыс. до н. э.) и СБВ (середина III тыс. — XVIII/XVII вв. до н. э.) на обширной территории Старого Света. В границах Циркумпонтийской металлургической провинции (далее — ЦМП) авторы доклада выделили два контрастных «блока культур»: а) южный (от Балкано-Карпатя вплоть до Восточной Анатолии), с земледельческо-скотоводческим типом экономики и наличием горно-металлургического производства на базе местного сырья и б) северный (Северный Кавказ, степные и отчасти лесной регионы Восточной Европы) со скотоводческим типом хозяйства, сочетавшимся с занятием металлообработкой на базе привозного сырья. ЦМП не имела единой культурной, этнической или производственной основы; механизм ее сложения пока не ясен. Установлен интенсивный отток металла с юга на север, что, учитывая сравнительно слабую насыщенность металлом самих памятников южной зоны, может свидетельствовать как о добровольном (т. е. обменном), так и о принудительном (данническом?) характере взаимоотношений. Выдающиеся по богатству и масштабам курганы (для РБВ это майкопская группа, для СБВ — группа Марткопи-Бедени и Триалети) локализуются почти исключительно в зоне контакта «блоков». Артефакты из металлов обнаруживают причастность к разным сферам: орудия труда и отчасти оружие, обнаруженные на поселениях, выполняли утилитарную функцию; украшения, предметы культа и все находки в погребениях — «символическую». Огромное большинство (до 90%) всех артефактов из металлов в важнейших зонах ЦМП (за исключением Балкано-Карпатя) должно быть отнесено к последней группе. Расцвет ЦМП связан с СБВ, когда металлургическое производство переживает взрывоподобный рост; к началу ПБВ она распадается. Крупные зоны ЦМП явились исходными центрами, откуда последовали импульсы для формирования новых металлургических провинций ПБВ.

Доклад «Евразийская металлургическая провинция как система» (авторы *Е. Н. Черныш, С. А. Агапов, С. В. Кузьмины*) явился в известной мере развитием финального тезиса предшествующего доклада. Он был посвящен анализу другой, сложившейся к середине II тыс. до н. э. металлургической провинции — Евразийской (далее — ЕАМП), территория которой простиралась от Поднестровья до Алтая и от Причерноморья, Прикубанья и Средней Азии до таежной зоны Евразии. ЕАМП возникла под влиянием двух импульсов: а) западного, восходящего к северо-западным районам распавшейся ЦМП, достижения которой были усвоены носителями абашевской культурной общности, и б) восточного (сейминско-турбинского), связанного с передвижением коневодов — металлургов и воинов из Алтая вплоть до лесной полосы Восточной Европы. Для первого было характерно преимущественное использование мышьяковых бронз (сырьевая база — Урал), для второго — исключительно оловянной бронзы, а также применение принципиально новой технологии — отливки тонкостенного втульчатого оружия (кельтов). Механизм сложения ЕАМП отличается сложностью и динамизмом. На ранней стадии XVII/XVI—XIV вв. до н. э.) происходит столкновение (в районе Урала) двух контрастных импульсов, а затем последующая стабилизация производственных центров, когда выделяются две основные зоны: а) восточная, связанная с андроновской (алакульской) общностью, и б) западная, совпадающая с так называемой «срубной». На этом этапе начинается активное использование медных рудников Казахстана, Средней Азии и особенно Рудного Алтая; происходит быстрое перемещение горно-металлургических очагов на восток, в азиатскую зону; инвентарь насыщается оловянными бронзами; ведущим функциональным направлением металлургии является производство «символов». На позднем этапе ЕАМП (XI—X/IX вв. до н. э.) заметны явления ее распада. Происходит обособление обширной общности «вазиковой» керамики в степной зоне и цепи лесных культур, металлургия которых несет черты своеобразия. Основные центры передислоцируются на север, в зону лесных культур: здесь изготавливается огромное количество украшений, в отличие от степной зоны, где начинается доминировать производство орудий и оружия и направленность производства сменяется на утилитарную. В европейской степной зоне наблюдается заметное падение мощности металлургического и металлообрабатывающего производств. ЕАМП представляется весьма динамичной системой по сравнению с ЦМП, где процессы сложения, стабилизации, обособления зон и окончательного их распада охватывали не менее полутора тысячелетий.

Доклад *Т. Стек* (Филадельфия, Пенсильванский университет) «Ранний этап развития металлургии меди и бронзы в Месопотамии и Анатолии» был выполнен в рамках проводимого с 1981 г. Пенсильванским университетом «Mesopotamian Metals Project» — программы, включающей обследование с помощью новейших технических средств нескольких сотен артефактов из меди и ее сплавов и направленной на выявление роли

металлов в хозяйственной, торговой, культурной, технологической и сакральной сферах жизни ранних насельников Юго-Западной Азии. Знакомство с самородной медью (зафиксированное для района Чаюню-Тепеси уже в VII тыс. до н. э.) не могло привести, по мнению докладчика, к разработке технологии плавки: материалом, указавшим на эту возможность, был, как она полагает, свинец, интенсивное использование которого (как и побочного продукта его выплавки — серебра) в Месопотамии непосредственно предшествовало массовому употреблению меди и ее сплавов. Что касается оловянной бронзы, то она во внутренних районах Юго-Западной Азии в течение всего БВ не была в широком употреблении. Поскольку и способ получения сплава, и источники олова (в Афганистане) уже к началу III тыс. были известны, причины редкого использования бронзы нельзя объяснить сложностями технического свойства. Ключ к решению проблемы кроется, по мнению Стек, в том факте, что в III—II тыс. до н. э. в Месопотамии и Анатолии бронза встречается в основном в захоронениях, притом в комплексе с другими привозными и потому особо ценными материалами — золотом, серебром, лапис-лазурью. Подобно последним, бронза (и олово) являлась неким символом особого статуса — не только экономического, но и — главное — политического. Хотя данная интерпретация процесса включения металлов в сферу деятельности человека не универсальна (так, вряд ли ее можно применять, например, к району Юго-Восточной Азии), она, по мнению докладчика, убедительно доказывает, что причины использования или, напротив, неиспользования металлов были культурного, а не технического характера.

Материал, представленный в докладе Дж. Мюли (Пенсильванский университет, Восточное отделение) «Металлургия меди и бронзы на Кипре и в Восточном Средиземноморье», еще раз подтвердил несостоятельность теории, прямо выводившей средиземноморскую (и прежде всего — эгейскую) металлургию из Южной Месопотамии (через посредство Сирии и Анатолии): подобный подход к проблеме — не только чрезвычайно упрощение ее с теоретической точки зрения, но и ошибочен [фактически, поскольку в Анатолии (Чаюню-Тепеси) уже обнаружены следы металлообработки, по возрасту превосходящие все аналогичные находки из Месопотамии. Как полагает докладчик, импульс к развитию металлургического производства Эгейский мир мог получить скорее с севера, из районов Юго-Восточной Европы. Начало использования металлов в Восточном Средиземноморье падает на период РБ (3100/2200 гг. до н. э. для Греции и Анатолии и 2600 г. до н. э. для Кипра); во всех указанных регионах производству бронзы непосредственно предшествовало использование сплава мышьяка и меди, способ изготовления которого все еще остается предметом дискуссий. Сырьем для него служили медные руды с высоким содержанием мышьяка, а главной сырьевой базой был, видимо, о-в Китнос. Источники олова также составляют проблему: самым возможным «кандидатом» считается Афганистан, однако, как полагает Мюли, масштаб производства бронзы в Восточном Средиземноморье во II тыс. до н. э. убеждает в использовании иных месторождений. Из числа предполагаемых регионов более других заслуживает внимания Корнуэлл. Проблемы торговли металлами между Кипром периода ПБ и западными странами также подвергаются пересмотру: предполагаемый ранее прямой обмен кипрской меди на микенскую керамику заменяется ныне более сложной (и, видимо, более близкой к действительности) схемой. Вплоть до XIII в. до н. э. индустрия меди концентрировалась в Энкоми — главном городе Кипра и, возможно, столице царства Алашия. В это время, судя по египетским, хеттским и месопотамским источникам, важнейшим направлением торговли были Египет и Западная Азия. После 1300 г. до н. э. начинают возникать многочисленные не зависящие (от столицы) центры металлургии меди; городская элита контролирует производство и стремится к расширению международных связей. Хотя кипрская медь, возможно, продолжает поступать в Египет, Левант и Анатолию, западная ориентация — Эгеида и, возможно, Сардиния — в торговле становится характерной чертой этого столетия.

В. Лиготт (Филадельфия, Музей Пенсильванского университета. Центр использования прикладных наук для археологии) в докладе «Использование металла на Иранском нагорье» суммировал результаты исследований трех последних десятилетий по палеометаллургии указанного района и попытался выявить его особенности. Древнейшее население нагорья имело доступ к таким источникам сырья, как медная руда, мышьяк, олово (в Афганистане). Эксперименты с медью — как самородной (с VII тыс. до н. э.), так и плавка мышьяковых руд (с V тыс. до н. э.) — начались здесь раньше, чем в Месопотамии. Тем не менее к использованию сплава меди и олова пришла раньше именно Месопотамия (начало III тыс. до н. э.), где оба вида сырья были привозными. Более того, по мнению докладчика, бронза прошла вообще как бы *сторону* мимо нагорья. Объяснение этого феномена кроется в традиционно широком использовании в этом регионе мышьяковой бронзы, изготовление которой не требовало, в отличие от изготовления оловянной, сложной технологии (так, обычным оборудованием халколитической кузницы могла быть здесь не стационарная плавильная печь,

но обычные тигли). Что касается железа, то оно целенаправленно и широко масштабно стало производиться в Западном Иране не ранее X—VII вв. до н. э. видимо, под влиянием соседней Ассирии. Все сказанное выше дает основания рассматривать район Иранского нагорья как технологически отсталый в области обработки металла.

Вторая группа докладов была посвящена черной металлургии, притом одно из центральных мест занимала проблема теоретического осмысления процесса перехода к использованию железа в различных регионах Старого Света.

Г. Е. Арешян (Ереван) в докладе «Освоение меди и железа в Передней Азии: проблема сравнительного анализа» обозначил целый ряд существенных различий в процессе включения в цикл человеческой деятельности упомянутых металлов. Эти различия были обусловлены, по его мнению, прежде всего тем обстоятельством, что освоение меди началось в стоящих на различных уровнях экономического развития доклассовых обществах, в то время как использование железа осуществлялось уже в больших ремесленных центрах в зонах городских цивилизаций. Тем не менее, на его взгляд, существует ряд общих стадий в процессе освоения этих видов природных ресурсов.

Вторая часть доклада была отведена показу и комментированию диапозитивов, запечатлевших еще не опубликованные уникальные находки из Карашамского кургана (на берегу Раздана). Курган (≈ 30 м² площадью) относится к памятникам триалетской культуры (II группа) и содержит богатейший погребальный инвентарь (около 2 тыс. предметов из металлов, в том числе — золота, серебра, бронзы). На основании месопотамских и переднеазиатских аналогий предположительная датировка комплекса — период III династии Ура, т. е. XXI—XX вв. до н. э.

Автор доклада «Наступление Железного века в Индии» Г. Поссел (Музей Пенсильванского университета) привлек внимание участников к трем важным проблемам: а) характер процесса перехода к ЖВ на территории Индии и Пакистана; б) общеэкономические и технологические инновации, сопровождающие этот процесс; в) общесторические и социокультурные его предпосылки. Как полагает докладчик, в настоящее время археология дает все основания утверждать, что Южная Азия, подобно Ближнему Востоку, пришла к ЖВ самостоятельно. Развитие ЖВ вообще не может, на его взгляд, связываться ни с заимствованиями, ни с отдельными открытиями, но должно рассматриваться как результат расширения сознательно используемых технологий в определенных исторических и социальных условиях, которые этот процесс стимулируют. Переход к ЖВ в определенном отношении связан с технологическими инновациями, но выводить его непосредственно из открытия принципа выплавки железа из руды было бы заблуждением: важную роль, способствующую наступлению эры железа, играло также растущее доверие к металлам вообще, наличие сырьевой базы, совершенствование пиротехнологии и технологии плавки. Вопрос о предпосылках перехода к ЖВ кажется пока не совсем ясным. Главное преимущество железа перед медью и особенно бронзой заключается в том, что в Индии и Пакистане оно имелось в большом количестве и его было сравнительно легко добывать; стало быть, в отличие от меди и ее сплавов железо могло быть широко использовано средними слоями населения, что, по мнению Г. Поссела, и является историческим содержанием ЖВ вообще. Однако, по его убеждению, пока трудно решить, являлась ли данная функция железа как «металла для простоядинов» предпосылкой его распространения или же, напротив, его результатом. Докладчик предложил к дальнейшему обсуждению две чрезвычайно важные проблемы: а) критерии, позволяющие утверждать о вхождении того или иного общества в ЖВ; б) хронологические рамки ЖВ (включая вопрос об отнесении одновременном — в конце II тыс. до н. э. — наступления ЖВ на территории от Восточного Средиземноморья до Южно-Китайского моря).

В докладе Б. Бронсона (Чикаго, Полевой музей естественной истории) «Переход к Железному веку в древнем Китае» было отмечено, что этому процессу были присущи специфические особенности: прежде всего, обработка железа началась в Китае весьма поздно (не ранее 500-х годов до н. э.), но затем стала развиваться стремительно — уже к началу III в. до н. э. железо количественно преобладало над другими материалами; к 250-м годам до н. э. зафиксировано существование уже нескольких технологий; к 200-м годам производство железа велось уже на «промышленной» основе, существовали своеобразные государственные «заводы», а также частные мастерские. Кроме того, источники фиксируют наличие специфически китайских технологий (к некоторым из них, используемым, например, при производстве белого и серого чугуна, страны Запада пришли только через 2000 лет). Докладчик находит весьма вероятным, что развитие металлургии железа шло в древнем Китае особым путем — минуя промежуточную стадию использования кричных горнов (конструкции, принимаемые за них ранее, являются, по его мнению, печами для сушки и обжига литейных форм) и началось сразу с технологии плавления и очистки чугуна, имея корни в металлургических традициях бронзового века.

Дж. Уолдбаум (Милуоки, Университет штата Висконсин) в докладе «Начало Железного века: 20 лет археологических и технологических исследований» обобщила и проанализировала соответствующие научные разработки последних десятилетий. Главный итог сводится к тому, что основные положения, на которых базировались традиционные представления об эре железа, в настоящем не получают подтверждений. Так, например, теперь доказано, что: а) использование технологии плавки иковки само по себе не дает железу никакого преимущества перед бронзой; б) процесс закалки железа, видимо, не был понят до конца, так как она производилась случайно; в) использование метеоритного железа не обязательно предшествовало выплавленному и сфера их первоначального применения — ритуальная, а не военная и бытовая; г) нет никаких оснований предполагать существование «хеттской монополии» на производство железа и д) связывать наступление ЖВ в Греции с передвижениями дорийцев или филистимлян. Пересмотр старых гипотез, более глубокое понимание исторической обстановки, в которой происходило распространение железа, а также осмысление той взаимосвязи, которая существует между появлением нового материала вообще и культурными условиями, способствующими этому процессу, позволяют выдвинуть новые гипотезы: а) «экономическую», связывающую переход к использованию железа в Восточном Средиземноморье с прекращением доступа к олову; б) «технологическую», предполагающую открытие и систематическое применение закалки железа на Кипре; в) «экологическую», основывающуюся на том тезисе, что выплавка железа, несмотря на трудности технологического свойства, стала более выгодна, так как требовала меньшего количества топлива, нехватка которого из-за вырубки лесов в Средиземноморье не могла не ощущаться.

В особую группу можно выделить ряд докладов, тематика которых, не будучи непосредственно связана с проблемами палеометаллургии, способствует пониманию общих процессов ее развития. К числу таких докладов надлежит отнести результат совместных усилий советских и американских исследователей — доклад «Закавказский обсидиан и его роль в межрегиональном обмене на Ближнем Востоке в древности». Археологические находки из обсидиана и его геологические образцы, отобранные в Армении (Р. Бабалян, Ереван), Грузии (З. Кикодзе, Тбилиси) и Азербайджане (только артефакты — И. Нариманов, Баку), были исследованы М. Дж. Блэкманом (Смитсоновский институт, Лаборатория аналитической консервации), результаты обобщены Ф. Колем (Колледж Виллесли, Отделение антропологии). Проведенные анализы позволили «привязать» значительную часть находок к месторождениям и тем самым выделить в Закавказье районы с преимущественно локальной утилизацией обсидиана, а также наметить следы его внутрирегионального движения. Сопоставление вновь полученных данных с аналогичными материалами из Турции, Ирана и Ирака позволяет засвидетельствовать существование уже в ранненеолитическое время системы обмена, связывающей (еще до распространения металла) между собой отдаленные районы древнего Ближнего Востока, а также подтверждает возрастание масштабов использования закавказского обсидиана по всему региону по крайней мере в течение поздней фазы эпохи РБ (кстати, распространение его в Южном Иране в конце III — начале II тыс. Блэкман и Коль склонны объяснять перемещением самих носителей куро-аракской культуры к Западному Загросу). Исследование находок обсидиана чрезвычайно важно для решения проблемы зарождения и распространения ранней металлургии: легко поддаваясь дифференцирующим анализам (и в этом смысле выгодно отличаясь от металлов), обсидиан является превосходным «трассирующим» материалом и в силу этого способен подтвердить (или — исключить) возможность контактов, предполагаемых на основании иных аргументов (например в силу типологических сходств).

Доклад К. Ламберг-Карловски (Музей Пибоди) «Пиротехнология до открытия керамики и металлов» был посвящен проблеме «одомашнивания» огня. По мнению докладчика, введение этой инновации не ограничивалось последствиями биологического и экологического характера, но в известном смысле является фактором, формирующим предпосылки первой в истории человечества социальной революции. Свой тезис докладчик обосновал, анализируя пиротехнологию при производстве гипсовой обмазки (plaster), которая использовалась на Ближнем Востоке первоначально (уже в середине XIII тыс. до н. э.) в качестве цементирующего состава для крепления зубьев у серпов, а позднее (примерно с IX тыс.) применялась повсеместно на ближневосточных докерамических поселениях для отделки жилищ и изготовления антропоморфных статуэток. Выработка этого материала требовала тонны сырья, вместительных печей, где должна была поддерживаться температура до 800° в течение трех дней, постоянного снабжения топливом и, стало быть, несомненно — организации производства, т. е. наличия штата работников и распределения «ролей». По всей вероятности, не все жители имели равные возможности в допуске к сырью, технологии и потреблению производимого продукта, который постепенно начал служить средством

выражения экономического и социального неравенства. Таким образом, процесс классовой дифференциации, по мнению докладчика, начался гораздо раньше, чем процесс урбанизации.

Г. Ф. Коровкова (Ленинград) в докладе «Металлургия и каменные орудия: трансформация и адаптация традиционной техники в условиях технологического прогресса» показала, что носителями ряда исследуемых ею энеолитических культур Средней Азии и Кавказа продолжало максимально использоваться разнообразное техническое наследие предшествующих эпох, включая каменный инструментарий. После ряда технических усовершенствований он был трансформирован в новые модели, которые могли быть приспособлены для новых производств. Как составные элементы хозяйственно-производительной системы обществ поры палеометалла, каменные орудия являлись важным фактором в развитии производств, формировании ремесел, сложении протгородских цивилизаций и роста культуры в целом.

Докладом «Технология как мост для культурного взаимодействия» *Р. Райт* (Нью-Йорк, Колледж Уильяма-и-Мэри) попыталась, по ее выражению, «реабилитировать теорию культурной диффузии». Объектом анализа стал процесс распространения технологий, используемых при производстве керамики, а также самой керамики на территории Центральной Азии в IV—III тыс. до н. э. Лабораторные исследования (с последующей статистической обработкой результатов методом кластерного анализа) серой расписной керамики из двух отстоящих друг от друга и относящихся к разным культурным зонам районов — Шахр-и Сохта (Систан) (тип «эмир») и Пакистанского Белуджистана (тип «фаиз мохаммад») — обнаружили полную идентичность технологии изготовления; с помощью метода нейтронной активации было доказано, что оба типа производились и использовались на местах вплоть до самого позднего этапа своего существования, когда тип «фаиз мохаммад» стал проникать в Систан (свидетельства об обратном движении отсутствуют). По мнению докладчика, приведенные факты свидетельствуют о том, что «распространение технологий предшествовало обмену товарами» и подготавливало почву для более интенсивного взаимодействия, т. е. для экономических и политических контактов. Ту же идею *Р. Райт* попыталась обосновать на примере технологии изготовления красок и способов их нанесения на керамику, используемых на территории Пакистана, Ирана и Белуджистана. Как полагает *Р. Райт*, предложенная ею модель диффузии технических знаний может быть использована и при изучении соответствующих проблем палеометаллургии.

Кроме выступлений, зачитанных их авторами, вниманию участников встречи была предложена целая серия письменных тезисов и докладов, а также так называемые «стендовые» доклады.

Заключительная дискуссия, проведенная в конце симпозиума, как и весь его ход, обнаружили чрезвычайно большой интерес к затронутым проблемам зарождения и развития древнейшей металлургии. Единодушным было мнение участников встречи о необходимости более тесного сотрудничества — как в области обмена информацией, так и чисто практического.

В. А. Головина

ГЛЕБ МИХАЙЛОВИЧ БАУЭР

(1925—1989)

Советское востоковедение понесло тяжелую утрату: 8 октября 1989 г. в расцвете творческих сил скончался видный ученый-сабейст Глеб Михайлович Бауэр.

Г. М. Бауэр родился 26 июля 1925 г. в Стамбуле в семье дипломата. Он прошел войну офицером-артиллеристом Красной Армии; в 1954 г. окончил исторический факультет Московского государственного университета, затем аспирантуру Института востоковедения АН СССР, где и работал до последних дней своей жизни.

В 1964 г. Г. М. Бауэр защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Сабейские надписи как источник для исследования поземельных отношений в Сабее эпохи мукаррибов», а в 1966 г. вышла его монография «Язык южноаравийской письменности». Эти работы выдвинули Г. М. Бауэра в ряд крупнейших специалистов по сабейской эпиграфике.

В последующие годы Г. М. Бауэр много внимания уделял сбору и интерпретаций древних южноаравийских надписей. В 1983—1989 годах он был участником Советско-йеменской комплексной экспедиции. Его отличали широкая эрудиция, высокий профессионализм, тщательность и скрупулезность в обработке полевого материала. Его полевые дневники содержат ценнейшие исследования по эпиграфике древнего Южного Йемена. В суровых полевых условиях в наибольшей степени проявились замечательные качества Глеба Михайловича как ученого и человека. По его инициативе в Хадрамауте (Южный Йемен) был создан ланидарий — хранилище древнеюжноаравийских надписей, коллекция которого сейчас является одной из крупнейших в мире. Своими глубокими знаниями Г. М. Бауэр щедро делился с каждым обращавшимся к нему с вопросом или за советом. Его неугасимый оптимизм и юмор всегда помогали в трудную минуту.

Г. М. Бауэр являлся ответственным редактором многих сборников и монографий, много времени отдавал подготовке аспирантов, активно занимался общественной работой.

Многое, что было задумано Г. М. Бауэром, осталось неосуществленным. Безвременная кончина унесла из наших рядов талантливого исследователя и труженика, светлого, жизнерадостного человека. Но Глеб Михайлович оставил великолепное научное наследие и учеников, которые продолжают его дело. Светлая память о Глебе Михайловиче Бауэре навсегда останется в сердцах его друзей, коллег и учеников.

А. М. Акимов

ПРИЛОЖЕНИЕ

© 1990 г.

ARTEMIDORI DALDIANI

ONEIROCRITICA

АРТЕМИДОР

СОННИК

Перевод с древнегреческого под общей редакцией *Я. М. Боровского*

КНИГА II *

8. Чистое и прозрачное небо благоприятно для всех, а особенно для ищущих потерянное и задумавших отъезд, так как при чистом небе все хорошо видно. Темное, сумрачное или покрытое тучами небо означает кроме бездеятельности еще и огорчения. А когда небо превращается в какое-либо вещество, то, как замечено, для тех, кто с этим веществом работает, это благой признак, а для всех прочих — дурной. Низкое небо на благо только для прорицателей и толкователей небесных явлений, прочим же оно сулит пасть до низкого положения.

Дождь без бури и сильного ветра на благо всем, кроме тех, кто отправляется в странствие или работает под открытым небом, — им он предвещает помехи. Морозящий дождь или иней особенно благоприятны для землевладельцев, прочим он предвещает, что заказы у них будут мелкими. Проливной дождь, ураган и буря приносят опасности и убытки только рабам; беднякам и находящимся в трудных обстоятельствах такой сон предвещает освобождение от охвативших их бед, ибо после сильной бури наступает ясная погода. Снег и лед, если они сняты в соответствующее им время года, ничего не означают — это душа помнит о дневном морозе, даже когда тело спит; а если — в несоответствующее, то это на пользу только земледельцам, а прочим предвещает оцепенение начатых и задуманных дел и кроме того препятствует поездкам. Град означает смуты, огор-

* Продолжение. Начало см. ВДИ, 1989, № 4; 1990, № 1. Перевод II книги И. А. Левинской (1—19) и М. Л. Гаспарова (20—70). Комментарии И. А. Левинской.

чения, а цветом своим изобличает сокровище. Гром без молнии означает ловушки и козни из-за своей неожиданности, молния же без грома — пустой страх: ведь после молнии обычно ожидают грома, который гремит, как угроза, а когда грома нет, то страх оказывается напрасным.

9. За этим разделом последует раздел об огне. Огонь следует толковать двояко: одним способом огонь небесный и божественный, другим — земной и бытовой.

Итак, небесный огонь следует толковать таким образом. Видеть на небе огонь сверкающий и чистый, но небольшой, означает угрозу от неких влиятельных лиц, а если он очень большой — то нападение врагов, недород и голод. Где покажется огонь и откуда распространится, с севера, юга, запада или востока, оттуда и вторгнутся враги или в той местности и будет недород. Но хуже всего видеть огонь, сходящий на землю. Факелы, горящие на небе, означают то же самое. Все это означает, что над головой сновидца нависает беда — ибо как небо возвышается над миром, так и голова над всем телом человека.

Молния без бури, ударившая поблизости, но человека не задевшая, высылает сновидца с того места, где он живет, ибо никто не может находиться рядом с молнией. Если она ударила впереди, то это не велит двигаться вперед. Если же она ударила в голову, то древнейшие толкователи разъяснили это двойственно, утверждая, что бедным такой сон на благо, а богатым во вред.

Рассуждали они так. Бедные напоминают места убогие и неприметные, куда сбрасывается навоз и другой мусор, а богатые подобны священным участкам богов или людей, храмам богов, священным рощам и другого рода примечательным местам. Так вот, как молния прославляет местность ничем не приметную, так как там после этого возводятся алтари и совершаются жертвоприношения, а убоженную, напротив, приводит в запустение и забвение, так как больше там уже никто не захочет жить⁵, — точно также такой сон бедному помогает, а богатому вредит. Далее, молния есть ни что иное, как огонь, а свойство огня — все уничтожать. Бедный же владеет бедностью, а богатый богатством, — и вот у одного уничтожается его бедность, а у другого — богатство. Далее, в кого ударяет молния, тот внезапно становится известным. Так же и бедный, внезапно разбогатев, а богатый, внезапно потеряв имущество, приобретает известность. Таковы были рассуждения первых снотолкователей, а позднейшие кое-что прибавили еще и о рабах. Они говорили, что для рабов удар молнии — к добру, так как пораженные молнией уже не имеют господ и не мучаются больше, но одеты в белое, как вольноотпущенники, и так как они удостоились почести от Зевса⁶, то и люди обращаются с ними как с вольноотпущенниками, получившими почести от своих хозяев.

К этому толкованию снов о поражении молнией многое добавили еще Александр Миндский и Феб Антиохийский, исходя из опыта и собственных размышлений, хотя и им не удалось разъяснить всех подробностей. А именно: тех рабов, кому хозяева не доверяют, этот сон освобождает, а тех, кому доверяют или кто у них в чести, или имеет значительное имущество, лишает доверия, почести и имущества. Что же касается свободных

⁵ Ср. *Плутарх*. Пирр. 29: Пирру приснилось, что Спарта поражена ударом молнии, он обрадовался, но его предостерегли, что сон не к добру, потому что места, пораженные молнией, считаются недоступными. Ср. *Аммиан Марцеллин*. XXIII. 5,13 — о знамениях перед выступлением Юлиана против персов.

⁶ Ср. *Филострат*. Жизнеописания софистов. I. 24 — о риторе Скопелиане, в младенчестве пораженном молнией.

людей, то беднякам, не пытающимся затаиться, он помогает, а прячущихся и стремящихся затаиться, изобличает, ибо ни молния не падает незаметно, а только с бурей и громом, ни человек, пораженный молнией, не остается в неизвестности. А из богатых тем, кто намеревается носить золотые украшения, подобающие их должности или жреческому сану, этот сон не вредит, но предвещает славное правление или жречество, ибо по цвету золота напоминает огонь — ведь и Пиндар сказал: «Но золото, как огонь пылающий»⁷; всех же прочих лишает имущества, как объяснено раньше, — если, конечно, этому не препятствует что-либо другое. Холостым этот сон предвещает брак, и бедным, и богатым, ибо ничто так не греет тела, как огонь и жена; женатые люди, напротив, расстанутся, а товарищи, братья и друзья сделаются врагами, потому что молния ничего не соединяет, а только разобщает соединенное. Тот, у кого есть дети, их лишится: если сновидец от удара молнии страдает, то они умрут, а если нет, то разлучится с ним по другой причине — ведь и деревья от удара молнии засыхают и не дают побегов. Атлетов, всех ученых, тех, кто хочет быть на виду, молния делает знаменитыми. Кто судится о гражданском полноправии, для того быть пораженным во сне молнией — к добру, ибо никто, пораженный молнией, не остается без почета, а в некоторых местах даже почитается как бог. А кто судится за любое имущество, кроме земли и того, что в ней, тому такой сон пророчит неблагоприятный исход: ведь о проигравших тяжбу есть присловье: «над ними гром грянул». Когда же судятся за землю, тогда тем, кто владеет землей, но опасается ее потерять, сон предвещает ее сохранение, ибо пораженных молнией не переносят в другое место, но хоронят там, где их застигла молния⁸; а тем, кто домогается чужой земли, — не вступать на нее, но оставаться там, где находится, т. е. за ее пределами, разве только молния во сне ударила не в них самих, но в землю — ибо такой сон делает землю недоступной для ее жителей. Кроме того, молния уехавших возвращает домой, а живущих дома удерживает на месте.

Следует помнить и то, что перечисленные мной значения имеет такой сон, когда молния или сжигает сновидца, или ударяет ему в голову или грудь; если же она сжигает какую-либо другую часть тела, а не все тело целиком и не такие его части, без которых человек умирает, то результат сновидения бывает менее значительным⁹. Тогда следует толковать сновидение так, словно повреждены части, а не все тело; о частях же тела я точно и подробно говорил в первой книге в разделе о теле¹⁰. Следует принять во внимание также следующее: ни для плывущего на корабле, ни для лежащего в постели, ни для лежащего на земле навзничь или ничком молния во сне не к добру, — следовательно, такой сон на благо лишь тому, кто стоит на ногах или сидит в кресле или еще на чем-нибудь. Я знал человека, которому приснилось, что наружный брус его ложа сломался от удара молнии, и у него умерла жена.

Видеть огонь для хозяйственных нужд с небольшим и чистым пламенем, по словам Фемонои¹¹, хорошо, а чрезмерно большой — плохо. Луч-

⁷ Пиндар. Олимп. I. 1—2 (пер. М. Л. Гаспарова).

⁸ Религиозная традиция предписывала хоронить и запрещала кремировать тела убитых молнией; ср. Плиний Старший. II. 145.

⁹ Ср. Плутарх. Антоний. 16: Антонию приснилось, что молния поразила его в правую руку, и вскоре он узнал, что Цезарь Октавиан ведет против него интриги.

¹⁰ Артемидор. I. 40—49.

¹¹ Легендарная дельфийская прорицательница, упоминаемая Павсанием (X. 6. 7; 12. 10).

ше всего видеть огонь очага ярким и чистым — это означает хороший достаток, ведь огонь в очаге разводится для приготовления пищи. Погасший же очаг означает нужду, а если в доме есть больной, то предвещает ему смерть.

Видеть себя во сне с горящим ночью факелом в руках — тоже к добру, особенно для молодых, так как означает счастливую любовь и сулит удачные дела: ведь с факелом видно то, что под ногами. Видеть же другого с факелом плохо для того, кто стремится скрыться.

Ярко горящий в доме светильник — к добру, ибо он означает прирост имущества и благоденствие для всех, для холостых — брак, а для больных — выздоровление. Светильник, горящий не ярко, а тускло, означает уныние, а для больных — скорую смерть. Погасший же светильник обещает спасение: ведь он снова будет зажжен. Медный светильник пророчит более прочные блага и более тяжелые несчастья, глиняный — менее, но и тот и другой изобличают сокровище. Светильник, увиденный на корабле, предвещает пагубное безветрие.

10. Дома, охваченные чистым пламенем, не обрушивающиеся и не разваливающиеся, сулят бедным процветание, а богатым — власть¹². Медленно сгорающие в чадающем пламени, покрывающиеся копотью, обрушивающиеся и разваливающиеся в огне — плохое предзнаменование для всех, и предвещает гибель тех, кого обозначают покои. Например, спальня означает жену, если она есть, а если нет, то хозяина дома; мужские покои означают принадлежащих к этому дому родственников и слуг, а женские — служанок. Чуланы и кладовки означают имущество, ключников и домоправителей.

Это относилось к целому дому. Что же касается стен, то стена с дверью означает хозяина, с окном — хозяйку. А когда окна нет, то средняя стена означает хозяина, правая — детей, левая — жену. Когда в доме много окон, то это предвещает смерть братьям и партнерам, причем старшим — окна на восток, младшим — окна на запад; окна на север означают то же, что и на восток, а окна на юг — то же, что и на запад. Если стены в огне кажутся больше и светлее, то жизнь переменится к лучшему. Горящие двери означают гибель женщины и опасность для жизни сновидца; при этом створка с засовом означает свободную женщину, а смежная — рабыню; или, иначе, створка с засовом означает мужа, а смежная — жену. Столбы дома, охваченные чистым пламенем и не поврежденные им, означают, что дети сновидца будут вести жизнь лучшую и более блестящую. Рухнувшие столбы означают гибель сыновей: «Ведь сыновья — домов устои наших», как говорит Еврипид¹³. Сгоревшие крыша, притолоки и перила пророчат смерть детей и гибель имущества, основание дома — хозяев, венежные карнизы — родственников и друзей. Из сгоревших деревьев те, что растут перед домом, предвещают гибель хозяев, а из тех, что растут во внутреннем дворе, большие деревья — тоже хозяев (причем мужские — мужчин, женские — женщин), небольшие — друзей и родственников, а совсем низкие, например, букс и мирт — домочадцев.

Когда же снится, что в очаге или в печи быстро разгорается огонь, то это к добру и означает рождение детей; ведь очаг и печь подобны женщине, ибо принимают в себя пригодное к жизни. Огонь в них пророчит, что женщина забеременеет, ибо в этом случае она делается теплее. Если

¹² Примеры снов о несжигающем огне — *Плутарх*. Александр. 18 (сон Дария перед Иссом); *Светоний*. Тиберий. 14 (сон Тиберия перед возвращением с Родоса).

¹³ Ифигения в Тавриде. 57 (пер. И. Анненского).

кто-либо заметит, что огонь в них погас, то это означает, что он сам для себя станет причиной убытков.

11. Итак, о вещах, связанных с огнем, сказано достаточно. Вслед за этим, мне кажется, следует дать разъяснение об охоте. Льяные сети, шесты, всевозможные тенета, так называемые «облака»¹⁴ и вообще любое охотничье снаряжение — плохое предзнаменование. Оно на благо только тем, кто преследует беглецов и ищет потерянное — им такой сон предвещает скорый успех поисков; для всех же остальных он означает из-за переплетения сетей противодействие в делах, а также опасности и козни: ведь охотничье снаряжение создано животным на погибель. Всегда лучше видеть себя самого с этим снаряжением, нежели другого, поскольку все-таки лучше самому причинять вред, чем его терпеть.

Вслед за разделом об охоте следует раздел о животных, живущих на земле, двуногих, безногих и четвероногих. Начну с четвероногих.

Из собак одних выкармливают для охоты, иных — выслеживать, а иных — ловить зверей, других для охраны имущества — их мы называем цепными и сторожевыми; а третьих для удовольствия — их называют мелитскими¹⁵. Собаки, натасканные на зверей, означают доходы со стороны, поэтому видеть, как они охотятся, хватают что-либо, уже схватили или еще только собираются приступить к охоте — к добру, ибо все это означает работу, а собаки, возвращающиеся в город, — безработицу, ведь тогда они уже прекратили охотиться. Сторожевые собаки означают жену, домочадцев и накопленное имущество; поэтому сильные и ласкающиеся к хозяевам псы означают хорошую охрану жены и домочадцев и большую безопасность имущества, больные предвещают жене и домочадцам болезнь, а имуществу ущерб. Псы разъяренные, лающие или кусающие сулят обиды со стороны жены и домочадцев, а также большой ущерб имуществу. Чужие ласкающиеся собаки означают хитрости и козни от дурных мужчин или женщин, а кусающие и лающие — нападки и обиды¹⁶, причем белые — явные обиды, черные — тайные, рыжие — не вполне явные, пестрые — самые жестокие. Ведь собаки подобны людям, отнюдь не благородным и свободным, а напротив, насильникам и наглецам, ибо таков нрав собак. Часто они предвещают горячку из-за того, что звезду Сириус, вызывающую эту болезнь¹⁷, некоторые называют Псом, в самом деле, пес — животное дерзкое, неразумное и подобное горячке. Наконец, мелитские собачки означают самое приятное и слабое в жизни, поэтому если с ними происходит что-либо дурное, то это знак печали и горя.

12. Об овцах древние полагали, что белые снятся к добру, а черные — к худу. Однако, по моему наблюдению, и белые, и черные овцы к добру, только белые в большей, а черные в меньшей степени. Ведь овцы подобны людям: потому что они слушаются пастуха, собираются в стада, а также означают продвижение вперед и к лучшему в соответствии со своим име-

¹⁴ Тонкие птицеловные сети, упоминаются Аристофаном (Птицы. 194. 528).

¹⁵ Мелитские (мальтийские) собачки (вроде нынешних болонок) упоминаются неоднократно в баснях и пословицах.

¹⁶ Ср. *Плутарх*. Кимон, 18 (сон Кимона перед последним походом: лающая собака сказала ему, что скоро он будет ей другом, и это значило, что скоро он умрет, потому что стать другом врагу значит умереть).

¹⁷ Восход Сириуса означал самую нездоровую знойную пору лета; упоминания о наводимых им болезнях тянутся от Гесиода (Труды и дни. 587) до Вергилия (Энеида. X.273) и далее.

нем ¹⁸. Лучше всего или иметь много собственных овец, или видеть и пастись чужих, особенно тем, кто хочет стать во главе толпы, софистам и учителям.

Баран (κρίβς) должен означать хозяина, правителя и царя: слово κρίειν у древних значит «властвовать», кроме того, баран предводительствует стадом. Хорошо, когда снится, что спокойно едешь верхом на баране по равнинной местности, особенно для ученых и стремящихся разбогатеть; ведь баран — животное быстрое и считается средством передвижения Гермеса.

Козы, как белые, так и черные, наоборот, снятся не к добру, а к худу, белые в меньшей, черные в большей степени, особенно для плывущих на корабле — ведь в разговоре мы зовем большие волны «козами» (αἵτες) ¹⁹, Гомер называет сильный ветер «бурно устремляющимся» ²⁰ (ἐπιορίζων), а самое опасное море называется Эгейским (Αἴγατον). Браки, дружбу и товарищество такой сон не создает и не поддерживает, ибо козы пасутся не стадом, но отдельно друг от друга на кручах и скалах, доставляя неудобства и себе и пастуху. Поэтому Гомер называет стадо коз «необъятным», говоря: «Они же, как стадо коз необъятное» ²¹.

[...Говорят, одному человеку приснилось, будто он сидит на баране, а потом падает с него вперед. Перед этим он посватался и собирался через несколько дней справить свадьбу. Ему сказали, что жена его будет блудить и, стало быть, наставит ему рога. Так оно и вышло. Из-за такого предсказания сновидения он расторг помолвку, и лишь через немалое время, уступая уговорам друзей, женился все же на той, к которой сватался; но, опасаясь сна, он очень стерег свою жену и принимал всяческие предосторожности. Через год жена умерла, ничем не запятнав себя, и он, рассудив, что сон уже свершился, женился на другой, но тут-то и пришло несчастье — эта жена оказалась блудлива до самой последней крайности.]

Ослы, навьюченные, послушные погонщику, сильные и быстро передвигающиеся, к добру для женитьбы и товарищества, причем жена и товарищ не будут вводить сновидца в расходы, но охотно будут ему подчиняться и хорошо к нему относиться. И для других дел этот сон хорош из-за самого слова «осел», ибо оно означает «пользу» ²² и радость, так как ослы посвящены Силену, самому радостному богу. Еще они хороши против страха из-за известного рассказа и предания о них ²³. В путешествии они предвещают безопасность, отвращения в сторону и неторопливость из-за медлительности их поступи.

Мулы благоприятствуют всему из-за своей выносливости в трудах, а особенно — земледелию:

«Долее мулы волов тяжконогих

Могут плуг составной волочить по глубокому пару»,
как сказал Гомер ²⁴. Только для брака и деторождения они противопоказаны, потому что бесплодны. А когда снятся разъяренные ослы или мулы,

¹⁸ Артемидор связывает слово πρόβατον — «овца» с глаголом προβαίνειν — «идти вперед». Эта этимология принята и ныне.

¹⁹ Ср. в русском языке слово «барашки» для обозначения пенистых волн.

²⁰ Илиада. II.148; Одиссея. XV.293.

²¹ Илиада. II.474. Цитата у Артемидора слегка изменена.

²² ὄνος — «осел», ὠνάσθαι — «извлекать пользу».

²³ Может быть, миф о том, как осел спугнул бога Приапа, домогавшегося нимфы Лотиды (Овидий. Фасты. I. 415—440).

²⁴ Илиада. X. 352—53.

то это означает злоумышление со стороны подчиненных, а мулы, по моим наблюдениям, еще и болезнь.

Волаи подъяремные всем к добру, а пасущиеся в стаде означают смуту и огласку из-за своего имени ²⁵.

Бык, особенно угрожающий или преследующий, означает немалую опасность и угрозу со стороны вышестоящих лиц, если сновидец бедняк или раб. Находящемуся в плавании [увиденный во сне бык] предвещает бурю, а если он бодается — кораблекрушение из-за повреждения главной реи, ведь бык своей шкурой и рогами подобен корабельному парусу и мачте.

О животных ручных и домашних сказано достаточно, теперь следует рассказать о диких зверях.

Льва видеть, ручного, ласкающегося и дружелюбно подходящего, — к добру и приносит пользу воину от царя, атлету — от крепости его тела, гражданину от должностного лица, а рабу от хозяина, ибо лев силой и могуществом подобен этим людям. Когда же лев кому-нибудь угрожает или ярится, то это устрашает и пророчествует болезнь (ибо болезнь подобна зверю), а также угрозу со стороны упомянутых важных лиц или опасность от огня. Львят видеть всем одинаково к добру, так как по большей части это предвещает еще и рождение ребенка. Львица означает то же, что лев, только в меньшей степени, и пророчит, когда ласкается — то помощь, а когда угрожает и кусается — то вред, но не от мужчин, а от женщин. Я неоднократно замечал также, что для богатых мужчин она означает обвинение в мужеложестве.

Барс означает как мужчин, так и женщин, коварных и злонаправленных из-за пестроты его шкуры, а часто принадлежащих к племенам, где большинство покрывает себя татуировкой. Кроме того, означает болезнь, сильный страх и опасность для глаз.

Медведица означает женщину (ибо в мифологических рассказах о превращениях говорится, что в этого зверя превращена аркадинянка Каллисто ²⁶), болезнь из-за своей дикости, а еще передвижение и отъезд из дома, так как она соименна вечно движущемуся созвездию. С другой стороны, она предвещает возвращение на то же самое место, потому что созвездие это не заходит, а все время вращается в одном и том же месте ²⁷.

Слон, если он приснится не в Италии ²⁸ и не в Индии, означает опасность и страх из-за своей кожи и величины, ибо это животное страшное, особенно для людей, непривычных к его виду. В Италии ²⁹ же слон означает хозяина, царя и важного человека; поэтому когда слон послушно и безопасно несет своего седока, то это пророчит благодеяние с их стороны, а когда вредит ему, то вред. Преследующий и угрожающий слон часто предвещает болезнь; схвативший и умертвивший сновидца означает смерть, а не схвативший — спасение от величайшей опасности, ведь говорят, что слон посвящен Плутону. Женщине видеть приближающегося или везущего ее слона — отнюдь не к добру: я знал одну женщину в Италии, очень богатую и здоровую, которой приснилось, что она едет на слоне, и вскоре она умерла.

²⁵ Βόϋς — «вол», βοή — «крик, шум».

²⁶ См. *Овидий*. *Метаморфозы*. II. 409—507; *Аполлодор*. III.8.2; *Павсаний*. VIII. 3. 6—7.

²⁷ Находясь около небесного полюса, Большая Медведица «не спускается в воды Океана» — образ, идущий от Гомера (*Илиада*. XVIII. 487—489) и ставший традиционным в античной поэзии.

²⁸ Герхер предлагает весьма правдоподобную поправку: «в Ливии».

²⁹ Конъектура Герхера: «В Индии».

Онагр означает вражду к кому-либо, неразумную и малоблагородную, ведь онагр сродни ослу. Следует помнить также, что все дикие животные соответствуют врагам, поэтому всегда лучше иметь их во власти, чем быть в их власти, ибо это означает одолеть врагов и возвыситься над ними.

Волк (λύκος) благодаря своему имени означает год, и поэты называют годы *λυκάβαντες*, из-за одной особенности этого зверя: волки пересекают реку, всегда следуя друг за другом³⁰, так же как времена года, следя друг за другом, составляют год. Кроме того, волк означает врага злобного, хищного, наглого и нападающего открыто.

Лисица имеет то же значение, что и волк, с той только разницей, что означает врагов, не открыто нападающих, но тайно злоумышляющих и по большей части нападающих женщин.

Обезьяна означает человека коварного и обманщика. Псоглавая обезьяна имеет то же значение, а вдобавок приносит болезнь, по большей части так называемую «священную»³¹, ибо это животное посвящено Селене так же, как, по словам древних, и эта болезнь. Сфинксы, линксы³², длиннохвостые и все прочие обезьяны имеют такое же значение.

Гиена означает женщину с мужскими повадками или зелейщицу, а также мужчину — мужеложца отъявленного разбора³³.

Кабан означает для путешественников по суше и по морю сильную бурю, для судящихся — опасного врага, невежественного, грубого и крикливого, для крестьян — недород из-за порчи посева, а для вступающих в брак — жену неблагоразумную и неуживчивую. Рискуя показаться малоубедительным, я все же приведу в подтверждение моих многочисленных наблюдений вот что: кабана называют дикой свиньей, а она, понятным образом, означает женщину — ведь так называют распутных баб, да и Менандр говорит: «Ты похотлива, как свинья, проклятая»³⁴.

Олень означает на корабле кормило и быстроту корабля; а в дороге под конец пути легкость или, наоборот, затруднение в странствиях — в соответствии с тем, каково будет положение оленя. В остальных случаях такой сон делает беглецов хотя и рассудительными, но трусливыми и нерешительными, а также преследуемых по суду и оставляющих супружество.

Если приснится какое-либо не упомянутое здесь животное из нераспространенных, но редких, какие водятся в Ливии³⁵ или у Океана, то следует его толковать, исходя из сходства и общности природы с названными мной животными.

Думаю, что о животных четвероногих, ручных и диких, сказано достаточно для любого, кто ищет не словесной пышности, но истинности сообщения. При этом следует учитывать и то, что животные, из ручных ставшие дикими, — плохое предзнаменование и, наоборот, из диких руч-

³⁰ И даже, будто бы держа зубами друг друга за хвосты, чтобы не снесло течением (*Элиан. О природе животных. III.6*).

³¹ Священная болезнь — эпилепсия.

³² Сфинксы и линксы — разновидности обезьян.

³³ Устойчивое поверье, будто гиены ежегодно меняют пол (*Плиний Старший. VIII.105*), тщетно опровергал еще Аристотель (*История животных. VI.32. 579b*). О колдовских свойствах гиены ср. *Плиний. XXVIII. 42* и *Элиан. О природе животных. VI.14*.

³⁴ *Менандр. Фр. 666 Koerte*.

³⁵ Африка считалась краем невиданных зверей, «в Ливии всегда что-нибудь новенькое» — пословица, которую приводит еще Аристотель (*История животных. VIII. 28. 606b*) и комментирует *Плиний Старший. VIII. 42* — в Африке-де из-за безводья звери всех видов пьют в одних и тех же местах, сходятся друг с другом без разбора и рожают удивительных гибридов.

ными — благое и полезное. Большие блага сулят животные, подавшие голос и заговорившие по-человечески, особенно если они скажут что-либо благоприятное и радостное. Но что бы они ни сказали, все будет правдой и этому следует верить: если скажут простое, то так его и принимать, а если что-нибудь загадочное, то попытаться разгадать.

Далее я поведу речь о безногих животных.

13. Дракон означает царя из-за своей силы, время — из-за своей длины и из-за того, что он сбрасывает старую кожу и снова становится молодым, — ведь то же самое происходит и со временем при смене времен года, богатство и могущество, так как обитает при сокровищах, а также всех богов, которым он посвящен: Зевса Сабазия, Гелиоса, Деметру и Кору, Гекату, Асклепия и героев. Если дракон приблизится и что-либо даст или произнесет и язык его при этом не будет страшным, то такой сон означает великие блага со стороны этих богов или через них. А противоположное действие — плохой знак. Опутав и связав кого-нибудь...³⁶ и заточение предвещает, а больным — гибель и как бы сведет их в землю, ибо дракон — сам исчадие земли и живет в земле.

Змея означает болезнь и врага, и поэтому, как она поступит с кем-либо, точно так же болезнь и враг поступят со сновидцем.

Аспиды и гадюки означают деньги из-за того, что у них много яда, и богатых женщин по той же самой причине. По моим наблюдениям, когда они жалят, подползают и обвивают, то это благое предзнаменование. Если жена прячет любую ползучую тварь на груди и радуется на нее, то по большей части такой сон означает, что ее соблазнит враг сновидца; если пугается и мучается, то она заболит, а если змея окажется у нее в животе, то младенец у нее во чреве погибнет и не сможет родиться³⁷.

Гидры означают то же, что и змея, а кроме того, водяную болезнь, опасность на воде или врагов, которые кормятся от воды или благодаря воде³⁸.

Дриины, парей и фисалы³⁹ — плохое предзнаменование и означает обиды на людей не городских и не в городе живущих.

Сепс, дисада, дифата, так называемый хамелеон и все прочие вредные твари, перечисленные Никандром, не означают ничего хорошего, ни когда их просто видишь, ни когда они нападают, но, напротив, предвещает немалые опасности.

Фаланги, скорпионы и сколопендры означают дурных людей.

14. Различного рода рыболовные сети и все прочие снасти для рыбной ловли, сплетенные из льняных нитей, означают то же, что и охотничьи сети, о которых я упоминал раньше. Лесы, крючки, удочки и остроги (*δολῶνες*) означают хитрости и козни (*δόλους*)⁴⁰. Поэтому всегда лучше видеть с этим снаряжением себя, чем другого. Поймать много рыбы, и к тому же крупной, — к добру и прибыли для всех, кроме занимающихся сидячей работой и софистов: для первых сновидение означает безработицу, так как невозможно одновременно заниматься привычным делом и ловить рыбу, а для последних — отсутствие достойных слушателей, так как ры-

³⁶ В тексте лакуна, отмеченная Герхером. Из восстановлений предпочитаем сделанное Крауссом: «запутанность дел» (*περιπλοκὰς τῶν πραγμάτων*).

³⁷ Ср. *Плиний*. XXX.128: если беременная переступит через змею, то она выкинет плод.

³⁸ Т. е. рыбаки и моряки.

³⁹ Дриины — дубовые змеи (?), парей — священная неядовитая змея, посвященная Асклепию, фисал — ядовитая жаба. Далее перечисляются другие экзотические змеи и ящерицы.

⁴⁰ Здесь Артемидор использует игру слов.

ба безгласна ⁴¹. Пойманная мелкая рыбешка: халкиды, трихии, мениды, псиисты, афии — означают неприятности и невыгоды, о чем я уже упомянул в первой книге в разделе о пище ⁴².

Кроме того, рыбы имеют различное значение в зависимости от внешнего вида. Здесь дело обстоит так. Все пестрые рыбы, например кихла, фикида, ханн, пулида, строматей и им подобные, означают для больных отравление, для здоровых — хитрости и злоумышления. Все красные, например сростнозуб, барабулька, кукушка и тригла ⁴³, означают для рабов и злодеев пытки, для больных — воспаление и изнурительную лихорадку, а для тех, кто пытается скрыться, — изобличение. В частности, тригла к добру для бесплодных женщин, ибо мечет икру трижды: поэтому ей и дано такое имя, как пишут и Аристотель в сочинении о животных и Аристофан в комментариях к Аристотелю ⁴⁴.

Те из рыб, которые сбрасывают кожу, к добру для больных, узников, бедняков и всех, у кого невзгоды: это значит, что они вызволятся из своих трудностей. А сбрасывают кожу те из рыб, которые покрыты мягкой скорлупой, как, например, креветки, краб, рак, омар, так называемая «старуха» и все им подобные; они часто предвещают также и удары из-за того, что сами себя бьют, и отъезд на чужбину, потому что они — земноводные. Те из рыб, которые возбуждают утробу и вызывают понос, означают то же самое и приносят такую же пользу, как и овощи, о которых я рассказал в разделе о пище. А прослабляют нам желудок все черепокожие, например пурпурная улитка, керик, устрица, стромб, морской еж, ракушник, пелорида, сердцевик и все прочие этого рода. Притом пинна и тот рак, который с нею живет, хороши для брака и товарищества, потому что живут вместе в добром согласии ⁴⁵.

Мягкие рыбы хороши только для хитрецов, ибо они, меняя цвет кожи и приспособляясь к месту, где живут, остаются невидимыми, а для всех прочих они означают препятствия и помехи из-за своей липкости и способности ухватывать, а также предвещают большую вялость в делах из-за того, что у них нет костей, ведь в костях — крепость тела. К этому виду рыб относятся: полип, кальмар, акалефа, навплий, эледона, пурпурник, каракатица, последняя — к добру и для беглецов, потому что умеет спасаться, испуская чернильную жидкость. О таком сие упоминает и Антифонт Афинский ⁴⁶. Из хрящевых рыб все крупные означают напрасный труд и несбывшиеся надежды, так как они выскальзывают из рук и не окружены чешуей, как люди — имуществом. К этому роду рыб относятся мурена и различные угри. Плоские рыбы означают опасности из-за свирепости и коварства, например, скат-шипонос, электрический скат, морской бык, так называемый орел, пятнистая акула и прочие. Все рыбы, подобные чешуйчатым, но не имеющие чешуи, а именно тунец и его разновидности — премада, пеламида, сим, сфирена, колий и прочие, — {оз-

⁴¹ «Рыбами» называют бесполовых невежд (*Плутарх. О сообразительности животных. 22: ср. Лукиан. Рыбак. 51; Каллимах. Ямбы. 2.11—12*).

⁴² *Артемидор. 1.65—73*.

⁴³ По-видимому, это разные названия одной и той же (или близких) пород рыбы.

⁴⁴ *Аристотель. История животных. V.9. 543 а 5; Аристофан Византийский. Сокращение о животных. I.40; ср. Плиний Старший. IX.162; Афиней. VII.324 D.*

⁴⁵ Пинна — двустворчатый моллюск; рак пиннофилакс (страж пинны), живущий при ней, дает ей толчком сигнал о приближении добычи, а потом поедает ее остатки. Об этом примере симбиоза писал еще Аристотель (*История животных. V.15. 547 b 28*).

⁴⁶ О снотолковании Антифонта упоминают Цицерон (*О гадании. I.39 и II.144*) и Сенека Старший (*Контroversии. II.1.33*); в «Правдивых историях» Лукиана (*II.33*) он — первосвященник храма на Острове Снов.

начают несбывшиеся надежды. Мормиры, чернохвостки, морские скорпионы и пескари означают, что сновидец попадет в руки людей хитрых и неприятных, а коракины и бленны — дурных и негодных. Озерные рыбы — к добру, но в меньшей степени, чем морские, ведь они и ценятся меньше и менее питательны.

15. Лягушки предвещают попрошайек и пустомелей, к добру они тем, кто живет за народный счет. Я знал одного слугу, которому приснилось, что он бьет кулаком лягушек: после этого он был поставлен над всеми людьми в доме его хозяина, ибо болото означало дом, лягушки — людей в доме, а кулачная расправа — приказы.

16. Морских животных, за исключением дельфина, видеть в море — никому не на пользу. Дельфин же в море — хорошее предзнаменование⁴⁷ и означает ветер, который подует оттуда, куда он плывет.

Вне моря и воды всякое морское животное — на благо: ведь оно уже не может причинить вред там, где само не в силах спастись⁴⁸, и умирает мучительно и в судорогах. Поэтому такой сон означает, что враги не только окажутся бессильны, но и погибнут злой смертью. Наоборот, дельфин вне моря не к добру; он означает смерть кого-то из самых близких людей.

17. Чайки, поморники и прочие морские птицы сулят плывущим на корабле крайнюю опасность, но не гибель — ведь и сами они погружаются в воду, но не тонут. Для остальных же людей они означают или гетер и сварливых жен, или обманщиков, жадных и бесцеремонных, или людей, добывающих пропитание из воды или благодаря воде. А у кого что потянуло, то уже не отыщется, ибо что чайки хватают, то и пожирают.

18. Найти в море мертвых рыб не к добру: они означают тщетные надежды и то, что задуманное не сбудется. Поймать живых рыб лучше. Приготовление рыбы и приправу к ней следует толковать так же, как приготовление мяса. Видеть рыбу в своей постели для плывущего на корабле и для больного не к добру: для первого она означает кораблекрушение, а для второго — опасность из воды или через воду. Если беременной женщине приснится, что она родила рыбу, то, как утверждают древние толкователи, ребенок родится немым, а по моему наблюдению — недолговечным. Многие после такого сна рожали мертвых детей, ибо всякая рыба, вынутая из своей среды, умирает.

19. Птицеловный тростник и птичий клей возвращают уехавших, настигают беглецов, находят потерянное и выполняют ожидания, хотя и не все, ибо одних птиц они даже издали залучают к птицелову, а некоторым удастся избежать птицеловного тростника. Так называемые «облака» и все прочие сети, сплетенные для ловли птиц, имеют то же значение, что и звероловные и рыболовные сети.

Далее следует сказать о животных, летающих по воздуху.

20. Священные птицы⁴⁹ больше на пользу богатым, чем бедным, но мелкие больше всего на пользу бедным. В самом деле, большие птицы гнушаются простой пищей и поэтому часто голодают, так как гоняются за большой добычей и не хватают первое, что им попадется, а птицам мелким и зерноядным легко добыть себе корм, и нуждаться им не приходится. Впрочем, я думаю, что лучше будет перечислить птиц по породам.

Видеть во сне орла, сидящего на скале, дереве или на ином каком возвышении, к добру для тех, кто принимается за дело, и не к добру для тех,

⁴⁷ То же самое — у Цицерона (О гадании. II.145) и Плиния Старшего (XVIII.361).

⁴⁸ Так, Октавиану выброшенная на берег рыба предсказала победу при Милах (Светоний. Август. 96).

⁴⁹ Священные птицы — соколы, ястребы (*iēρακις*) и близкие к ним.

кто чего-нибудь боится. Видеть орла в полете, спокойном и свободном, тоже к добру для человека, только сбывается такой сон медленнее. Орел, воссевший на голове сновидца, предвещает ему смерть, потому что орел губит все, что схватит в когти. Летать на орлах предвещает смерть для людей богатых и вельможных, потому что по старинному обычаю таких покойников рисуют и ваяют именно летающими на орлах и в таких изображениях почитают их⁵⁰. А для бедняков этот сон к добру: их возьмут под опеку какие-нибудь богачи к немалой их пользе, особенно — после возвращения из дальних стран. Когда орел грозен, то это предвещает угрозу от человека значительного; а когда он ручной, прилетает и что-то приносит, и клекочет собственным голосом, то это, судя по наблюдению, к добру. Если женщине приснится, что она родила орла, то она родит сына, и этот сын, если беден, то пойдет на военную службу и станет военачальником, потому что орлы следуют впереди войск; если среднего достатка, то пойдет в атлеты и прославится; если богат, то будет властвовать или даже царствовать над многими. Видеть орла мертвым на пользу лишь рабам и тем, кто чего-нибудь боится, потому что это предвещает смерть для хозяина и для угрожающего; а для всех остальных это означает безработицу. Кроме того, орел означает наступивший год, потому что написание его имени (ἄετός) означает «первый год». Впрочем, разные породы орлов означают разное и сны сбываются, надо полагать, соответственно.

Скопа означает женщину богатую и знатную, довольную своей красотой, рассудительную и с хорошим нравом.

Коршун-ягнятник означает то же самое, что и орел⁵¹.

Коршуны-стервятники к добру для гончаров и кожевников, потому что те живут за городской стеной и имеют дело с мертвыми телами, а не к добру для врачей и для больных, потому что коршуны любят мертвецов. Кроме того, они означают врагов, которые осквернены, осуждены проклятием и живут вне города. Да и во всем остальном коршуны не к добру.

Ястреб и сарыч означают разбойников и грабителей: ястреб — тех, которые нападают открыто и прямо, сарыч — тех, которые исподтишка.

Ворон напоминает вора и прелюбодея — по его окраске и по тому, как он часто меняет голос⁵². Ворона означает долгий срок, промедление в делах и старую женщину, потому что долго живет, а также бурю, потому что ворона — вестник бури.

Скворцы означают чернь, бедноту и пустую смуту, галки — то же самое, что и скворцы.

Вяхири и горлинки означают женщин: вяхири — большей частью блудниц, а горлинки — честных и хозяйственных; при этом много голубей могут означать одну женщину и один голубь — многих. Горлинки означают также утеху в любовных делах, потому что они посвящены Афродите.

⁵⁰ По Диону Кассию (56.42), при похоронах Августа орел взлетел над погребальным костром, и было решено, что он возносит душу покойника; по Спартану (SHA. Sept. Sev. 22.1), Септимий Север перед смертью видел сон, что его возносят в небо четыре орла.

⁵¹ Орел и коршун часто смешивались греками; так, птицей, терзающей печень Прометея, назывался и коршун, и орел.

⁵² Так как на воронов и ворон издавна обращалось при птицегадании особое внимание, то разнообразные оттенки их крика учитывались отдельно. Так, непрерывное карканье вороны сулило ведро, а прерывистое — бурю (Плиний Старший. XVIII.363).

дите⁵³; они к добру для дружбы, товарищества и всякого соединения, потому что птицы эти живут стаями.

Журавли и аисты в стаях означают нападение врагов и разбойников; приснившись зимой, они сулят бурю, а летом — засуху. По одиночке же аисты и журавли к добру для тех, кто собирается в путешествие или возвращается из путешествия, потому что в урочную пору года они улетают и возвращаются. Аист особенно к добру для рождения детей, потому что птенцы аиста, как известно, пекутся о своих родителях.

Лебедь означает музыку и тех, кто к ней причастен, а окраской своей означает раскрытие тайн. Недужным он во сне предвещает выздоровление, но если запоет — то смерть, потому что лебедь поет лишь перед смертью⁵⁴.

О ласточках мы скажем в разделе о смерти.

Пеликаны означают людей невежественных, которые все делают без ума и смысла⁵⁵; а еще они означают вора или беглеца возле пруда или реки.

21. Утки и пные какие есть речные и болотные птицы означают то же, что морские чайки и нырки.

Далее, так как насекомые тоже принадлежат к летающим животным, то в связи с птицами я расскажу и о них.

22. Пчелы к добру для крестьян и для тех, кто от пчел кормится; для остальных же они означают беспокойство из-за их жужжания, раны — из-за их жала и болезнь — из-за их меда и воска. Если они садятся сновидцу на голову, то это к добру для военачальника⁵⁶ и для мастера; для остальных же не к добру и предвещает сновидцу гибель, по большей части от черни или от солдат — ибо пчелы подобны черни или войску тем, что слушаются вождей, а погибельны потому, что водятся на падали⁵⁷. Убивать же пчел или заточать их, наоборот, к добру для всех, кроме лишь крестьян.

Осы не к добру ни для кого: они означают встречу с людьми дурными и жестокими.

Кузнечики, саранча и так называемая жвачная саранча (*μασταγες*) для крестьян предвещают бесплодие и гибель урожая, потому что они портят и губят посевы; для остальных же они означают злых мужчин и женщин.

Навозные жуки и светляки полезны только тем, кто живет работой грязной и непочетной; для остальных же они означают безработицу и ущерб, в особенности — торгующим миррой и благовониями.

23. Видеть во сне плавание, и притом благополучное, — к добру; а попасть в бурю — означает беспокойство и опасности. Кораблекрушение, когда корабль опрокидывается или разбивается о скалы, — пагубно для всех, кроме тех, кто под насильным гнетом и в рабстве; этим последним,

⁵³ Голуби как подарок любящих упоминаются, например, у Феокрита (V.96 и 133), Овидия (Метаморфозы. XIII.833). Ацид хочет вместо обычных голубей подарить Галатее двух медвежат.

⁵⁴ О лебединой песни упоминает еще «Илиада». II.460; о том, что она предсмертна, впервые — у Эсхила (Агамемнон. 1444), у Платона (Федон. 85 А) — слова готовящегося умереть Сократа.

⁵⁵ Гораполлон (I.54) толкует иероглиф, изображающий пеликана, как знак или детолюбия, или неразумия: пеликан откладывает яйца не в недоступных местах, а в низинах, люди обкладывают эти места огнем, пеликан хочет загасить его крыльями, но только раздувает, опалает крылья и попадает в плен.

⁵⁶ Ср. Цицерон. О гадании. I.73 (по Филлисту): рой пчел в гриве лошади Дионисия предвещал ему тиранию.

⁵⁷ Считалось, что пчелы самозарождаются в трупах быков, — ср. знаменитый миф об Аристе (Вергилий. Георгики. IV.296—314).

наоборот, сон предвещает избавление от утеснителей, ибо корабль — это подобие нашего окружения. Плыть всегда легче на большом корабле и с тяжелым грузом, потому что маленькие суда даже при благополучном плавании означают добро, но связанное с опасностью.

Далее. Плыть по морю, и притом благополучно, — больше к добру, чем плыть по суше: плавание же по суше означает, что удача будет медленнее, труднее и вообще вряд ли сбудется. Зато попасть в бурю хуже, когда плывешь по морю, чем по суше. Если снится, что собрался плыть, но или нет сил, или кто-то тебе мешает, то это означает помехи и препятствия в начинаниях; точно так же, если плывешь по суше и тебе мешают деревья и скалы, то это означает препятствия и задержки. Зато видеть с суши корабли в плавание, и притом благополучно, — к добру для всех, означает дальние странствия, а для странствующих — возвращение, и часто это также предвещает вести из-за моря.

Корабли отчаливающие означают, что добро будет нескорое, потому что они только лишь пускаются в путь; корабли же причаливающие и входящие в гавань — скорое, потому что они уже достигли цели плавания. Гавани всегда означают друзей и благодетелей; пристани же, мысы и утесы — тех, кто нам делает добро не по охоте и кого мы любим не по охоте, а по неволе. Якорь означает все самое главное и надежное в делах ⁵⁸, но для странствия он помеха, потому что корабли бросают якорь, чтобы остановиться. Канаты же и причальные концы означают долги, наймы, сделки и аресты. Мачта означает главного корабельщика, корабельный бак — впередсмотрящего, вершина мачты — кормчего, снасти — моряков, таран — бочмана.

Если у корабля на причале какая-то часть погибнет, то соответственная часть погибнет и в плавании; если же корабль плывет, то это означает немалую опасность для этой части, когда нагрянет сильная буря. Откуда в корабль ударяет молния, оттуда буря и начнется. Я знал одного корабельщика, которому приснилось, что с корабля его пропали изваяния богов, и он в сильном страхе думал, что сон этот означает гибель, но все обернулось, напротив, к лучшему: он получил много прибыли и отдал займодавцам все долги по закладу — так что ему не пришлось ни с кем делить свой корабль.

Видеть море тихо вздымающимся и волнующимся к добру, ибо предвещает большие дела; безветрие же своей неподвижностью предвещает безработицу, а буря — тревогу и ущерб, которым она причиною.

24. Что значит сеять, делать насаждения и вспахивать, уже было сказано в разделе о ремеслах; теперь же я скажу об орудиях, связанных с земледелием.

Плуг к добру для брака, рождения детей и удач в делах; но сбудется такой сон нескоро, с задержками.

Ярмо к добру для всех, кроме рабов, которым оно препятствует в получении свободы; поэтому им благоприятнее видеть его поломанным, чем целым.

Серп есть знак лишения и ущерба, потому что все раздваивает и ничего не соединяет. Кроме того, это полугодие, потому что серп есть половина круга.

Топор есть знак раздора, войны и ущерба.

Секира и заступ означают женщину и женские занятия; первое по сво-

⁵⁸ «Якорь есть знак безопасности, а не остановки», — было сказано Селевку, у потомков которого якорь стал гербовым знаком (*Аппиан. Сирийские дела. 56; ср. Юстин. XV.4 о родимом пятне в форме якоря и пр.*).

ему имени ⁵⁹, второе — потому, что этими орудиями оруduющий движет по направлению к себе.

Сошник, вилы, посадочный кол и веялка означают ущерб и потери. Кроме того, сошник, как убеждают наблюдения, означает половой член сновидца и потому видеть его поврежденным или отсутствующим не к добру.

Упряжной ремень и двухконечная привязь к добру для всех, особенно же для товарищества и брака.

Корзины означают домашних рабов, а телеги — самую жизнь сновидца, потому что они состоят из многих частей и возят в разное время разные клади.

Снопы, копны, груды колосьев означают задержки и препятствия в делах, потому что зерно в них еще не годно в пищу.

Амбары, зерновые ямы и прочие зернохранилища означают жену, жизнь и имение сновидца, а поэтому нехорошо, когда они повреждены или рухнули.

Ограды, загоны, плетни, частоколы с канавами вокруг них означают для страшащихся безопасность, зато передвижениям и странствиям они неблагоприятны, так как означают задержку для тех, кто замкнут внутри. Но для всех остальных начинаний они означают помощников, пособников и заступников в делах.

Теперь я поведу речь о деревьях и растениях.

25. Маслина означает женщину, состязание и начальствование и волю; поэтому видеть ее цветущей, с глубокими корнями и с плодами зрелыми и спелыми всегда к добру. Сбор маслин к добру для всех, кроме рабов, а рабам сулит побои, потому что маслины с деревьев сбиваются ударами. Подбирать маслины с земли или выжимать их означает труды и тяготы.

Дуб означает человека богатого, ибо он питателен, и старика, ибо он долговечен, а также время — по той же причине.

Лавр означает женщину зажиточную, ибо он вечнозелен, и пригожую, ибо он красив: а также странствие, бегство и несбывшиеся ожидания, ибо таково сказание об этом дереве ⁶⁰. Для врачей и гадателей это знак их занятий — по связи с Аполлоном.

Кипарис означает терпение и промедление — потому что он такой высокий.

Сосна для корабельщиков и всех мореплавателей должна считаться тем же, что и корабль, потому что доски для него и смола и деготь делаются из этого дерева. Для всех остальных сосна, как дерево ветролюбивое, означает неприятности и бегство ⁶¹.

Гранатовое дерево, яблоня, груша, дикая груша и прочие деревья означают то же, что их плоды, о которых говорилось в разделе о пище.

Платаны, черные тополи, вязы, буки, ясени и подобные им деревья на пользу только тем, кто идет на войну и кто плотничает: одни из такого дерева делают оружие, другие кормятся работой по ним. Всем же остальным они предвещают нужду и бедность, потому что бесплодны. Только белый тополь хорош для атлетов благодаря Гераклу ⁶².

⁵⁹ По-видимому, игра слов: γένος — «острие», γυνή — «женщина». «Секира» было прозвищем знаменитой гетеры Лаиды (*Элиан. Пестрые рассказы. XII.5*).

⁶⁰ Миф об Аполлоне и Дафне, превращенной в лавр.

⁶¹ Ср. Геопоника. XI.10: возлюбленная бога Борея предпочла ему Пана и бежала от него, Борей порывом сбросил ее со скалы, и она превратилась в сосну, шумящую, когда налетает Борей.

⁶² Белый тополь был посвящен Гераклу (*Федр. III.17; Плиний Старший. XII.3*), на олимпийских жертвоприношениях Зевсу, учрежденных Гераклом, жертвы сжигались на поленьях из белого тополя.

Самшит, мирт и олеандр означают распутных и непорядочных женщин, а для приступающих к делу — обман, а для больных — поправление и доброе здоровье; для всех же остальных это знаки тщетного труда.

Об остальных деревьях следует судить по образцу вышеназванных, всякий раз по сопоставлению с исходом сна: ведь снотолкование и есть не что иное, как сопоставление подобного. Следует также помнить, что деревья хорошего значения к добру, когда они в цвету или в плодах, и наоборот — когда они иссохли, повалились, поражены молнией или пожжены иным образом. Деревья же дурного значения, когда они иссохли и погибают, снятся к более благоприятному исходу.

Вслед за крестьянским делом уместно добавить и об удобрении.

26. Навоз коровий, конский и всякий иной, кроме человеческого, к добру только для крестьян, для всех же остальных предвещает огорчения, ущерб, а если запачкаться, то и болезнь. К пользе и выгоде он, как замечено, только для тех, кто промышляет грязной работой.

Навоз человеческий в больших количествах означает многие и разнообразные неприятности. А именно, если он приснится на улице, площади или в ином общественном месте, то запрещает сновидцу этим местом пользоваться и иногда даже просто выходить из дома: кто этим пренебрегал, тот, случалось, наживал много неприятностей на свою голову. Запачкаться человеческими нечистотами, откуда-нибудь текущими, тоже нехорошо. Впрочем я знал человека, которому приснилось, что его богатый друг и товарищ дел испражняется ему на голову; и оказалось, что он означен в его завещании и получил наследство. Но другому человеку приснилось, что ему испражняется на голову его знакомец-бедняк; и ему после этого приключился великий убыток и срам. В самом деле, естественно было, что человек зажиточный даст сновидцу от своего добра, а человек убогий, которому нечего дать, выразит этим сновидцу лишь презрение и срам.

Если кому приснится, будто он облегчается себе же под ноги, то он сам себе станет причиной бед и вдобавок захворает. Облегчаться в постели тоже не к добру: это сулит долгую болезнь, потому что так поступают те, кто не в силах встать и уже при смерти. Часто сон означает также разрыв с женой или любовницей через осквернение ложа. Облегчаться на пол в своем доме означает не жить больше в этом доме, потому что в местах оскверненных люди не живут. Но всегда страшнее и опаснее облегчаться в божьем храме, на площади, на улице или в бане: это предвещает божий гнев, великий срам и немалый убыток, а вдобавок — что тайное станет явным и что сновидца будут ненавидеть. Облегчаться же на стульчаке или над ямой и притом в больших количествах — для всех к добру, потому что означает освобождение от забот и всякой тягости: ведь и телу после испражнения бывает легче. К добру это и для отправления в странствие и для возвращения из странствий, как видно из самого названия «отхожее место». По моим же наблюдениям, облегчаться на морском берегу, на дороге, на пашне, в реке и в пруду тоже к добру и означает то же, что и облегчаться над ямой и это понятно и правильно, потому что места эти от осквернения не страдают, а испражняющемуся дают возможность облегчиться без всякого стыда.

Далее речь пойдет о реках, источниках, прудах и колодцах.

27. Реки чистые, прозрачные и спокойно текущие к добру для рабов, для тех, кто под судом, и для отправляющихся в путешествие: они подобны хозяевам и судьям, так как делают, что им угодно, безнаказанно и по своему усмотрению, так как вода в них не стоит, а течет. Если же вода в них мутная и взволнованная, то это сулит недовольство хозяев и судей, а также препятствия к путешествию.

Если река смывает и уносит добро сновидца, это означает убыток со всех сторон; если же они захватывают и самого сновидца, а тем более — уносят его в море, то убыток еще больше и сопряжен с опасностью. Не к добру также, когда стоишь в реке, кругом плещет вода, а выйти не можешь: по такому сну не одолеешь неприятностей, даже если ты храбрый человек.

Реки бурно текущие означают неразумных судей, несносных хозяев и давку в толпе, потому что они шумливы и насильничают. Но переправляться через такие реки — к добру, особенно вброд, а не вброд, так вплавь. Если же не можешь переправиться и решаешь повернуться и пойти прочь, то это значит, что лучше сейчас не судиться, с хозяином не связываться и избегать толпы. Плыть во сне по реке или пруду означает крайнюю опасность: ведь как рыба на суше, так и человек страдает в воде. Впрочем, когда плывешь, то лучше уж всегда доплыть до берега, чем быть разбуженным среди плавания.

Река, втекающая в дом, если она чистая, предвещает приход богатого гостя на пользу всем обитателям; если же она неспокойная и мутная, а тем более если портит что-нибудь из домашнего добра, то это означает вражеское насилие, от которого великий вред и дому и обитателям. А река, вытекающая из дома, для человека богатого и сильного предвещает пользу — он будет управлять городом, в честолюбии своем будет тратить на общественные нужды, и многие бедные и нуждающиеся будут сходиться в его дом, потому что без реки никто жить не может. Для человека же бедного это означает — пойдет молва о его жене, сыне или еще о ком-нибудь из домашних, срамная и блудная. Если в дом втекает иная какая-нибудь вода, то мутная предвещает дому пожар, а чистая — доходы и приобретения.

Колодец видеть в доме или в поле, где его раньше не было, — к добру: это означает умножение имущества, а для человека холостого и бездетного — жену и детей: потому что в колодцах живут нимфы⁶³ и колодец, как женщина, доставляет живущим в нем все необходимое. Весьма хорошо также видеть, что колодец переполнен водой до краев, однако же не через край, потому что вода, переливающаяся через край колодца, означает, что все добро, и жена, и дети хоть и явятся, но лишь ненадолго; то же самое значит, если из колодца черпают чужие люди.

Пруд, когда он большой, означает все то же, что и река, кроме лишь путешествия: путешествию этот сон препятствует, потому что вода в пруду не течет, а все время стоит на месте. А пруд небольшой и вовсе маленький означает женщину, богатую и склонную к любовным утехам, потому что всех, кто хочет в него войти, он принимает без препятствия.

Источники, ключи и родники, переполненные чистой водой, равно к добру для всех, более же всего для больных и нуждающихся: одним они предвещают выздоровление, а другим благосостояние, потому что ничего нет питательнее воды. Источники же безводные и пересохшие означают для всех противоположное.

28. Заливные луга на пользу одним лишь пастухам, для остальных же они означают безработицу, а для путников препятствия, потому что луга эти бездорожны.

Горы, ущелья, теснины, лощины и леса означают для всех беспокойство, страх, тревогу и расстройство в делах, для рабов и преступников — пытки и бичевания, а для людей богатых — убыток, потому что в таких

⁶³ Игра слов: *νύμφη* в значении «нимфа» и в значении «невеста».

местах всегда бывают поломки и потери. Такие места всегда лучше преодолеть, найти через них дорогу и выбраться на ровное место, чем проснуться, пока ты там находишься.

Дороги, по которым ходишь во сне, предвещают подобную им жизнь в будущем. Дороги ровные, гладкие и лежащие по низменным местам предвещают легкий успех в делах; гладкие, но в гору — означают, что задуманное достигнется лишь нескоро и не без хлопот; под гору — не ж добру ни для кого, кроме уstraшенных и беглецов, которым они сулят быстрее скрыться; узкие же с несомненностью означают неприятности.

29. Суды, судьи, судейские и законники предвещают всем тревоги, неприятности, безуспешные затраты и выявление скрытого. Для больных они предвещают день кризиса; и если на суде они выиграли дело, то они выздоровеют, а если проиграли, то умрут. Если у человека и в самом деле тяжба, и он увидит себя на судейском месте, то он не проиграет, потому что судья выносит приговор не себе, а другим. Для всех, у кого и в самом деле тяжба, врачи во сне означают защитников в суде.

(Продолжение следует)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
 МАР — Материалы по археологии России
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 НЭ — Нумизматика и эпиграфика
 САИ — Свод археологических источников
 СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
 ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
 AAASH — Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae
 AJA — American Journal of Archaeology
 AM — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
 ANRW — Aufstieg und Niedergang der römischen Welt
 ARCH. Korr. — Archäologisches Korrespondenzblatt
 ARCH. Mitt. Iran. — Archäologische Mitteilungen. Iranische Abteilung DAI
 ARI — Assyrian royal inscriptions. New horizons in literary, ideological and historical analysis. Papers of a symposium held in Cetona (Siena), June 26—28 1980. Rome, 1981
 ASAE — Annales du Service des antiquités de l'Égypte. Le Caire
 BA — Biblical Archaeologist
 BAR — British Archaeological Reports
 BASOR — Bulletin of the American School of Oriental Research
 BCH — Bulletin de correspondance hellénique
 Ber. RGK — Bericht der Römisch-Germanischen Kommission
 BJRL — Bulletin of the John Rylands Library
 BT — *Helck W.* Biographische Texte der 18. Dynastie. Wiesbaden, 1983
 CdÉ — Chronique d'Égypte
 CHJ — The Cambridge History of Judaism. I. Cambridge, 1984
 EAZ — Etnographisch-archäologische Zeitschrift. Berlin
 EW — East and West
 HHal — History, Historiography and Interpretation. Jerusalem, 1983 [Hieroglyphic Texts, I — Hieroglyphic texts from Egyptian stelae in the British Museum. Pt. I. London, 1911
 Hieroglyphic Texts, VIII — British Museum. Hieroglyphic texts from Egyptian stelae etc. Pt. VIII. Ed. I. E. S. Edwards. London, 1939
 IEJ — Israel Exploration Journal
 IG — Inscriptiones Graecae
 IJH — Israelite and Judaeon History. London, 1977
 IOSPE — *B. Latyshev.* Inscriptiones Antiquae, Graecae et Latinae, Orae Septentrionalis Ponti Euxini
 Ir. An. — Iranica Antiqua
 JA — Journal Asiatique
 JARCE — Journal of the American research center in Egypt. Boston
 JBL — Journal of Biblical Literature
 JdI — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts
 JEA — Journal of Egyptian Archaeology
 JNES — Journal of Near Eastern Studies
 JRGZM — Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, Mainz
 JSOR — Journal of South Oriental Studies
 JSOT — Journal for the Study of the Old Testament
 LA — Lexicon der Ägyptologie. Bd I—V. Wiesbaden, 1975—1984
 L'égyptologie — L'égyptologie en 1979: axes prioritaires de recherches. T. I—II. Paris, 1982

- MDAIK — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Abteilung Kairo. Wiesbaden
- Mem. miss.— Mémoires publiés par les membres de la Mission archéologique française au Caire. Paris
- MIO — Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Mitteilungen des Instituts für Orientforschung
- Mon. Piot — Monuments et mémoires. Fondation E. Piot
- OBS — *E. A. Speiser*. Oriental and Biblical Studies. Philadelphia, 1967
- OLP — Orientalia Lovaniensia Periodica
- OLZ — Orientalistische Literaturzeitung
- Pap — Power and Propaganda. A symposium on ancient empires. Ed. M. T. Larsen. Copenhagen, 1979. (Mesopotamia. Copenhagen studies in assyriology, v. 7)
- PEQ — Palestine Exploration Quarterly
- Piehl. Inscr.— *K. Piehl*. Inscriptions hiéroglyphiques recueillis en Europe et en Egypte. Lpz, 1886—1903
- PSBA — Proceedings of the Society of Biblical archaeology. Bloomsbury, W. C.
- RA — Revue d'archéologie
- RdÉ — Revue d'égyptologie
- Rec. trav.— Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes
- Redford. Akhenaten — *D. B. Redford*. Akhenaten, the heretic king. Princeton, 1984
- Rev. d'Ass.— Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale
- RTA — *N. de G. Davies*. Rock tombs of El Amarna. V. I—V. London, 1903—1908
- SAK — Studien zur altägyptischen Kultur. Hamburg
- TaI — Tradition and Interpretation. Oxford, 1979
- Urk. IV — *K. Sethe*. Urkunden der XVIII. Dynastie. Bd 1—4. Lpz, 1906—1909; *W. Helck*. Urkunden der 18. Dynastie. Hefte 17—22. Berlin, 1955—1958; Übersetzung zu den Heften 17—22. Bearbeitet und übersetzt von W. Helck. Berlin, 1961; Urkunden der 18. Dynastie. Übersetzung zu den Heften 5—16. Hrsg. von E. Blumenthal. I. Müller, W.-F. Reineke. Berlin, 1984
- VT — Vetus Testamentum
- Wb.— *A. Erman, H. Grapow*. Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Bd 1—7. Berlin — Leipzig, 1926—1963; Die Belegstellen. Bd. 1—5. Berlin — Leipzig, 1953—1955
- WZKM — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes
- ZÄS — Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde
- ZAW — Zeitschrift für die alt testamentliche Wissenschaft
- ZDPV — Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins. Leipzig

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Функ Бернд</i> (Берлин) — Ранние связи греков с державой Ахеменидов в свете древнеперсидских и античных источников.	3
<i>Коптев А. В.</i> (Вологда) — «Свобода» и «рабство» колонов в Поздней Римской империи.	24
<i>Муравьев С. Н.</i> (Москва) — <i>Traditio Hetracitea</i> (A). Свод древних источников о Гераклите.	41

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Богословский Е. С.</i> (Ленинград) — Статуэтка дворцового служителя времени Тутанхамуна (<i>Stat. Louvre I 852</i>).	70
<i>Соломоник Э. И.</i> (Симферополь), <i>Николаенко Г. М.</i> (Севастополь) — О земельных участках Херсонеса в начале III в. до н. э. (<i>K IOSPE. I². 403</i>).	79
<i>Внуков С. Ю.</i> , <i>Коваленко С. А.</i> , <i>Трейстер М. Ю.</i> (Москва) — Гипсовые слепки из Кара-Тобе.	100

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ АНТИЧНОГО ГОСУДАРСТВА

<i>Большаков А. О.</i> (Ленинград) — Определение государства требует уточнения	120
<i>Егоров А. Б.</i> (Ленинград) — Борьба патрициев и плебеев и Римское государство	121
<i>Ким С. Р.</i> (Москва) — Виды антагонизмов в древнеримском обществе.	125
<i>Гофанов Л. Л.</i> (Москва) — К вопросу о времени возникновения государства в Риме.	127
<i>Чернышов Ю. Г.</i> (Барнаул) — Раннеримское государство или «безгосударственная община граждан»?	131

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Дейнека Т. А.</i> (Москва) — Идеологическое обоснование внешней политики Египта в XVI—XIV вв. до н. э.	135
<i>Буркерт Вальтер</i> (Цюрих) — Аполлон Дидим и Ольвия.	155

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

<i>Сарианиди В. И.</i> (Москва) — Сельский храм Тоголок-1 в Маргиане.	161
<i>Бауэр Г. М.</i> , <i>Акопян А. М.</i> (Москва), <i>Лундин А. Г.</i> (Ленинград) — Новые эпиграфические памятники из Хадрамаута.	168
<i>Инверницци Антонио</i> (Турин) — Селевкия-на-Тигре, греческая метрополия в Азии.	174
<i>Кормышева Э. Е.</i> (Москва) — Новые археологические открытия в Египте (1985—1987 гг.).	186

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Ростовцев М. И.</i> , Иранский конный бог и Юг России.	192
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Павловская А. И.</i> (Москва) — И. Ф. Фихман. Введение в документальную папирологию. М., 1987.	201
<i>Сапрыкин С. Ю.</i> (Москва) — M c G i n g B. The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden, 1986.	204
<i>Виноградов Ю. Г.</i> (Москва) — M. T a c h e v a - H i t o v a. Eastern Cults in Moesia Inferior and Thracia (5th century B. C.—4th century A. D.). Etudes préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain. V. 95. Leiden, 1983.	210
<i>Массон В. М.</i> (Ленинград) — B. K. T h a p a r. Recent Archaeological Discoveries in India. Tokyo, 1985.	212

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

<i>Тиссо Франсин</i> (Париж) — Афганское и гандхарское искусство в Музее Гиме в Париже.	216
---	-----

PERSONALIA

К 70-летию Александра Иосифовича Немировского.	223
К 70-летию Виктора Ноевича Ярхо.	224

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Головина В. А.</i> (Москва) — «Древнейшая металлургия Старого Света». Советско-американский симпозиум по археологии (Тбилиси — Сигнахи, 28 сентября — 5 октября 1988 г.)	225
<u>Глеб Михайлович Бауэр</u> (1925—1989)	233

ПРИЛОЖЕНИЕ

Артемидор Далдианский. Сонник. Книга II. Перевод с древнегреческого <i>И. А. Левинской</i> и <i>М. Л. Гаспарова</i> под общей редакцией <i>Я. М. Боровского</i>	234
---	-----

C O N T E N T S

<i>Bernd Funk</i> (Berlin) — Early Relations between Greeks and the Empire of the Achaemenians in the Light of Old Persian and Classical Sources	3
<i>A. V. Koptev</i> (Vologda) — The «Freedom» and «Slavery» of coloni in the Late Roman Empire	24
<i>S. N. Mouraviev</i> (Moscow) — Traditio Heraclitea (A). Corpus fontium veterum de Heraclito	41

PUBLICATIONS

<i>Ye. S. Bogoslovsky</i> (Leningrad) — Statuette of a Court Attendant of the Time of Tutankhamun (<i>Stat. Louvre I 852</i>)	70
<i>E. I. Solomonik</i> (Simferopol), <i>G. M. Nikolaenko</i> (Sevastopol) — The Land Plots of Chersonesos in the Early Third Century B. C. (ad <i>IOSPE. I². 403</i>)	79
<i>S. Yu. Vnukov</i> , <i>S. A. Kovalenko</i> , <i>M. Yu. Treister</i> (Moscow) — Plaster Casts from Kara-Tobe	100

DISCUSSION

The Classical World. The Rise of the State

<i>A. O. Bolshakov</i> (Leningrad) — The Definition of «State» needs specification . .	120
<i>A. B. Yegorov</i> (Leningrad) — The Struggle between Patricians and Plebs and the Roman State	121
<i>S. R. Kim</i> (Moscow) — Types of Antagonisms in Roman Society	125
<i>L. L. Kofanov</i> (Moscow) — Towards the Time of Rise of the State in Rome . . .	127
<i>Yu. G. Chernyshev</i> (Barnaul) — Early Roman State or «Stateless community of Citizens»	131

REPORTS AND COMMUNICATIONS

<i>T. A. Deineka</i> (Moscow) — The Ideological Foundations of Egypt's Foreign Policy in the Period between XVI and XIV Centuries B. C.	135
<i>Walter Burkert</i> (Zurich) — Apollo of Didyma and Olbia	155

ANCIENT CIVILIZATIONS: NEW DISCOVERIES

<i>V. I. Sarianidi</i> (Moscow) — Rural Temple of Togolok-I in Margiana	161
<u>G. M. Bauer</u> , <i>A. M. Akopyan</i> (Moscow), <i>A. G. Lundin</i> (Leningrad) — New Epigraphical Finds from Hadramauth	168
<i>Antonio Invernizzi</i> (Turin) — Seleucia-on-the-Tigris, a Greek Metropolis in Asia . .	174
<i>E. Ye. Kormysheva</i> (Moscow) — New Archaeological Discoveries in Egypt (1985—1987)	186

PAGES OF HISTORIOGRAPHY

<i>M. I. Rostovtseff</i> . The Iranian Equestrian God and the South of Russia	192
	255

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

<i>A. I. Pavlovskaya</i> (Moscow) — I. F. F i k h m a n. Vvedenie v dokumentalnuyu papirologiyu. M., 1987	201
<i>S. Yu. Saprykin</i> (Moscow) — M c G i n g B. The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden, 1986.	204
<i>Yu. G. Vinogradov</i> (Moscow) — M. T a c h e v a-H i t o v a. Eastern Cults in Moesia Inferior and Thracia (5th century B. C.—4th century A. D.). (Etudes préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain. V. 95. Leiden, 1983	210
<i>V. M. Masson</i> (Leningrad) — B. K. T h a p a r. Recent Archaeological Discoveries in India. Tokyo, 1985	212

IN WORLD MUSEUMS

<i>Francine Tissot</i> (Paris) — The Gandharan and Afghan Collections of Musée Guimet in Paris	216
--	-----

PERSONALIA

The 70-th Birthday of A. I. Nemirovsky	223
The 70-th Birthday of V. N. Yarkho	224

SCIENTIFIC EVENTS

<i>V. A. Golovina</i> (Moscow) — «The Early Metallurgy of the Old World». Soviet-American Symposium on Archaeology (Tbilisi — Signakhi, September 28 — October 5, 1988)	225
<u>G. M. Bauer</u> (1925—1989)	233

SUPPLEMENT

<i>Artemidorus</i> . Oneirocritica. Book II. Translated by <i>M. L. Gasparov</i> and <i>I. A. Levinskaya</i> . Ed. by <i>Ya. M. Borovsky</i>	234
--	-----

Технический редактор *Н. П. Торчигина*

Сдано в набор 20.02.90	Подписано к печати 25.05.90	Формат 70×100 ^{1/16}
Высокая печать	Усл. печ. л. 20,8+2 вкл. Усл. кр.-отт. 222,4 тыс. Уч.-изд. л. 24,9 Бум. л. 8,0	
Тираж 10 530 экз.	Зак. 4073	Цена 2 р. 50 к.

Адрес редакции: 117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, комн. 237

Институт всеобщей истории АН СССР. Тел. 126-94-37

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6